ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Журнал издается с 2006 года **№ 35/2016**
Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-40132 от 11.06.2010 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель, издатель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Кемеровский государственный институт культуры»

Адрес учредителя, издателя
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Главный редактор
Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук, профессор
Зам. главного редактора
А. В. Шунков, доктор филологических наук, доцент
Ответственный секретарь
Л. Ю. Егле, кандидат культурологии, доцент,
Технический редактор
О. В. Устимова

Редактор *Н. Ю. Мальцева*

Перевод *А. А. Щербинин,*
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
http://vestnik.kemguki.ru/

ISSN 2078-1768

© ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры», 2016

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS

JOURNAL OF THEORETICAL AND APPLIED RESEARCH

Journal is published since 2006 **№ 35/2016**
Published quarterly

The Mass Media Registration Certificate ПИ No. ФС77-40132 of 11.06.2010 by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

Founder, publisher
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education (FSFEI HE) «Kemerovo State University of Culture»

The address of the founder, publisher
Kemerovo region, 650056, Kemerovo, Voroshilov Str., 17.
Tel .: (3842) 73-30-64. Fax: (3842) 73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

EDITORIAL BOARD
Editor-in-Chief
E. L. Kudrina, Dr of Pedagogical Sciences, Professor
Assistant Chief Editor
A. V. Shunkov, Dr of Philological Sciences, Associate Professor
Administrative Secretary
L. Yu. Egle, PhD in Culturology, Associate Professor,
Technical editor
O. V. Ustimova

Editor *N. Yu. Maltseva*

Translation *A. A. Sherbinin,*
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeyev*

Address of the Publisher:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo, Voroshilov Str., 17.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
http://vestnik.kemguki.ru/

ISSN 2078-1768

© FSFEI HE «Kemerovo State University of Culture», 2016

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин Константин Константинович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Члены совета:

Ариарский Марк Ариевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации, вице-президент Ассоциации работников музеев России, директор Научно-образовательного центра педагогической культурологии (г. Санкт-Петербург, РФ).

Астафьева Ольга Николаевна, доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Международного института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Белозерова Марина Витальевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Бородин Борис Борисович, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой теории, истории музыки и музыкальных инструментов, Уральский государственный педагогический университет, профессор кафедры фортепиано, Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского, член Союза композиторов Российской Федерации (г. Екатеринбург, РФ).

Быховская Ирина Марковна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (г. Москва, РФ).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Departman of the Editorial Council:

Kolin Konstantin Konstantinovich, Dr of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Current Member of International Academy of Sciences (Austria), Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Higher Education, Senior Research Fellow of Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Members of the Editorial Council:

Ariarsky Mark Arievich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Sociocultural Activities, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation, Vice-President of Association of Museum Staff of Russia, Director of Research and Education Center of Pedagogical Culturology (St. Petersburg, Russian Federation).

Astafieva Olga Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Deputy Head of UNESCO Department of International Institute of State Service and Administration, Russian Academy of National Economy and State Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Belozerova Marina Vitalievna, Dr of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at Laboratory of Ethno-Social Problems of Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Borodin Boris Borisovich, Dr of Art History, Professor, Head of Department of Theory and History of Music and Musical Instruments, Ural State Pedagogical University, Professor of Department of Piano, M. P. Musorgsky Ural State Conservatory, Member of the Composers' Union of Russian Federation (Yekaterinburg, Russian Federation).

Bykhovskaya Irina Markovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Culturology, Sociocultural Anthropology and Social Communications, Russian State University of Physical Culture, Sport, Youth and Tourism (Moscow, Russian Federation)

Wlodarczyk Edward, Dr of Historical Sciences, Professor, Rector of Szczecin University (Szczecin, Poland).

Волк Павел Леонидович, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой музыкального и художественного образования, Томский государственный педагогический университет, начальник Департамента по культуре и туризму Томской области (г. Томск, РФ).

Гавров Сергей Назипович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной антропологии, Московский государственный университет дизайна и технологии (г. Москва, РФ).

Генова Нина Михайловна, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой управления и ресурсного обеспечения социально-культурной деятельности, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, член-корреспондент Академии менеджмента в образовании и культуре, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Омск, РФ).

Демин Вадим Петрович, доктор искусствоведения, профессор, академик РАО, заведующий отделом дополнительного образования Института художественного образования Российской академии образования (г. Москва, РФ).

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, РФ).

Игумнова Наталия Петровна, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской национальной библиотеки, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Иконникова Светлана Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы (г. Санкт-Петербург, РФ).

Кинелев Владимир Георгиевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии», Российский новый университет, академик Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Volk Pavel Leonidovich, Dr of Culturology, Professor, Head of Department of Musical and Art Education, Tomsk State Pedagogical University, Head of Department of Culture and Tourism of Tomsk Region (Tomsk, Russian Federation).

Gavrov Sergei Nazipovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of Sociology and Social Anthropology, Moscow State University of Design and Technology (Moscow, Russian Federation).

Genova Nina Mikhailovna, Dr of Culturology, Professor, Head of Department of Management and Resource Support for Sociocultural Activities, F. M. Dostoevsky Omsk State University, Corresponding Member of Management in Education and Culture Academy, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation).

Demin Vadim Petrovich, Dr of Art History, Professor, Academician of RAE, Head of Department for Additional Education of Art Education Institute of the RAE (Moscow, Russian Federation).

Donskikh Oleg Albertovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

Igumnova Natalia Petrovna, Dr of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of Russian National Library, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ikonnikova Svetlana Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Culture, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, of International Academy of Informatization, of International Academy of Higher Education (St. Petersburg, Russian Federation).

Kinelev Vladimir Georgievich, Dr of Technical Sciences, Professor, Head of UNESCO Department of Knowledge Society and New Information Technology, Russian New University, Academician of the RAS (Moscow, Russian Federation).

Литерска Барбара, доктор гуманитарных наук в области искусствоведения, профессор института музыки факультета искусств, Зеленогурский университет (г. Зелена Гура, Польша).

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор кафедры социологии, директор Института фундаментальных и прикладных исследований, проректор по научной и издательской работе, Московский гуманитарный университет, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования, академик Международной академии наук (Австрия), Международной академии наук педагогического образования (г. Москва, РФ).

Мазур Петр, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Высшая государственная профессиональная школа (г. Хелм, Польша).

Москалюк Марина Валентиновна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры музыкально-художественного образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (г. Красноярск, РФ).

Разлогов Кирилл Эмильевич, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры киноведения, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член научного совета РАН по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель комиссии научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь Национальной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва, РФ).

Садовой Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Светлова Ольга Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры истории музыки, проректор по научной и творческой работе, Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ).

Literska Barbara, Dr of Humanitarian Sciences in Art History, Professor of Arts Faculty, Institute of Music, University of Zielona Góra (Zielona Góra, Poland).

Lukov Valery Andreevich, Dr of Philosophical Sciences, Professor of Department of Sociology, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research, Vice-Rector for Science and Publishing, Moscow Humanitarian University, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education, Academician of International Academy of Sciences (Austria), of International Academy of Sciences Teacher Education (Moscow, Russian Federation).

Mazur Piotr, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy, Higher State Professional School in Chelm (Chelm, Poland).

Moskaliuk Marina Valentinovna, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Department of Music and Art Education, V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Razlogov Kirill Emilievich, Dr of Art History, Professor, Professor of Department of Cinematology, S. A. Gerasimov All-Russian State University of Cinematography, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of Brazilian Academy of Philosophy, Member of Scientific Council of Russian Academy of Sciences on Complex Problem “History of World Culture”, Head of the Commission of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Academician-Secretary of National Academy of Cinematographic Arts and Sciences of Russia (Moscow, Russian Federation).

Sadovoi Aleksandr Nikolaevich, Dr of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Ethnosocial Problems, Sochi Research Center of Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Svetlova Olga Aleksandrovna, PhD of Art History, Associate Professor, Associate Professor of Department of Music History, Vice-Rector for Scientific and Creative Work, Novosibirsk State Glinka Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation).

Смолянинова Ольга Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования, директор Института педагогики, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет, член-корреспондент РАО (г. Красноярск, РФ).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, Даляньский университет иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва, РФ), лауреат премий Фулбрайта и имени М. В. Ломоносова, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Урсул Аркадий Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор факультета глобальных процессов, руководитель Центра глобальных исследований, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития) (г. Москва, РФ).

Ужанков Александр Николаевич, доктор филологических наук, кандидат культурологии, профессор (г. Москва, РФ).

Хандке Ришард, доктор искусствоведения, профессор, ректор Академии искусств (г. Щецин, Польша).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель секции информационной грамотности ИФЛА, директор Исследовательского центра Университета Веракруза (г. Халапа, Мексика).

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

Smolyaninova Olga Georgievna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Information Technology Study and Continuing Education, Director of Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology, Siberian Federal University, Corresponding Member of the RAE (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Sun Yuhua, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova Svetlana Grigorievna, Dr of Philological Sciences, Professor, Head of Department of Theory of Teaching the Foreign Languages, President of Foreign Languages and Regional Study Faculty, M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Winner of Fulbright and Lomonosov Awards, Honorary Doctor of University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Ursul Arkady Dmitrievich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Faculty of Global Processes, Head of the Center for Global Studies, M. V. Lomonosov Moscow State University, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, President of International Academy of Noosphere (Sustainable Development) (Moscow, Russian Federation).

Uzhankov Alexander Nikolaevich, Dr of Philology Sciences, PhD in Culturology, Professor (Moscow, Russian Federation).

Handke Ryszard, Dr of Art History, Professor, Rector of Academy of Arts (Szczecin, Poland).

Jesús Lau, Dr of Philosophy, Professor, Head of IFLA Section of Information Literacy, Director of Research Center, University of Veracruz (Xalapa, Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Культурология»

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры, академик РАЕН, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово, РФ).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Москва, РФ).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Казаков Евгений Федорович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ).

Лесовиченко Андрей Михайлович, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой народной художественной культуры и музыкального образования, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ).

Раздел «Искусствоведение»

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры культуры и искусства речи, заведующая лабораторией теоретических

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Culturology

Martynov Anatoly Ivanovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture, Academician of RANS, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Minenko Gennady Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher Research Centre Russian, State University Justice Ministry of Justice (RPA Russian Ministry of Justice), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science (Moscow, Russian Federation).

Markov Viktor Ivanovich, Dr of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Kazakov Evgeny Fedorovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

Lesovichenko Andrei Mikhailovich, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Head of Department of Folk Art, Culture and Music Education, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

Section of Art History

Prokopova Natalia Leonidovna, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor in Department of Culture and Art of Speech, Head of Laboratory of Theoretical and

и методических проблем искусствоведения, директор института театра, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства, Алтайский государственный университет, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Барнаул, РФ).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой музыкознания и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Российской академии естествознания, член Союза композиторов Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Синельникова Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой оркестрово-инструментального исполнительства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Раздел «Педагогические науки»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии автоматизированной обработки информации, директор НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный институт культуры, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности (г. Кемерово, РФ).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный институт культуры, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово, РФ).

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, и. о. проректора по научной и творческой деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Methodological Problems of Art History, Director of Institute of Theatre, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Dr of Art History, Professor, Head of Department of History of Native and Foreign Art, Altai State University, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences (Barnaul, Russian Federation).

Umnova Irina Gennadievna, Dr of Art History, Professor, Head of Department of Musicology and Musical Arts, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Composers' Union of Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Sinelnikova Olga Vladimirovna, Dr of Art History, Associate Professor, Head of Department of Orchestral, Instrumental Performance, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Section of Pedagogical Sciencies

Gendina Natalia Ivanovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Technology of Automated Information Processing, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture, Academician of IAS HS, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on Development of Indicators of Media and Information Literacy (Kemerovo, Russian Federation).

Pilko Irina Semyonovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Documentary Communications Technologies, Kemerovo State University of Culture, Member of Council of the Russian Library Association (Kemerovo, Russian Federation).

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Directing Theatrical Performances and Festivals, Acting Vice-rector for Scientific Research and Creative Activities, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры (г. Москва, РФ).

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, директор института дополнительного профессионального образования, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Костюк Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии, директор НИИ межкультурной коммуникации и социально-культурных технологий, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Раздел «Научная жизнь»

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музыкознания и музыкально-прикладного искусства, начальник научного управления, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Sociocultural Activity, Moscow State University of Culture (Moscow, Russian Federation).

Zaruba Natalia Andreyevna, Dr of Sociological Sciences, PhD in Pedagogy, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honorary Teacher of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Panina Tatiana Semyonovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of State and Municipal Management, Director of Institute for Continuing Professional Education, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Honorary Teacher of the Russian Federation, Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Kostiuk Natalia Vasilievna, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Director of R&D Institute of Intercultural Communication and Sociocultural Technologies, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Section of Scientific Life

Egle Ludmila Yurievna, PhD in Culturology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Musicology and Musical Arts, Head of Scientific Department, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Балабанов П. И., Зауэрвайн Л. Т. О методологических особенностях культурологического исследования..... 13

Пэн Вэньчжао Теория функций культуры и методология интерпретации текста..... 18

Бубенкова М. В. Интертекстуальность в смысловом пространстве драматургии театрализованных форм..... 27

Казаков Е. Ф. Душа человека XVII–XVIII веков (на материале европейского искусства)..... 34

Морозов Н. М. Ментальность кузнецких крестьян (конец XVIII – первая половина XIX века). Статья II. Установки в семейной жизни..... 43

Посконная Ж. В. Традиционное мировоззрение алтайцев: культ огня и феномен жизни..... 49

Намсараева Т. Ц-Е. Китайско-русские метисы Трехречья АРВМ (КНР): культурная идентичность и культурное наследие..... 59

Целищева М. А. Современные тенденции формирования «музейного ландшафта» в Республике Тайвань..... 64

Ковешникова Е. А. Формирование археологического и палеонтологического туризма в Кемеровской области..... 73

Труевцева О. Н. Императорское русское географическое общество как основатель сибирских музеев..... 79

Макарчук С. В. Вопросы социальной и культурной политики в распорядительной документации КОМУЧа..... 83

Лазарев М. П. Сравнительный анализ естественных и социальных предпосылок существования животных и человеческих форм коллективного сожительства..... 91

Тихонова М. С. Провинциальная салонная культура Казани конца XVIII – первой половины XIX века..... 97

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Кириченко О. Д. Фактурно-технологические типы немецкой теноровой песни XV–XVI веков..... 102

Горбачева Ю. С. Особенности стиховой организации чалканского шаманского текста (на примере обряда ловли души)..... 108

Чепеленко К. О. Композитор в пространстве автокоммуникациии..... 116

Губайдуллин Ф. Ф., Рахимов Р. Г. Селькупские фоноинструменты в партитуре народного оркестра..... 122

Портнова И. В. Специфика и значение научных анималистических изображений в отечественном искусстве первой половины XX века..... 128

Казакова Н. Ю. Парадигма развития гейм-дизайна как вида проектной деятельности на основании этапов развития аппаратной части..... 134

Казакова Н. Ю. Основные принципы разработки персонажа в рамках гейм-дизайна..... 146

Смекалов И. В. Николай Лапин. От Оренбургских Государственных свободных художественных мастерских до Высших художественно-технических мастерских..... 158

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Буцык С. В. От институтов культуры до институтов культуры: историко-педагогический анализ..... 166

Науменко Е. Е. К вопросу об адаптации «Проекта 5–100» к российской образовательной системе..... 176

Науменко Е. А. Психолого-педагогическая проекция веротерпимости студенческой молодежи..... 183

Нижельской В. А. Пластическое воспитание будущих актеров как фактор культурного преобразования физических действий в семиотический текст..... 189

Сумро Н. А. Востребованность библиотечно-информационных специалистов на рынке труда Самарской области..... 194

Ерёмин В. В. Организационно-содержательная структура учебника по иностранному языку для студентов неязыковых направлений подготовки..... 200

Любушкина Е. С., Пушкарева И. А. Историко-педагогический анализ проблемы развития познавательной самостоятельности студентов вуза в отечественной и зарубежной литературе..... 207

Емелина Т. В., Касаткина Н. Э. Эстетическое воспитание школьников в педагогической теории и практике..... 217

Шевцова М. М. Содержание учебных дисциплин в патриотическом воспитании обучающихся: образовательные возможности..... 221

Курбатова Н. В. Аспекты психолого-педагогического сопровождения профессионального становления художников широкого профиля в вузе..... 227

Алфавитный указатель авторов..... 232

CONTENTS

CULTUROLOGY

Balabanov P.I., Zauervayn L.T. About the Methodological Features of Culturological Research..... 13

Peng Wenzhao Cultural Theory of Functions and Text Interpretation Methodology..... 18

Bubenkova M.V. Intertextuality in the Semantic Space of Drama Theatrical Forms..... 27

Kazakov E.F. The Soul of Man in the XVII-XVIII Centuries (on the Material of European Art)..... 34

Morozov N.M. Mentality of Kuznetsk Peasants (the End of XVIII - the First Half of the XIX Century). Article II. The System in Family Life..... 43

Poskonnaya Z.V. Traditional Altaian's World-View: The Fire Cult and Life Phenomenon..... 49

Namsaraeva T.T.-E. Sino-Russian Metis of Tryokhrechye of Imar (China): Cultural Identity and Cultural Heritage..... 59

Tselishcheva M.A. Modern Trends in Formation of "Museum Landscape" in the Republic of Taiwan..... 64

Koveshnikova E.A. The Formation of the Archeological and Paleontological Tourism in Kemerovo Region..... 73

Truevtseva O.N. The Imperial Russian Geographical Society as the Founder of the Siberian Museums... 79

Makarchuk S.V. Issues of Social and Cultural Policy in Administrative Komuch Documentation..... 83

Lazarev M.P. The Comparative Analysis of Natural and Social Background of Human and Animal Collective Forms of Coexistence..... 91

Tikhonova M.S. Provincial Salon Culture of Kazan in the Late XVIII - Early XIX Century..... 97

HISTORY OF ART

Kirichenko O.D. Pattern and Technological Types of the German Tenor Song of the XV-XVI Centuries..... 102

Gorbacheva Y.S. The Main Features of the Chalkan Shamanic Text (on the Example of the Shaman Ritual of Catching the Soul)..... 108

Chepelenko K.O. Composer in Space of Self-communication..... 116

Gubaydullin F.F., Rakhimov R.G. Selkup Phono Instruments in the Score of the Folk Orchestra..... 122

Portnova I.V. Specificity and Significance of Scientific Animalistic Images in Domestic Art of the First Half of 20th Century..... 128

Kazakova N.Y. Development Paradigm of Game Design as a Project-oriented Discipline on the Basis of Main Stages in Evolutionary Changes of Hardware..... 134

Kazakova N.Y. Basic Principles of Character Development in Game Design..... 146

Smekalov I.V. Nikolai Lapin. From Orenburg Government Liberal Art Studios to Higher Art and Technical Studios..... 158

PEDAGOGICAL SCIENCES

Butsyk S.V. From Institutes of Culture to Institutes of Culture: Historical and Pedagogical Analysis..... 166

Naumenko E.E. Adaptation of "Project 5-100" to the Russian Educational System..... 176

Naumenko E.A. Psychology and Pedagogical Projection of Toleration of Student's Youth..... 183

Nizhelskoy V.A. Education of Body Expression as a Factor of Cultural Transformation from Physical Action to Semiotic Text..... 189

Sumro N.A. Relevance of Library and Information Professionals in the Labor Market of Samara Region..... 194

Eremin V.V. Organization and Content of the Foreign Language Textbook Structure for Non-philological Students..... 200

Lyubushkina E.S., Pushkareva I.A. Historical and Pedagogical Analysis of Student's Cognitive Autonomy Problems in Russian and Foreign Literature..... 207

Emelina T.V., Kasatkina N.E. The Aesthetic Education of Junior Schoolchildren in the Pedagogical Practice..... 217

Shevtsova M.M. Content of Educational Disciplines in Patriotic Education of Students: Educational Opportunities..... 221

Kurbatova N.V. Psycho-pedagogical Support Aspects of Multiskilled Artist's Professional Development at High School..... 227

List of Authors in Alphabetical Order..... 232

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
CULTUROLOGY

УДК 008

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Балабанов Павел Иванович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: philosov416@kemguki.ru

Зауэрвайн Лариса Теодоровна, кандидат философских наук, начальник Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области (г. Кемерово, РФ). E-mail: Lzauervayn@mail.ru

В статье констатируется методологический плюрализм, свойственный культурологическим исследованиям, который характерен для дискуссий по методологии культурологии. Авторы солидарны с позицией, выражающей в качестве метода в культурологии – метод конструирования структуры взаимосвязи независимых свойств, признаков, основных понятий, категорий социальных и гуманитарных наук. В такой формулировке данный метод носит общий характер и в конкретном культурологическом исследовании становится фактически его фундаментальным принципом, роль которого часто играет социокультурный поход.

Социокультурный подход относится к сфере исследования фундаментальной, теоретической проблематике культурологии. Социально-культурная интерпретация характера культурологического исследования выражает его прикладной, культурологический аспект.

Специфика социокультурного подхода презентует его в качестве системообразующего основания организации таких методов, как герменевтический, комплексный, междисциплинарный и др., применение которых фиксирует раскрывающийся потенциал адекватности социокультурного подхода.

Социокультурный подход также отражает большую полноту, и имманентность его в качестве методологического средства характеру культурологического исследования, ибо он указывает на присутствие субъекта внутри культурных систем и процессов.

Резюмируем, что социокультурный подход в качестве принципа конкретного культурологического исследования имеет свои отличительные черты: социокультурная специфика выражается сферой создания смыслов, ценностей, целей в качестве методологического регулятива; имманентность субъекта объекту обозначает связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями.

Указанные особенности конкретного культурологического исследования позволяют предложить его модель, укладываемую в рамки методологического плюрализма в культурологии, важнейшими составляющими которой являются: культурологическая картина мира, методологические принципы, совокупность методологических подходов, методы и приемы, результат, в определённой форме организации знаний.

Ключевые слова: культурология, культурологическое исследование, социокультурный подход, метод конструирования структуры взаимосвязи.

ABOUT THE METHODOLOGICAL FEATURES OF CULTUROLOGICAL RESEARCH

Balabanov Pavel Ivanovich, Dr of Philosophy, Professor, Professor of Department of Philosophy, Sociology and Socio-political Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: philosoph416@kemguki.ru

Zauervayn Larisa Teodorovna, PhD in Philosophy, Head of the Regional Culture and National Policy Department of Kemerovo Region (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Lzauervayn@mail.ru

The article concerns the methodological pluralism that is peculiar to culturological researches, and is typical for discussions on culturology. The authors are solidary with the position of expressing the method of designing the structure of interrelation of independent properties, characteristics, basic concepts and categories of the social sciences and humanities as a method in culturology. In this formulation, this method has the general character and in particular cultural study becomes its fundamental principle and its role is often played by sociocultural approach. Sociocultural approach as a principle of specific culturological research has its own distinctive features: the sociocultural specificity is expressed through the creation of meanings, values, purposes as a methodological regulator; the immanence of the subject to object indicates causation between intrascientific and nonscientific purposes, social values and goals. These features of the specific cultural studies allow us to propose a model, which is limited by methodological pluralism in cultural studies. The major components of this model are: culturologic worldview, methodological principles, a set of methodological approaches, methods and techniques, result in some form of knowledge organization.

Keywords: culturology, cultural studies, socio-cultural approach, a method of designing the structure of the relationship of independent properties.

С момента формирования культурологии на базе достижений ряда наук – философии, истории, социологии, этнографии и др., который многие ученые датируют началом 40-х годов XX века в связи в выходом книги Л. Уайта «Наука о культуре», не утихают дискуссии о том, следует ли считать культурологию самостоятельной наукой. Некоторые полагают, что культурология есть особый взгляд на творчество, другие наделяют культурологию статусом метанауки. Не случайно исследователи насчитывают около тысячи определений культуры, а отсюда и разнообразие трактовок культурологии как науки. Не вдаваясь в дискуссию по поводу статуса культурологии, обратим внимание на характер деятельности субъекта, изучающего культуру.

Ряд авторов следующим образом трактуют специфику культурологического исследования: это «обширный комплект научных дисциплин, направлений научной работы, различных подходов к культурологическим проблемам научных школ, методологий и т. д.» [9, с. 22]. Не менее интересна и другая трактовка культурологического исследования – междисциплинарная, которая в настоящее время разделяется многими учеными.

С одной стороны, междисциплинарность и комплексные, общепризнанные тенденции в развитии современной науки. С другой стороны, происходит переакцентация внимания методологов с предметного аспекта в научном исследовании, в том числе и культурологического, на субъектный, что отражает повышение роли человека в познании и преобразовании как внутреннего, так и внешнего мира.

С учетом указанных замечаний и независимо от позиции в дискуссии об интерпретации культуры, а также разделяемого взгляда на сущностные черты культуры, представленные в определениях культурологии, по-видимому, следует согласиться с В. А. Куприяновым по поводу наличия у культурологии собственного методологического регулятива. По его мнению, культурология обладает собственным методом. Это «метод конструирования структуры взаимосвязи независимых свойств, признаков, основных понятий и категорий социальных и гуманитарных наук» (см. [11, с. 150]). Это во многом задает целостность культурологии, определяет ее специфику.

Конкретным репрезентантом таким образом понимаемого метода культурологии можно счи-

тать социокультурный подход. В данном случае отвлекаемся от существенных различий между подходом и методом и делаем акцент на их прагматической ценности: способности методологической регуляции и операциональной эффективности. Главную мысль социокультурного подхода можно выразить словами его приверженца, известного ученого Н. И. Лапина: «Наиболее эффективным и адекватным в познании общества как единства культуры и социальности представляется социокультурный подход, поскольку он выясняет сопряжение изменчивости и устойчивости» (см. [4, с. 4]). Более развернуто его понимание выражено в работе П. Штомпки. Он фиксирует следующие его положения:

1. Артикуляция, легитимация или переформирование идей, возникновение и исчезновение идеологий, убеждений, доктрин и теорий.

2. Институализирование, пересмотр норм, ценностей, правил или отказ от них, возникновение и исчезновение правовых и эстетических кодов.

3. Выработка, дифференцирование и переформулирование каналов взаимодействия организационных и групповых связей, кругов общения.

4. Кристаллизация, утверждение и перегруппировка возможностей, интересов, жизненных перспектив, подъём и падение статусов, распределение и упорядочение социальных иерархий [10, с. 29].

В приведенных интерпретациях социокультурного подхода в силу его общности и абстракции он в большей степени проявляет функции принципа, чем подхода, то есть выступает как фундаментальный в культурологии методологический регулятив. На это в свое время обращал внимание В. Н. Демин: «Принцип – это не просто знание, а знание действенное, направляющее и осмысление и преобразование действительности. Действие принципов никоим образом не ограничивается сферой идеального. В этом смысле теоретические принципы, корректируя научный поиск, направляют его на познание объективных закономерностей, обеспечивают установление и подбор фактов, приводят к выводу о необходимости проведения опытов и экспериментов, диктуют их цель и осуществление. Тем самым научные принципы выступают в качестве руководящей нити практической деятельности» [2, с. 24–25]. Тем самым принцип как методологический регулятор вполне удовлетворяет потребность культурологического исследования в его обосновании, поиске его фундаментализации в условиях методологического плюрализма и в определенной степени методологической неопределенности, присущей современному этапу познания. Доводя проводимую мысль до конца, приведем слова известного философа Б. В. Маркова: «Частнонаучные, общенаучные и философские принципы считаются наиболее фундаментальными основаниями теоретического исследования. Их обоснование уже не может быть осуществлено процедурами вывода, используемыми в процессах доказательства остальных утверждений. С этой целью применяется специальный философский анализ» [5, с. 151]. Но это уже тема отдельного рассмотрения в области философии культуры и в философии как таковой.

Признание социокультурного подхода в качестве фундаментального принципа культурологического исследования, естественно, требует раскрытия его содержания. В данном случае лишь перечислим те, которые, по нашему мнению, составляют важнейшую его часть, выражают специфику культурологического исследования. К ним следует отнести герменевтический, дисциплинарно-символический, информационно-семиотический, комплексный, междисциплинарный, проектный подходы.

Естественно, любой из перечисленных подходов интегрирует определенную совокупность методов, каждый из которых во многом обусловлен спецификой предмета исследования. В то же время социокультурный подход (принцип) не отменяет, а с необходимостью предполагает использование общенаучных подходов, таких как аксиологический, деятельностный, системный и др. в силу многообразия и многогранности культурных артефактов.

Другая особенность методологии культурологического исследования обнаруживается в осмыслении термина «социокультурный». На наш взгляд, следует разводить значения «социально-культурный» и «социокультурный», на что многие культурологи не обращают внимания. Обращение к достаточно репрезентативному корпусу научной литературы, позволяет уточнить и развести указанные термины. Резюмируя, укажем, что термин «социокультурное» означает свойство субъекта познания быть, присутствовать, преобразовывать

методологическую сферу культурологического исследования посредством активной теоретико-познавательной деятельности, направленной на осознание и преобразование социокультурных систем.

Эти преобразования в методологической сфере преследуют повышение степени адекватности методологических средств характеру культурологического исследования, способа представленности его объекта и субъекта. Иными словами, «социокультурное» обозначает сферу создания смысловых ценностей, целей в качестве методологических регуляторов культурологического исследования. Термин «социально-культурное» обозначает «продвижение», внедрение принятых и зафиксированных в определенный момент ценностей, смыслов в систему взаимосвязей культуры и общества. Если термин «социокультурный» обращен к философскому и культурологическому знанию, то термин «социально-культурный» ориентирован на культуроведческое знание или прикладное, культурологическое знание.

Еще одной особенностью культурологического исследования является то, что оно явно или неявно «несет» на себе черты постнеклассического этапа развития науки, в том числе осознание ситуации нахождения субъекта внутри объекта исследования. Эту особенность можно обозначить как имманентность субъекта объекту. В самом общем виде эту мысль можно найти в работах целого ряда исследований. Например, в работе И. В. Черниковой «Философия и история науки». Она пишет следующее: «Но если постнеклассическая наука обращается к реальности, которую понимает как систему взаимосвязей, включающую человека, то как меняется объективистский образ науки? Уже отмечалось, что объективность сегодня не отождествляется с объектностью, не противопоставляется субъективности, а соотносится с «жизненностью», «полнотой». Человек стал участником тех процессов, которые описывает наука, частью наблюдаемого им мира. Наука по-прежнему описывает естественные взаимосвязи, но делает это существенно иначе» [8, с. 131]. Более подробно об этом пишет акад. В. С. Степин: «Постнеклассический тип научной реальности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-волевыми структурами. При этом эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями. В комплексных исследованиях сложных саморазвивающихся систем… экспликация связей внутринаучных и социальных ценностей осуществляется при социальной экспертизе соответствующих исследовательских программ» [7, с. 712–713]. Примечательно, что при первоначальном осознании указанного положения это происходит в форме аналогий. Это отмечает И. В. Черникова. Она подчеркивает, что «существует изоморфизм научной и культурной динамики, позволяющей ставить в соответствие традиционалистской, модернистской и постмодернистской культуре соответственно классическую, неклассическую и постнеклассическую науки. Такой изоморфизм вполне объясним при понимании наук как социокультурного феномена» [8, с. 126]. В истории эта мысль не нова, она все более наполнялась содержанием: от протагоровского, что человек мера вещей, до фундаментального положения в философии и культурологии, которое можно выразить словами известного российского культуролога М. С. Кагана. Он пишет, что «человеческая деятельность необходимо соединяет начала творческое и репродукционное, креативное и традиционалистическое» [3, с. 142], что человек – продукт и творец культуры.

Вышеуказанные черты культурологического исследования, разумеется, не единственные, но позволяют очертить общие контуры модели культурологического исследования. Это тем более важно, потому что методология культурологии далека от завершения и пока в настоящее время представляет большую совокупность несистематизированного материала. Это в значительной степени затрудняет проведение конкретного культурологического исследования. Необходимо отдавать отчет в том, что есть некоторые основные черты методологического знания, которое может быть конкретизировано для отдельного культурологического исследования. Например, такие черты выделяет Н. В. Михалкин. К ним относятся:

- знания, которые обеспечивают субъекту раскрытие научной картины мира в ее целостности;

- знания, составляющие понятийный каркас, своеобразную теоретическую модель (пара-

дигму) развивающегося познания как системы наук, теории и т. д.;

- знания, выступающие в качестве критериев и направляющих познавательной деятельности, идеалов и приемов научного исследования, правил, приемов, форм практической деятельности [6, с. 191].

Интерпретируя приведенные общие черты методологического знания применительно для культурологии, можно предложить следующую модель для культурологического исследования, содержательными элементами которого последовательно выступают: культурологическая картина мира – методологические принципы (в нашем случае это социокультурный принцип) – методологические подходы (в нашем случае они указаны выше) – методы – приемы – результат, оформленный в некоторой форме организации знаний.

Понятно, что предложенная модель – это модель схематичная и обобщенная. Ее эффективность может быть доказана только в конкретном культурологическом исследовании. Ее значение в том, что в самом начале такого исследования она задает некоторый вектор в многообразии научного поиска, что организует само исследование, делает его более результативным.

Литература

1. Балабанов П. И., Коханова О. В. Социокультурный детерминизм в познании // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 29, ч. 1. – С. 89–93.
2. Демин В. Н. Принципы материалистической диалектики в научном познании. – М.: МГУ, 1979. – 184 с.
3. Каган М. С. Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1996. – 416 с.
4. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социс. – 2000. – № 7. – С. 3–12.
5. Марков Б. В. Проблемы обоснования и проверяемости теоретического знания. – Л.: ЛГУ, 1984. – 167 с.
6. Михалкин Н. В. Генезис, философия и методология науки. – М.: МГОУ, 2007. – 363 с.
7. Степин В. С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
8. Черникова И. В. Философия и история науки. – Томск: НТЛ, 2001. – 352 с.
9. Шишова Н. В., Грожан Д. В., Новиков А. Ю., Топчий И. В. Культурология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 320 с.
10. Штомпка П. Социология социальных изменений / под ред. В. А. Ядова; пер. с англ. А. С. Дмитриева. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
11. Этнология – антропология – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: мат-лы Междунар. науч. конф., состоявшейся 3–5 апр. 2008 года / Рос. инт культурологии, Рос. акад. наук, Инт этнологии и антропологии; отв. ред. К. Э. Разлогов. – М.: Весь Мир, 2009. – 160 с.

References

1. Balabanov P.I., Kokhanova O.V. Sotsiokul'turnyy determinizm v poznanii [Sociocultural determinism in cognition]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2014, no. 29, part 1, pp. 89-93. (In Russ.).
2. Demin V.N. Printsipy materialisticheskoy dialektiki v nauchnom poznanii [Principles of materialist dialectics in scientific knowledge]. Moscow, MGU Publ., 1979. 184 p. (In Russ.).
3. Kagan M.S. Filosofiya kul'tury [Philosophy of Culture]. St. Petersburg, TOO TK Petropolis Publ., 1996. 416 p. (In Russ.).
4. Lapin N.I. Sotsiokul'turnyy podkhod i sotsietal'no-funktsional'nyye struktury [Sotsiokul'turnyy podkhod i sotsietal'no-funktsional'nye struktury]. *Sotsis [Sotsis]*, 2000, no. 7, pp. 3-12. (In Russ.).
5. Markov B.V. Problemy obosnovaniya i proveryayemosti teoreticheskogo znaniya [Problems of study and verifiability of theoretical knowledge]. Leningrad, LGU Publ., 1984. 167 p. (In Russ.).
6. Mikhalkin N.V. Genezis, filosofiya i metodologiya nauki [Genesis, Philosophy and Methodology of Science]. Moscow, MGOU Publ., 2007. 363 p. (In Russ.).
7. Stepin V.S. Teoreticheskoye znaniye [Theoretical knowledge]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 744 p. (In Russ.).
8. Chernikova I.V. Filosofiya i istoriya nauki [Philosophy and History of Science]. Tomsk, NTL Publ., 2001. 352 p. (In Russ.).
9. Shishova N.V., Grozhan D.V., Novikov A.Yu. Topchiy I.V. Kul'turologiya [Cultural]. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 2002. 320 p. (In Russ.).

10. Shtompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy [Sociology of social change]. Ed. V.A. Yadova; translated A.S. Dmitriyeva. Moscow, Aspekt-Press Publ., 1996. 416 p. (In Russ.).
11. Etnologiya – antropologiya – kul'turologiya: novyye vodorazdely i perspektivy vzaimodeystviya: materialy mezhdunar. nauch. konf., sostoyavsheysya 3–5 apr. 2008 goda [Ethnology anthropology cultural studies: new watersheds and prospects of interaction: Proceedings of the international. scientific. Conf., held on 35 April. 2008]. Ed. Russian institute of cultural studies, Rus. Acad. Sciences Institute Ethnology and Anthropology; holes Ed. K.E. Razlogov. Moscow, Ves' Mir Publ., 2009. 160 p. (In Russ.).

УДК 008; 81-11

ТЕОРИЯ ФУНКЦИЙ КУЛЬТУРЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Пэн Вэньчжао, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка, Даляньский университет иностранных языков (г. Далянь, КНР). E-mail: alexbong@163.com

В последние годы по мере постоянного углубления исследований проблем связей языка и культуры опубликован целый ряд работ, связанных с языковой культурой, что позволило углубить представления о природе языка. Данная статья является попыткой систематизации таких существующих научных дисциплин, как контрастивная культурология, культурная антропология, философия языка, предоставляя новый культурологический подход к значению гносеологии и методологии – теорию культурологической функциональности, на базе которой создаётся новая операционная разъяснительная модель текста – теория функций культуры. Теория функций культуры – это теоретическое объяснение следующей идеи: языковая картина мира является простым семантизированным выражением осознания мира.

Суть данной идеи заключается в том, что символизация возникает после того, как внешний мир проектируется в человеческом сознании языковыми средствами. С точки зрения лингвокультурологии, теория функций культуры является моделированием и формализацией процесса создания и осмысления культуры. Рассмотренная в статье теория предполагает, что процесс формирования и понимания культуры может рассматриваться как оценивающий, операционный и инициализационный процесс функциональной зависимости. Функциональность культуры означает, что процесс создания и осознания культуры может рассматриваться как процесс отбора, включения и инициализации в функциональной системе, представляя собой творческий динамический процесс. Имея гносеологическое и методологическое практическое значение, теория функций культуры предоставляет комплексный инструментарий для операционного анализа понимания и интерпретации текста. Следуя принципам теории антропоцентризма, данная теория объединяет культурную антропологию, философию языка, когнитивную психологию, лингвокультурологию и смежные дисциплины в единую теоретическую модель.

Ключевые слова: культура, теория функций культуры, интерпретация текста, методы анализа.

CULTURAL THEORY OF FUNCTIONS AND TEXT INTERPRETATION METHODOLOGY

Peng Wenzhao, Dr of Philological Sciences, Professor, Dean of the Russian Department, Dalian Foreign Language University (Dalian, China). E-mail: alexbong@163.com

There have recently been a number of studies, following the progress in research of the linguo-cultural interconnection, and those studies have been effective in deepening our understanding of the nature of human language. This study is an attempt to produce a systematized approach to a number of subjects, e.g. contrastive culture studies, cultural anthropology and linguistic philosophy. This approach is essentially a culture-based interpretation of gnoseology and methodology, a theory of culture functioning, a methodological foundation of

a new model of text operation and interpretation – “cultural theory of functions”. This theory is a tool, created specifically to interpret the following idea: the language worldview is but a simple semantical reflection of interpreting the world. Linguistic culture studies see cultural theory of functions as an idea of modeling and formalization of the whole process of culture creation and interpretation, the core functional expression of this idea is y=F(x). This formula includes F, X and Y forming a functional system, in which X is an independent variable, varying in multiple cognitive subjects cognizing objective reality. F is a function, which determines a categorizing algorithm of formal classification of human cognition. F is also a mental roadmap of a cognitive subject and it varies for multiple objects of cognition and targets of cognition by accepting varying rules and strategies to mold a certain cognitive framework. It also implies that the process of culture creation and interpretation can be perceived as evaluating, operational and initializing process of functional determination, and can equally seen as a process of selection, inclusion and initialization inside a system of functions, i.e. an ever-dynamic creative process. Being a complex tool of operational text interpretation, this theory is both productive in practical terms of cognitive philosophy and methodology. Based on the principles of anthropocentrism, cultural theory of functions integrates cultural anthropology, linguistic philosophy, cognitive psychology and linguistic culture studies alongside with a number of related subjects into a unified theoretical framework.

Keywords: culture, cultural theory of functions, text interpretation, methods of analysis.

В последние годы, по мере постоянного углубления исследований в сфере связей языка и культуры, написан целый ряд работ по вопросам языковой культуры, позволивших углубить представления о природе языка. Вместе с тем свойства культуры, попадающие в поле зрения лингвистики (особенно лингвокультурологии), до сих пор не получили достаточного научного обоснования. Данная статья является попыткой систематизации уже существующих теорий, предлагая новый культурологический подход с позиций гносеологии и методологии, – теорию функций культуры, на базе чего создаётся новая операционная разъяснительная модель текста.

1.0. Язык и культура как многомерное поле – зеркальное изображение и проекция. Признанным является тот факт, что «в широком значении понятие культуры включает все, созданное человечеством в результате материальной и нематериальной деятельности и связанное с умениями, материей и духом. В узком значении под культурой понимается умение духовного производства и результаты духовной деятельности, включая формы общественного сознания, а также знания и средства традиционного образования, науки, литературы, гигиены, спорта и других сфер; имеет существенные отличия от мировоззрения, политической идеологии, морали и других моделей сознания» [2]. Однако до настоящего времени нет однозначного ответа на вопрос, что представляет собой понятие «культура».

1.1. Культура как способ выживания человечества. В условиях современного существования более ста научных определений культуры в центре нашего внимания находится не определение, доказательство, описание или полемика по поводу значения данного понятия, а сама многозначность данного понятия. Действительно, любая попытка статического определения культуры не только нереальна, но и не нужна, вызывая связанные с определением понятия дискуссии, лучше рассматривать субъект культуры – человека – первоначало, если анализировать, описывать, интерпретировать ее поступки и результаты, то возможно ясно показать одну из сторон культуры. Эта весьма практическая и последовательная работа позволяет установить иерархическую систему культуры.

Определение культуры в различных научных отраслях опирается на разные особенности культуры. Как показывают исследования, различное содержание культуры можно свести к следующему: 1) акцент на духовности, целостности и единстве культуры; 2) акцент на свойствах объективности, конкретности и историчности культуры, выделение наследования и преемственности культуры; 3) акцент на культурной субъективности; 4) акцент на внутренней структурированности культуры; 5) выделение смыслов и ценностей культуры.

Очевидно, что основная цель заключается в том, чтобы найти для понимания природы

культуры модель культурного бытования человека. Данная модель на различных этапах развития исследования проявляется по-разному. На долгом пути от упорядочения изолированных результатов культурных исследований на начальном этапе до поисков современной философией культуры сущности и смысла существования человечества произошло не только изменение объекта изучения, но и перестройка всей исследовательской парадигмы. Мы считаем, что орбита анализа культурологии подтверждает направление развития ведущей научной парадигмы. Изучение культуры также опирается на результаты исследований. От полевых исследований свидетельств и эмпирических моделей, фактов или элементов культуры (тотемов, табу, колдовства, святынь, обычаев и обрядов) произошёл переход к поиску имманентности, духовности, жизненности, креативности и процессуальности культуры. Как утверждает Э. Кассирер, «мы ищем не единство результатов, а единство деятельности; не единство продукции, а единство процесса созидательности» [8, с. 7]. Можно заметить, что наибольшее распространение получила функциональная, динамичная и экспланаторная исследовательская парадигма, в которой культура рассматривается как жизненный созидательный процесс с постоянно меняющимися уже существующими внешними материальными и духовными результатами (религией, искусством, языком, мифами, историей, моралью и философией).

1.2. Язык как посредник познания. Язык – это не только средство выражения, но и, что наиболее важно, средство познания [21, с. 133]. О когнитивной функции языка известно уже давно. Ещё в XIX веке известный немецкий философ и лингвист В. фон Гумбольдт четко разделял выразительную и когнитивную функции языка, считая последнюю основной: «…Языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но, более того, средством открытия ранее неизвестной» [5]. Язык не только является основным посредником взаимопонимания между людьми, но и «инструментом для мышления и восприятия народа» [21, с. 135]. Язык является мостом, связывающим человека с внешним миром. С точки зрения Яо Сяопина, «Язык – это уникальный мир, существующий между человеком и природой, человеку в значительной степени необходимо при помощи мира языка познавать окружающий мир; ввиду языковых различий естественный мир, познаваемый каждым народом, имеет свои отличия» [21, с. 136], поэтому соответственно различается и формируемая культурная традиция.

1.3. Триединство «Человек – язык и культура – мир». Изучение сочетания культуры и деятельности людей является не только компетенцией культурной антропологии и философии культуры, но и широко применяется в сфере лингвистики. Это так называемый антропоцентризм в изучении языка, который предполагает, что суть основного предназначения мира опирается на человека, человек находится в центре познания мира, что часто называют «человек является мерилом всего сущего, всех существующих вещей, при отсутствии вещи также отсутствуют и критерии» [8, с. 146].

Приведенная мысль подчеркивает принцип субъективизма и индивидуальности в исследовании языка и культуры. С одной стороны, язык и культура заключаются в «человеке», с другой – для «человека» язык и культура проходят процесс интерпретации, что позволяет обеспечить жизнеспособность и сохранение идентичности для последующих поколений.

Отправной точкой лингвокультурологии является человек. Лингвокультурология последовательно проводит разъяснение культуры на всех уровнях языковой системы, тем самым подтверждая языковые свойства культуры [6], но и, самое важное, глубинная интерпретация культуры для природы существования языка и структурной системы. В языке триединство человека, культуры и мира претворяются в следующем: язык выступает посредником между функциональной и созидательной деятельностью и когнитивной деятельностью людей. В результате познавательной деятельности людей мир превращается в знаковый микрокосм, культура рассматривается как обусловленная субстанция – модель функционального существования человека, затем через призму языка человек – культура – мир в результате целостного формирования происходит процесс отвлечённой символизации: сначала человек превращается в «символ», мир – в мир культуры, существующий в результате когнитивной деятельности, а язык – в инструмент символизации человека и культуры, сам по себе он также является самой важной системой символов, формирующей мост между человеком и культурой.

Мы считаем, что язык подобен призме, через эту проекцию в человеческом сознании мир формируется в картину мира. Язык является посредником когнитивной функции, отражая мир не объективно, как фотокамера, а через субъективное восприятие. Создавая слово, человек создает новый мир, мир идей и смыслов. Человек живет в мире значений, который и воспринимается человеком как реальный значимый мир. Человек, язык и культура, мир неразрывно связаны между собой, образуя триединство.

Итак, в определённой степени можно утверждать, что все разнообразие отношений человеческой жизни и истории можно свести к отношениям символов и значений.

2.0. Теория функций культуры и модель интерпретации текста.

2.1. Культура – это функция. Теория функций культуры – это теоретическое объяснение данного высказывания, которое показывает, что языковая картина мира является простым семантизированным выражением осознания мира, суть которого заключается в том, что символизация возникает после того, как внешний мир проектируется в человеческом сознании языковыми средствами [15].

Функциональность культуры означает, что процесс создания и осознания культуры может рассматриваться как процесс отбора, включения и инициализации в функциональной системе, представляя собой творческий динамический процесс. Это пропозиция включает три уровня содержания: 1) человек в процессе познания мира обнаруживает функциональные связи; 2) процесс создания и понимания культуры имеет языковую природу; 3) создание и понимание культуры – динамический, циклический и восходящий по спирали процесс.

С точки зрения лингвокультурологии, теория функций культуры является моделированием и формализацией процесса создания и осмысления культуры, центром которой можно представить формальное выражение функции: $y=F(x)$, в которой F является языком, выступающим в качестве посредника человеческого познания, не только системой символов, но инструментом познания, проявляется через определённые правила и их набор, единство лексики и синтаксиса. Это может быть в определенном смысле абстрактный язык, а также конкретный язык. Являясь призмой, язык отражает субъективные представления человека об окружающем мире. X равен объективному миру, представляя объекты и предметы познания мира человеком. Очевидно, что объективный мир постоянно меняется в зависимости от субъекта познания. В когнитивном процессе адаптации объективный мир разделяется и конкретизируется; в соответствии с гносеологией философского значения X также может абстрагироваться до всего мира. В результате присоединения человеческой объективности объективный мир приобретает жизненность, ценность и значение. Y равен языковой картине мира, познание мира человеком полностью проявляется в языке. Необходимо отметить, что в данном случае языковая картина мира представляет собой единство индивидуальности и целостности: она может быть и личной, и общенародной; каждый конкретный процесс проекции является частью языковой картины мира, результаты всех проекций и отражения создают общую языковую картину мира. В данном случае языковая картина мира представляется как совокупность знаний человеческого познания, являясь выражением оязыковления, символизации и семантизации в языке картины мира. Это совокупность наивных представлений, которые сформировались исторически в процессе познания элементов внешнего мира, пресуппозиция человеческого познания мира. Таким образом, F, X и Y формируют функциональную систему, в которой X – независимая переменная, дифференцирующаяся у различных когнитивных субъектов для объективного мира, в этой связи изменения X проявляются в процессе отбора, который предстает внешним показателем самостоятельного выбора человеком как основного субъекта познания объективного мира. F – функция, которая определяет «алгоритм» в процессе категоризации формальной классификации человеческого познания. На деле он является определением и границами когнитивного механизма познания мира. В сущности, F – волевой образ действий человека как когнитивного субъекта, для различных познавательных объектов и познавательных задач принимающий определённые правила и стратегии в целях формирования определённого когнитивного фрейма. Язык является лишь формой выражения механизмов и правил познания, но человек получает языковые ограничения, связанные с когнитивным поведением.

Теория функций культуры в когнитивном процессе языкового посредничества может использоваться в следующих случаях: когнитивный фрейм «x», входящий в F, в человеческом сознании формирует когнитивные структуры, в процессе формализации «x» под влиянием F является инициирующим процессом. Исследования когнитивной психологии показывают, что процессе познания мира человек контактирует в первую очередь с предметами, и лишь затем происходит процесс идентификации. Активность когнитивных сетей требует создания связей между неизвестным предметом и известным предметом, разделяясь на динамические и статические отношения. Эти отношения формируют когнитивные сети между предметами и звеньями, каждый предмет в сетях имеет соответствующие связи с другими предметами, определяя собственное место, таким образом, происходит окончательная категоризация на уровне «морфологии», классификация самого предмета. Одновременно когнитивные сети получают стимулирующую активность концепта со стороны «x» внешнего мира, создавая концептуальные рамки для различных F. После кодирования информации в мозге формируются различные пропозиции. Такая пропозиция не обладает модусом, пока концепт в когнитивном фрейме не формирует лексикон. Только после выбора и формирования грамматических структур лексикона можно говорить о вхождении лексической единицы и генерации модального предложения, стать описанием и интерпретацией внешнего события, потому что «мир – это совокупность фактов, а не сумма предметов» [3]. На этом этапе ключевую роль играют динамические генеративные правила, наследованные человеком, так называемая «языковая компетенция» Н. Хомского. В конечном счёте, контекст, ситуация и интенции (намерения) получают возможность выхода только при преломлении через предложение, таким образом, заканчивается субъективное восприятие данного предмета, которое содержит базовые ценностные суждения. Окончательный результат когнитивного процесса формирует результаты познания объективного мира, являясь языковой картиной мира когнитивной системы восприятия мира, а также становится последним этапом функциональной модели – зависимой переменной «y». По мере изменения «x» и «F», функция «y» постоянно повторяется, двигаясь циклично, и является бесконечной. Она означает сумму всех когнитивных процессов и результатов познания.

Необходимо отметить, что теория функций культуры не только является формой проявления, но и отражает, на основе вышеуказанных теорий, начальный этап и основные формы познания мира. Данная теория представляет собой иерархичную структуру, в методах познания и иерархичности символов имеется общее основание. На самом абстрактном уровне F может абстрагироваться до существования человека (подразумевает всё когнитивное поведение человека, конечно, не следует забывать при этом о роли языка); X может абстрагироваться до всех когнитивных объектов; Y абстрагируется до суммы человеческой культуры, с традиционной точки зрения, и включает материальную культуру, форму организации культуры и духовную культуру. С другой стороны, функция y=F(x) может конкретизироваться до отдельной познавательной операции, объект исследования может состоять из одного события и одного предмета. Например, рассмотрим выражение «кошка ловит мышь» (x), при помощи операционной функции F по распознанию и идентификации (активизация понятия, формирование пропозиции и выведение высказывания) формируется когниция: всякое животное имеет естественного врага (y1). При повторном осуществлении данного процесса можно получить y2: «богомол хватает цикаду, не замечая позади себя воробья». При последующем проведении данной операции можно получить y3: «рассол капает на бобовый сыр – одна вещь побеждает другую»; y4: «естественный отбор при сосуществовании – в борьбе выживает сильнейший». Различные системы функции y=F(x) отражают внутреннюю логическую последовательность и траекторию развития процесса познания мира. Таким образом, результаты человеческого познания становятся когнитивными объектами, образуя циклическое повторение, повторяя бесконечное движение колеса.

Таким образом, нам представляется, что теория функций культуры не только является теорией познания, но и теорией методов. В центре нашего внимания находится её практическая ценность. Во-первых, она предоставляет базовые фреймы когнитивной деятельности человека и общий когнитивный процесс, помогает исследователям чётко определить звенья данного процесса, для объекта исследования это является первоочеред-

ной необходимостью. Во-вторых, теория функций культуры строится на общих процедурах познания и понимания, предоставляя исследователям операционные приёмы поисковых действий для «x y» или «y x». Только наличие возможности исследования внутри некоего проблемного поля позволяет начинать исследования вне этого поля, показывая два направления познания и интерпретации. С нашей точки зрения, языковая картина «y» представляет собой сосуществование в мире известного и неизвестного, указывая, каким образом проводить интерпретационные исследования культуры, изучение внешнего мира «x» определяется когнитивными механизмами F, при изучении состава личностной системы национальной культуры выявляется общая ориентация национального мировоззрения, эстетического восприятия и ценностная система, для которых функциональная система y = F(x) обеспечивает методологическую основу и эмпирические ресурсы. В-третьих, теория функций культуры также включает богатейшие источники практических методов, подобно идее поля, понятию когнитивных сетей и концепции иерархии символов, которые позволяют проводить анализ текста.

Можно сказать, что теория функций культуры является комплексной, всесторонней, совместимой, практической и динамичной. Формы выражения данной теории отличаются ясностью, символичностью и функциональностью. Теория функций культуры ярко проявляет единство абстрактности и конкретности, единство теории и практики, единство универсальности и индивидуальности, единство процесса и результата, единство познания и понимания, единство существования и познания. В ней также отчётливо проявляются взаимосвязанные отношения, отражения, дополнения и мотивации знакового, когнитивного поведения и действий по пониманию и осознанию.

2.2. Теория функций культуры и практический анализ текста. Если говорить, что теория единства человека, языка и культуры и мира на уровне онтологии является центральной для исследования интерпретации культуры, ориентированной на человека, то текст в качестве отправной точки, языковая картина мира в качестве средства и значение в качестве направления являются ключом к пониманию теории. Теория функций культуры становится реальностью в языковой интерпретации культуры на уровне гносеологии и методологии.

Во-первых, для исследования функций культуры необходимо определить объект исследования. Полагаем, что основная единица локализации – «текст», как наиболее подходящий в качестве такого объекта. В данном случае, текст не только является указанием на «ряд последовательных предложений или языковое целое конструкций предложений» [16], но и сам «ощущается в процессе работы, производства» (цит. по [1, с. 414])[1].

Смысл наших исследований интерпретации культуры, включающей язык, именуемый текстом, делает анализ текста необходимым методом для понимания и интерпретации взаимосвязанных отношений языка и культуры. Если текст или отрывок рассматривать как «x», то значение глубинных пластов культуры, ссылающихся на текст, может в описании и интерпретации фрейма F получить возможность для проявления. Таким образом, процесс понимания и интерпретации моделируется и формируется, выражаясь в единых правилах и фреймах. Познание и значение текста бесконечно проявляется, создаётся и продолжается в результате динамического толкования, формируя звенья непрерывного цикла интерпретации. Считается, что текст является функциональным сам по себе, как и определённый отрывок текста, некоторый образ, символ, изображение или метафора; их функциональный анализ, в конечном итоге, формирует открытые семантические сети, значение текста именно благодаря этому становится реальностью. Отсюда следует, что анализ текста имеет функциональную природу. Функция в данном случает понимается как операционная процедура, направленная на некий предмет (текст), в то время как для независимых переменных она становится зависимой переменной, получая переменное значение некоего предмета; в этом случае F выступает в качестве необходимого циклического алгоритма и правила.

[1] Современные гуманитарные и социальные науки привлекают текст в качестве объекта и инструмента анализа, объём понятия текста расширяется до всего текста или рассмотрения основной темы изучаемого текста, включая поведение человека, произведения искусства, события, а также самого человека, текст, которые получают субъективность, индивидуальность.

Возьмём для примера известный рассказ Лу Синя «Подлинная история А-Кью». Как проанализировать данный символизированный текст с точки зрения теории функций y=F(x)? Если F представить как «китайский национальный характер», «x» – А-Кью, а «y» станет многозначной интерпретацией «x». В статье «Учебные записки “Подлинной истории А-Кью”» Е Цю мы можем почувствовать богатство и творчество в интерпретации и понимании текста:

Первое прочтение: Мы можем смеяться до боли в животе.

Второе прочтение: Появляется часть того, над чем не стоит смеяться.

Третье прочтение: Отворачиваемся с презрением от такого человека, как А-Кью.

Четвёртое прочтение. Презираем такой характер.

Пятое прочтение: Сердце наполняется кровью от сострадания.

Шестое прочтение: А-Кью всё же А-Кью.

Седьмое прочтение: Примеряем А-Кью на себя.

Восьмое прочтение: Слились воедино.

Девятое прочтение: Снова превращается в твоих родственников и старых друзей.

Десятое прочтение: Переходит на твоих соседей.

Одиннадцатое прочтение: Распространяется на всю страну.

Двенадцатое прочтение: Переходит на жителей других стран.

Тринадцатое прочтение: Ты понимаешь, что он – это зеркало.

Четырнадцатое прочтение: Возможно, это сигнал тревоги [20].

Функциональное выражение принимает форму F (А-Кью) = $y_{1, 2, \ldots 14}$. Данные 14 уровней глубинной интерпретации А-Кью совсем не изменяют его самого, но в этой скрытой мысли появляются различия, возникают бесконечные интерпретации образа А-Кью.

2.3. Теория функций культуры и текст являются разделительным полем единиц смысла. В то время как для проведения функционального анализа отдельно взятого текста можно обладать данными в недостаточном объеме, для лингвокультурологической интерпретации всякой текстовой единицы необходимо провести её классификацию, описание и разъяснение. В этом отношении теория функций культуры играет огромную роль. Если в сематическом поле появляется аналогичное именование, то каждая из единиц означает текст, в таком случае теория функций культуры внутри поля текст рассматривает как единицу стратификационной перестановки и делает ее единицей описания и интерпретации. Язык и культура, являясь посредником адаптации человеческого познания, при помощи анализа семантического поля позволяет получить некоторые характеристики когнитивной практики человека. Для этого подходит предложенное В. В. Воробьевым наименование «лингвокультурологическое поле» [4]. Создание лингвокультурологического поля позволяет описывать и интерпретировать когнитивную систему языковой картины мира. Мы полагаем, что по своей структуре лингвокультурологическое поле совпадает с когнитивной системой языковой картины мира, между ними существуют внешние и внутренние зависимости. С точки зрения учения о символах, лингвокультурологическое поле и поля всех его уровней можно рассмативать как символизацию и моделирование языковой картины мира, в этой ситуации теория функций культуры станет конвектором и фильтром осуществления этих трансформаций, а «y» воплотится в реальные ценности культуры, зависящие от правил F.

Например, если F в самом распространенном значении является русским языком, «x» – внешним миром, тогда «y» – русская языковая куртина мира. В этих рамках F становится русским национальным характером, «x» означает единицу текста на всех уровнях, «y» – когнитивную систему русской духовной культуры. Продолжая изменение конфигурации F, мы получаем различные «x», создавая разноуровневую систему лингвокультурологического поля русского национального характера. В этом случае каждый текст является смысловой единицей переменной «x». В рамках идентификации, сопоставления, разделения и синтеза функции F создаётся аналогичный набор. Продолжая анализ «x», можно на основе комбинирования и объединения получить определённые значения «x» для создания ценности «y». Необходимо добавить, что, во-первых, центральное место в этом процессе занимает интерпретатор, который должен придерживаться

принципов центральной теории; во-вторых, он является частью цикла интерпретации, цикл расширения символа бесконечен, он не имеет конца.

Согласно вышесказанному, для текста y=F(x) является единицей анализа, который может разворачиваться в двух направлениях: комбинирования и объединения, в результате большой напряжённости между ними создается импульс, который никогда не прекращает процесс движения. Мы осуществляем интерпретацию текста в движении таких противоречий, которые В. В. Воробьёв называет функциональной зависимостью [4].

1. Единицей комбинированного значения для ориентированной ядерной единицы «русскость» интерпретируются особые черты, выражаемые нами через А+Б, где «А» является комплексом ядерной структуры имени поля: *русский*, *русский* (сущ.), *русская* (сущ.), *великорусский, россиянин, российский* и т. д.; а Б является объективным предметом русского: *русская баня, русские блины, русская печь, русская женщина, русский характер* и т. д. В. В. Воробьёв подробно описал предмет «*русские блины*» [4, с. 108]. Вл. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет «*блин*» как «*род хлебанного из жидко растворенного теста, поджаренного лепешкой на сковороде. Блины, блинки, блинцы́ и блиночки, которыми обычно празднуется наша масляна, пекутся с бесконечным разнообразием: пшеничные, ячные, овсяные, гречневые, из пресного или кислого теста*» [7, с. 97]. Он также предлагает различные комбинации, выражающие богатство повседневного русского народного быта, народных обычаев и общественного сознания. Например: *Без блина не масляна, без пирога не именинник. Первый блин да комом. Не подбивай клин под овсян блин: поджарится, и сам свалится. Как блины со сковороды. Продал душу ни за овсяный блин. Что блин по маслу. Блин добро не один. Отойди, не до тебя. Тут блины подгорят. Любит поп блин – да и ел бы одни* [7, с. 98]. *Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнувши их в растопленное масло, отправив в рот, а губы и руки вытер салфеткой* (Гоголь. Мертвые души). Для культурологической интерпретации синтагматических отношений смежных единиц – определения, разделения, классификации и инициализации – получаемый результат представляет собой комплекс основных единиц, имеющих сходство комбинаторных отношений (последовательно контролируемым скрытым смыслом), что означает трансформацию от синтагмы к комплексу.

2. Информационные единицы языка и культуры в объединении становятся независимой переменной, ценность которых определяют правила F. Выразим их в формуле y=Fz (x). Мы полагаем, что объединяющее значение в информационных единицах языка и культуры указывает на процесс, который проявляется только в комбинации. Например: *хлеб-соль, хлебосольство, хлебосол, хлебосольный, хлеб да соль, хлебосолец, хлебосолка, хлебосольничать,* в которых полное выражение «*русскость*» проявляет черты национального характера «*щедрость и гостеприимство*»: гостеприимство = Fрусс. (хлебосольство). Например: *Без хлеба-соли обедать не садятся. Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай. Без хлеба, без соли плохая беседа. Хлеб да соль! Хлеб-соль не бранится. Соли нету, так и слова нету, а как хлеб дошёл, так переговор пошёл. Без соли, и хлеб не ется. Без хлеба несытно, без соли не сладко. За хлебом-солью всякая шутка хороша. Помяни соль, чтоб дали хлеба. Молода: хлебом-солью отца мать не объела. После хлеба-соли, добрые люди семь часов отдыхают. Хлеб-соль платежом красна. Хлеб-соль ешь, а правду режь. От хлеба-соли не отказываются. Хлеб хлебу брат (о хлебосольстве). Без хлеба, без соли никто не обедает* [7, с. 268, 552–553].

Данные комбинаторные связи отражаются в литературных текстах. Например:

1) *Что-то Москва? Как вы приняли государя и кто возьмется оправдать старинное московское хлебосольство?* (Пушкин А. С. Письмо П. В. Нащекину, 22 окт., 1831 года).

2) *Москва – город хлебосольный, рада принимать встречных и поперечных* (Тургенев И. С. Дворянское гнездо).

3) *Без чашки чаю, без рюмки, вина, без закуски от русского купца старого закала никому не уйти. Старинное хлебосольство не чуждо было и Корниле Егорычу* (Меньшиков-Печерский П. И. Красильниковы).

4) *Это ты, добрый человек, от обеда уходишь! – воскликнул Матвей, видя, что незнакомец собирается идти. – Разве мы не русские хлебосольные люди?* (Марков Г. М. Строговы).

Таким образом, разделение лингвокультурологического поля определяется функциональ-

ными отношениями распознавания, позиционирования и инициализации для каждой единицы смысла, выражением символизации, оязыковления и моделирования интерпретационной деятельности человека по отношению к миру (картине мира).

3.0. Таким образом, мы полагаем, что теория функций культуры образуют единое целое с гносеологией и методологией, является выражением моделирования и формализации процесса познания и интерпретации. Она следует принципам теории антропоцентризма, объединяя культурную антропологию, философию языка, когнитивную психологию, лингвокультурологию и другие связанные с этим научные дисциплины, интегрируя их в одну теоретическую модель, углубляя наши основные знания о связях языка и культуры. Самым важным является то, что теория функций культуры имеет огромное практическое значение, предоставляя для понимания и интерпретации текста инструмент операционного анализа. Мы надеемся, что данная теория будет постоянно совершенствоваться, создавая новый путь к открытию глубинных уровней текста.

Литература

1. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избр. раб.: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 413–423.
2. Большая китайская энциклопедия. Философия. – Пекин: Изд-во Большой китай. энцикл., 1987. – Т. 2. – 924 с.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. на кит. яз. Го Ин. – Пекин: Коммерческая пресса, 1992.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.
5. Гумбольдт В. Ф. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. – Пекин: Коммерческая пресса, 2000.
6. Дай Чжаомин. Введение в лингвокультурологию. – Пекин: Филология. – 1996.
7. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955. – Т. I–IV.
8. Кассирер Э. Опыт о человеке / пер. на кит. яз. Гань Яна. – Шанхай: Изд-во перевод. лит., 1987.
9. Клакхон К. Понятие культуры / пер. на кит. яз. Нажибилигэ. – Шанхай: Шанхай. народ. изд-во, 1999.
10. Ландманн М. Философская антропология. – Пекин: Рабочий, 1998.
11. Ли Янь. Интерпретация культуры. – Пекин: Народ. изд-во, 1996.
12. Лю Цзинтянь. Введение в философию культуры. – Пекин: Закон, 1999.
13. Маркс К. Полн. собр. соч. – Пекин: Китай. народ. изд-во, 1995. – Т. 1.
14. Новые зарубежные теории культурной антропологии. – Пекин: Изд-во лит. по соц. наукам, 1999.
15. У Гохуа, Пэн Вэньчжао. Языковая картина мира как объект лингвистических исследований // Изучение и преподавание иностранных языков. – 2003. – № 2.
16. Хуан Говэнь. Основы анализа дискурса. – Чанша: Хунан. изд-во «Просвещение», 1996.
17. Цзинь Кэму. Последний шанс. – Пекин: Центр. изд-во перевод. лит., 1996. – 258 с.
18. Чжан Жулунь. Исследование значения. Современные западные учения. – Шэньян: Ляонин. народ. изд-во, 1987.
19. Чжуан Сичан. Всесторонний взгляд на культурологию. – Ханчжоу: Чжэцзян. народ. изд-во, 1987.
20. Чжэн Чжэнькуй. Слияние комедии и трагедии // Китайские социальные науки. – 1981. – № 4.
21. Яо Сяопин, Хун Баотэ. Гуманитарные исследования и изучение языка. – Пекин: Изд-во преподавания и изучения иностранных языков, 1995.

References

1. Barthes Roland. Ot proizvedeniya k tekstu [From work to text]. *Izbrannye raboty: Semiotika, Poetika* [Selected works: semiotics, phonetics]. Russ. ed.: G.K. Kosikova. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 413-423. (In Russ.).
2. Bol'shaya kitayskaya entsyklopediya. Filosofiya [Comprehensive Chinese Encyclopedia. Philosophy]. Pekin, Izdatel'stvo Bolshoy kitayskoy entsyklopedii Publ., 1987, vol. 2. 924 p. (In Chinese).
3. Wittgenstein Ludwig. Logiko-filosofskiy trakat [Tractatus Logico-Philosophicus]. Chinese ed.: Guo Ying (transl.). Pekin, Kommercheskaya pressa Publ., 1992. (In Chinese).
4. Vorob'yev V.V. Lingvokul'turologiya: teoriya i metody [Linguoculturogy: theory and methods]. Moscow, RUDN Publ., 1997. 331 p. (In Russ.).
5. Gumbol'dt Wilhelm von. O razlichii stroyeniya chelovecheskikh yazykov i yego vliyanii na dukhovnoye razvitiye chelovechestva [On Language, On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Mental Development of the Human Species]. Chinese ed. Pekin: Kommercheskaya pressa Publ., 2000.

6. Dai Zhaoming. Vvedeniye v lingvokul'turologiyu [Elementary linguoculturology]. Pekin, Filologiya Publ., 1996. (In Chinese).
7. Dal V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, 1955, vol. I-IV. (In Russ.).
8. Cassirer Ernst. Opyt o cheloveke [An Essay on man]. Chinese ed.: Gan Yan (transl.). Shanghai, Izdatel'stvo perevodnoy literatury, 1987. (In Chinese).
9. Kluckhohn Clyde. Ponyatiye kul'tury [Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions]. Chinese ed: Naribilige (transl.). Shanghai, Shankhayskoye narodnoye izdatel'stvo Publ., 1999. (In Chinese).
10. Landmann Michael. Filosofskaya antropologiya [Philosophic anthropology]. Pekin, Rabochiy Publ., 1998. (In Chinese).
11. Li Yan. Interpretatsiya kul'tury [Interpretation of culture]. Pekin, Kitayskoye narodnoye izdatel'stvo Publ., 1996. (In Chinese).
12. Liu Jingtian. Vvedeniye v filosofiyu kul'tury [Introduction to culture philosophy]. Pekin, Zakon Publ., 1999. (In Chinese).
13. Marx Karl. Polnoye sobraniye sochineniy [Complete works]. Pekin, Kitayskoye narodnoye izdatel'stvo Publ., 1995, vol. 1. (In Chinese).
14. Novyye zarubezhnyye teorii kul'turnoy antropologii [New foreign theories of cultural anthropology]. Pekin, Izdatel'stvo literatury po sotsial'nym naukam Publ., 1999. (In Chinese).
15. Wu Guohua, Peng Wenzhao. Yazykovaya kartina mira kak ob''yekt lingvisticheskikh issledovaniy [Language worldview as a subject of linguistic studies]. *Izucheniye i prepodavaniye inostrannykh yazykov [Foreign languages studying and teaching]*, 2003, no. 2. (In Chinese).
16. Huang Guowen. Osnovy analyza diskursa [Elementary discourse analysis]. Changsha, Prosveshcheniye Publ., 1996. (In Chinese).
17. Jin Kemu. Posledniy shans [The Last Chance]. Pekin, Tsentralnoye izdatel'stvo perevodnoy literatury Publ., 1996. 258 p. (In Chinese).
18. Zhang Rulun. Issledovaniye znacheniya. Sovremennyye zapadnyye ucheniya [Study of meaning. Modern Western theories]. Shenyang, Lyaoninskoye narodnoye izdatel'stvo Publ., 1987. (In Chinese).
19. Zhuang Xichang. Vsestoronniy vzgl'yad na kul'turologiyu [Comprehensive view on culture studies]. Hangzhou, Zhechzyanskoye narodnoye izdatel'stvo Publ., 1987. (In Chinese).
20. Zheng Zhenkuyi. Sliyanie komedii i tragedii [Blending comedy and tragedy]. *Kitayskiye sotsialnye nauki [Social science of China]*, 1981, no. 4. (In Chinese).
21. Yao Xiaoping, Hong Baote. Gumanitarnyye issledovaniya i izucheniya yazyka [Research in humanities and language studying]. Pekin, Izdatel'stvo prepodavaniya i izucheniya inostrannykh yazykov Publ., 1995. (In Chinese).

УДК 008

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРАМАТУРГИИ ТЕАТРАЛИЗОВАННЫХ ФОРМ

Бубенкова Мария Викторовна, аспирант, преподаватель, кафедра режиссуры театрализованных представлений и праздников, Челябинский государственный институт культуры (г. Челябинск, РФ). E-mail: masha-aissur@yandex.ru

Аспекты постмодернизма в различной степени воплотились во всех сферах культуры, в том числе в сфере театрализованных форм. В характерной для неё драматургии они приобрели специфические черты, вызвали определённые трансформации, требующие культурологического осмысления. Рассматривая феномен интертекстуальности, автор статьи анализирует некоторые особенности и условия взаимодействия текстов в пространстве драматургии театрализованных форм двух видов: драматургии, воплощённой в сценарии, и драматургии, не выраженной в жёсткой структурной форме текстовой фиксации, но воплощённой в художественно-эстетической концепции театрализованной формы. Ста-

тья раскрывает определённые черты характера интертекстуальности драматургии театрализованных форм и факторы воздействия на неё, отвечает на вопрос: в результате чего и благодаря чему происходят основные «интертекстуальные переклички» и «новые повороты» цитат прецедентных текстов в смысловом полотне сценария. Исследование затрагивает такие структурные элементы драматургии театрализованных форм, как сценарный ход, приём монтажа и заимствования персонажей, а также важную роль зрительской аудитории, участвующей и процессе коммуникации и придающей воплощению интертекстуальных аспектов нелинейный, полифоничный характер.

Ключевые слова: интертекстуальность, текст, драматургия театрализованных форм, сценарий театрализованного представления, монтаж, сценарный ход, заимствование персонажей, перфоманс.

INTERTEXTUALITY IN THE SEMANTIC SPACE OF DRAMA THEATRICAL FORMS

Bubenkova Mariya Viktorovna, Postgraduate, Instructor, Department of Directing the Theatrical Performances and Festivals, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: masha-aissur@yandex.ru

Different aspects of postmodernism are embodied in all fields of culture, including the field of theatrical forms. These aspects have acquired specific features in the drama theatrical forms. Also, they caused some transformation, requiring a cultural analysis. The article deals with the phenomenon of intertextuality, some peculiarities and conditions of the interactions of texts in the space of drama theatrical forms. The author describes two kinds of these forms: drama that is embodied in the script, and drama that is not expressed in the firm structural form of textual setting but embodied in the artistically aesthetic concept of the theatrical from. It is spoken in detail about the particular features of the intertextuality of drama theatrical forms and factors of the influence on it. The article answers the question in consequence of what "intertextual interchange" and "new turns" of the quotations of the precedential texts can take place. The research touches upon such structural parts of drama of theatrical forms as the course of the script, montage, adoption of characters and also important role of the audience that takes part in the process of communication and that gives intertextuality polyphonic characteristics. The special features of dramatic intertextuality are following: dynamic interaction with collating units, oppozite postmodern chaos (composition, the course of the script, etc.); specific "overcoming the boundaries between text and reality," implementation of the principle of multi-layer coding, and specific communication. The interaction of structural elements occurs in a wide range of expressive means: a) different kinds of arts; b) drama as a whole; c) drama of theatrical forms in particular.

Keywords: intertextuality, text, drama theatrical forms, script of theatrical form, montage, course of script, adoption of characters, performance.

Характерная для постмодернизма ценность плюрального, провозглашение «смерти субъекта» и восприятие культуры как текста привели в конце XX века к появлению ещё одного понятия, ставшего ключевым в дискурсе последней культурной эпохи. Это понятие – «интертекстуальность», которое впервые использовано в 1966 году на семинаре Р. Барта в докладе Ю. Кристевой о творчестве М. М. Бахтина. Ролан Барт, в свою очередь, развил основные положения интертекстовой теории. Его главный тезис: каждый текст в широком смысле как знаковая структура, – это интертекст, «галактика означающих», «новая ткань, сотканная из старых цитат» [2, с. 386]; «другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [11, с. 78]. В тексте переплетаются «обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом» и т. д. [11, с. 78].

Это открытие повлекло за собой множество исследований в области искусства, где лидирующие позиции держала литература. Литературоведы и лингвисты видели суть интертекстуальности в том, что художественное произведение полно-

стью или частично формируется из явных и завуалированных реминисценций, ссылок на «иной текст, который можно отыскать в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе» [7, с. 11]; отмечали, что в «диалоге» текстов, «интертекстуальных перекличках» происходят «семантические трансформации» [6, с. 369]: в конкретном художественном произведении цитата из «иного текста» приобретает «новый поворот» [4, с. 18], новый смысл.

К концу XX века «интертекстуальность» обретает междисциплинарный характер, охватывая широкий спектр культурных практик разной проблематики, включая теорию культуры. Как верно обобщает современный культуролог М. А. Шуб, «интертекстуальность – это непрерывное коммуникативное взаимодействие текстов, в процессе которого происходит трансляция уже существующих смыслов и порождение новых… это и условие, и форма существования текста» [10, с. 18]. Сказанное, на наш взгляд, органически родственно драматургии театрализованных форм, поскольку в ней сложным образом переплетаются и взаимоперетекают изначально фрагментированные сюжеты безусловной, достоверной реальности и столь же прихотливо избираемые художественные тексты. В структуре этой драматургии не просто соседствуют, но во взаимодействии создают общую ткань представления (произведения-текста) персонажи, имеющие условно-эстетический статус, и подлинные герои, включая аудиторию, образующую действенную, соучаствующую среду представления. Кроме того, в отличие, скажем, от театрального спектакля, где, так или иначе, задается достаточно жесткий сюжетно-действенный вектор, в театрализованном представлении, чаще всего, сюжетность в известной мере «конгломератна» и способна к вариативам по ходу осуществления.

Таким образом, обладая сложной знаковой структурой, драматургия театрализованных форм, как любой текст, интертекстуальна. При этом ее следует разделять на два вида: 1) драматургию, передающуюся текстовой фиксацией на стабильном носителе, то есть воплощённую в сценарии театрализованных представлений, концертов, церемоний и т. д.; 2) драматургию, не выраженную в «досценичном» этапе в жесткой структурной форме текстовой фиксации, но воплощающуюся в смысловой художественно-эстетической концепции действия какой-либо театрализованной формы; осуществляющуюся в значительной мере спонтанным образом (характерно для перфоманса, хэппенинга, флэш-моба, некоторых вариантов «капустника», спонтанных массовидных явлений и т. д.).

Характер интертекстуальности также зависит от специфики коммуникации, определяемой природой драматургического текста театрализованных форм. Взаимодействие текстов происходит в условиях чрезвычайно широкого комплекса выразительных средств в различных видах искусств: литературы, музыки, хореографии, кино, и особенно театра. Важную роль в драматургии театрализованных форм играет, к примеру, сценарный ход – любой конструктивный принцип, объединяющий весь материал в сценарии, часто выраженный развёрнутой метафорой темы. Тема и сценарный ход как бы задают две линии, на пересечении которых возникают те самые любопытные «повороты» цитат, аллюзий, намёков – ссылок на другие тексты. Эти две линии направляют сценариста в подборе фрагментов различных текстов, способных вступить в диалог, переплестись между собой в сценарии, «спровоцировать» интересные монтажные соединения, распределиться в прямой речи ведущих и персонажей, натолкнуть на решения эпизодов и оригинальные названия.

Причем для нас принципиально важно отметить, что в отличие от многих других ситуаций композиционного творчества в алгоритме интертекстуальности работа сценариста театрализованных форм выступает таковой, не просто включая интертекстуальность как возможное свойство текста (одно из прочих), но демонстрирует это свойство как изначально заложенное, специфичное и фундирующее саму деятельность сценариста.

Приведём пример из сценария театрализованного представления ко Дню работника культуры (2014) в Челябинской государственной академии культуры и искусств. Его авторы в противовес традиционному пафосу праздника выбрали тон лёгкой самоиронии. Сценарный ход заключался в представлении деятелей различных направлений культуры как простых работяг-пахарей, строителей, шахтёров, металлургов и даже грузчиков. Исходя из сравнения с последними, роди-

лась миниатюра «Тяжела ноша работника культуры». Профессия строителей привела к первой части фильма «Операция “Ы”», сюжет которого разворачивается на стройке. Переосмысленный кинофрагмент, где милиционер раздаёт поручения «гражданам тунеядцам», стал решением эпизода о получении заданий работниками культуры. «Песчаный карьер» и «ликёроводочный завод» заменили «открытие чемпионата мира», «Бажовский фестиваль», «Новый год» и другие события, где нужны работники культуры. Хорошо был принят зрителями эпизод, построенный с помощью монтажа советских плакатов на тему рабочих и фотографий реальных героев – известных и авторитетных для зрителя личностей, к примеру, плакат с изображённой женщиной, мешком зерна и надписью «Каждой бабе – зерно роли!». Произошло это благодаря тому, что женщина на плакате обрела лицо известного в вузе театрального режиссёра, руководителя Мастерской новой пьесы «Бабы». Свою роль здесь сыграла и многозначность слова «зерно».

«Коллажный» принцип работы, гетерогенность соединяемых фрагментов, повторное использование «осколков и обрывков чужих текстов» – характерные черты современной драматургии театрализованных форм, говорящие о воплощении такого постмодернистского аспекта как интертекстуальность еще до того, как подобные концепты были сформулированы в лоне постмодернистского дискурса. К особенностям сценарной интертекстуальности можно отнести то, что проиллюстрированные «интертекстуальные переклички» находятся во власти субъекта. Сценарист предлагает зрителю свою интерпретацию сценарного «гипертекста», поэтому интертекстуальность драматургии такого вида имеет автороцентричный характер.

Львиную долю работы сценариста составляет литературное творчество, поэтому драматургии театрализованных форм не чужды и формы литературной интертекстуальности, такие как «заимствование, переработка тем и сюжетов, явная и скрытая цитация, аллюзия, парафраза, подражание, пародия и др.», – выделенные немецкими исследователями У. Бройхом, М. Пфистером и Б. Шульте-Мидделихом [5, с. 229]. Одни формы в драматургии театрализованных форм идентичны литературным, другие – приобретают специфические особенности. Например, «переосмысливание сюжета» [9, с. 15], о котором пишет Н. П. Шилов в книге «Сценарное мастерство», происходит по-новому, благодаря документальному материалу, заключённому в событии. Сценарист видит точки соприкосновения между известным сюжетом и жизненными реалиями и переосмысливает его в соответствии с ними.

С точки зрения литературного творчества необходимо отметить любовь сценаристов к многозначным словам, ведь они часто наводят автора на обращения и отсылки к новым источникам, на игру текстов. В том же сценарии ко Дню работника культуры, фрагмент (парада), представляющий очередных работников, звучал так: «А вот и наши пахари – работники театра, кино и телевидения! Поле их деятельности настолько широко, что пашут они с утра до ночи. Взращивают новые таланты на почве творческих способностей!» Подчёркнутые многозначные слова и устойчивые выражения с ними в данном отрывке связывают тему и сценарный ход, представляющие разные тексты: тема – сфера культуры и образования, сценарный ход – конкретная профессиональная культура технической или сельскохозяйственной специальности.

Одна из актуальных форм интертекстуальности драматургии театрализованных форм – заимствование персонажей. Благодаря ему, в пространстве драматургии вступают в полилог культуры разных стран и эпох. Характерные словечки и выражения заимствованных персонажей отсылают нас к тем художественным произведениям, откуда они пришли, к определённому времени и определённой культуре. К примеру, театрализованную игровую программу в честь Международного женского дня, ставшую лауреатом Всероссийского конкурса ведущих и исполнителей развлекательно-игровых программ «Затея» (Тюмень, 2013), вел персонифицированный ведущий Джек Воробей. Его появление в сценарии повлекло цитирование конкретной серии фильмов «Пираты Карибского моря» со своей знаковой структурой и внесло в драматургический текст свои смыслы. Прямая речь ведущего включала афоризмы из фильма, излюбленные фразы и словечки пирата, его интонационный строй. В сю-

жетном ходе появились другие герои из фильма, в музыкальном оформлении – саундтреки к нему. Сам статус Джека Воробья воплотил и культуру пиратов в целом, что позволило автору сценария обратиться ко всему пиратскому фольклору. Необходимость стилизовать прямую речь ведущего под речь Джека Воробья, наполненную иронией, и учитывать особенное возвышенное отношение к женщинам в этот праздник, свойственное российской культуре, потребовала от сценариста чувства тонкой грани их сочетания.

Специфической формой воплощения интертекстуальности драматургии театрализованных форм является монтаж. По словам режиссёра массовых праздников М. А. Туманова, монтаж, или смысловой монтаж, «дает возможность путем соединения разных по смыслу компонентов действия получить новый, имеющий собственный смысл» [8, с. 18]. Другими словами, суть монтажа – в соединении двух разных смыслов для рождения третьего. Идея монтажа, заимствованная из кинематографа, «проникала в различные видовые и жанровые системы советского искусства» [1, с. 22], начиная с 20-х годов. Монтаж напомнил художникам о широких возможностях «искусства комбинирования», «искусства мозаики»: различные по смыслу фрагменты, поставленные рядом, способны по-новому восприниматься в своём единстве. Эту мысль подчёркивает и Л. Бергер [3, с. 362].

Взаимодействие текстов, выраженное монтажными соединениями и столкновениями, происходит сразу в нескольких «измерениях». Во-первых, большое количество комбинаций, способных рождать новые смыслы, образуют художественные аудиовизуальные образы, создаваемые музыкально-шумовым оформлением, звучащим словом, видеопроекциями на экране, актёрским действием, хореографией, пантомимой. Во-вторых, всё вышеперечисленное взаимодействует ещё и с документальным материалом в аналогичных ипостасях. В результате одного и того же монтажного соединения можно получить множество различных смыслов, благодаря участию зрителя в коммуникативном процессе.

Вообще, о монтаже в драматургии театрализованных форм, фиксированной в тексте и свободной от текста, следует говорить отдельно. Соединение художественных и документальных элементов – это чётко выстроенный путь развития конфликта, раскрытия идеи, способствующий «решению сценарно-режиссёрского замысла». Здесь важную роль играют несвойственные постмодернизму системообразующие структурирующие установки, исторически укрепившиеся в ценностно-нормативном пространстве культуры. Влияние постмодернизма здесь выражено в более свободном монтировании – в неожиданном и смелом коллажном соединении (присущем именно постмодернизму) сценаристом гетерогенных художественных и документальных элементов. При этом постмодернистские техники находят органичное и, что важно, современно-образное звучание в целостности представления-произведения как текста.

Иначе дело обстоит в драматургии, характерной для перфоманса, рассматриваемого не как вид искусства, а как одна из театрализованных форм, обладающая спектакулярностью, способной выходить за пределы собственно художественного пространства. Благоприятная для него среда – открытые площадки с большим потоком людей. Его цель – создание определённой тематической атмосферы с помощью персонифицированных перфомансёров, их внешнего вида, жестов и действий, импровизации, интерактивной коммуникации со зрителями, звуковых и шумовых эффектов, табличек и т. д. Направленный на создание художественно-эстетического образа события, перфоманс в сфере театрализованных форм редко проводится отдельно. Как правило, он является частью театрализованного праздника или предваряет сценическое действие. Однако по смысловой наполненности он предполагает самодостаточность. Это возможно при наличии в перфомансе драматургии, внутренней концепции действия, которую, впрочем, нередко сложно обнаружить, поскольку влияние концептуализма, также родственного постмодернизму, сказывается в этих случаях вполне отчетливо.

Утрачивая такой важный компонент, как логически простроенная драматургия, перфоманс выполняет в контексте праздничного пространства чаще некую вспомогательную функцию создания общей праздничной атмосферы. Однако если говорить о случаях, когда образная концеп-

ция действия в перфомансе всё-таки есть и она в полной мере раскрывается благодаря целому комплексу выразительных средств, природа драматургической интертекстуальности существенно меняется.

На Всемирной акции «Ночь Гарри Поттера» библиотеку наполнили герои из одноимённого фильма, которые не просто в костюмах бродили по залам, но и взаимодействовали со зрителями, исходя из своих образов: преподаватели Хогвардса проверяли знания гостей об устройстве школы с помощью викторины, показывали магические приёмы; ученики-хулиганы гонялись друг за другом на мётлах, вынуждая гостей расступиться; знаменитая шляпа у входа в главный зал определяла, какой из факультетов подходит каждому гостю и др. Оживление отдельных фрагментов фильма соединилось в перфомансе с реальностью, включающей современных подростков, их реакцию на происходящее, их мировоззрение, интересы, эмоции. Здесь можно заметить своеобразное «преодолении границ между текстом и жизнью», свойственное интертекстуальности драматургии театрализованных форм.

Особенностью интертекстуальности драматургии перформанса является важная роль зрителей, каждый из которых интерпретирует смыслы, рождающиеся из взаимодействия текстов, по-своему. Полисмысловая многозначность делает драматургический текст принципиально «мультиинтерпретативным» и придаёт интертекстуальности плюральный, нелинейный характер. Роль зрителей велика и в сценарной интертекстуальности. На кругозор, интересы и профессиональные знания зрителя опирается сценарист, занимаясь литературной основой будущего представления. Тексты, к которым отсылают те или иные фразы, должны быть знакомы зрителю, иначе он не воспримет новый смысл, не уловит «поворот» цитаты и не насладится «семантическими трансформациями», которые произошли в «полилоге» текстов.

Если аудитория в высшей мере смешанная и разнородная, в драматургии театрализованных форм проявляется ещё один аспект постмодернизма, разрушивший в своё время пропасть между элитарным и массовым искусством. Это **принцип двойного кодирования**, свойственный художественной культуре постмодернизма. Он также воплощается в приёме монтажа и делает возможным чтение текста как рядовым, так и высокоинтеллектуальным зрителем. Монтажные «склейки» сценариста могут иметь несколько уровней: для поверхностного, или наивного, прочтения; для более глубокого, требующего особого интеллектуального «багажа» и т. д. Сценарист должен обладать навыками мультикодирования текста, предполагающего возможность для аудитории «прочитать» даже те смыслы, которые закладываются сценаристом на уровне своего культурного подсознания. В этом случае стоит говорить о творческой интуиции, чутье, умении предвидения творца текста на уровне чувственных образов, а не только рационально обоснованных конструктов.

Подводя итоги статьи, опираясь на вышеизложенный авторский анализ и личный сценарный опыт, а также исследования интертекстуальности Ю. Кристевой, Р. Барта, И. Смирнова, Е. Неёлова, А. Жолковского, Н. Пьеге-Гро, М. А. Шуб, перечислим черты, которые, на наш взгляд, делают природу интертекстуальности драматургии театрализованных форм особенной.

1. Принципы и аспекты интертекстуальности в смысловом пространстве драматургии театрализованных форм находятся в динамическом взаимодействии с упорядочивающими установками, обратными постмодернистскому хаосу. Фрагменты текстов расположены в сценарии не хаотично: у динамичного и «причудливого» по своей кажущейся разнородности коллажа есть логика и чёткая структура, которые определяют замысел сценария, реализуются с помощью композиции и сценарного хода, что в том числе говорит об автороцентричности сценарной интертекстуальности.

2. Характер интертекстуальности драматургии театрализованных форм зависит от специфики коммуникации, определяющейся природой самого текста драматургии такого типа: взаимодействие структурных элементов происходит в условиях широкого набора выразительных средств: а) различных видов искусств; б) драматургии в целом; в) драматургии театрализованных форм в частности.

3. К особенностям драматургической интертекстуальности можно отнести своеобразное

«преодоление границ между текстом и непосредственно реальной жизнью». Этот принцип активно реализуется такой процессуальной театрализованной формой, как перфоманс, которая в современных условиях наиболее соответствует «духу» постмодернизма. «Условные» действия перфомансёров «провоцируют» непосредственные, спонтанные реакции зрителей, специфично преодолевая заданность границ между условным и достоверным, документальным и художественным, сиюсекундным и глубинно смысловым.

4. Опредмечивание интертекстуальности в литературно-сценарных формах можно обнаружить в традиционном или трансформированном варианте. Последний подразумевает, что интертекстуальные формы в драматургии театрализованных форм основываются на реалиях, связанных с праздничным событием и его героями.

5. Одной из актуальных форм интертекстуальности драматургии театрализованных форм является заимствование персонажей из «прецедентных» текстов. Культуры разных стран и эпох могут вступать в полилог в пространстве драматургии такого типа.

6. Специфической формой воплощения интертекстуальности драматургии театрализованных форм является монтаж. Взаимодействие текстов, выраженное монтажными соединениями и столкновениями, здесь происходит сразу в нескольких «измерениях», образуемых пересечениями как художественных образов различных видов искусств, так и фрагментов документального материала в его различных ипостасях.

7. Интертекстуальность драматургии театрализованных форм кардинально обогащается участием в процессе коммуникации аудитории театрализованного действа, что позволяет реализовать принцип многослойного кодирования и делает возможным ее прочтение любым представителем аудитории и микрогруппами различного типа и уровня.

Таким образом, специфические свойства драматургии, связанные с особенностями её интертекстуальности, предъявляют особые требования к профессиональным качествам специалистов в области театрализованных форм, что необходимо учитывать при обучении будущих режиссёров и сценаристов.

Литература

1. Бакшеева М. Ю. Изучение монтажа в искусстве // Искусствознание: теория, история, практика: науч.-практ. журн. – Челябинск, 2012. – № 2. – С. 21–25.
2. Барт Р. Избр. раб. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – 616 с.
3. Бергер Л. Г. Эпистемология искусства. – М.: Русскій міръ, 1997. – 432 с.
4. Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. – М.: Наука, Вост. лит., 1994. – 428 с.
5. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм [Электронный ресурс]. – М.: Интрада, – 1996. – 260 с. – URL: http://lib.ru/CULTURE/ILIN/poststrukt.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 07.01.2016).
6. Неёлов Е. М. Шариков, Швондер и Единое государство: о фантастике Булгакова и Замятина // Булгаков М. А. Собачье сердце. Роковые Яйца. Похождения Чичикова; Замятин Е. И. Мы. Рассказ о самом главном. Сказки. – Петрозаводск: Карелия, 1990. – С. 359–378.
7. Смирнов И. П. Порождение интертекста. – СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. – 190 с.
8. Туманов И. М. Режиссура массового праздника и театрализованного концерта. – М.: Просвещение, 1976. – 88 с.
9. Шилов Н. П. Сценарное мастерство. – Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2004. – 68 с.
10. Шуб М. Л. Культура постмодернизма в пространстве архитектуры: автореф. дис. … канд. культурологии. – Челябинск, 2007. – 22 с.
11. Barthes R. Texte // Encyclopedia universalis. – Paris, 1973. – Vol. 15. – P. 78.

References

1. Baksheyeva M.Y. Izucheniye montazha v iskusstve [Research of montage in art]. *Iskusstvoznaniye: teoriya, istoriya, praktika [Art studies: theory, history, practice]*. Chelyabinsk, 2012, no. 2, pp. 21-25. (In Russ.).
2. Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1994. 616 p. (In Russ.).
3. Berger L.G. Epistemologiya iskusstva [Epistomology of art]. Moscow, Russkiy mir Publ., 1997. 432 p. (In Russ.).
4. Zholkovskiy A.K. Bluzhdayushchiye sny i drugiye raboty [Errant dreams and other works]. Moscow, Nauka, Vostochnaya literature Publ., 1994. 428 p. (In Russ.).

5. Il'in I.P. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm [Poststructuralizm. Deconstruction. Postmodernism]. Moscow, Intrada Publ., 1996. 260 p. (In Russ.). Available at: http://lib.ru/CULTURE/ILIN/poststrukt.txt_with-big-pictures.html (accessed 07.01.2016).
6. Neyelov Ye.M. Sharikov, Shvonder i Edinoye gosudarstvo: o fantastike Bulgakova i Zamyatina [Sharikov, Shvonder and Unified state: about fantastic fiction of Bulgakov and Zamyatin]. *Bulgakov M.A. Sobach'ye serdtse. Rokovye Yaytsa. Pokhozhdeniya Chichikova [Dog's heart. Fatal eggs. Chichikov adventures]. Zamyatin Ye.I. My. Rasskaz o samom glavnom. Skazki [We. Story about the most important. Fairy tales]*. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1990, pp. 359-378. (In Russ.).
7. Smirnov I.P. Porozhdenie interteksta [Emanation of intertext]. St. Petersburg, Yazykovoy tsentr SPbGU Publ., 1995. 190 p. (In Russ.).
8. Tumanov I.M. Rezhissura massovogo prazdnika i teatralizovannogo kontserta [Art direction of wide-scale holiday and spectacular]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1976. 88 p. (In Russ.).
9. Shilov N.P. Stsenarnoye masterstvo [Screenwriting]. Chelyabinsk, Chelyabinskaya gosudarstvennaya akademiya kultury i iskusstv Publ., 2004, 68 p. (In Russ.).
10. Shub M.L. Kul'tura postmodernizma v prostranstve arkhitektury. Avtoreferat diss. kand. kulturologii [Culture of postmodernism in architecture. Author's abstract of diss. PhD in culturology]. Chelyabinsk, 2007. 22 p. (In Russ.).
11. Barthes R. Texte. Encyclopedia universalis. Paris, 1973, vol. 15. 78 p. (In French).

УДК 130.2

ДУША ЧЕЛОВЕКА XVII–XVIII ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ИСКУССТВА)

Казаков Евгений Фёдорович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: kemcitykazakov@mail.ru

В статье, на основании исследования образов европейского искусства XVII–XVIII веков, анализируются проявления душевной жизни человека Нового времени. Важнейшей её характеристикой выступает отдаление «Града Земного» от «Града Божьего». Происходит обмирщение мировосприятия. Душевные страдания выражаются часто как физические муки, нередко полностью сводимые к ним. Духовное уже не обладает самодостоверностью; «реальность» его бытия необходимо подкреплять фактурной убедительностью организмически-вещного мира. «Земное», дабы постичь «небесное», не стремится подняться к нему, а низводит его до своего уровня, превращая в собственную часть. Усиливается чувство текучести, временности, мимолетности земной жизни; нарастает ощущение тревоги, неуверенности, бессмысленности, конечности бытия; мировосприятие становится всё более антирелигиозным. Акцент в искусстве переносится с глаз, лица – на тело человека и ту внешнюю среду, в которую он включен. Лицо начинает представать как часть «тела», и далеко не самая главная. Нарастает частичный характер мировосприятия. Происходит овнешнивание человека, его образ все более раскрывается через реакцию на окружающее; акцент делается на оттенках внешней динамики чувств. Овнешнивание человека превращается в его овеществление (что особенно наглядно в «парадных» портретах). Начинает доминировать откровенный натурализм. Попыткой компенсировать поверхностность, обездушенность вещизма и натурализма стала получающая всё большую популярность грёза (воплотившаяся в барокко и рококо). Человек стремится «казаться», а не «быть». «Град земной» отдалился от «Града Божьего», но память о нём, связь с ним не потерял. Духовный свет и первозданная красота продолжают пребывать в земном мире (что нашло выражение в творчестве Рембрандта, Я. Вермеера, П. Брейгеля, Й. Босха). Образы европейского искусства XVII–XVIII веков дают основание говорить о двух линиях развития душевной жизни человека: нисходящей (от «Града Божьего» к «Граду земному») и восходящей (от «Града земного» к «Граду Божьему»).

Ключевые слова: душа, европейский человек, Новое время, история XVII–XVIII веков, плотское, телесное, духовное, душевное, рассудочное, иллюзорное, демоническое, первозданное, отчуждённое, десакрализация, обмирщение, образ человека, изобразительное искусство, живопись, зодчество, ваяние.

THE SOUL OF MAN IN THE XVII-XVIII CENTURIES (ON THE MATERIAL OF EUROPEAN ART)

Kazakov Evgeniy Fedorovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kemcitykazakov@mail.ru

The article, based on research of images of European art in the XVII-XVIII centuries, analyzed existence of spiritual life of modern man. Its most important characteristic is the distance of the "Earthly" from "city of God." It is aberdene worldview. Mental suffering is expressed, often as physical torment, often completely reducible to it. Spiritual does not already possess self-sufficiency; "reality" of existence is necessary to reinforce with the credibility of organized textured material world. "Earth", in order to attain "heaven," does not seek to rise to it, and brings it down to the level, turning the private part. There is a growing sense of fluidity, temporality, the transience of earthly life; there is an increasing sense of anxiety, uncertainty, meaninglessness, the extremities of being; perception of the world is becoming increasingly anti-religious. The emphasis in the art has been transferred from the eye, face - to the body and the external environment in which it is included. The face starts to appear as part of the "body" but not the most important. It increases partial worldview. It is external person, this image is more and more is revealed through the reaction on the surroundings; the focus is on external speaker's shades of feelings. External man turns to his objectification (which is especially evident in the "ceremonial" portraits). Frank begins to dominate in naturalism. An attempt to compensate for the superficiality and the lack of spirituality of materialism and naturalism was receiving increasingly popular dream (embodied in the Baroque and Rococo). Man seeks "to seem" and not "to be." "Earthly" estranged from "city of God" but the memory of it, relationship with it is not lost. Spiritual light and primordial beauty continue to dwell in the earthly world (which found expression in the works of Rembrandt, J. Vermeer, P. Brueghel, J. Bosch). Images of European art in the XVII-XVIII centuries are two lines of development of the spiritual life of man: the downward (from "city of God" to "the earthly") and ascending (from "earthly" to the "city of God").

Keywords: soul, European, New time, history of the XVII-XVIII centuries, carnal, bodily, spiritual, mental, rational, illusion, demonic, primordial, alienated, desacralization, aberdene, the image of man, fine arts, painting, architecture, sculpture.

Важнейшей характеристикой душевной жизни европейской культуры в XVII–XVIII веках выступает ***отдаление «Града Земного» от «Града Божьего»***. Это в полной мере находит выражение в изобразительном искусстве, например, в частом использовании в архитектурных ансамблях и живописных произведениях многоярусных анфилад, лестниц, ведущих к церковным сооружениям или непосредственно в «мир небесный» (см., напр.: К. Райнальди «Лестница церкви Санта Мария Маджоре в Риме»; «Испанская лестница»; М. Вильман «Пейзаж со сном Иакова»). Показательно, что если готические храмы «текли» в небо, то в церквах XVII века «земная» горизонталь стала доминировать над вертикалью (см., напр.: П. Кортона «Церковь Санта Мария делла Паче в Риме»; Р. Барромини «Церковь Сан Карло алле Куаттро Ронтане в Риме»). Церкви отяжелели, осели, стали громоздкими; они стали более «земными», но и от этого путь к ним отнюдь не стал короче.

Образ «лестницы» несет в себе идею не только удаления «земного» от «небесного», но и их взаимосвязи, взаимоперехода. Однако данная тема обычно решается не через восхождение «земного» к «небесному», а посредством низведения последнего к «земному». ***Происходит обмирщение мировосприятия***. «Лестница», направленная, как

кажется, вертикально, «в небо», на самом деле ведет человека по горизонтали, вдоль поверхности земли. В искусстве это находит выражение, например, в том, что достоверность духовного действа художники, в значительной степени, передают посредством повышенной натуралистической осязательности внешнего облика своих персонажей (см., напр. М. Караваджо «Призвание Матфея», «Распятие ап. Петра» [14, с. 146]).

Широкое распространение получили сюжеты, в которых ***душевные страдания показаны как физические муки***, нередко полностью сводимые к ним (Х. Рибера «Мученичество св. Варфоломея»; Н. Грасси «Бичевание Христа»). В скульптуре «Экстаз св. Терезы» Л. Бернини изображает момент нахождения святой в состоянии бессознательной *чувственной* любви к Спасителю. На ряде полотен «святых» уже не отличить от обычных людей (Ф. Цуккарелли «Сцена жизни св. Ромуальда», А. Маринетти «Св. Иосиф»). На полотнах П. Рубенса «святые» наделены «торсами каких-то фавниц и бедрами настоящих вакханок» [18, с. 306]. Показательно, что в произведениях на религиозные темы сами священные лики нередко уже не занимают центрального места. Религиозный сюжет часто выступает лишь поводом, фоном для запечатлевания светской жизни (П. Рубенс «Поклонение волхвов»). В сценах распятия внимание концентрируется не на Спасителе, а на столпившихся вокруг зеваках.

Духовное уже не обладает достаточной самодостоверностью; «реальность» его бытия уже необходимо подкреплять фактурной убедительностью организмически-вещного мира. Однако вслед за доказательством в этот мир переводится и доказуемое. «Земное», дабы постичь «небесное», не стремится подняться к нему, а низводит его до своего уровня, превращая в собственную часть. Квази-духовное становится понятным и близким, «своим», «земным небом». Чтобы поверить в реальность духовного бытия, необходимо было ощутить его организмически, запустив, вслед за Фомой, пальцы в раны Христа (адекватность образа Фомы для выражения доминирующего характера миропонимания почувствовали и М. Караваджо («Неверие Фомы»), и Рембрандт («Неверие Фомы»). Духовное не просто низводится до организмического, но и ограничивается им (на картине Грасси над головой «Христа» уже нет нимба). «Животная сторона» человека достигает всей своей силы и радости» [18, с. 306].

На ряде полотен выражено не просто обмирщенное, а ***наступательно антирелигиозное мировосприятие*** (П. Рубенс «Тайная вечеря»; Д. Тьеполо «Бог-Отец»; У. Хогарт «Спящий приход»). В отличие от культуры средних веков (и, в определенной мере, от культуры Ренессанса) сакральные образы запечатлеваются не варьированием свето-цветовых взаимодействий, а посредством контрастной соотнесенности «светлого» и «темного» (Г. Хонтхорст «Детство Христа»; Ж. Латур «Рождество»; Рембрандт «Три креста»). «Свет» на полотнах данного ряда уже не самодостаточен, проявляя свое бытие лишь как отрицание «тьмы». Иконописный лик, запечатлевающий в чистоте духовное бытие, есть «свет без тени»; при нисхождении от лика к лицу «свет смешивается с тенью» (П. Флоренский). Искусство XVII–XVIII веков со всей отчетливостью выражает процесс «потемнения» душевной жизни человека. И. Тен отмечает: «У Рембрандта главный интерес картины вовсе ведь не человек, а скорее трагизм замирающего света, рассеянного, дрожащего, беспрерывно одолеваемого борющейся с ним тенью» [18, с. 305]; (см. также [19, с. 158]). В рассматриваемый период художники (Ж. Латур, П. Клас, В. Браувер, Я. Рейсдаль) так часто, как никогда ранее, помещают свои персонажи в ночь. Обесцвеченный мир запечатлевает получившая широкое распространение графика (Рембрандт, Ж. Калло, Ван Дейк, Ф. Пачеко).

Нарастает чувство тревоги, неуверенности, бессмысленности, конечности бытия, нашедшее выражение и во впервые появившихся зимних пейзажах (Я. Рейсдаль, П. Брейгель Младший, Х. Аверкамп). В искусство вошли темы одиночества, болезни, старости, быстротечности жизни. Физическая смерть стала восприниматься как абсолютная кончина человека (Н. Пуссен «Аркадские пастухи»; Я. Рейсдаль «Еврейское кладбище»; Д. Тьеполо «Смерть Дидоны» (см. [14, с. 106]). У Г. Робера в пейзажах римских развалин процесс умирания предстает величественнее, значительнее жизни; прошлое (даже почти исчезнувшее) воспринимается как более живое, «богатое», чем настоящее (показательно, что полностью исчезает устремленный в будущее образ «Мадонны с младенцем»).

Нарастающее ***чувство текучести, временности, мимолетности*** проявилось в барочной архитектуре, где посредством принципа анфилады задается последовательное раскрытие пространства, обретающего временную протяженность; разнообразная отделка, патетически жестикулирующие статуи делали интерьер непрерывно изменяющимся (интерьер Палаццо Барберини в Риме). Если греки делали акцент на состоянии покоя («Дискобол» Мирона), то в XVII–XVIII веках он переносится на состояние изменчивости. Трансформация барочных образов происходит прямо у нас на глазах: убегающая Нимфа наполовину уже превратилась в лавровое деревце (Л. Бернини «Аполлон и Дафна»); деревья, холмы, камни будто «переваривают» друг друга, а заодно и людей (П. Рубенс «Возчики камней»).

Время в портретах Д. Веласкеса – не выхваченный из потока жизни момент, оно – протяженное, оно – длится, оно – само подобно потоку. В картине «Менины» сам Веласкес существует сразу в трех измерениях: в прошлом, настоящем и будущем (см. [7, с. 147]). В отличие от Веласкеса, Ф. Хальс – мастер мгновения. Он запечатлевает в своих портретах наиболее выразительное движение – своего рода «движение между движениями» – «пойманного» в миг своего почти неуловимого равновесия. Рембрандт же изображает процесс становления образа, поток душевных трансформаций («Портрет Н. Брейнинка»). Его образы отличаются незавершенностью; они «достраиваются» (с нашей помощью) прямо на глазах. Особенно знаменательна в этом смысле несопоставимая ни с чем ранее серия автопортретов Рембрандта (их – более ста), на которых изображен процесс взросления, зрелости, старения одного лица. Это – один автопортрет, развертывающийся во времени; это – ***автопортрет «стареющего» времени***.

Акцент в картинах переносится с глаз, лица – на тело человека и ту внешнюю среду, в которую он ситуативно включен. Лицо начинает представать как часть «тела», и далеко не самая главная. Не случайно то, что главные персонажи многих полотен изображаются к нам спиной (Д. Веласкес «Венера с зеркалом», «Пряхи»). «Любовь земная», обособляясь от «любви небесной» (ее спину и изображает Веласкес), превращается в «любовь» греховную (см. галерею «Венер» П. Рубенса; А. Белуччи «Даная»), «любовь» игрушечно-кукольную (Фальконе «Грозящий Амур»; Ж. М. Вьян «Продавщица амуров»; С. Риччи «Купающаяся Вирсавия»). «Земля» обзаводится своим земным «прирученным небом» (где кроме «Венер» обитают им подобные «Вулканы», «Марсы», «Дианы»).

Нарастает частичный характер мировосприятия. Если художники Ренессанса стремились продуцировать в своем произведении завершенный «микрокосм», то художники XVII–XVIII веков все чаще изображают фрагментарные мотивы, эпизодические, случайные, единичные явления (Рембрандт «Давид и Урия»; К. Фабрициус «Часовой», «Щегленок»; П. Поттер «Бык»). Часть становится равновеликой целому, предстает его полноценной заменой. Чем более детализированным является взгляд на мир, тем более он оказывается поверхностным и неразборчивым (стремление к излишней деталировке, гипертрофированному украшательству характерно для барокко-рококо), превращаясь в безликую суммативность. Получают популярность групповые портреты (Ф. Хальс «Групповой портрет офицеров стрелковой роты св. Георгия», «Групповой портрет регентш харлемского приюта для престарелых»; Рембрандт «Ночной дозор»). За отсутствием внутренней бесконечности частичного человека акцент переносится на мультилицесть множества. В силу поверхностности (а значит, быстрой исчерпаемости) единичного, рассказ начинает вестись о групповом лице (в результате повествование становится чуть дольше, но не содержательнее). Образ человека оказался не в состоянии заполнить своей единичностью (не выражающей больше всеобщего, целого) всю поверхность холста. ***Чем «больше» человека, тем его меньше***.

Происходит овнешнивание человека, его образ все более раскрывается через реакцию на окружающее; акцент делается на оттенках внешней динамики чувств. Внутреннее состояние исчерпывающе выражается во внешнем облике. Внешнее становится все более самодостаточным, не нуждающемся для своего бытия во внутреннем. Утверждается жанр парадного портрета (Д. Веласкес «Портрет Филиппа IV»; А. Ван-Дейк

«Портрет Карла I на охоте»), образ человека-кумира, ставшего «небожителем» уже в земной жизни, заслоняющего и замещающего собой всё и вся (не случайно в этих портретах избирается точка зрения снизу вверх), «новые святые» (если не «новые божки»), предстающие полярной противоположностью иконописных ликов. Чем более овнешнен облик человека, тем более он ***овеществлен*** (не случайно в парадных портретах роскошная одежда персонажей и блистающий антураж занимают 9/10 полотна). Парадность «парадному человеку» в решающей степени как раз и придают украшающие «героя» и окружающее пространство горделивые и сверкающие вещи. В результате данные произведения предстают портретами «парада» вещей, где человек выступает их продолжением (далеко не самым изящным и красивым). Вещи рассказывают о человеке больше и содержательнее, чем он сам о себе, например, лицом. Парадный (уже почти «сакральный») групповой портрет вещей предстает «новой иконой» (точнее, антииконой).

Человек-вещь превращается в человека-игрушку и, наконец, просто – в игрушку-вещь (и игрушка-принцесса мало отличима здесь от игрушки-шута (Д. Веласкес «Портрет инфанты Маргариты»; «Портрет придворного шута Себастьяна Морра»). Начинается расцвет декоративно-прикладного жанра: Ф. Т. Жермен. Серебряная миска из «Парижского сервиза»; Ж. Жакоб. Кресло в «Этрусском вкусе»; «Часы с фигурами весталок, несущими священный огонь» (см. [5, с. 69]). Знаменательно, что в декоративной живописи образ человека утрачивает самостоятельное значение, его фигура превращается в деталь орнамента, в завитушку, цветовое пятно. Внешний облик человека всецело исчерпывает его внутренний мир (даже если речь идет о таком мыслителе, как Вольтер: Ж.-Б. Пигаль ваяет его в почти обнаженном виде; болезненная худоба, изможденность старика переданы здесь с такой натуралистической подробностью, что «за этим» ничего уже не видно). Внешнему человеку был адекватен внешний портрет; и чем более объективно он был сделан, тем оценивался как более точный. Вполне естественно, что данное стремление не требовало художественного образа, к которому было устремлено искусство. В XVIII веке создается первый прообраз фотоаппарата – физионотрас Кретьена.

Развертывается вполне закономерный переход от изображения «вещного» человека к изображению вещей-без-человека. Вещи все более вытесняют человека (как «несовершенную» вещь) из визуального пространства; набирает силу фиксирующий это новый (впервые ставший самостоятельным) жанр искусства – натюрморт (см., напр., натюрморты Караваджо, Х. Санчеса Котана, В. Хеда, П. Класа, Г. Метсю, А. Бейрена, В. Кальфа, А. Переда). Вещь оказывается не менее интересна (по форме, фактуре, своим взаимоотношениям) и живописна, чем внешний человек («живое» выступает безжизненнее «мертвого»). Натюрморт обретает самоценное значение, свидетельствуя равнозначность людей и вещей и даже превосходство последних, совсем вытеснивших на ряде полотен человека. Наряду с едой художники изображают различную кухонную утварь, подсвечники, музыкальные инструменты, предметы одежды. Вещи «съедают» человека. Особых результатов достигает в живописании этого Ж.-Б. Шарден. Столь любимые XVII веком «недавно еще живые» предметы фауны и флоры окончательно вытесняются у него творениями, созданными самим человеком (но уже не нуждающимися в нем) (см., напр.: «Медный бак», «Атрибуты наук», «Атрибуты искусств»). Творения человека (корзинки, крынки, кувшины, барельефы из гипса и бронзы и т. п.) начинают доминировать над человеком (вещи на картинах Шардена одушевленнее «людей», присутствующих там же в виде бюстов, напоминающих посмертные маски).

Одним из доминирующих направлений искусства становится откровенный (до физиологизма) ***натурализм*** (портреты Ф. Хальса; У. Хогарт «Девушка с креветками»; Ж. Шарден «Прачка»; С. Ротари «Девушка с прялкой»). Набирают популярность «низкие» темы (чревоугодие, пьянство, доходящее до безумия, веселье) (А. Браувер «Крестьяне, играющие в карты»; А. Остаде «В деревенском кабачке»; Я. Стен «Гуляки»). Утверждается бытовой жанр, в котором детально запечатлеваются проявления обыденной жизни (Г. Терборх «Точильщик»; Б. Стоцци «Кухарка»; Б. Мурильо «Девочка – продавщица фруктов»). Картины заполняют люди, живущие близко к земле, ритм и характер жизни которых задается извечными природными циклами. С одной сто-

роны, организмическое начинает мифологизироваться (кутаясь в античные и библейские одежды), самопревозносясь, вплоть до фетишизации, «обожествления», создания своего собственного «неба», где его существование длится бесконечно (П. Рубенс «Союз Земли и Воды», «Вакханалия»; Я. Йорданс «Плодородие земли»). С другой – демифологизируется до голого физиологизма (Ж.-А. Гудон. «Экорше», здесь впервые выставлен на полное обозрение организм человека, с которого снят кожный покров). Внешний человек совершенно органично из предмета искусства превращается в объективированный предмет науки, оснований для душевного переживания «Экорше» уже не дает.

Уже в произведениях П. Рубенса и Я. Йорданса человеческая организмичность предстает как «кулинарное блюдо», как «еда, пожирающая еду». В «кухонных» натюрмортах же человек или исчезает совсем (В. Хеда «Завтрак с ежевичным пирогом»; Г. Метсю «Завтрак»; Ф. Снейдерс «Натюрморт с лебедем»), или предстаёт одной из частей композиции, причем не самой красивой и значительной (Ф. Снейдерс «Фруктовая лавка», «Рыбная лавка», «Кухонный натюрморт»). Из «пожирающего еду» человек превращается в «пожираемого едой». Возобновляется продуцирование образов зверолюдей; особенно популярным становится козлоногий рогатый Сатир (Я. Йорданс «Сатир в гостях у крестьянина»; С. Риччи «Венера и Сатир»; К. Мишель «Вакхические игры»). Зверь больше не воспринимается со страхом как враг; в нем проступают черты не-зверя, сближающие его с человеком. Апофеоз этой тенденции выражен на картине Д. Тенирса Младшего («Обезьяны на кухне»), где всецело торжествуют потерявшие не только внутренний, но и внешний человеческий облик обезьянолюди. Крошечные фигурки людей, если и встречаются в пейзажах, то играют всецело подчиненную (природному) роль. Даже великан Полифем у Н. Пуссена почти слит с горой, вырастая из нее («Пейзаж с Полифемом»). Над рядом персонажей П. Рубенса владычествуют грубые животные инстинкты, «тут ничего не переходит за пределы утробной жизни и чувственности», Геркулесы здесь «с мускулатурой быка соединяют *бычью душу*», человек «представляется цветущею скотиной» [18, с. 307].

«Сон разума рождает чудовищ», – так назвал Ф. Гойя 43-й лист своих «Капричос». Здесь торжествует не искренность, а притворство, равнодушие, изворотливость, непристойность; уродливое борется с прекрасным и побеждает его; глупые одурачивают умных, смерть оказывается сильнее жизни. Человек дичает, демонизируется, оказываясь в сообществе ведьм, бесов и зверей (61-й лист «Капричос» показывает несущуюся на клубке ведьм красавицу-щеголиху; гравюры заполнены звероподобными людьми и человекоподобными зверями, мерзкими и зловещими чудовищами; кошмарными сценами ада). Человек предстает темной силой среди темных сил; выпадая из срединного положения между небом и землей (в котором он пребывал раньше). ***Душа испускает дух***.

Разум засыпает, но всё более бодрствует рассудок. Осуществляется попытка конструирования своей собственной завершенной («совершенной») рационализированной действительности, реализующаяся в классицизме и академизме. Н. Пуссен уподобляет построение картин античным музыкальным ладам, подчиняющим композицию строгим чеканным ритмам «дорийского модуса», «лидийской» спокойной гармонии или «ионийской» свободной грации (см. [9, с. 38]). На его полотнах одетые в цветные одежды греческие статуи разыгрывают пьесы античных авторов («Вдохновение поэта», «Похищение сабинянок», «Царство Флоры»); это – законченный «мир в себе», всестороннее «совершенство» которого привело к отстраненности от всего и вся. Данный мир – ничей, внешний относительно Бога, природы, истории и «живого» человека. Творения человека здесь вступают в состязание с «тварным миром» и торжествуют, «побеждая» их.

«Совершенные» рассудочные миры сходят с полотен, преобразуя и городские, и природные ландшафты (Ж. А. Габриэль, Ж.-Ж. Суфло. Площадь Согласия в Париже (прямоугольник с тремя лучами аллей); Малый Трианон в Версале (строгие геометрические формы, квадратный в плане); Ж.-Ж. Суфло. Храм Пантеон в Париже; А. Ленотр. Версальский парк (из геометрически правильных аллей, бассейнов, фонтанов; кустарников и деревьев, которым придавались формы кубов, конусов, шаров) (см. [10, с. 188]). Рассудочное (для придания своим мирам полной завершен-

ности) продуцирует и свой «пантеон богов», во множестве создавая портреты выдающихся интеллектуалов, выбирая состояния их высшего самовыражения, когда «мысль рождает мысль» (см., напр.: О. Фрагонар «Портрет Дидро», «Вдохновение»; Ж. Гудон «Вольтер», «Руссо»).

Попыткой компенсировать поверхностность и обездушенность вещизма, натурализма и физиологизма стала получающая всё большую популярность грёза. В барокко и рококо человек предстает как мимолетное видение, непрерывно меняющееся вместе с постоянно текущим и уходящим временем (А. Ватто «Отплытие с острова Цитеры»). В отличие от натурализма, человек здесь дематериализован. Продуцируют воздушные, словно нарисованные прямо в пространстве цветными дымами, миры. Дрожащий, почти осязаемый воздух (особенно у Веласкеса, Тициана, Рубенса) окутывает предметы. Вымышленные сюжеты, несуществовавшие и несуществующие персонажи и пейзажи, ненатуральные цвета и неестественные композиции, продуцируемые барокко-рококо, уводят душевную жизнь и от горних высей, и от дольних весей в ленивое царство праздной грезы: портреты знатных парижанок в виде муз, весталок, нимф Ж.-М. Наттье; альковые пикантные бездумные миры Ж.-О. Фрагонара («Счастливые возможности качелей»); «галантные празднества» А. Ватто («Общество в парке»); прихотливые изнеженные слащавые кокетливые миры Ф. Буше и Ж.-М. Вьяна. В наиболее «чистом» виде греза предстает в расплавившихся, потекших, тонущих в истоме и неге, мирах рококо (Ф. Кювилье «Фантазия», Ж.-О. Мейсонье «Орнамент»).

В искусство широко входит образ «зеркала» (Тициан «Венера перед зеркалом», П. Рубенс «Венера перед зеркалом», Ян Ван Эйк «Супружеская чета»; Д. Веласкес «Менины», «Венера перед зеркалом», Я. Иорданс «Король пьет», Б. Строцци «Старая кокетка»; зеркальная галерея Версальского комплекса, Жермен Боффа «Интерьер отеля Субиз»). Расположенные одно против другого, зеркала давали множество отражений, создающих иллюзию бесконечности. Стены дворцовых залов превращались в оправу для огромных зеркальных плоскостей, в которых предметный мир человека утрачивал цельность (каждый предмет распадался на множество несовпадающих отражений, терялся, становясь эфемерным) и вещественность. Зеркала превращали жизнь человека в театр, ежеминутно он чувствовал себя находящимся на сцене, где за каждым его движением следило множество глаз. Человек больше уже не принадлежал себе, делая то, что требовала от него невидимая публика. В результате и внутри него заиграли зеркала (и, оставшись наедине с собой, человек себе не принадлежал). Мир человека предстал одной большой дематериализовавшейся иллюзией. Внутренний облика человека здесь полностью подчинён внешнему (отражение начинает выступать доминантой относительно отражаемого; внешний человек начинает терять способность самоидентификации). Жизнь в зеркале – это вторая жизнь, незаметно становящаяся первой; это – ведущая роль «казаться» над «быть»; это – «парадный автопортрет», глядящийся в него, «делает» лицо в соответствии с неким каноном. Вытесняя иконы из «красных углов», вставляясь в роскошные оправы-оклады, зеркала выполняют роль своеобразной «антииконы».

Одной из самых популярных в искусстве XVIII века становится «тема маски», выражающая различные аспекты раздвоения душевной жизни на внешнее и внутреннее. Одним из таких аспектов является широко развернутая доминанта «казаться» над «быть». На многих картинах человек предстает лицедеем, жизнь – театром; портреты запечатлевают легко сменяющиеся оттенки чувств (кокетливость, шаловливость, насмешливость, мечтательность); образ человека становится поверхностным, полувидимым, тая прямо у нас на глазах (Ватто, Фрагонар, Буше). Распространяется и пейзаж-маска (пейзаж-декорация, пейзаж-городской натюрморт), выражающий тенденцию отдаления от первозданной природы, живого вообще (М. Риччи «Пейзаж с рекой»; Ф. Буше «Пейзаж в окрестностях Бове»; неизвестный художник «Воображаемый пейзаж»; Мариески «Уголок Венеции»). В качестве полноправного героя в искусство входит образ актера, театральная маска которого нередко полностью исчерпывает его внутренний мир (образы Пьеро, Арлекино, Мезетона у Калло и Ватто). Своеобразной эмблемой человека-театра XVIII века стала картина-фантазия К. Леду «Изображение

театрального зала в Безансоне, вписанного в человеческий глаз». Мир замкнулся, театр взирает на театр…

Процесс рефлексии над происходящим как отчужденным бытием и интенция к его изживанию нашли выражение в раскрытии темы «Блудного сына». В XVI веке к этой теме обращается Й. Босх, в XVII веке – Рембрандт, в XVIII веке – Д. Баззани (см. [13, с. 137]). Если в развертывании «темы маски» проблема отчужденности душевного бытия лишь ставится, актуализируется, то в раскрытии темы «Блудного сына» уже намечается ее решение. Важность данного библейского образа в том, что он позволяет адекватно идентифицировать характер душевной жизни как «блудный» (подобное мирочувствование мы видим и у П. Брейгеля в картине «Слепцы»). Знаменательно, что наиболее значительная из вышеуказанных картин – «Возвращение Блудного сына» Рембрандта – запечатлевает момент не покидания отчего дома (как в картинах Босха и Баззани, хотя уже и у них отрок не отличается особой уверенностью и решимостью), а – свершившегося возвращения обратно.

«Град земной» отдалился от «Града Божьего», но память о нём, связь с ним не потерял. Духовный свет и первозданная красота продолжают пребывать в земном мире. Это, с особой силой, проявлено в творчестве Я. Вермеера Дельфтского (см., напр.: «Служанка с кувшином молока», «Вид Дельфта», «Уличка», «Женщина, читающая письмо»). Особенность картин Вермеера заключается в том, что они пронизаны теплым золотым светом. И речь здесь не просто о живописном мастерстве; золотистое свечение великолепно изобразил, например, Рембрандт в «Данае», но это свечение не источает из себя первозданного тепла, «не кормит» душу. Свет на картинах Вермеера – животворящий, одухотворенный и одухотворяющий, наполненный ощущением нескончаемого счастья. Как и на иконах, первозданный свет здесь – главное действующее лицо. Картины Вермеера по мирочувствованию близки религиозной живописи, хотя религиозных сюжетов там и нет. Мы видим здесь пронизанный первозданно-чистым сиянием земной мир, внешне не похожий на эдемский, но внутренне несущий его в себе. Человек на картинах Вермеера уже пребывает на своей родине. Художник делает открытие большой жизнеутверждающей силы: родина находится не где-то в далеком прошлом или в незримой выси; человек здесь и сейчас несет родину в своей душе, в ее актуализирующемся первозданном плане. Особенность образов данного ряда – перенесение акцента с внешнего на внутренний облик человека; выражение через обыденное – возвышенного, вечного; ощущение покоя, тепла, полноты бытия, любви к «маленькому» человеку (подобное мировидение характерно и для П. Брейгеля («Крестьянская свадьба», «Крестьянский танец», «Охотники на снегу», «Зимний пейзаж с ловушкой для птиц»), и для Й. Босха («Искушение святого Антония»).

Образы европейского искусства XVII–XVIII веков дают основание говорить о двух линиях развития душевной жизни человека: нисходящей (от «Града Божьего» к «Граду земному») и восходящей (от «Града земного» к «Граду Божьему»). Первая является доминирующей: душа человека всё больше погружается во внешнее, организмическое, множественное, грезящее бытие. Но, во-первых, человек способен это осознать, называя вещи своими именами (тема покидающего родительский кров «Блудного сына»). А, во-вторых, душа не просто сохраняет память-тоску о потерянной «небесной родине», а продолжает на этой «родине», несмотря ни на что, пребывать, причём обретая её в конкретной земной реальности (полотна Я. Вермеера и Й. Босха, П. Брейгеля).

Литература

1. Андроникова М. Портрет. От наскальных рисунков до звукового фильма. – М.: Искусство, 2000. – 424 с.
2. Андронов С. А. Рембрандт. – М.: Знание, 1981. – 136 с.
3. Бенуа А. История живописи всех времен и народов. – СПб., 1912. – Ч. 1, вып. 13. – 112 с.
4. Гараш К. Венецианская живопись XVIII века. – Будапешт: Корвина, 1968. – 92 с.
5. Западноевропейский рисунок (XV–XX века). – Л.: Аврора, 2011. – 375 с.
6. Иоффе И. И. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. – Л.: ОГИЗ Ленизогиз, 1933. – 568 с.

7. Казаков Е. Ф. Душа европейского человека. – Кемерово, 2012. – 463 с.
8. Казаков Е. Ф. Душа ренессансного человека // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 33, ч. 2. – С. 19–24.
9. Кантор А. М. Изобразительное искусство XX века. – М.: Искусство, 2013. – 230 с.
10. Кожина Е. Искусство Франции XVIII века. – М.: Искусство, 2011. – 215 с.
11. Кормин Н. А. Онтология эстетического. – М.: Наука, 1992. – 117 с.
12. Любимов Л. Искусство Западной Европы. – М.: Просвещение, 2002. – 320 с.
13. Никулин Н. И. Искусство Нидерландов XV–XVI веков. – Л.: Искусство, 2004. – 160 с.
14. Прусс И. Е. Западноевропейское искусство XVII века. – М.: Искусство, 2006. – 383 с.
15. 500 шедевров. – М.: Слово, 1995. – 511 с.
16. Ротенберг Е. Искусство Голландии XVII века. – М.: Искусство, 2001. – 235 с.
17. Трофимов П. С. Основные закономерности исторического развития искусства (историко-социологические очерки). – М.: Искусство, 2000. – 239 с.
18. Тэн И. Философия искусства. – М.: Республика, 2006. – 351 с.
19. Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск: Наука, Сибир. издательская фирма, 1993. – 592 с.

References

1. Andronikova M. Portret. Ot naskal'nykh risunkov do zvukovogo fil'ma [Portrait. From cave paintings to sound film]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2000. 424 p. (In Russ.).
2. Andronov S.A. Rembrandt [Rembrandt]. Moscow, Znaniye Publ., 1981. 136 p. (In Russ.).
3. Benua A. Istoriya zhivopisi vsekh vremen i narodov [History of painting of all time]. St. Petersburg, 1912, part 1, iss. 13. 112 p. (In Russ.).
4. Garash K. Venetsianskaya zhivopis' XVIII veka [Venetian painting of the XVIII century]. Budapesht, Korvina Publ., 1968. 92 p. (In Russ.).
5. Zapadnoyevropeyskiy risunok (XV-XX veka) [Western European pattern (XV-XX centuries)]. Leningrad, Avrora Publ., 2011. 375 p. (In Russ.).
6. Ioffe I.I. Sinteticheskaya istoriya iskusstv. Vvedeniye v istoriyu khudozhestvennogo myshleniya [Synthetic History of Art. Introduction to the history of artistic thought]. Leningrad, OGIZ Lenizogiz Publ., 1933. 568 p. (In Russ.).
7. Kazakov E.F. Dusha evropeyskogo cheloveka [Soul of the European Man]. Kemerovo, 2012. 463 p. (In Russ.).
8. Kazakov E.F. Dusha renessansnogo cheloveka [Soul of Medial Man]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no 33, part 2, pp. 19-24. (In Russ.).
9. Kantor A.M. Izobrazitel'noye iskusstvo XX veka [Fine Art of the 20th century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2013. 230 p. (In Russ.).
10. Kozhina E. Iskusstvo Frantsii XVIII veka [French Art of the XVIII century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2011. 215 p. (In Russ.).
11. Kormin N.A. Ontologiya esteticheskogo [The ontology of the aesthetic]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 117 p. (In Russ.).
12. Lyubimov L. Iskusstvo Zapadnoy Evropy [Art of Western Europe]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 2002. 320 p. (In Russ.).
13. Nikulin N.I. Iskusstvo Niderlandov XV-XVI vekov [Dutch Art XV-XVI centuries]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 2004. 160 p. (In Russ.).
14. Pruss I.E. Zapadnoyevropeyskoye iskusstvo XVII veka [Western European art of the XVII century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2006. 383 p. (In Russ.).
15. 500 shedevrov [500 masterpieces]. Moscow, Slovo Publ., 1995. 511 p. (In Russ.).
16. Rotenberg E. Iskusstvo Gollandii XVII veka [Art XVII in Holland]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2001. 235 p. (In Russ.).
17. Trofimov P.S. Osnovnyye zakonomernosti istoricheskogo razvitiya iskusstva (istoriko-sotsiologicheskiye ocherki) [Main regularities of the historical development of art (historical and sociological essays)]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2000. 239 p. (In Russ.).
18. Ten I. Filosofiya iskusstva [Philosophy of Art]. Moscow, Respublika Publ., 2006. 351 p. (In Russ.).
19. Shpengler O. Zakat Evropy [Decline of Europe]. Novosibirsk, Nauka Publ., Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1993. 592 p. (In Russ.).

УДК 908(571.17)“1775/1860”

МЕНТАЛЬНОСТЬ КУЗНЕЦКИХ КРЕСТЬЯН (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА). СТАТЬЯ II. УСТАНОВКИ В СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Морозов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: oven.777@mail.ru

Внимание к теме обусловлено потребностью в изучении культурологических аспектов различных сторон бытовой морали крестьян Кузнецкого края, способствующих всестороннему осмыслению тенденций в духовной жизни местного общества. Поставлена задача конкретизировать проявления ментальных установок в поведении членов крестьянской семьи, выделить стереотипы нравственного поведения и представить обобщённый образ женщины, сформированный в крестьянском сознании.

Определены традиционные установки поведения женщины в различных типах отношений: супружеских, межпоколенных, к собственности патриархальной семьи. Среди её членов выявлено преобладание домашней эгоистической морали. Рассмотрены народные представления о брачном возрасте и политика администрации Колывано-Воскресенских заводов по соблюдению предельных сроков замужества.

Выделены основные поведенческие и психологические установки и привычки, характеризующие обобщающий образ женщины-крестьянки. Отмечены такие её качества, как внешняя демонстрация независимого поведения, выносливость и расчётливость. Практика отношений между полами выстраивалась на полной зависимости жены от мужа, домашнее насилие ещё часто расценивалось жёнами как признак внимания мужа, форма проявления любви.

Рассмотрены стереотипы религиозно-нравственного поведения крестьян в ряде ситуаций: разбирательства проступков общинным судом, реакции населения на природные катаклизмы, осуждения колдовства. Установки общинного сознания кузнецкого крестьянства удерживали отношения среди жителей деревни в рамках коллективной солидарности и ответственности, не приемлющих случаев морального разложения.

Ключевые слова: ментальность кузнецких крестьян, образ женщины, отношения в браке.

MENTALITY OF KUZNETSK PEASANTS (THE END OF XVIII - THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY). ARTICLE II. THE SYSTEM IN FAMILY LIFE

Morozov Nikolay Mikhaylovich, PhD in History, Researcher, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Office of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oven.777@mail.ru

The attention to a subject is caused by need for studying the culturological aspects of various parties of household morals of the peasants of Kuznetsk area promoting the comprehensive judgment of tendencies in spiritual life of local society. The task to concretize manifestations of mental system in behavior of members of a country family, to allocate stereotypes of moral behavior and to present the generalized image of the woman created in country consciousness is set.

Traditional system of behavior of a woman in various types of relations are defined: matrimonial, intergenerational as the general conditions of a patriarchal family. The prevalence of egoistical morals among members is revealed. National ideas of age of consent and policy of administration of Kolyvano-Voskresensky plants on observance of marriage are considered.

The main behavioural and mental sets and habits characterizing the generalizing image of the female peasant are allocated. Its such qualities as external demonstration of independent behavior, endurance and a thrift are noted. Practice of the relations between sexes was built on a complete dependence of the wife from the husband, the domestic violence still was often regarded by the wives as a sign of attention of the husband, a form of manifestation of love.

Stereotypes of religious and moral behavior of peasants in a number of situations are considered: trials of offenses by communal court, reactions of the population to natural cataclysms, sorcery condemnations. The system of communal consciousness of the Kuznetsk peasantry held the relations among residents of the village within collective solidarity and responsibility intolerant to cases of moral decay.

Keywords: mentality of Kuznetsk peasants, image of a woman, relation in marriage.

В сознании крестьян семья воспринималась, в первую очередь, как низовой универсальный производственный коллектив, состоящий из ближайших родственников. Трудовые отношения, основанные на кровнородственных связях в условиях замкнутого натурального хозяйства, являлись благоприятной средой для поддержания внутрисемейных традиций в разделении труда между поколениями, мужской и женской половинами, передаче знаний и опыта. Выполнение обязанностей по хозяйству представлялось естественным состоянием для человека, чувствовавшего себя более или менее защищённым в обстановке, наполненной родительской или сыновней заботой, любовью, моментами совместного сопереживания и преодоления общими усилиями неблагоприятных обстоятельств.

Вместе с тем отсутствие острого дефицита земли объективно вело к дроблению больших патриархальных семейных гнёзд, росту у женатых сыновей тяги к самостоятельной жизни, ведению единоличного хозяйства. На пути к реализации этого настойчивого желания уже слабым препятствием выглядел авторитет отца-большака.

О некоторых отношениях между родственниками, характерных для середины XIX века, Н. А. Костров писал так: «Сплошь и рядом в семействах жена, дочери, невестки тайком крадут из домашнего обихода или хозяйства и, что можно, продают на сторону; каждая для себя и тайком друг от друга. Это, по домашней эгоистической морали сибирячек, называется «прикладывать на себя». Сыновья также часто скрытно от отцов и матерей добывают себе деньги на счёт отцовских пожитков. Отцы большей частью предпочтительно любят только тех сыновей, которые с ранних лет обнаруживают большие буржуазные наклонности и эгоистически приобретательные способности» [7, с. 28–29].

Немаловажной причиной разделов являлись и «кухонные» конфликты, возникавшие между женщинами – «чтоб от баб какого греха не доспелось» [7, с. 35]. К тому же не все «молодухи» покорно сносили обиды свёкра или свекрови [4, л. 35–36 об]. Как объяснял один крестьянин: «Да бабы, то есть снохи, что-то всё не ладят. То за ту перешло, то за другую. К тому же у меня ребятишки, а у брата нет, так, стало быть, его жене, вишь, на моих-то ребят неохота работать» [10, с. 75, 155, 183].

Постепенно, к 1830-м годам в Кузнецком уезде стали преобладать не сложные по составу семейные ячейки, в среднем насчитывавшие 2,8 душ мужского пола и 2,9 душ женского пола. Тем не менее потребность в рабочих руках никогда не исчезала, особенно у приписных крестьян, вынужденных отвлекаться от домашнего хозяйства на отработку заводских повинностей.

Надёжным источником пополнения семей трудоспособными членами жители деревни считали заключение выгодных браков. В условиях низкой плотности населения и дефицита лиц женского пола до конца XVIII века, согласно церковным правилам, у юношей брачный возраст наступал с 15 лет, у девушек – с 12–13 лет. На самом деле таким незамысловатым способом поддерживалась сложившаяся у крестьянства практика приводить в дом дополнительные женские руки в виде пока малолетней или (как часто и бывало) для подростка – уже возрастной и опытной молодой жены.

Отчасти в целях пресечения подобных неравных союзов, нередко через годы совместной жизни завершавшихся семейными трагедиями с убийствами «постылых», в 1830 году официально брачный возраст был повышен соответственно до 18 и 16 лет. К этому времени женский труд не «потерял в цене», но стали меняться приоритеты

в поведении девушек. Они уже не спешили с замужеством, желая подольше насладиться «прелестями» состояния поиска суженного при заинтересованности родителей подольше задержать в семье полноценного работника.

В общественном сознании стало считаться нормой выход девушки замуж в 18-летнем и более старшем возрасте за ровесника или более зрелого молодого человека с разницей до 4–5 лет. На практике средний возраст невест в Кузнецком и Томском уездах составлял 21–22 года. В свою очередь в приписной деревне заводские власти, заботясь об увеличении податного населения, отслеживали ситуацию, чтобы крестьянские дочери подолгу (лет до 25–26) не «засиживались в девках», в противном случае заставляли отцов срочно решать вопрос их замужества.

Образ женщины

В старожильческой семье и в сельском обществе в целом женщины пользовались заслуженным уважением. Их труд считался тяжёлым, да и в крестьянском хозяйстве сложно было выделить чисто мужские или женские работы. По крайней мере, вдовам, не имевшим взрослых сыновей, всё приходилось делать самостоятельно или – при скромных личных возможностях – иногда рассчитывать на помощь со стороны.

В семьях, где мужчин было достаточно, в летнюю страду супруга всегда являлась незаменимой помощницей, не говоря о том, что занималась традиционно женскими занятиями: птицеводством, огородничеством, ухаживала за скотом, поддерживала порядок в доме, готовила пищу и припасы впрок, стирала, ухаживала за детьми. На плечи хозяйки ложились обязанности по обработке льна, выделке пряжи, сукна для одежды и её шитью.

«Премудрости» крестьянской жизни девочки начинали постигать уже с раннего возраста. С 6 лет матери усаживали их за прялку, поручали пасти домашнюю птицу. С 10 лет они брались за иглу и серп, на время полевых работ оставались домовничать, а в 14 лет умели ткать, жать зерновые и косить сено.

Распространённая, как замечали современники, среди сибирских крестьянок «одержимость истерическими припадками» («кликушеством») являлась следствием ежедневного интенсивного и изнурительного труда, испытываемого с детства, отягощенного многочисленными беременностями и высоким уровнем детской смертности. Они были подвержены нервным перенапряжениям, особенно в случае буйного или чрезмерно сурового характера мужа, свёкра, а также страха перед насилием при случайной встрече с «лихим» человеком.

Стоит заметить, что местные судебные органы, как и сельское общество, ревностно относились к защите прав женщины на личную неприкосновенность, их чести и достоинства [4, л. 32–33, 120–121]. Да и представительницы слабой половины, чувствуя такую поддержку, если не было мотива замалчивать, не стеснялись требовать наказания для обидчика. Сибирячкам, как и их мужьям, были свойственны: внешняя демонстрация независимого поведения, выносливость и расчётливость. В случае обоснованности претензий виновник в соответствии с тяжестью проступка приговаривался к экзекуции кнутом, аресту или штрафу в пользу истицы и(или) общества. Так, за похищение с поля бергайерской дочери А. Семёновой 15 лет и её растление крестьянин Касминской волости К. Прокудин в марте 1824 года решением Кузнецкого уездного суда был приговорён к 20 ударам кнутом и, «титлом поставя на лице штемпелевые знаки», ссылке «в работу по распоряжению губернского правления» [2, с. 34].

По подсчётам Н. А. Миненко, с 1806 по 1808 год во всём Колывано-Воскресенском округе рассматривалось лишь 28 судебных дел, связанных с супружескими конфликтами: «битьём» жены, её побегом из дома, «прелюбодеянием», убийством или подозрением на его совершение, а в 1817–1818 годах – только 13 подобных дел [2, с. 131]. По сохранившимся в архивах приговорам можно представить меру терпения и покорности, которые в общественном мнении оценивались как достоинства слабой половины.

Так, к примеру, «один из крестьян с. Бачатского укрощал ревновавшую-же хозяйку при посредстве болота, где имел обычай топить её до потери сознания каждый раз» [7, с. 107]. Несомненно, изуверские привычки не возникали ниоткуда, но являлись порождением безнаказанности, особенно процветавшей в более ранние периоды кузнецкой истории, когда контроль за повседнев-

ной жизнью населения, особенно отдалённых от волостного центра деревень и заимок, со стороны гражданских властей и священников не был регулярным или вообще отсутствовал.

Представляется, что какая-то часть жалоб рассматривалась на сельских сходах по упрощённой процедуре и не вошла в официальную статистику. Стереотипы поведения в отношении супруги обусловливались как распространённостью браков, заключённых по родительской воле, так и её экономической и юридической зависимостью от мужа [5, с. 11]. Без его разрешения хозяйка не имела права даже на временную «отлучку» из дома. Поэтому, домашнее насилие, если и было в середине XIX века повсеместным, как это в своё время утверждали Н. А. Костров и Н. М. Ядринцев, то, в основном, в супружеских парах, где жена была морально сломлена и боялась возмездия.

Домашнее насилие не было чуждым явлением и в семьях старообрядцев с более строгими правилами поведения и отрицанием в некоторых согласиях таинства брака. Мужественным покажется поступок Марфы Нестеровой из с. Коуракского, просватанной за крестьянина д. Рассолкиной Семёна Матвеева, обещавшего венчание в православном храме соседнего села. Но жених «в церкви с ней не венчался, лишил её девства и принуждает сожительствовать “так, по-раскольнически, – без венчания”, и вместе требует, чтобы она пришла в его раскольническую веру» [3, с. 172]. Несколько раз молодая женщина убегала от Матвеевых за десятки вёрст в родной дом, один раз – босой в зимнее время, но её вновь насильно возвращал жених с родственниками, наносил жестокие побои. Конец мучениям положил староста Тарсминского волостного правления, лично передавший несчастную в руки матери «всю в синявицах от битья кнутом и давления коленками».

Народная этика разрешала разводы и вторые браки только в том случае, если к этому был основательный повод, например, супружеская неверность. Но, в целом, развод считался позором, грехом, ударом в первую очередь по репутации женщины, которую называли брошенкой или отходкой.

Во многих семьях нормой поведения являлось обходительное отношение супруга к своей «второй половине». Об этом красноречиво свидетельствуют сохранившиеся в архивах со времён XVIII – первой половины XIX века крестьянские письма и записи разговоров, в которых главы семей употребляли в присутствии детей различные уважительные обращения: «мать», «хозяйка», «жена», называли по имени-отчеству и никогда – «баба» [8, с. 99].

Встречавшиеся в жизни противоположные примеры, как относительного равноправия между полами, так и насилия над слабой половиной, способствовали формированию в подсознании крестьянки комплекса защитных механизмов, нацеленных на обеспечение желаемого «статус-кво». Так, в моменты определённых переживаний могла «включиться» установка обращения за помощью к потусторонним силам, связанным с языческими культами.

По наблюдениям Н. А. Кострова, в Томской губернии обряды колдовства, ведовства и знахарства чаще всего совершались посредством змеи и лягушки, но иногда в ход шла человеческая кровь, некоторые части тела, волосы, испражнения. Набор средств был не случаен и отражал некоторые стороны дохристианских воззрений, которые встречались и у других народов. Так, в Германии существовало поверье о том, что только разного рода гады, например, ящерицы, черви, лягушки и змеи, могли быть продуктом совместных деяний дьявола с ведьмой [6, с. 4]. Впрочем, сибирские знахари использовали их и в лечебных целях: змеиную кожу – от лихорадки, лягушек – против запоя. У кузнецких татар змея, якобы живущая в своём высокоорганизованном обществе, наделялась совершенным разумом.

Конечно, такие случаи не были нормой в быту, и в судебной практике фиксировались тщательно. Так, в 1807 году по обвинению в «“порче” мужа – Антона Новикова, к суду были привлечены его жена Мария и крестьянка Верхотомской волости Устинья Романова. В 1818 году жена лазаретного служителя Салаирского рудника Акулина Мякотина объявила начальству, что пять лет тому назад крестьянка Прасковья Адова колдовала с намерением довести до смерти свою золовку Хавронью с помощью сушёной лягушки, которую клала в щи» [6, с. 2; 10, с. 130]. После рассмотрения подобных дел суд, как правило, выносил суровый приговор – наказание ответчицы розгами

с последующим переселением в «дальний край Сибири».

Несомненно, при внешне казавшейся монотонной жизни кузнецкой деревни, сосредоточенной на выполнении календаря сельскохозяйственных работ и заводских повинностей, в её недрах кипели, иногда вырываясь в наружу, семейные страсти, бушевали эмоции. В судьбе местной женщины случались маленькие и большие трагедии, моменты счастья, разочарований и апатии, все вместе питавшие и одновременно выражавшие внутренний мир сибирячки – пластичный в ответах на различные обстоятельства повседневности и закалённый в условиях суровой действительности.

Стереотипы нравственного поведения

Важным регулятором отношений внутри деревенского общества являлись нормы поведения, в основе которых находились общепринятые ценности. В крестьянской среде, почитающей православные традиции, идеализированные представления о морали соотносились с Божьими заповедями – своеобразным кодексом человеческого общежития, несоблюдение которых должно неотвратимо караться судом божьим.

Первые четыре заповеди содержат в себе обязанности любви к Богу. Последние шесть посвящены любви к ближнему (то есть ко всем людям): почитай отца твоего и мать, да будешь благословен на земле и долголетен; не убий; не прелюбодействуй; не укради; не лжесвидетельствуй; не пожелай ничего чужого. Их соблюдение гарантировало уважение соседей и репутацию благопристойного христианина.

Заподозренный в проступке, чтобы оправдаться, обязан был принародно произнести перед иконой клятву: «Порази меня, царь небесный, если я этому делу виновен!». В это время присутствующие зорко следили за непроизвольной мимикой лица, движением рук, глаз и другими невербальными признаками, выказывавшими беспокойство, которые могли выдать проштрафившегося. По этим основаниям (при отсутствии прямых улик) делались заключения о виновности. Иногда страх лжесвидетельства перед святыми образами был настолько велик, что «трясясь чрезвычайно весь и будучи безмолвен, человек “не мог говорить читаемой ему присяги, а потому и удержен”» был [8, с. 60].

О набожности крестьян и её усилении в период бедствий можно судить по воспоминаниям жителя близкого к Кузнецкому краю Сузунского завода А. Широкова о прошедшем в 1829 году землетрясении. Среди приписного населения «пронёсся слух, что идёт комета Меркулей, которая в несколько раз больше солнца; она будет проходить мимо его, и если Бог не потерпит грехам народа, Меркулей заденет за солнце, солнце упадёт и опрокинет землю». Как передавал очевидец: «В ожидании сего страшного события всякой оставлял свои дела и работы и старался посвятить краткий остаток жизни занятиям душеспасительным. Женщины заводские и деревенские, все без исключения, спешили каждый день в церковь, и там, смиренно преклоня колена, с искренними слезами возсылали мольбы свои ко Всевышнему о спасении. Утешительные слова и наставления пастыря были для них единственною отрадою. Молодые девушки постились и, исповедуя грехи свои отцу духовному, изъявляли пламенное желание сподобиться приобщения святых тайн, и доблестный служитель церкви не отказывал им в этом <…>. Так прошла неделя, другая, потом малу-помалу начало приходить все в прежний порядок <…> прошел месяц-другой, и грешная жизнь снова закипела» [9, с. 172–173].

В общественном сознании бытовавшие представления о нравственности наполняли содержанием традиционные элементы бытовой этики. Тяжкими оскорблениями считались: обрезание у мужчин бороды, у женщин – косы; безосновательное обвинение девушки в «незаконной связи» или замужней женщины – в сожительстве с посторонним мужчиной; срывание платка с головы женщины или девушки (появиться с непокрытыми волосами было равносильно показаться на улице в голом виде). В судебных делах упоминались «предрассудительные поступки»: «предерзость в миру», непристойность, поношения, пьянство, буянство, распутное поведение, похабство, тяжбы, а также отрицательные характеристики – «не дельный человек», «кляузник на суседа», «не уважает общество» [1].

За подобные случаи бесчестья общинный суд, как правило, приговаривал виновного к денежному штрафу в пользу пострадавшей стороны или к телесному наказанию [7, с. 116]. В этой части полномочия главы семьи распространялись

только на несовершеннолетних её членов, но в случае их превышения, по жалобе обиженных родственников мог сам быть призван к ответу.

При выборе для осужденного кары присутствовал мотив нанесения воспитывающего нравственного или физического страдания и как следствие – ожидание от него отказа от правонарушений в будущем. Менее чувствительным представлялось присуждение общественных работ или арест с заключением в «кутузку» («чижовку») на хлеб и воду. Поэтому суды предпочитали «выписывать» розги – более эффективное, наглядное и лёгкое по исполнению средство исправления. Как говорилось в народной пословице: «Розги не мука, а впредь наука». Впрочем, были случаи, когда здоровым мужикам «за дело» было не страшно выдержать сотню и более ударов шпицрутенами. Не являлись исключением случаи и безвинных, но жестоких наказаний, какое, например, в 1865 году якобы за кражу 12 рублей, кстати, не доказанную, по решению сельского старосты Опарина и «общества» понесла Александра Елгина из д. Белининой Кузнецкого округа. Женщина родила мёртвого ребёнка после того, как с небольшими перерывами четыре раза «приняла» от 30 до 50 таких ударов, что в некоторых местах тела кожа висела клочками [7, с. 114].

В крестьянской среде, как и у местных народностей, широко использовалось «посрамление» унижением публичностью проступка. Одну из таких сцен, «исполненную» телеутами, описал Н. Костров: «Украденные вещи или части их, – например, от зарезанной коровы голова, привешивается вору на шею, и его окружает толпа народа, предшествуемая впереди верховым, за которым следует инородец с печной заслонкой на шее и бьёт дробь вроде барабана, по бокам вора два экзекутора с прутьями, сзади второй верховой. Вся эта группа проходит по всем улицам улуса и останавливается пред каждым домом, где похититель должен предлагать хозяину дома купить у него краденое и выхвалять свой товар» [7, с. 115].

Общинное сознание кузнецкого крестьянства, ориентированное на религиозно-нравственные ценности и практицизм, по существу, удерживало отношения среди жителей деревни в рамках коллективной солидарности и ответственности, не приемлющие случаев морального разложения. Вместе с тем юридически нормы общежития и наказания за проступки в сочетании с народными обычаями, регулировавшими хозяйственную деятельность и отношения в быту, не могли в сибирских реалиях первой половины XIX века «подавить» установки девиантного поведения у некоторой части сельского мира. Таким образом, сохранялась почва, как для духовных, так и вполне материальных «манёвров» между добром и злом, жизнью и смертью.

Литература

1. Андрюсев Б. Е. Мир старожилов Сибири [Электронный ресурс]. – URL: http://andjusev.narod.ru/index2.htm (дата обращения: 02.12.2015).
2. Бачинин А. Н. Материалы для гендерной истории края в фондах Кузнецкого суда (первая четверть XIX века) // Архивы Кузбасса: информ. метод. и ист.-краевед. бюл. архив. упр. администрации Кемеров. обл. – Кемерово, 1999. – № 1 (3). – С. 31–37.
3. Беликов Д. Н. Томский раскол : (исторический очерк с 1834 по 1880-е годы). – Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1901. – 246 с.
4. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). – Ф-15. – Оп. 1. – Д. 30.
5. Коляскина Е. А. Образ женщины в картине мира русских Алтая второй половины XIX – первой трети XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Бийск, 2010. – 23 с.
6. Костров Н. А. Колдовство и порча между крестьянами Томской губернии // Зап. Запад.-Сиб. отд. Император. Рус. географ. о-ва. – Омск, 1879. – Кн. 1. – С. 1–16.
7. Костров Н. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. – Томск: Том. губерн. тип, 1876. – 117 с.
8. Миненко Н. А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX века. – Новосибирск: Наука, 1989. – 160 с.
9. Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII – первая половина XIX века. – М.: Наука, 1991. – 226 с.
10. Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX века). – Новосибирск: Наука, 1979. – 350 с.

References

1. Andryusev B.E. Mir starozhilov Sibiri [World of old residents of Siberia]. (In Russ.). Available at: http://andjusev.narod.ru/index2.htm (accessed 2.12.2015).
2. Bachinin A.N. Materialy dlya gendernoy istorii kraya v fondakh Kuznetskogo suda (pervaya chetvert' XIX veka) [Materials for gender history of edge in funds of Kuznetsk court (the first quarter of the XIX century)]. *Arkhivy Kuzbassa: informatsionno-metodicheskiy i istoriko-krayevedcheskiy byulleten' arkhivnogo upravleniya Administratsii Kemerovskoy oblasti [Archives of Kuzbass: information and methodical and local history bulletin of archival management of Administration of the Kemerovo region]*. Kemerovo, 1999, vol. 1 (3), pp. 31-37. (In Russ.).
3. Belikov D.N. Tomskiy raskol: (istoricheskiy ocherk s 1834 po 1880-ye gody) [Tomsk split: (a historical sketch from 1834 to the 1880th years)]. Tomsk, Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina Publ., 1901. 246 p. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti (GAKO). F-15. Op. 1. D. 30. (In Russ.).
5. Kolyaskina E.A. Obraz zhenshchiny v kartine mira russkikh Altaya vtoroy poloviny XIX pervoy treti XX veka. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Image of the woman in a picture of the world of Russians of Altai of the second half of XIX – the first third of the XX century. Author's abstract of Diss. Dr. ist. sci]. Biysk, 2010. 23 p. (In Russ.).
6. Kostrov N.A. Koldovstvo i porcha mezhdu krest'yanami Tomskoy gubernii [Sorcery and damage between peasants of the Tomsk province]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obschestva [Notes of the West Siberian department of Imperial Russian geographical society]*. Omsk, 1879, book 1, pp. 1-16. (In Russ.).
7. Kostrov N. Yuridicheskiye obychai krest'yan-starozhilov Tomskoy gubernii [Legal customs of peasants old residents of the Tomsk province]. Tomsk, Tomskaya gubernskaya tipografiya Publ., 1876. 117 p. (In Russ.).
8. Minenko N.A. Zhivaya starina. Budni i prazdniki sibirskoy derevni v XVIII pervoy polovine XIX veka [Live old times. Everyday life and holidays of the Siberian village in XVIII – the first half of the XIX centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989. 160 p. (In Russ.).
9. Minenko N.A. Kul'tura russkikh krest'yan Zaural'ya. XVIII pervaya polovina XIX veka [The Russian country family in Western Siberia (XVIII – the first half of the XIX century)]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 226 p. (In Russ.).
10. Minenko N.A. Russkaya krest'yanskaya sem'ya v Zapadnoy Sibiri (XVIII pervaya polovina XIX veka) [The Russian country family in Western Siberia (XVIII – the first half of the XIX century)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979. 350 p. (In Russ.).

УДК 303.446.2(235.222)

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ АЛТАЙЦЕВ: КУЛЬТ ОГНЯ И ФЕНОМЕН ЖИЗНИ

Посконная Жанна Вениаминовна, соискатель, кафедра культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: pgv9@bk.ru

Данная работа посвящена культу огня у алтайцев как одному из самых важных, центральных, структурообразующих в общей обрядовой системе культов данного этноса, тесно связанных с пониманием такого феномена, как жизнь. Подробно обрисован сам образ хозяина огня (От-Ээзи), представленный в традиционном понимании алтайцев в виде женщины или юной девушки, имеющих силу и могущество, связанных с небом и солнцем, основным предназначением которых является зарождение новой жизни. Выявлено, что дух огня у алтайцев характеризуется амбивалентными свойствами как источника жизни, так и её разрушителя. Обозначена роль огня как посредника между людьми и духами, и выявлено значение огня с фигурой кама (шамана). Кроме того, выделено несколько аспектов рассмотрения проблемы, в которых выявлена связь феномена жизни с культом огня, охватывающие разнообразные явления материальной и духовной культуры алтайцев: «Огонь-очаг – центр жилища»; «Огонь в семейно-брачной сфере»; «Очищающая и лечебная функции огня»; «Огонь в погребальном обряде»; «Запреты, связанные с огнём». Первый аспект – это центральный образ алтайской культуры От-очок

(символ очага), олицетворяющий собою стабильность и являющийся как символом преемственности поколений, так и символом непрерывного течения благополучной жизни семьи, сööка (рода) и т. д. Второй аспект – это то, что особо почитаемой природной силой в семейно-бытовых обрядах алтайцев является огонь как один из главных фигурирующих микрообрядов, направленных на сохранение жизни отдельного человека и этноса в целом. Третий аспект – это роль огня в традиционной народной алтайской медицине. Выявлено, что описанные в данном аспекте обряды, связанные с огнём и направленные на сохранение здоровья и продление жизни, несут не только сакральный смысл, а представляют собой также бытовую характерность (очищающая и дезинфицирующая функция при лечении болезненных состояний). Четвёртый аспект – это погребальные обряды алтайцев и древних тюрок Алтая, направленные на заботу об усопших родственниках и продолжение их достойной жизни в ином мире, где огонь выступает как посредник между миром живых и миром мёртвых. Пятый аспект – это запреты и ограничения, связанные с огнём.

Ключевые слова: феномен жизни, культ огня, дух огня (От-Ээзи), мать огня (От-Эне), алтайцы, жилище, очаг, кам (шаман), свадебный обряд, погребальный обряд, запреты.

TRADITIONAL ALTAIAN'S WORLD-VIEW: THE FIRE CULT AND LIFE PHENOMENON

Poskonnaya Zhanna Veniaminovna, Applicant, Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: pgv9@bk.ru

This research work deals with the Altaian's fire cult as the most important, central, structure-forming of the cults' common ritual system of this ethnos, which closely related with understanding the phenomenon life. It is educed that the Altaian's spirit of fire has ambivalent characteristics of both life-spring and its destroyer. The role of fire is denoted as the mediator between people and spirits. The meaning of the fire with the stature of kama (the shaman) is also educed. In addition there is the description of the aspects that denote the connection of the life phenomenon and the Altaians' spiritual culture. In the first aspect we described the centric character of the Altaian's culture Ot-ochok (the symbol of fire) which represents the motionless valued space point in the house (its centre), personifies the stability and presents both the symbol of the continuity of generations and the symbol of continuous tide of successful family life, sööka (the clan) and etc. The second aspect denotes the fire as the special considerable natural force at the domestic rituals of Altaians. The fire is one of the main micro-rituals that refer to life sustaining of a certain person or the whole ethnos. The third aspect is dedicated to the role of fire at the traditional Altaic medicine. It is denoted that described rituals (related to the fire and focused on preservation of health and prolongation of life) bring a sense of sacral and present domestic distinctness. In the fourth aspect we made a conclusion that the fire is a mediator between the living and spiritual world at the Altaian's and ancient Altaic Turkis' obsequies which refers to the attention of departed relatives and continuation of their successful life in another world. At the fifth aspect we report about prohibitions and limitations that relate to the fire.

Keywords: life phenomenon, fire cult, spirit of fire (Ot-Eezi), mother of fire (Ot-Ene), Altaians, house, centre, kam (shaman), wedding rite, obsequies, prohibitions.

В начале XX века Горный Алтай прочно влился в русло общероссийской модернизации, и это со временем отразилось на состоянии духовной жизни его населения. Процесс передачи этнокультурной традиции последующим поколениям алтай-кижи был нарушен в советские годы секуляризацией духовной сферы данного этноса. Стремление к возрождению национальных духовных ценностей и этничности в наши дни остро поставило проблему выяснения степени их сохранности и целостности.

Анализ современных обрядов и культов алтайцев позволяет считать, что фактически ни один из них не сохранился в изначальном виде и

не реконструируется как целостная система действий и установок. В то же время в любом обряде и культе вполне отчётливо проявляется его профанная и сакральная стороны. Много лучше сохранилась та обрядность, которая приняла форму национального обычая, либо те обрядовые действия, которые малозаметны для посторонних людей. Из всего комплекса обрядов и культов алтай-кижи, несмотря на сложные исторические процессы, наиболее устойчивыми оказались те, которые имели генетические связи с наиболее архаичными пластами.

Анализируя понятия алтайцев о таком феномене, как жизнь, практически невозможно выделить какие-либо специфические понятия, связанные только, скажем, со здоровьем, с рождением человека и его смертью. Это ещё раз подтверждает, что все обычаи, традиции, вся система веры всегда являлись неотъемлемой частью культуры народа, считавшего себя единым с миром, природой, то есть всем тем, что в совокупности и представляет феномен жизни. К таким семейно-родовым культам народов Алтая, которые входят в народную религию данного этноса и напрямую связаны с феноменом жизни, можно отнести материнский культ Умай-эне, культ jайык и родовых тёсей, а также культ от-очок (огня). Полевые исследования, проведённые А. В. Анохиным, Н. П. Дыренковой, Л. П. Потаповым, А. М. Салагаевым, Е. Е. Ямаевой показывают, что, несмотря на изменения социально-экономических условий, именно эти культы наиболее жизнеспособны и носят универсальный характер.

Особое место при изучении феномена жизни занимает почитание огня, которое для алтайцев остаётся наиболее устойчивым культом и постоянно присутствует в быту. Такой исследователь алтайской культуры XX века, как миссионер В. И. Вербицкий отмечал, что «среди юрты – неугасимый огонь и зимой и летом, и днём и ночью» [2, с. 71].

Культ огня являлся и является одним из самых важных, центральных, структурообразующих в общей обрядовой системе культов. Он охватывал самые разнообразные явления материальной и духовной культуры алтайцев. В этом культе отражались представления об огне как неком живом существе, причисляемом к «чистым духам». Существо это наделено душой, оно покровительствует семье и охраняет очаг. Н. П. Дыренкова в свое статье «Культ огня у алтайцев и телеут» отмечает: «В культе огня у алтайцев нашли себе отражение и аниматическое, и анимистическое представление об огне и “хозяине” огня. Алтаец… прежде всего почитает сам очаг, “трёхгранный каменный очок” или “вкопанный матерью камень-очок”, и чтит вещественный и видимый огонь, его пламя, которое имеет длинные языки, лижущие дрова и поедающие их, и голову, которую боятся поранить железным ножом или ушибить железной клюкой» [3, с. 63]. Но к этому анимистическому представлению примешивается представление о духе огня, обитающем в очаге или спускающемся на жертвенное место, усыпанное «золой, подобной талкану». Образ хозяина огня (От-ээзи) всегда антропоморфен. Он представляется на Алтае чаще всего в образе женщины От-Эне (матери огня), именуемой в народе «тридцатиголовой», «шестидесятиголовой», с «ушами из согнутого тростника». Но некоторые алтайцы считают, что дух огня – это молодая и прекрасная сорокоголовая девица-матерь (Кыз-Эне), «по семи спускам спускающаяся, на семи зыбунах качающаяся» [3, с. 63], так как огонь превыше всего, и он должен быть всегда чистым и непорочным как юная, непорочная девушка. Также главную роль женщины в общении и обращении с огнём подчёркивает исследовательница В. Н. Харузина: «Женщина более, чем мужчина, имела случай обходиться с огнём, изучать его свойства, привычки. Она замечала, отчего он, сердитый, шипит и трещит, сыплет искрами, что заставляет его поднимать кверху свои языки, с какой жадностью он накидывается на подбрасываемую ему “пищу” – топливо. Её внимание усиленно сосредоточивалось на стихии, поддержание которой было важно» [12, с. 87].

Женский образ, олицетворяющий духа огня, в традиционном понимании алтайцев укрепился не случайно, так как именно женщина рожает детей, заботится о своём доме и т. д., то есть продолжает и оберегает как жизнь семьи, рода, так и жизнь всего этноса в целом. Хозяйке огня От-Эне отводится по представлениям алтайцев примерно такая же роль. Она даёт тепло и свет, постоянно охраняет домашний очаг и семью от злых сил, очищает пространство, приносит удачу и богатство хозяевам, живёт заботами всех членов семьи.

Ф. А. Сатлаев в своей работе «Религиозное мировоззрение алтайцев» отмечает, что у алтайцев не принято острыми предметами касаться огня, к нему надо относиться очень аккуратно и с почтением, так как огонь – живой и имеет своего духа-хозяина. «Любая хозяйка, – пишет автор, – когда готовит пищу, обязательно кормит духа огня. <…> В огонь запрещалось бросать отходы, мусор» [8, с. 18]. Считается, что пренебрежительное отношение к огню, очагу непременно влечёт за собой беды, тогда как почитание могущественной От-Эне, в адрес которой в алтайском фольклоре было сложено немало прекрасных восторженных од, напротив, является благом, ибо она способна очистить и защитить от любой скверны и нечистых духов, она наделена даром исцелять от болезней. Поэтому именно в её власти находится как жизнь человека, семьи, рода, так и их смерть.

Антропоморфический образ огня имеет силу и могущество, он связан с небом и солнцем. В моменты окуривания больных людей или животных произносились заклинания. Хозяйке огня совершали кропление аракой, бросали кусочки мяса, жира и при этом высказывали такие благопожелания:

Имеешь ты пуп на небе,
А пояс из железного тагана,
Железный таган – твоя опора,
А зола – талкан, как скирда.
Не наклонится твой приметный коток,
Да не соскользнёт железный таган,
Стелешь золу – талкан,
Главенствующая, мать огня,
А пояс из железного тагана,
Имеешь ты пуп на небе,
Мать огня – кайракон! [4, с. 17].

Заслуживает внимания тот факт, что, по представлениям некоторых северных алтайцев (телеут) «за многими этапами от жилища человека, на 13-м спуске, в чистом месте», живёт высшее божество огня – Оймок-ару, несущее жизнь и благосостояние всему сущему на земле. Ходить к этому божеству может только кам, и только кам это божество и видит. «Но теперь, – говорят телеуты, – камы хуже стали, почему они в настоящее время Оймок-ару уже не видят, а только издали разговаривают» [3, с. 66]. Алтайцы это божество в молитвах называют «Ажыра-билкен оймок-ару» – всезнающий, уважаемый. По объяснению телеут, Оймок-ару приходится не то отцом, не то матерью матери огня, он старше всех и нельзя про него сказать: ни «тридцатиголовый», ни «сорокаголовый». Таким образом, телеуты его себе как-будто реально не представляют. Н. П. Дыренковой отмечено, что в некоторых случаях Оймок-ару изображается в виде жёлтого соболя, величиной с большой палец, «ергек-пojы-сары-киш», и называют его «оймок» (напёрсток). «Должно быть, – добавляет исследовательница, – это странное название табуированное, так как, по-видимому, называть его настоящим именем недопустимо» [3, с. 66].

В традиционных воззрениях алтайцев, огонь наделялся всеми свойствами медиатора. Ни одно домашнее и общественное жертвоприношение не обходилось без жертвенного огня. Ни одно божество не могло «вкусить» жертвуемой им пищи без помощи огня. Поэтому только при помощи огня можно было попросить духов о здоровье, рождении ребёнка, благосостоянии в семье, а именно, о том, что и составляет саму жизнь. Помимо ежедневного кормления духа огня, многие алтайцы до сих пор совершают ежегодное домашнее жертвоприношение огню – От jайык. Обычно его проводят весной на девятый день новолуния, когда распустятся листья, закукует кукушка и «проснутся» горы и реки. Кроме того, в тайге мужчины, начиная свой охотничий промысел, также в первую очередь «кормят» хозяйку огня [10, с. 27–29].

Свойство посредника между людьми и духами сближало значение огня с фигурой шамана. В архаических воззрениях алтайцев дух огня считался одним из главных помощников шамана. Шаман перед отправлением в свои далёкие путешествия во время камлания, прежде всего, обращался за помощью к хозяину огня. Н. П. Дыренкова по этому поводу писала: «Ни один кам не согласится идти ни к какому духу без разрешения матери-огня. “Без неё идти нельзя”, – говорила камка, – “а если она с тобой, то идти и светло, и легко”. Вот почему каждое камлание начинается с обращения к матери-огню и молитвы к ней» [3, с. 71]. Считалось, что «если будет какой-нибудь злой дух нападать на шамана, то От-Ээзи (дух огня) опояшется вокруг кама и этим самым защитит его от нападений данного духа» [1, с. 45].

О происхождении огня алтайцы обычно говорят, что верховное божество «Кудай» создало землю, воду, огонь, растения, животных и человека. Из этого можно сделать вывод, что огонь появился тогда, когда возникла жизнь на земле. Само же появление огня алтайцы относят ко времени Ойрот-хана, когда гора научила их добывать огонь: «Это было давно, ещё Ойрот-хан был в то время, и война была с киргизами. Спрятался калмыцкий народ за гору и сидит. Уж много их киргизы убили. Пищу найдут калмыки, зверя ли, птицу ли убьют, а огня нет. И сказала им гора: «Возьмите от меня два камня. У коней ваших есть навоз, и будет у вас огонь» [3, с. 66]. У алтайцев существует ещё одна легенда о происхождении огня, по которой От-јайык научил людей добывать огонь трением. Кстати, в этой легенде единственный раз упоминается о том, что огонь добывался трением (обычно про огонь говорится, что он «высекаемый»).

Мы выделяем следующие аспекты рассмотрения проблемы связи культа огня с феноменом жизни в традиционном мировоззрении алтайцев:

1. *Огонь-очаг – центр жилища.* Образ От-Эне (матери огня) неразрывно связан с очагом в жилище алтайцев. Среди символов алтайской культуры символ очага – это центральный образ. Он обозначал неподвижную значимую точку пространства, её центр, от которой проводился отсчёт времени и сторон света. Он олицетворял собой стабильность, являлся отражением сущностных свойств мира. Очаг – это семантический центр юрты, который выступает как точка отсчёта при организации её пространства, и место, вокруг которого протекает жизнь семьи. Кроме того, очаг – связующее звено между предками и потомками, а значит, символ преемственности поколений, как и символ непрерывного течения жизни. Лучистый огонь очага, имевший ту же природу, что и небесное пламя, занимал видное место в культурной традиции Саяно-Алтая [10, с. 31–33].

В нашей работе заслуживает внимания обряд поклонения огню при переезде на новое жилище. В этом случае старики брали свой огонь, хотя бы несколько головней, и на новом месте раздували прежний огонь. Иногда разводили огонь огнивом или брали у кого-нибудь поблизости из своего сооока. Старший в роду брал головню или угли, нёс на деревянной лопатке и складывал принесённое в очаг, читая при этом молитву матери-огню:

С белой чистоты, кружась, спустившаяся
Белопламенная Мать-Огонь.
С синей чистоты, вихрясь, спустившаяся
Синепламенная Мать-Огонь.
Равноправная с небесами,
Одной пуповиной со Вселенной,
Тридцатиглавая Мать-Огонь,
Многогранная Девица-Матушка… [4, с. 18].

Данный ритуал символизировал возобновление и продолжение прежней благополучной жизни на новом месте.

Кроме того, огонь для алтайцев всегда являлся хранителем жизни сооока. В прежние времена, когда род вымирал, тушили огонь в последней юрте, так как жизнь в этом роде уже угасла. Поэтому каждый род старался беречь свой огонь и не передавать другому роду. И даже там, где теперь этот обычай уже полностью утрачен, всё же встречаются ещё такие алтайцы, которые, соблюдая старинные обычаи, не дают своего огня в течение определённого времени после камланья и жертвы огню. По рассказам алтайских старожилов известно, что после заката и до восхода солнца в былые времена чужой человек не имел права выносить огонь из юрты. И когда пришедшие гости закуривали от хозяйского очага, то, выходя из юрты, они обязаны были выколотить свою трубку. Иногда в алтайских юртах только в течение трех дней после камланья не давали выносить огонь. После же этого срока каждый мог вынести его, но не имел права принести в свою юрту в том случае, если он чужого рода. 15-е и 16-е числа месяца, называемые «ак-толу» и «кызыл-толу», считались по поверьям наиболее счастливыми днями, и тогда из жилища не давали огня даже родному брату из боязни, чтобы он не отнял счастья семьи. В некоторых местах не разрешалось даже самому хозяину выходить с трубкой за ограду жилища в течение нескольких месяцев после камланья. Боязнь отдачи огня объяснялась нежеланием потерять богатство и благосостояние рода, опасением навлечь на весь род болезни, мор и прочие несчастья, потому что вместе с огнём может уйти и хозяин огня. В данном случае жизни рода могла угрожать прямая опасность.

Во время молнии и грома не разрешалось выносить огонь из жилища потому, что в это время бог Кудай якобы стреляет в нижних злых духов,

которые смогут спрятаться от его стрел за огонь земной. В огонь же бросать свои стрелы Кудай не станет. Следовательно, если во время грозы огонь находится в жилище, то жизни семьи в это время ничего не угрожает.

2. *Огонь в семейно-брачной сфере.* О семейно-обрядовой практике, в частности, свадебном обряде и обряде, связанном с рождением ребёнка, существуют достаточно подробные этнографические описания. Но мы в своей работе коснёмся только вопроса роли огня, как источника жизни, в системе этих обрядов.

В традиционном обществе внимание всегда было приковано к тайне плодородия и рождения. Анализируя подобные обряды, исследователи отмечали, что во всех случаях источник жизни традиционным сознанием помещается вне общества, и возникновение новой семьи, а также осуществление чуда зарождения новой жизни становилось возможным лишь в результате апелляции к природным силам. Особо почитаемой природной силой в семейно-бытовых обрядах является огонь как один из главных фигурирующих микро-обрядов, направленных на сохранение жизни отдельного человека и этноса в целом, наполняя данные обряды в числе других элементов сакрально-смысловым содержанием. Далее рассмотрим лишь некоторые из них.

Сватов в доме, аиле невесты встречали у ограды или «чакы» (коновязи), непременно с пиалой молока или «алтай аракы» (молочной водкой), что призвано символизировать чистоту намерений и помыслов стороны невесты. Как описывает Н. А. Тадина, «во время сватовства родители девушки разводили в юрте жаркий огонь. Церемониал общения начинался раскуриванием трубок: приехавшие подносили свои трубки родственникам невесты, а те им – чашки с кислым молоком (айрак, чигень)». Далее Н. А. Тадина отмечает следующий факт: «У алтайцев, в то время, когда производят калым, сваты в очаг бросают мясо, льют сало и читают молитвы. К каждой ножке железного тагана привязывают белые ленточки и поливают жиром» [9, с. 176]. Но, к сожалению, исследовательница, описывая эту часть обряда, не упомянула, что таким образом сваты выражают, в первую очередь, почитание духа огня новых родственников, из покровительства которого уводится невестка. Сакральное продолжение этого обряда происходит при сооружении свадебного аила, когда было обязательным сооружение каменного или железного очага, на котором устанавливали чугунный казан для варки чая, мяса, чтобы показать занятость этого пространства. По алтайскому обычаю новый аил строили обязательно за день до свадьбы. Как только аил был построен, то в нём разжигали огонь, который необходимо было поддерживать всю ночь и последующие дни прохождения свадебной церемонии. Таким образом, символом негаснущего огня маркировалось зарождение новой семьи.

Первое «общение» будущих супругов при сватовском сговоре также проходило через огонь. Жених и невеста во время сватовства располагались по отношению друг к другу по диагонали: жених сидел ближе к выходу, а невеста ближе к почётному месту в аиле. Их в это время как бы связывал очаг – символ родового огня как негаснущего источника жизни будущей семьи.

Нужно отметить, что огонь в новом аиле, доме жениха во время свадьбы не разжигают, а приносят тлеющие угольки из дома, аила отца. Данный обычай был призван продемонстрировать обществу и сообщить духам о том, что этот отец выполнил свою главную миссию по продолжению имени и рода. Процесс приобщения невестки к роду мужа также санкционируется сакральной силой огня. Молодую невесту не допускают к огню до свадьбы, так как она из другого рода. На свадьбе её приводят за белой ширмой в аил, где горит «От-очок» (домашний очаг). Её не показывают огню до тех пор, пока жених, водимый дядей вокруг «Огня-очага» по солнцу, не закончит церемонию благопожелания и угощения маслом будущего «Огня-очага» новой семьи. В это же время, когда за ширмой расплетают косы невесты, родные жениха льют конский жир в очаг так, что огонь огромным пламенем взлетает вверх жилища, и с пением молитвы ходят три раза вокруг огня. Считается, что чем выше в это время пламя огня, тем лучше будут жить молодые. Этим обрядом благопожелания и угощения невеста приобщается к огню мужа. Данным же обрядом, верят алтайцы, огонь оповещён о заключении брака этой пары и у него спрошено разрешение и благословение на этот союз. Далее родичи жениха молят огонь о том, чтобы жизнь широка и богата была, чтобы полный загон скота и полный

дом детей был. После этого брат жениха, а иногда и сам жених, открывает ширму камчы плетью или ружьём, что даёт право находящейся там невесте стать хозяйкой нового жилища и бережно хранить до конца своей жизни «От-очок» семьи и передавать своим потомкам. С этого момента невеста становится уже полноправной в роду и может сама приносить жертвы своему новому огню. С созданием семьи молодые должны особенно тщательно соблюдать запреты и ограничения, связанные с огнём. В противном случае, считают алтайцы, огонь может наказать разными несчастьями как семью, так и род.

Продление рода было осознанным долгом каждого члена сообщества. Наличие детей в семье считалось обязательным условием человеческой жизни вообще. Испрашивание здоровья и плодородия, направленных на зарождение новой жизни, сопровождалось у алтайцев множеством обрядов, а сами роды и рождение были сопряжены с большим количеством традиций и ритуалов, также связанных с огнём.

Л. Э. Каруновская, исследовавшая данные ритуалы, пишет: «Перед тем, как положить ребёнка в зыбку, старшая в семье женщина окуривает её можжевельником и вешает над зыбкой мальчика на нитке, называемой “золотой”, маленький деревянный лук с деревянной стрелкой. Маленькие ножницы, которыми отрезалась пуповина, после её отпадения, также очищали дымом можжевельника и клали в сундук. Плаценту же родившая женщина собственноручно закапывала у себя под очагом, отдавая, тем самым, ребёнка под защиту и покровительство самого духа огня От-Эне» [5]. Данные действия, связанные с огнём, должны были оградить ребёнка от нежелательных явлений, содействовать его здоровью и счастью в предстоящей жизни.

От-Эне, по поверьям, помогает всем живущим в доме: оказывает помощь в приготовлении пищи, посылает детей в дом, даёт приплод скоту, ведь она – это «алкыш» (богатство и процветание) дома, а следовательно, и его жизнь.

3. *Очищающая и лечебная функции огня.* Из дореволюционных исследователей вопросом здоровьесбережения у алтайцев попутно занимался В. И. Вербицкий. Хотя он не стремился дать полное описание средств и способов алтайской народной медицины, однако, даже из того перечня, который он приводит, можно заключить, что за множеством иррациональных (на взгляд современного человека) способов лечения стоит целая система средств, которые могли спасти алтайцев от болезней, смерти, а, значит, сохранить им здоровье и саму жизнь.

Велика была роль огня в традиционной народной алтайской медицине. Как правило, ни одна лечебная процедура не обходилась без использования огня. Вера в лечебную и очищающую, а следовательно, восстанавливающую здоровье и продлевающую жизнь силу огня с самого начала внедрялась в сознание древних людей и до сих пор присутствует в традиционных обрядах многих народов. В данном случае алтайцы не являются исключением.

Известно свидетельство византийского историка Менандра об обряде лечения и очищения силой огня у древних тюрок: «Некоторые люди из этого племени, о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастья, пришедши к Земарху, взяли вещи, которые римляне взяли с собой, сложили их вместе, потом развели огонь сучьями дерева Ливана (можжевельника), шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажей. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они прогоняли злых духов. Им приписывали силу отгонять этих духов и освобождать людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Земарха через пламя, и этим, казалось, они сами себя очищали» [11, с. 208]. Менандр довольно точно передал проводимый шаманами обряд очищения огнём. У алтайцев он именуется «алас» и до сих пор иногда проводится шаманами, которые при этом бьют в бубен и жгут ветки можжевельника. Это слово «алас» они используют в качестве возгласа, окуривают или больного, или посвящённого божеству коня, или жилище, из которого изгоняется злой дух.

Алтайцы считают, что носителем здоровья и долголетия является душа человека. Если душа покидает тело, то возникает сначала болезнь, а затем и смерть. Душу у человека отнимает подземный бог Эрлик, злые духи Кермесы и духи умерших стариков, которые были обижены человеком или его родичами. Поэтому в основном ритуалы лечения и очищения связаны с огнём,

так как именно огонь даёт тепло, движение, энергию, необходимые для жизни человека. Кроме того, дух огня, по представлениям алтайцев, мог взять под покровительство душу человека, охранять его от болезней. Именно этим объясняется поверье о том, что нельзя разбивать угли в очаге – души-кут-сюр рождающихся детей обретаются там, их можно при этом разбить.

Часто ритуалы лечения и очищения огнём у алтайцев тесно связаны с лунным календарём. Так, если луна находится в стадии обновления, обычно главный человек в доме, кому это доверено, окуривает всех членов семьи и дом можжевельником, прося у духов мир семье и здоровье её членам, приговаривая при этом благопожелания (алкыш). Н. П. Дыренкова в своей работе, посвящённой почитанию огня алтайцами, подробно даёт описание одного из таких ритуалов очищения. «Огонь, – пишет исследовательница, – самое страшное средство для запугивания Узюта, духа умерших, вселившегося в больного. Во время совершения обряда лечения, то есть изгнания из него Узута, три раза берут на совке раскалённые угли и подносят к больному, окуривая его. Прежде чем приступить к какому-нибудь очищению, исполняющий обряд обводит зажжённым арчыном (можжевельником) вокруг своей головы и правой руки, а также и вокруг себя в доме. Затем подходит к больному и окуривает его. Обгоревший арчын бросают в огонь или затыкают за брёвна жилища. При всяком очищении огнём несколько раз читается особая очистительная молитва огню:

Тридцатиголовая огонь-мать,
Сорокоголовая девица-мать,
Варящая всё сырое,
Тающая всё мёрзлое,
Спустись, окружи и будь отцом,
Спустись, наклонись и будь матерью»
[3, с. 71].

Подобные обряды, как видим, имеют не только сакральный смысл. Они представляют собой также чисто бытовую характерность, несут очищающую, дезинфицирующую функцию при лечении болезненных состояний. Общеизвестно, что эта «реальность» отразилась в повсеместном на Алтае использовании огня в народной бытовой и медицинской практике.

4. *Огонь в погребальном обряде.* Немаловажное влияние на отношение к жизни у алтайцев оказывали понятия о таком феномене, как смерть. По данным А. В. Анохина, алтайцы считали, что с наступлением смерти сама жизнь не заканчивается, что смерть – это всего лишь переселение в иной мир, в котором они будут жить со своими родственниками. Сопоставляя этнографические данные с новыми фактами, появившимися в результате археологических раскопок алтайских курганов, можно сделать вывод о том, что в погребальных обрядах алтайцев и древних тюрок Алтая, направленных на заботу об усопших родственниках и продолжение их достойной и безбедной жизни в ином мире, обнаруживаются поразительные параллели. Естественно, что это касается, в первую очередь, функции огня в данных обрядах, который выступает здесь как посредник между миром живых и миром мёртвых. Кроме того, с помощью огня проводилось кормление души усопшего для того, чтобы, несомненно, поддержать его жизнь в ином мире. Исследователь В. Д. Кубарев в своём труде о древнетюркских поминальных сооружениях на Алтае описывает следующий факт, подтверждающий всё вышесказанное: «Совершая поминальный обряд по усопшему соплеменнику, древние тюрки, в первую очередь, сооружали оградку-жилище (своеобразное последнее пристанище души умершего). С северной или восточной стороны этого жилища родственники покойного разводили костёр. Из него горящие угли переносились ближе к северной части символического жилища, для второго ритуального костра-очага. Через посредство костров родственниками производилось кормление души умершего, которая, очевидно, в этот момент, по представлениям древних, находилась над своим жилищем и питалась дымом (паром) от пищи, брошенной в костёр. По окончании первых поминок жилище, устроенное для умершего, сжигалось. Сгоревшее жилище, от которого оставалось только основание из каменных плит, сразу же забрасывалось камнями» [6, с. 53–54].

В настоящее время огню в своих погребальных обрядах многие алтайцы также отводят весьма значимую роль. С кончиной человека в печке или очаге его дома обязательно должен гореть огонь. Это символизирует наличие жизни и самостоятельности этого дома; особенно, если оста-

лись близкие родственники (жена, муж, дети). Строго запрещается на похоронах проводить «кормление» огня, даже теми продуктами, которые прибыли издалека. Особенно осторожно при этом нужно обращаться с молочными продуктами, так как если они попадут в огонь, духи нижнего мира (кермесы) могут счесть это за подношение и в таких случаях ожидается, считают алтайцы, падёж скота. По обычаю нужно накормить всех пришедших, которые пришли проводить в последний путь усопшего. Если же кто-то уйдёт, не отведав последнего угощения умершего, то покойник в ином мире будет голодать и испытывать нужду. Также в течение трёх ночей бдения в очаге обязательно должен гореть огонь, так как он защищает людей от злых духов, пришедших испить крепкую молочную водку. Дух огня не допускает того, чтобы какой-либо кермес унёс чью-то душу. После того, как человек предан земле, вся процессия, которая сопровождала покойника и хоронила его, должна обязательно вернуться в дом усопшего, пройти обряд очищения можжевельником и отведать поминальное угощение.

5. *Запреты, связанные с огнём.* Рассматривая аспекты, изложенные выше, мы в своей работе уже касались нескольких запретов, связанных с огнём, который, в свою очередь, неразрывно связан с таким понятием, как жизнь. Здесь же хотелось бы осветить данный вопрос более подробно.

Высокая степень уважения и почитания огня как материального и сакрального источника жизни выразилась в следующих запретах, существующих и действующих по сей день. Так строго настрого запрещается бить огонь, сквернословить в его адрес, направлять в его сторону огнестрельное оружие, ножи и другие колющие, режущие предметы. Дурным тоном и предвещанием несчастий считается, если кто-либо гасит огонь водой, нечистотами, плюёт в огонь, проливает на огонь кровь, молоко, жжёт в доме, аиле мусор. Запрещается топить деревяшками с гвоздями, так как гвозди могут поранить духа огня. Детям строго запрещается играть с огнём. Золу из печи или очага нельзя бросать там, где ходят люди. Алтайцы до сих пор часто складывают золу в угол загона для скота, чтобы человек не наступал на неё. На ночь на печь нельзя класть собачью шкуру, шкуру барсука и сурка. После камланья огню белой овцой в течение года нельзя впускать кошку в дом. Самим хозяевам не разрешается спать на печи. В продолжение года после камланья огню нельзя мешать дрова железной клюкой. Многие старики-алтайцы и до нынешнего времени не держат в жилище железной клюки, а мешают дрова берёзовой. Дрова, по их уверениям, мать-огонь любит по преимуществу берёзовые. Их надо осторожно класть в печь или очаг, чтобы не рассердить мать-огонь.

В отношении тагана также существуют запреты, так как таган считается жилищем духа хозяйки огня. Таган запрещается пинать, плевать на него, разрисовывать, сидеть на нём, без причины передвигать его, выносить на улицу. Всё это является предвестьем скорого распада семьи. Строго запрещается вносить и использовать в аиле два треножника, особенно если второй взят из другого аила. Очень важным считается, что огню всегда нужно первому давать испробовать продукты, прибывшие издалека, предварительно разделив кусочек на две или четыре части. При этом угощение не должно быть солёным.

За нарушение данных запретов и ограничений огонь может наказать пожарами, смертями близких, падежом скота, то есть всем тем, что само по себе является разрушением и прекращением жизни. Считается, что от соблюдения данных запретов зависит и облик духа хозяйки огня, которая в благодарность рачительным и заботливым хозяевам несёт в дом здоровье, богатство и благополучие, а следовательно, и саму жизнь.

Итак, изложенный в данной работе материал позволяет нам сделать некоторые выводы. Традиционное сознание алтайцев наделяло огонь качествами живого существа, которое было представлено в образе женщины или юной девушки, основное предназначение которых в настоящем или будущем – рождение детей, то есть зарождение новой жизни. С течением времени этот образ усложняется и постепенно преобразуется в сложную по своим функциональным характеристикам фигуру От-Эне (матери огня). В ней видят мифическую покровительницу и прародительницу рода. Дух огня характеризуется амбивалентными свойствами как источника жизни, так, одновременно, и её разрушителя.

Огонь и в наши дни часто воздействует на многие сферы жизни алтайского этноса, вводя запреты и ограничения, связанные с самим огнём, очагом, золой. Семейно-брачная сфера также тесно связана с огнём, так как он выступает одним

из главных элементов свадьбы, санкционируя как сам брак, так и распад семьи; как рождение человека, так и его смерть. Огонь, тесно связанный с материальной и духовной жизнью алтайцев, пронизывает всю культуру данного народа, формируя её суть и, несомненно, является культурной ценностью, но уже не только одного этноса, но и всей общечеловеческой культуры.

Литература

1. Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – 233 с.
2. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы: сб. этнограф. ст. и исслед. – Новосибирск: Смысл, 1992. – Т. IV. – 256 с.
3. Дыренкова Н. П. Культ огня у алтайцев и телеут // Сб. Музея антропологии и этнографии. – М.: Наука, 1997. – Т. IV. – 325 с.
4. Кандаракова Е. Н. Алтайские благопожелания и обряды их исполнения. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. – 19 с.
5. Каруновская Л. Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сб. Музея антропологии и этнографии. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – Т. 6. – С. 19–36.
6. Кубарев В. Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху Средневековья. – Барнаул: Феникс, 2001. – С. 24–54.
7. Посконная Ж. В. Эпос и миф в духовной культуре алтайского народа // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 33, ч. 1. – С. 32–40.
8. Сатлаев Ф. А. Религиозное мировоззрение алтайцев // Каан Алтай. – Горно-Алтайск: Ак–Чечек, 1995. – № 3. – С. 18–21.
9. Тадина Н. А. Свадебная обрядность XIX–XX веков – М.: Наука, 1992.
10. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество / сост. АН СССР, Сибир. отд., Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск: Наука, Сибир. отд-ние, 1989. – 243 с.
11. Тэйлор Э. Б. Первобытная культура. – М.: Гардарики, 1989. – 573 с.
12. Харузина В. Н. Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара. – М.: Наука, 1987. – Вып. I.

References

1. Alekseyev N.A. Shamanizm tyurkoyazychnykh narodov Sibiri [Shamanism Turkic peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984. 233 p. (In Russ.).
2. Verbitskiy V.I. Altayskiye inorodtsy: Sbornik etnograficheskikh statey i issledovaniy [Altai foreigners: Collection of ethnographic articles and studies]. Novosibirsk, Smysl Publ., 1992, vol. IV. 256 p. (In Russ.).
3. Dyrenkova N.P. Kul't ognya u altaytsev i teleut [Cult of fire in Altai and Teleut]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]*. Moscow, Nauka Publ., 1997, vol. IV. 325 p. (In Russ.).
4. Kandarakova E.N. Altayskiye blagopozhelaniya i obryady ikh ispolneniya [Altai good wishes and rituals of their execution]. Gorno-Altaysk, Ak-Chechek Publ., 1993. 19 p. (In Russ.).
5. Karunovskaya L. E. Iz altayskikh verovaniy i obryadov, svyazannykh s rebenkom [From Altai beliefs and practices associated with the child]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]*. Leningrad, AN SSSR Publ., 1927, vol. 6, pp. 19-36. (In Russ.).
6. Kubarev V.D. Izvayaniye, ogradka, balbaly (o problemakh tipologii, khronologii i semantiki drevnetyurkskikh pominal'nykh sooruzheniy Altaya i sopredel'nykh territoriy) [Statues, fences, balbals (the typology of the problems of chronology and semantics of ancient Turkic memorial structures and adjacent territories of Altai)]. *Altay i sopredel'nyye territorii v epokhu srednevekov'ya [Altai and adjacent territories in the Middle Ages]*. Barnaul, Feniks Publ., 2001, pp. 24-54. (In Russ.).
7. Poskonnaya Zh. V. Epos i mif v dukhovnoy kul'ture altayskogo naroda [Epic and Myth in the spiritual culture of the Altai people]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 33, part. 1, pp. 32-40. (In Russ.).
8. Satlayev F.A. Religioznoye mirovozzreniye altaytsev [Religious outlook Altai]. *Kaan Altay [Kaan Altay]*. Gorno-Altaysk, Ak-Chechek Publ., 1995, no. 3, pp. 18-21. (In Russ.).

9. Tadina N.A. Svadebnaya obryadnost' 19–20 vekov [Wedding rituals 19–20 centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1992. (In Russ.).
10. Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov Yuzhnoy Sibiri: Chelovek. Obshchestvo [The traditional worldview of the Turks of southern Siberia: Man. Society]. Comp. USSR Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of History, Philology and Philosophy. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989. 243 p. (In Russ.).
11. Teylor E.B. Pervobytnaya kul'tura [Primitive Culture]. Moscow, Gardariki Publ., 1989. 573 p. (In Russ.).
12. Kharuzina V.N. Vvedeniye v etnografiyu. Opisaniye i klassifikatsiya narodov zemnogo shara [Introduction to ethnography. The description and classification of the peoples of the globe]. Moscow, Nauka Publ., 1987, iss. I. (In Russ.).

УДК 008

КИТАЙСКО-РУССКИЕ МЕТИСЫ ТРЕХРЕЧЬЯ АРВМ (КНР): КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Намсараева Татьяна Цыден-Ешиевна, аспирант, старший преподаватель, кафедра теории и истории культуры, Забайкальский государственный университет (г. Чита, РФ). E-mail: tatyana_folk@mail.ru

Статья посвящена исследованию поиска и обретению культурной идентичности посредством позиционирования культурного наследия китайско-русских метисов, проживающих на территории Трёхречья Автономного района Внутренняя Монголия Китайской народной республики. Рассмотрено культурное наследие: календарные и семейно-бытовые обряды и праздники, православная культура, язык. Выявлены сохранившиеся и бытующие календарные, а также семейно-бытовые обряды и праздники, определена их специфика. Обусловлен фактор, повлиявший на сохранность православной культуры в иноэтнической среде, обнаружены трансформационные изменения, указаны проблемы, существующие сегодня в православной культуре китайско-русских метисов Трёхречья. Выявлены факторы, влияющие на утрату некоторых аспектов православия. В работе рассмотрены степень сохранности и применения в коммуникации русского языка, причины, влияющие на утрату языка, проанализирована наименьшая сохранность у определенной возрастной категории. В статье в целом дан сравнительный анализ традиционной культуры русских Трёхречья АРВМ и Забайкальского края, выявлена наилучшая сохранность культурного наследия. В ходе исследования установлены основания, повлиявшие на трансформацию культуры данного субэтноса. В работе выявлена самоидентификация и культурная идентичность китайско-русских метисов. Определена государственная культурная политика Китая по развитию территории Трёхречья и позиционированию русско-китайских метисов.

Ключевые слова: китайско-русские метисы Трёхречья, культурное наследие, культурная идентичность, православная вера, традиционная культура, «крестовые» горы, туризм.

SINO-RUSSIAN METIS OF TRYOKHRECHYE OF IMAR (CHINA): CULTURAL IDENTITY AND CULTURAL HERITAGE

Namsaraeva Tatyana Tsyden-Eshievna, Postgraduate, Sr. Instructor, Department of Theory and History of Culture, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation). E-mail: tatyana_folk@mail.ru

Today, the international community and countries' challenges are: awareness of the importance of translation, storage and transmission of cultural heritage, understanding the role of the previous values in the modern world, which in the context of globalization are a subject to inevitable transformation and loss. Coming into contact with the cultural heritage, people increasingly aware of their identity and, consequently, the general values of life.

The article investigates the search and finding cultural identity by positioning the cultural heritage of the Sino-Russian Metis living in Tryokhrechye of Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China. The cultural heritage considered: the calendar, family everyday rituals and holidays, Orthodox culture and language. The preserved and identified prevailing calendar, as well as family and everyday rituals and holidays, picked their specificity. Due to factors contributed to the preservation of the Orthodox culture in another ethnic environment found transformational change, given the problems that exist today in the Orthodox culture of the Sino-Russian Métis of Three Rivers. The factors influencing the loss of some aspects of the Orthodoxy. The paper discusses the degree of preservation and use of the Russian language in communication, factors influencing the loss of language, preservation of the least analyzed at a certain age group. The article as a whole is the comparative analysis of the traditional culture of the Russian Tryokhrechye and Trans-Baikal region, identifies the best preservation of the cultural heritage. The study established a base influenced transformation of culture of the subethnos. The paper provides cultural identity of the Sino-Russian metis. It identifies state cultural policy on the development of China's territory and positioning the Tryokhrechye Russian-Chinese metis.

Thus, the results of the field study in the autumn of 2015, Tryokhrechye of IMAR (China) lead to the following main conclusions:

- At the Russian-Chinese metis defined dual identity, bilingualism and the dominant Chinese language.
- Only the elderly generation retains the cultural heritage of the metis. The loss of continuity is connected with the non-possession of the Russian language by the younger generation.
- There is a substitution of values of cultural and material heritage.
- The state cultural policy of China is focused only on "the use and exploitation" of the cultural heritage and human resource of Sino-Russian Metis for tourism development, and not the solution of serious problems for the conservation of cultural heritage and cultural identity of the sub-ethnic groups.

Keywords: Sino-Russian metis of Tryokhrechye, cultural heritage, cultural identity, Orthodox faith, traditional culture, "crusades" mountain, tourism.

Сегодня перед мировым сообществом и государствами стоят сложные задачи осознания значимости трансляции, сохранения и передачи культурного наследия, осмысления роли ценностей прошлого в современном мире, которые в условиях глобализации подвергаются неизбежной трансформации и утрате. Соприкасаясь с культурным наследием, человек глубже осознает свою идентичность и, следовательно, общие жизненные ценности, ориентацию в окружении, нормы и правила индивидуального и группового поведения, способы социального позиционирования. Следовательно, актуальным является исследование культурного наследия, этнокультурной идентичности и самоидентификации китайско-русских метисов АРВМ (КНР), а также определение влияния сохранности культурного наследия на формирование этнокультурной идентичности в условиях ассимиляции, выявление государственной культурной политики Китая по отношению к данной субэтнической группе. Настоящие проблемы и будут являться целью исследования.

В XXI веке район Трёхречье, расположенный на северо-востоке КНР, стал предметом пристального исследования проживающих на данной территории китайско-русских метисов, потомков русских матерей из приграничных районов Забайкалья и китайских отцов из провинций Хэбэй и Шаньдунь. Сегодня к данной теме проявляют огромный интерес как современные российские, так и китайские ученые: историки, филологи, краеведы, философы, социологи, этнографы, культурологи, такие как: Ю. В. Аргудяева, И. П. Башаров, Т. М. Зенкова, А. Г. Игумнов, В. Л. Кляус, Лю Куйли, Лян Чжэ, Р. П. Матвеева, А. П. Тарасов, А. Г. Янков и др.

В настоящее время китайско-русские метисы культурное наследие сохранили в большей степени, чем русские приграничного Забайкалья. Некоторые *традиционные календарно-обрядовые праздники* у метисов сохранились и бытуют, но в трансформированном виде – Рождество, Масленицу не празднуют, Троица, Духов день, Вознесение, 9-я пятница, Радоница (Родительский день), Пасха.

Из традиционных семейно-бытовых обрядов сохранился свадебный обряд. Сегодня в современной жизни метисы проводят традиционные свадьбы. В селе Караванная сохранилась «живая» традиция играть свадьбы «по старинке». Запрягают «ходовки» (телеги или сани в зависимости от сезона), украшают их, приглашают гармонистов из села Ерничная. Также сохранился обычай на свадьбе младшего сына «рвать» юбку на матери и брюки на отце, символическое значение которого информант Дементьева Маруся (1941 г. р.) не смогла объяснить. В целом, свадебный обряд ничем не отличается по содержанию от забайкальского, за исключением того, что отсутствовал обряд венчания, так как не было храмов и церквей после «Культурной революции». По этой же причине и сегодня свадьбы в селе Караванная проходят без венчания.

Православная культура Трёхречья являлась предметом пристального внимания в XX веке, актуальной остается и сегодня. Исследованием православной культуры в Трёхречье занимались многие ученые, этнографы, священнослужители: свящ. В. Герасимов, В. Н. Жернаков, В. Л. Кляус, Лю Куйли, Лян Чжэ, Дионисий Поздняев, прот. Александр Солянский, Тан Гэ, А. Г. Янков и А. П. Тарасов и др.

В данное время в Трёхречье располагается один православный храм в г. Эргуна и небольшая часовня в с. Шивей, то есть объективно затруднена доступность посещения церкви. Главный православный праздник «Пасха» – отмечают 97,9 % человек [8, с. 34]. Метисы пожилого возраста села Караванная на Пасху приезжают в г. Эргуна за 150 км в храм Иннокентия Иркутского, а затем на второй день собираются у любого пожилого метиса на дому и празднуют Пасху.

При тяжелой жизни на чужбине одна надежда и вера у метисов была на Бога. Они молились о помощи в сложной жизненной ситуации. *«Бабушка наказывала: “Нюра, надо Богу молиться. Бог всё тебя спасёт, надо Богу молиться”»* (Зап. от Балябиной Анны Ивановны, 1949 г. р., метиски с. Караванная) [9]. Данный фактор и сыграл важную роль в сохранении православной веры. В отсутствии церквей русско-китайские метисы «переключились» на моление в домашних условиях. В каждом доме есть «красный» угол, где стоят иконы Николая Угодника, Матери Богородицы, Иисуса Христа, но только украшенный бумажными китайскими цветами. *«Раньше божничку украшали «товарной» пеленой (тканью), белой назывался коленкор, на ем, молоды были, вышивали цветочки, крестиком, а сейчас все стали таким цветочком»* (Зап. от Ерохиной Тамары Васильевны, 1939 г. р., и Балябиной Анны Ивановны, 1949 г. р., метисок с. Караванная) [9]. Таким образом, мы можем наблюдать, как трансформируется традиционное убранство «красного угла».

В ходе полевого исследования было выявлено, что сегодня пожилые женщины-метиски с. Караванная узнают даты православного календаря в г. Маньчжурия. Лидером-экспертом русских традиций является Петухова Таисия Николаевна (1931 г. р.). Узнав даты, она извещает всех о праздничных днях. Кроме того выбирает место для установки крестов на горах, знает исчисление народных календарных праздников Троица, Вознесение (40-й день после Пасхи), 9-я пятница (9-я неделя после Пасхи), указывает где должны располагаться иконы в часовне, то есть является знатоком в православной вере и в русской традиционной культуре.

Сегодня метисы пожилого возраста совершают молебны на «крестовых» горах. Кресты все деревянные за исключением одного металлического, входящего в состав четырех крестов, расположенных на севере от с. Караванная, поставленный казаком из Австралии. Крестовые горы подразделяются на «вознесенские» и «9-й пятницы». Праздник Вознесение – это вознесение Иисуса Христа на небеса. Метисы в этот день поднимаются с иконами на «вознесенскую» крестовую гору молятся и празднуют. К этому празднику пекут куличи, печенье «лесенки» (в форме лестницы). «Лесенки» пекут из пресного или кислого теста. «Число распорок в лесенке должно быть нечетным, к примеру, пять или семь. Лесенки делятся на большие и маленькие: маленькие возлагают к иконам дома, их можно затем снимать и есть; большие (длиной примерно 16 см)» [3, с. 37–38] несут на крестовую гору и ставят у подножия креста, тем самым символизируя восхождение Иисуса Христа на небеса. *«Куличи пекём в Паску и Вознесение, ешо лесенки». – «А лесенки, что это такое?» – «А вот Господь-батюшка поднимается на небу. Он 40 дён ходит по земле»* (Зап. от Ерохиной Тамары Васильевны, 1939 г. р.,

и Балябиной Анны Ивановны, 1949 г. р., метисок с. Караванная) [9]. Молятся, «обновляют» иконы, то есть окунают иконы в воду, после чего вода становится святой. После молебна все садятся в круг, и происходит трапеза, по приходу в деревню продолжают праздновать на дому. Также сохранились поверья: в этот день не выливать воду с размаху, а аккуратно, так как душа Иисуса Христа летает и можно облить; скорлупу от яиц разминают, чтобы нечистая душа не спряталась в ней.

На Девятую пятницу китайско-русские метисы молятся на соответствующих крестовых горах, во время засухи или для получения хорошего урожая. 9-я пятница – это праздник Табынской иконы Божьей Матери [6]. В ходе полевого исследования 2015 году была выявлена дополнительная крестовая «вознесенская» гора, которая не отмечена в исследованиях Лян Чжэ, В. Л. Кляуса, Тан Гэ и других китайских этнологов. Она находится на востоке от п. Солонечный, где стоит один крест и недалеко от креста находятся четыре больших камня, видимые с далёкого расстояния. Кроме того, в 2014 году китайско-русскими метисами рядом с г. Эргуна в восточной стороне установлен деревянный крест в связи с засухой. Вероятно, этот крест установлен на праздник 9-я пятница. Данный крест стоит без пелен, и нет у его подножия камней. Таким образом, в Трёхречье находятся девять обрядовых крестовых гор и один крест стоит недалеко от с. Дубовая, поставленный с целью туристической привлекательности, который не входит в счет обрядовых.

Кресты устанавливают по обету, на которые завязывают пелены [2]. Респондент Дементьева Маруся (1941 г. р., метиска с. Караванная) указывала на то, что старые пелены снимают, увозят домой и сжигают в печи. Следует отметить то, что китайско-русские метисы утратили молитвы, при молебне крестятся и просто просят о чем-либо. *«Молитвы не знаю, молитвы я не смогу-ка, потому что я по-русски не грамотна, отец и мать не учили по-русски. Просто молчим и молимся».* (Зап. от Ерохиной Тамары Васильевны, 1939 г. р., Балябиной Анны Ивановны, 1949 г. р., метисок с. Караванная) [9]. Данный факт отмечала и Р. П. Матвеева: «Иконы есть в каждом доме, хотя молитвы мало кто знает» [4, с. 132]. Информанты сообщают, что старшее поколение владели письменным русским языком, поэтому читали молитвы и знали их, а они уже нет. Таким образом, православная культура сохраняется только пожилыми китайско-русскими метисами. Без церквей, храмов и служб, знания письменного русского языка, преемственности и грамотной государственной поддержки сегодня православная культура утрачивается.

Изучением ситуации с *владением русским языком* китайско-русскими метисами занимались учреждения образования и исследователи: Институт языков и культуры Центрального университета национальностей КНР (2007) [7, с. 10], Этносоциологическая экспедиция, инициаторами которой являлись Министерство международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края и отделение Ассоциации по изучению русских в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР (2010) [8, с. 6].

Ныне молодое поколение не владеет ни устным, не письменным русским языком. Только пожилые метисы еще понимают, говорят, но также не владеют письменным русским языком. Данная проблема была отмечена и в исследованиях А. Г. Янкова, А. П. Тарасова [8, с. 30]. В. Л. Кляус замечал, что «к сожалению, чем моложе «русский» трехреченец, тем он меньше понимает по-русски» [1, с. 65]. При разговоре, иногда с трудом вспоминают русские слова или говорят их на китайском, нарушают грамматические и произносительные нормы, то есть мыслят на китайском языке. Метисы пожилого возраста осознают утрату чистоты русского языка, проявление акцента в речи и отмечают, что им удобнее говорить на китайском языке. *«Мы же много не понимам. Скажем, нам надо обязательно по-китайски ешшо. Мы с мамой по-русски, с папой по-китайски. Мы ето не все умем (на русском. – Т. Ц-Е) и ето не все умем (на китайском. – Т. Ц-Е)»* (Зап. от Дементьевой Маруси, 1941 г. р., метиски с. Караванная) [9]. Таким образом, при коммуникации метисов китайский язык является основным, причиной тому послужило отсутствие русской школы. Они просили официальных представителей государства Китая построить им русскую школу, но положительных результатов до сих пор нет.

Китайско-русские метисы пожилого возраста *самоидентифицируют* себя как русские или метисы на основе этнической принадлежности «материнской» культуры, православной веры, русского языка, традиционной культуры. Их дети и последующие поколения относят себя к метисам

и больше к китайцам. Происходит размывание этнической самоидентификации, где определяется двойное самосознание. Важную роль играет иноэтническая среда проживания.

Сегодня государственная политика Китая направлена на экономическое развитие северо-восточной части Китая. Территория Трёхречья как приграничный регион с Россией, где проживают китайско-русские метисы, стала хорошей площадкой экономического развития в направлении «русской культуры» на основе туризма. В данном регионе, при государственной политике страны, качественно в социально-экономическом плане развиваются сёла, деревни благодаря помощи жителей города. Таким образом, Трёхречье становится предметом и ресурсом туризма, где создаются объекты русского культурного наследия, формируется туристическая инфраструктура и индустрия. Позиционируя китайско-русских метисов как «русскую национальность» и в целом русское культурное наследие, китайские власти на этой основе развивают внутренний и внешний туризм, приманивая «русской экзотикой» китайцев-южан, туристов из России и других стран.

Таким образом, результаты проведенного полевого исследования осенью 2015 года в Трёхречье АРВМ (КНР) позволяют сделать следующие выводы:

- У русско-китайских метисов определяется двойная идентичность, билингвизм с доминантой китайского языка, празднуют русские и китайские праздники, кухня русская и китайская, хоронят по-русски и по-китайски. В условиях иноэтнического проживания у данной субэтнической группы наблюдается «диффузия культурной идентичности».

- В целом, при сравнении сохранности русской традиционной культуры китайско-русскими метисами Трехречья и русскими Балейского, Приаргунского, Калганского, Нер-Заводского районов Забайкальского края, откуда были выходцами предки китайско-русских метисов, определена лучшая сохранность именно у трехречинцев.

- Культурное наследие сохраняют только метисы пожилого возраста, где утрачена преемственность, в связи с невладением русским языком молодым поколением, поэтому существует угроза утраты нематериального культурного наследия вместе с пожилыми носителями. Молодое поколение транслирует псевдотрадиционную русскую культуру.

- Происходит подмена ценностей культурного наследия и материального в том числе: сносятся традиционные дома, взамен создаются новые деревянные гостиничные комплексы; строятся туристические, бутафорские «храмы-музеи», «часовни», «кресты» и объекты культурного наследия.

- Предоставляя как бы «хорошие» условия для китайско-русских метисов Трехречья, государственная культурная политика Китая направлена только на «использование и эксплуатацию» культурного наследия и человеческого ресурса китайско-русских метисов Трехречья в целях развития туризма, а не решение серьезных вопросов по сохранению культурного наследия и культурной идентичности данной субэтнической группы.

В дальнейшем китайское правительство планирует развивать территорию Трёхречья в том же направлении, укреплять «квалифицированным кадровым составом русской национальности и подготавливать талантливых специалистов русской национальности, которые будут ведущей силой по национальной работе в районе, населенном русской национальностью» [5, с. 336–337]. Изучение культурного наследия и этнокультурной идентичности китайско-русских метисов АРВМ КНР требует дальнейшего анализа и осмысления.

Литература

1. Кляус В. Л. Рождение и смерть русского дома в Приаргунском Трёхречье (КНР) // Традиционная культура. – 2011. – № 2. – С. 32–42.
2. Лян Чжэ. Православие китайских русских в Трёхречье (КНР): некоторые итоги исследований китайских этнологов // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 6. – С. 144–148.
3. Лян Чжэ. «Крестовые» горы в Трехречье: поиск истоков традиции в исследованиях китайских этнологов // Традиционная культура. – 2014. – № 4. – С. 35–41.
4. Матвеева Р. П. Русский фольклор в национально-смешанном культурном контексте // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: российской и монгольской / отв. ред. П. О. Рыкин. – СПб., 2011. – С. 131–140.

5. Русская национальность в АРВМ: моногр. / под ред. Чжан Сяобина. – Хулуньбуир: Культура АРВМ, 2015. – 354 с.
6. Табынская икона Божьей Матери [Электронный ресурс] // Древо: открытая православная энциклопедия. – URL: http://drevo-info.ru/articles/6524.html (дата обращения: 14.12.2015).
7. Тарасов А. П. Русские в Барге: история и поиск национальной идентичности в приграничном Китае // Традиционная культура. – 2014. – № 4. – С. 3–13.
8. Янков А. Г., Тарасов А. П. Русские Трехречья: история и идентичность. – Чита: Экспресс-изд-во, 2012. – 72 с.
9. Архив УМЦКиНТ ЗК, Трёхречье 2015 // Архив экспедиционных материалов Учебно-методического центра культуры и народного творчества Забайкальского края.

References

1. Klyaus V.L. Rozhdeniye i smert' russkogo doma v Priargunskom Trekhrech'ye (KNR) [The birth and death of Russian home Priargunsky Tryokhrechye (China)]. *Traditsionnaya kul'tura [Traditional culture]*, 2011, no. 2, pp. 32-42. (In Russ.).
2. Lyan Chzhe. Pravoslaviye kitayskikh russkikh v Trekhrech'ye (KNR): nekotoryye itogi issledovaniy kitayskikh etnologov [Russian Orthodox Chinese in Tryokhrechye (PRC), some results of studies of Chinese anthropologists]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East]*, 2014, no. 6, pp.144-148. (In Russ.).
3. Lyan Chzhe. "Krestovyye" gory v Trekhrech'ye: poisk istokov traditsiy v issledovaniyakh kitayskikh etnologov "Crusades" mountains in Tryokhrechye: search for the origins of the tradition in the study of Chinese anthropologists]. *Traditsionnaya kul'tura [Traditional culture]*, 2014, no. 4, pp. 35-41. (In Russ.).
4. Matveyeva R.P. Russkiy fol'klor v natsional'no-smeshannom kul'turnom kontekste [Russian folklore in ethnically mixed cultural context]. *Sibirskiy sbornik – 3. Narody Evrazii v sostave dvukh imperiy: rossiyskoy i mongol'skoy [Siberian collection – 3. The peoples of Eurasia consisting of two empires: the Russian and Mongolian]*. Ed. P.O. Rykin. St.-Petersburg, 2011, pp. 131-140. (In Russ.).
5. Russkaya natsional'nost' v ARVM: monografiya [Russian nationality in IMAR: monograph]. Edited by Zhang Xiaoping. Hulunbuir, Publishing house "Kul'tura ARVM", 2015. 354 p. (In China).
6. Tabynskaya ikona Bozh'yey Materi [Tabynsk Theotokos]. *Drevo: otkrytaya pravoslavnaya entsiklopediya [Chart open Orthodox encyclopedia]*. (In Russ.). Available at: http://drevo-info.ru/articles/6524.html (accessed 12.14.2015).
7. Tarasov A.P. Russkiye v Barge: istoriya i poisk natsional'noy identichnosti v prigranichnom Kitaye [Barga in Russian history and the search for national identity in the border China]. *Traditsionnaya kul'tura [Traditional culture]*, 2014, no. 4, pp. 3-13. (In Russ.).
8. Yankov A.G., Tarasov A.P. Russkiye Trekhrech'ya: istoriya i identichnost' [Russian Tryokhrechye: History and Identity]. Chita, Express publishing house, 2012. 72 p. (In Russ.).
9. Arkhiv UMTsKiNT ZK, Trekhrech'ye 2015 [Archive TsKiNT ZOC, Tryokhrechye 2015]. *Arkhiv ekspeditsionnykh materialov Uchebno-metodicheskogo tsentra kul'tury i narodnogo tvorchestva Zabaykal'skogo kraya [Archives expedition materials Training Center of Culture and Folk Art Trans-Baikal Territory]*. (In Russ.).

УДК 911.3 (571.150)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ «МУЗЕЙНОГО ЛАНДШАФТА» В РЕСПУБЛИКЕ ТАЙВАНЬ

Целищева Марина Александровна, аспирант, кафедра историко-культурного наследия и туризма, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул, РФ). E-mail: c.marina64@mail.ru

Автор исследует и обобщает уникальный опыт современного строительства и архитектурного дизайна зданий музеев в Республике Тайвань. В соответствии с современной политикой государства, строительство новых музейных сооружений не должно нарушать пространственной и экологической гармонии окружающего пространства. Архитектура здания музея должна быть узнаваема, создавать комфортные условия посетителю, способствовать познанию окружающего мира, соответствовать новому требованию к формированию гармоничных отношений между человеком, культурой и природой.

В статье автор рассматривает современные технологии формирования музейного ландшафта, архитектурного дизайна музейных зданий. Автор анализирует проекты архитектуры современных зданий музеев, прослеживает развитие единого «музейного ландшафта», вовлекающего жителей острова и иностранных туристов в социокультурное пространство региона. Значительная часть современной архитектуры музейных зданий острова включает элементы, заимствованные из традиционной китайской архитектуры, и лишь отдельные здания построены в стиле техно, где архитектурными формами музея являются сочетание воды, стального серого каркаса, через прозрачное стекло которого можно обозревать виды внешней среды.

Анализируя действующее законодательство, направленное на сохранение объектов культурного наследия народа, автор приходит к выводу о том, что в любой стране, любом городе, регионе пути создания культурного музейного ландшафта могут быть разными. При этом необходимо учитывать, что здание музея зачастую определяет лицо региона, делает его культурным пространством, осознаваемым в масштабе всего мира, что, в свою очередь, оказывает соответствующее влияние и на развитие туризма.

Ключевые слова: музей, культурное наследие, музейный ландшафт, объекты культурного наследия, архитектура музейных зданий.

MODERN TRENDS IN FORMATION OF “MUSEUM LANDSCAPE” IN THE REPUBLIC OF TAIWAN

Tselishcheva Marina Aleksandrovna, Postgraduate, Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: c.marina64@mail.ru

The author investigates the unique experience of modern construction and architectural design of museum buildings in the Republic of Taiwan. In accordance with current government policy, the construction of new museum buildings must not violate spatial and ecological harmony of the surrounding space. The architecture of the museum building should be recognizable, create favorable conditions for the visitors’ perception of the exposition and the exhibition project, and to promote cognizing process of the environment. The museum should meet new requirements to the formation of a harmonious relationship between man, culture and nature. In this article the author considers modern technologies of formation of the museum landscape, as well as the architectural design of the museum buildings. The author analyzes the architectural projects of modern museum buildings, traces the development of an integral “museum landscape” which involves the island’s inhabitants and foreign tourists to the region’s socio-cultural space. A large part of modern architecture of the island’s museum buildings includes elements borrowed from traditional Chinese architecture, and only a few buildings are constructed in the techno style, where the architectural forms of the museum are a combination of water, gray steel frame, through the transparent glass of which penetrate the external environmental views.

Analyzing the current legislation aimed at preserving national cultural heritage, the author concludes that the technology of creating cultural landscape of the museum can be different in different countries, cities, or regions. It should be taken into consideration that the museum building often determines the image of the region, making it a cultural space, which is realized across the world, and this, in its turn, has a corresponding impact on the development of tourism.

Keywords: museum, cultural heritage, museum landscape, cultural heritage sites, architecture of museum landscape.

В сохранении культурного наследия музеям принадлежит особая роль. Именно музеи имеют оптимальные возможности для сохранения, представления, воспроизводства и культурной идентификации объектов культурного значения.

В настоящее время во многих странах музеи переживают существенные изменения в своей деятельности. Эти изменения отражают трансформацию экономических, политических, социальных отношений современного общества, диверсифи-

кацию функций и направлений деятельности музея. Благополучные в своём экономическом развитии страны вкладывают значительные средства в сохранение наследия и строительство, реставрацию и реконструкцию зданий, благоустройство музейных территорий.

Можно с полной уверенностью говорить о том, что в Республике Тайвань успешно внедряются самые современные технологии архитектурного дизайна территорий и строительства музейных зданий. Развивается единый «музейный ландшафт», вовлекающий жителей острова и иностранных туристов в социокультурное пространство региона. В этой стране в новом тысячелетии кардинально изменилось отношение к музейным коллекциям, фондам, музейной аудитории, формам коммуникации, экспозиционному пространству, музейной архитектуре.

В 2009 году правительством Тайваня были приняты меры по сохранению, эксплуатации, управлению, активизации и повторному использованию культурного наследия. Закон о сохранении культурного наследия 2009 года, состоящий из 104 статей, предусматривает систему мер, направленных на сохранение культурного наследия, обогащение духовной жизни граждан, а также на содействие развитию мультикультурной среды Республики. Значительное внимание было уделено архитектуре здания музея и формированию музейного ландшафта [2].

Министерство культуры Тайваня определило четыре главных направления в культурной политике страны. Во-первых, помочь жителям отдаленных районов с созданием яркой культурной и творческой среды с учетом их потребностей. С этой целью предлагается строительство современных музейных зданий, рассчитанных на длительную перспективу. Во-вторых, способствовать развитию уникального сочетания современных и традиционных культур. В-третьих, повысить значение культурных и творческих отраслей страны, помочь развитию декоративно-прикладного искусства, основанного на местной культурной традиции. В-четвертых, предложить гражданам страны равный доступ к культурным ресурсам. С этой целью стимулировать создание онлайновых баз музейных архивов и коллекций для сохранения наследия и памяти нации в цифровой форме [1].

Деятельность Министерства культуры направлена на расширение знаний жителей Тайваня об объектах культурного наследия, развитие туризма. В 2015 году музейная сеть острова насчитывает более 700 музеев (в 1998 – 232 музея, 2002 – 454), которые делятся на национальные (государственные), муниципальные, частные и созданные на средства различных фондов, из них 400 – это частные и общественные музеи [4, с. 65, 66].

Важным стимулом развития музейного дела в Республике является открытость страны для иностранных посетителей и мобильность местного населения, естественное желание жителей и гостей посещать музеи, исторические и природные памятники, заповедники, знать историю и культуру народа. Музеологи Тайваня имеют достаточно ясное представление о музеях XXI века. Это должна быть перспективная модель, отвечающая интересам и потребностям различных категорий посетителей. И особое внимание здесь специалисты уделяют архитектуре самого здания, его инфраструктуре, а затем уже обновлению технологии презентации коллекций.

При этом нельзя не отметить, что в течение последнего десятилетия на острове произошли грандиозные преобразования в области музейной архитектуры. Архитекторы из материкового Китая и Японии, специализирующиеся в проектировании музеев, оказали влияние, но не способствовали коренному забвению традиционных форм и дизайна шедевров музейной архитектуры Тайваня. Современные здания музеев демонстрируют взаимодействие искусства и архитектуры. Архитектурный дизайн зданий (внутренний и внешний) отражает типологию музеев и связан с содержанием коллекций. Архитектурный ландшафт музейного комплекса уже настраивает посетителя на восприятие экспозиции, а её художественно-пространственные экспозиционные решения, поддержанные технологическими приемами, способствуют погружению посетителя в тему экспозиции, её непроизвольному информационному и эмоциональному воздействию. Таким образом, формируется интерактивная система восприятия музейного собрания. Разумное сочетание архитектурных, художественных решений, подлинных предметов, технологических и виртуальных образов создает атмосферу информационного поля, основанного на интересах посетителей.

Можно привести достаточно много примеров подобных современных музейных комплексов в Республике. Музеем будущего можно назвать Дворцовый музей. Национальный дворец-музей в Тайбэе является одним из двенадцати крупнейших художественных музеев мира. Оригинальная конструкция четырехэтажного главного здания музея, построенного в традиционном китайском стиле, украшена орнаментами, окаймлена стилизованными навесами и покрыта зеленой черепичной крышей с желтыми гранями и угловыми разлетами. Архитектура современного здания музея гармонично вписалась в естественный ландшафт окружающего пространства. История музея берет начало в 1925 году, когда он был образован. Основой собрания музея стали сокровища Запретного города (императорского дворца в Пекине). Гражданская война в Китае, начавшаяся в 1946 году, послужила поводом для перевода лучшей части коллекции с материка на остров Тайвань. В апреле 1965 года в столице Тайбей был построен новый музейный комплекс, в котором разместили данные коллекции. Здание музея было заново построено по канонам традиционной китайской архитектуры, которая значительно отличалась от архитектурного стиля японского колониального периода и показывала намерение правительства нести китайскую культуру в народ. В 1967 году закончилась первая очередь реконструкции главного здания музея. К нему были достроены правое и левое крыло. В 1971 году завершилась вторая очередь реконструкции здания музея, результатом которой стало расширение двух флангов главного здания. В 1984 году была завершена третья очередь реконструкции комплекса, в результате чего был построен административный корпус, а главный выставочный павильон был расширен, хранилище и выставочные залы – оборудованы современной техникой, обеспечивающей необходимый температурный режим и влажность, пожаротушение, предотвращение наводнения, антисейсмичность, борьбу с хищениями. В 1995 году сдается в эксплуатацию новый корпус хранилища книг и документов, а также завершается дизайнерское оформление парка «Чжидэюань». В 2007 году знаменитый музей Тайваня открылся после реконструкции. В этот период были проведены инженерно-строительные работы по расширению главного здания музея. После ремонта музей выглядит современно: с освещенными вестибюлями, просторными выставочными залами, несколькими кафе и большим магазином сувениров. Национальный колорит проявляется во всём: в оформлении ведущих ко дворцу лестниц, смотровых площадок, декора фасада и крыши. Парк «Чжишаньюань», расположенный слева от главного здания музея, является великолепным воплощением традиционного китайского ландшафтно-паркового искусства, поражая красотой беседок и террас, изысканностью контуров и пейзажей, дизайном искусственных скал, камней, ручьев и мостов, создавая атмосферу торжественности и спокойствия. На арках и перекладинах беседок выгравированы каллиграфические отрывки из китайских классиков. На правом крыле музейного комплекса находится парк «Чжидэюань», который впечатляет посетителей музея своими изящными павильонами и беседками, красотой мостиков. Музей императорского дворца – одна из крупнейших сокровищниц, где собрана замечательная коллекция памятников истории и культуры, охватывающая большой пласт человеческого развития. Здесь представлено более 600 тысяч предметов от эпохи неолита до расцвета китайской цивилизации – эпохи династии Цин. Произведения живописи, графики и каллиграфии, изделия из нефрита, фарфора, бронзы, редкие книги и исторические документы, одежда и украшения – все это можно увидеть в залах музея [9].

Другим примером современного музея является выстроенный в классическом архитектурном стиле Национальный музей Тайваня (National Taiwan Museum). Основанный в 1908 году, музей является старейшим в Республике. Музей привлекателен не только уникальными экспонатами, но и изысканной и элегантной архитектурой. Его торжественный фасад и строгая симметрия по-прежнему являются важными составляющими архитектурного наследия города, благодаря чему он стал одной из важных и знаменитых достопримечательностей Тайваня. Здание музея, напоминает своим фасадом древнегреческий храм, расположено в центре Тайбэя, было спроектировано в эпоху колониального правления Японии на Тайване (1895–1945) японским архитектором Номура Итиро. Купол венчает центральную часть здания музея, акцентом композиции которой является парадный вход, оформленный портиком

из шести стилизованных колонн круглого сечения, завершенным треугольным фронтоном с лепным декором в тимпане. К центральной части примыкают прямоугольные двухэтажные крылья, фланговые части которых в уровне крыши завершены квадратными пирамидальными многоступенчатыми кровлями. Департамент образования тайваньского провинциального Правительства взял на себя управление музеем в 1949 году и переименовал его в «Тайваньский провинциальный музей». Здание музея пережило несколько крупных ремонтно-реставрационных работ – в 1961 и 1994 годах. С 1999 года музей перешел в ведение центрального правительства и был переименован в «Национальный тайваньский музей». Рядом с музеем расположен Мемориальный парк 228 и другие объекты культуры. В музее представлены экспонаты пяти основных наук – антропологии, естествознания, зоологии, ботаники и образования. Здесь собраны образцы местных животных и растений, а также культурные артефакты.

Культурный центр «Сливовый сад» (Plum Garden) – национальный музей, рассказывающий об истории и традициях населения Тайваня. Музей создан на месте загородной резиденции Юй Юженя, известного политика, писателя и мыслителя середины XX века, возведенной в японском колониальном стиле с простыми конструкциями в виде основного объема с двухскатной кровлей и выступающих пристроек квадратных и прямоугольных форм. При создании домов в колониальном стиле чаще всего используют природные материалы, в данном случае это дерево. Внешняя отделка фасадов деревом придаёт зданию музея теплоту и уют, оживляя и украшая его. Сегодня в доме известного политика, писателя и мыслителя проводятся выставки современного китайского искусства, здесь выставляются молодые художники и каллиграфы. Территория вокруг фермы реконструирована, туда перевезены памятники архитектуры начала XX века. Здесь можно увидеть постройки в характерной для того времени манере – с просторными дворами и внутренними галереями. Большинство памятников несет на себе следы японского влияния.

Нельзя обойти вниманием Национальный музей истории (National Museum of History, далее – NMH) в городе Тайпее. Здание NMH первоначально было выполнено в японском стиле, но в 1956 году его отреставрировали в пятиэтажном традиционном китайском Мин и Цин дворцовом стиле, где на четырех этажах разместились выставочные залы и офисы сотрудников, а один этаж отдали под хранение. Здание NMH является выдающимся примером, отражающим все самые характерные особенности восточной архитектуры Китая, необычайно декоративный художественный стиль, который отразил жизнерадостный и одновременно философский дух, свойственный в целом искусству Китая. Нарядность, яркость, легкость сочетаются в этом сооружении с простотой и ясностью форм. Акцентируют внимание при виде здания NMH высокие лакированные красные колонны, укрепленные на многоступенчатой платформе, что является основой конструкции, которую венчает массивная двухъярусная зеленая крыша с широкими загнутыми вверх краями, придающая своеобразную величественность и изящность зданию. Её широкие выносы предохраняют помещение от беспощадного летнего зноя так же, как и от чередующихся с ним обильных дождей. На протяжении многих лет проходили преобразования здания NMH, чтобы адаптировать его как современный музей, пригодный для новейших выставочных помещений. Сегодня NMH отвечает современным мировым стандартам и оборудован по последнему слову техники. Несмотря на ограниченное пространство, NMH славится своими международными выставками, активными и инновационными образовательными программами по развитию музейного дела. NMH хранит артефакты, ранее принадлежащие музею провинции Хэнань и перевезенные на Тайвань во время гражданской войны в Китае. Здесь выставляются изделия из бронзы и керамики, фигурки династий Тан и другие сокровища китайского наследия. Коллекция регулярно пополняется посредством пожертвований частных коллекционеров. Чтобы использовать окружающее пространство, в соответствии с политикой Тайваня, происходит стимулирование симбиоза между культурой и природой для обеспечения посетителям NMH комфортной и полноценной среды для обучения и отдыха [10].

В 1980 году правительством Тайваня было опубликовано 12 планов строительства, последний из которых назывался «Культурное строительство». Во время культурного строительства был спланирован ряд музеев государственного

уровня. Это Национальный музей естествознания в Тайчжун (1986), Национальный научно-технический музей в Каошау (1997), Национальный музей морской биологии и аквариумов в провинции Пинтунг (2000), а также городские и провинциальные музеи, такие как Тайбэйский музей изобразительных искусств (1983), Национальный Тайваньский музей изобразительных искусств (1988) и др. С отменой в 1987 году военного положения на Тайване стали активно развиваться частные музеи, наиболее известным среди них стал музей Чи Мен (1992) [12, с. 51].

Тайваньский музей изобразительных искусств (National Taiwan Museum of Fine Arts) в г. Тайчжуне, открытый в 1980 году, является еще одним интересным объектом музейной архитектуры Тайваня. В 1999 году была проведена реконструкция помещений, благодаря которой музей сегодня известен не только своими коллекциями, но знаменит как очень интересный образец современной архитектуры. Здание музея состоит из цокольного этажа и трех надземных этажей общей площадью 102 000 квадратных метров (в том числе парк скульптур, расположенный на севере и юге). Визитной карточкой музея является стеклянная эстакада, которая делит музей на восточную и западную зоны. Западная зона включает постоянные выставки, посвященные истории развития искусства Тайваня и направлениям современного искусства страны. Временные экспозиции и образовательный центр находятся в галереях в Восточной зоне. Коллекция музея включает более десяти тысяч экспонатов и наглядно иллюстрирует развитие изобразительного искусства Тайваня начиная с династии Мин по наши дни, является одним из крупнейших художественных музеев Азии.

В соответствии с решением центрального правительства, направленного на повышение культурной жизни города, муниципальное правительство Тайбэя в 1980 году приступило к строительству музея искусств (Taipei Fine Arts Museum). Строительство шло три года. Задача проектирования и строительства была возложена на архитектора Эр-Пан Гао. Тайбэйский музей изобразительных искусств (далее – TFAM) официально был открыт 8 августа, а его первая выставка – 24 декабря 1983 года. Концепция и построение физической структуры TFAM являются уникальными и символичными. Архитектура переплетается с элементами, заимствованными из традиционной китайской архитектуры, которые представлены через структуру свайных скобок в виде коридоров, которые вместе образуют состав трубчатой формы. Симметричные и взвешенные галереи пространства разбросаны на каждом этаже, чтобы сформировать новое пространство, в котором посетители могут просматривать и ценить искусство. Большие окна позволяют посетителям внутри TFAM наблюдать прекрасный вид на Юань Шан, изобразительное искусство в парковой зоне и окружающих территорий. TFAM вобрал в себя выдающиеся произведения местных авторов и зарубежных мастеров искусств. Здесь представлены коллекции и инсталляции, созданные начиная с XX века. Целью TFAM является сбор и накопление великих произведений, которые могли бы повысить культурный уровень общественности. В TFAM представлены ценные экспонаты художников и скульпторов современной эпохи [6].

В начале 2015 года Архитектурное бюро Kris Yao | ARTECH выиграло тендер на проектирование и строительство нового здания для Музея искусств Тайбэя. Согласно плану в Тайбэе построят современную галерею, учитывающую историческое и культурное наследие Тайваня, а также географические особенности окружающего пространства. Здание сольется с местным ландшафтом, став шедевром современной архитектуры. Дизайн нового корпуса Музея искусств Тайбэя от Kris Yao | ARTECH выбивается из типичной музейной типологии и по задумке авторов должен стать более доступным учреждением для общественности. На прилегающей к зданию территории обустроится открытый сад скульптур. Планировка музея сделает его гибким для проведения различных общественных мероприятий. Причем гибкими будут не только общественные пространства, но и выставочные залы. Архитекторы позаботились, чтобы со всех уровней нового музея посетителям открывались красивые виды на окружающие пейзажи. Характерный фасад здания своим дизайном отсылает к местным традициям, словно он создан из закрепленных на разной высоте гигантских стеблей тростника [6].

Одной из главных достопримечательностей Гаосюна является Национальный музей науки и техники (National Science and Technology Mu-

seum), открытый в ноябре 1997 года. Это первый крупнейший музей прикладной науки в Тайване. Цель его деятельности – просвещение людей в области современных технологий. Площадь музея составляет около 19 гектаров, она разделена на две части мостом. Общая композиция музея состоит из ряда самостоятельных объемов (прямоугольных, квадратных), различных по высоте, в которых расположено несколько постоянных галерей, три временные, а также ультрасовременный кинотеатр IMAX 3D. Авторам проекта удалось выявить типологическую суть здания и, благодаря гармоничной разработке объемов и глухих фасадных плоскостей из серой облицовочной плитки, получить выразительную композицию правильного градостроительного масштаба, хорошо согласованную с пространством площади и в то же время соподчиненную человеку. В экспозиции представлены образцы, связанные с основными принципами и процедурами применения современных технологий, а также закономерностями их влияния на общество. Многие образцы можно потрогать и даже провести с ними опыты, конечно, под наблюдением инструктора.

Музей керамики Йингге (Yingge Ceramics Museum) в городе Тайпей возводили около 12 лет. Его открытие состоялось 26 ноября 2000 года. Сооружение было возведено из современных строительных материалов и прозрачного стекла – оно представляет собой образец здания в стиле техно. Архитектурными формами музея являются сочетание воды, стального серого каркаса, через прозрачное стекло которого проникают виды внешней среды. В помещениях музея высокие потолки, стены из бетона, серого камня и комбинации из коричневого дерева. Здание состоит из трех подземных и двух наземных этажей. В главном здании строительные материалы сочетаются с западными технологиями. Вход в музей осуществляется по каменной лестнице, через водяной мостик, через стены и большой бассейн с водой, созданный для звуковых и визуальных эффектов воды, чтобы поднять настроение и осуществить эмоциональное преобразование посетителей. Музей находится в парке для показа керамики по темам: «Керамика и почва», «Керамика и огонь», «Керамика и вода», «Керамика и свет», «Керамика и ветер», – для создания баланса между человеком и природой, сочетает в себе архитектуру и философию. В экспозиции музея представлены различные керамические изделия, некоторым из них уже более 200 лет. Заведение оснащено модернизированной техникой, которая позволяет обеспечивать надлежащий уровень безопасности, а также помогает сделать выставки более презентабельными с помощью автоматизированной системы освещения. Особое место в музее посвящено будущему керамики. В этой экспозиции можно увидеть искусственные зубы, сотовые телефоны, компьютеры и другие вещи, где используется этот материал [7].

Обращает на себя внимание Национальный доисторический музей (The National Museum of Prehistory), расположенный в городе Тайчжун, открытый в 2002 году. Здание музея, окруженное живописным садом, разработал нью-йоркский архитектор Майкл Грейвс. Музей разделен на множество секций, в том числе: площади ВС, Горная площадь, административное здание, детская игровая площадка, лабиринт, фонтан-шоу, площадь пения птиц. Общая композиция здания музея состоит из нескольких объемов, различных по форме, высоте, величине и цвету, составляющих единый выразительный и индивидуальный архитектурный комплекс. В объемной композиции фасада, на главной оси симметрии, доминирует вход в здание с высоким лестничным маршем. Вглубь участка симметрично примыкают коридоры, с равным шагом расположенными колоннами с остеклением между ними. Привлекательный вид зданию придают архитектурные формы правильных пропорций, а также использование определенных материалов, конструкций и деталей. Первыми экспонатами музея были древнейшие каменные артефакты и изделия из нефрита и керамики времен неолита, которые были найдены во время строительства железнодорожной станции неподалеку от места, где теперь располагается музей. Сегодня на территории музея выставляется коллекция животных окаменелостей и другие древние археологические артефакты, которые расскажут об истории Тайваня, начиная с самых древних времен и до нашего века высоких технологий.

Современный музейй Lanyang (Lanyang Museum), открытый в 2010 году, поражает посетителей своим зданием, которое представляет собой огромный четырёхэтажный куб из стекла и бетона, сильно наклонённый и утопающий одним углом

в грязи. Над проектом здания трудилось много архитекторов и дизайнеров. Музей имеет три уровня: уровень океана, уровень равнины и уровень гор. Его экспозиция охватывает все аспекты – от геологии, флоры и фауны до современной жизни Иланя. На первом этаже находится экспозиция, специально созданная для детей в возрасте от 6 до 10 лет. Музей имеет много интерактивных экспонатов, а также интерактивный театр «Рождение Иланя». В музее делается акцент на окружающую среду и гармонию природы.

Здание музея должно вдохновлять людей на отдых, способствовать общению, а также новому определению взаимоотношений между человеком, культурой и природой. Правительство Тайваня и сегодня продолжает поощрять строительство новых музеев. Так, в сентябре 2014 года лауреат Притцкеровской премии Сигэру Бан выиграл международный конкурс проектов будущего Музея изобразительных искусств в Тайнане (далее – TMFA). Помимо экспозиций, в здании музея будут расположены тайваньские культурно-просветительные учреждения. Здание имеет форму пятигранника. Такая форма была выбрана неслучайно – она представляет собой аллюзию на эмблему города Тайнань – цветок с пятью лепестками. Как и любой другой проект от Сигэру Бана, музей использует максимум экологичных технологий – таких, например, как сбор дождевой воды и естественную вентиляцию помещения. В музее будет большой атриум и «нависающие» над ним галереи, часть из которых выйдут террасами в прилегающий парк. Галереи в TMFA расположены вертикально и смещены относительно друг друга – таким образом, достигается необычное сочетание внутреннего и внешнего пространства. Крыша в форме пятигранника имеет секционные отверстия, похожие на соты – для естественной вентиляции и прохлады.

В январе 2015 года состоялось открытие в новом здании частного музея искусств и культуры музей Чи Мен (Chi Mei Museum), построенного на средства Chi Mei Group и расположенного в городе Тайнане. Chi Mei музей начал работу в 1992 году, был основан промышленником г-ном Сюй Вэньлун. Центральную часть музея венчает шатер, состоящий из множества сегментов, с высоким шпилем. Парадный вход является акцентом композиции, оформлен портиком с обязательными элементами классического стиля – шестью стилизованными колоннами круглого сечения. Портик завершен треугольным фронтоном. К центральной части примыкают прямоугольные крылья, образующие курдонер перед главным входом. Фланговые части крыльев завершены меньшими по размеру шатрами. Оконные проемы выполнены в виде прямоугольных или арочных форм. В новом музейном здании, построенном в классическом стиле, музейная экспозиция включает: музыкальный зал, зал коллекции западноевропейской живописи, скульптуры, оружия, в том числе оружия и доспехов из Европы, древней Персии, Индии, Африки, Китая, Японии, зал животных. Вокруг музея открыт парк с достопримечательностями, в том числе такими, как «Железный Хьюз победил кентавра», «Фонтан Аполлона», «Мост Амура» с копиями известных греческих скульптур, платформа «Песня о любви», детская площадка [8].

В 2015 году на севере Тайваня началось строительство морского музея. Национальный музей морской науки и техники будет построен в портовом городе Килунг, расположенном северо-восточнее Тайбэя и образующем с ним единую городскую зону. Проект музея был разработан британским архитектурным бюро «Foster and Partners». По мнению авторов, проект музея закладывает новые стандарты проектирования центров, демонстрирующих и изучающих подводный мир. Здание, расположенное на набережной, главным фасадом будет смотреть на гавань, сохраняя некую связь между береговой линией и рыбацкой деревушкой. Его форма проста, напоминает контейнер для морских грузоперевозок, видимо, заказчики и архитекторы оказались единодушны в том, что поразительного здесь достаточно внутри – в разнокалиберных, открытых и закрытых резервуарах с обитателями подводного мира. Помимо них, посетителей должны привлекать ресторан, кафе, магазины, расположенные в центральной части «контейнера». Это коммуникационный узел, подобный городской площади, только окруженный гигантскими аквариумами. Проект сочетает инновационные конструкции резервуаров, специальные дисплеи и даст посетителям возможность ознакомиться с широким разнообразием обитателей морей. Идея самого центра и здания базируется на принципах устойчивости, понимании специфики места, климата и заботе о сохранении локальной морской фауны [11].

В 2014 году Министерством культуры Тайваня был разработан проект Закона «О музеях». Проект Закона, одобренный Исполнительным Юанем и исполнительной властью страны, предлагает комплексную правовую поддержку 746 общественных и частных музеев по всему Тайваню. В случае его принятия, Министерство культуры станет центральным руководящим органом Тайваня. Юридическое определение музея будет расширенно за счет включение некоммерческих операций, которые служат интересам общества. Создание, как государственных музеев, так и частных музеев больше не будет требовать поддержки со стороны юридического лица. Коллекции государственных музеев больше не будут подвергаться требованиям законодательства по управлению государственной собственностью. В соответствии с предлагаемым законопроектом, частные музеи, которые раньше могли быть обработаны только как фонды или компании, будут иметь возможность зарегистрироваться в качестве юридических лиц и получать полный спектр преимуществ, предлагаемых в соответствии с Законом о музеях. Министерство культуры также сможет распределять культурные ресурсы музеев страны, субсидии для восстановления и сохранения артефактов, оказывать консультативную поддержку и действовать в качестве посредника по взаимовыгодному сотрудничеству между различными музеями [3].

В формировании культурного пространства в Республике Тайвань прослеживается тенденция к созданию единых пространственных комплексов, сочетающих в себе уникальные историко-культурные и природные территории. Такой комплекс может быть определен как целостный пространственный объект, где в традиционной природной и социокультурной среде находятся памятники истории и культуры особой значимости. Такая трактовка культурного и природного наследия позволяет отказаться от рассмотрения памятника вне комплекса, в отрыве от различных факторов его восприятия, отойти от практики мертвой музеефикации. Значение этой тенденции невозможно переоценить, она актуальна во всем мире. Сегодня музеи должны позиционировать себя по-новому, чтобы не затеряться в современной культуре, ориентированной на сенсации и яркие события.

Литература

1. Бюро культурного наследия Министерства культуры Тайваня [Электронный ресурс]. – URL: http://www.boch.gov.tw (дата обращения: 20.08.2015).
2. Закон сохранения культурного наследия [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cca.gov.tw/law.do?method=find&id=30 (дата обращения: 15.09.2015).
3. Закон о музеях Тайваня (проект) [Электронный ресурс]. – URL: https://english.moc.gov.tw/article/index.php?sn=2160 (дата обращения: 20.08.2015).
4. Куо-нинг Чен. XXI век: развитие музейного дела на Тайване // Музеология: стимул к международному сотрудничеству: моногр. / под ред. О. Н. Труевцевой, Х. К. Вирегг. – Барнаул: АлтГПА, 2010. – С. 64–70.
5. Музей из иной эры [Электронный ресурс]. – URL: http://taiwanreview.nat.gov.tw/fp.asp?xItem=51078&ctNode=192 (дата обращения: 10.07.2015).
6. Музей искусств Тайбэя (Taipei Fine Arts Museum) [Электронный ресурс]. – URL: http://grandengineer.ru/grandiose-projects/muzej-iskusstv-tajbeya-pereedet-v-novoe-zdanie/ (дата обращения: 16.10.2015).
7. Музей керамики (Yingge Ceramics Museum) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ceramics.ntpc.gov.tw/zh-tw/Home.ycm (дата обращения: 10.08.2015).
8. Музей Чи Мей (Chi Mei Museum) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.chimeimuseum.org (дата обращения: 07.05.2015).
9. Национальный дворцовый музей (National Palace Museum) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.npm.gov.tw/ru/Article.aspx?sNo=03001502 (дата обращения: 22.09.2015).
10. Национальный музей истории (National Museum of History) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nmh.gov.tw/en/index.htm (дата обращения: 22.09.2015).
11. Национальный музей морской науки и техники [Электронный ресурс]. – URL: http://buildlines.ru/news/2015/02/20/Na-severe-Tajvanja-nachalosq-stroitelqstvo-morskogo (дата обращения: 15.10.2015).
12. Ч. Ван-Чен. Развитие музейного дела на о. Тайвань // Музеология: стимул к международному сотрудничеству: моногр. / под ред. О. Н. Труевцевой, Х. К. Вирегг. – Барнаул: АлтГПА, 2010. – С. 36–53.

References

1. Byuro kul'turnogo naslediya Ministerstva kul'tury Tayvanya [The Bureau of Cultural Heritage, Ministry of Culture of Taiwan]. (In Chinese). Available at: http:\\www.boch.gov.tw (accessed 20.08.2015).
2. Zakon sokhraneniya kul'turnogo naslediya [Cultural Heritage Preservation Act of the Republic of Taiwan]. (In Eng.). Available at: http://law.moj.gov.tw/Eng/LawClass/LawContent.aspx?PCODE=H0170001 (accessed 15.09.2015).
3. Zakon o muzeyakh Tayvanya (proekt) [The Museum Act of Taiwan (draft)]. (In Eng.). Available at: http:\\english.moc.gov.tw/article/index.php?sn=2160 (accessed 20.08.2015).
4. Chen Kuo-ning. XXI vek: razvitiye muzeynogo dela na Tayvane [XXI century: the development of museums in Taiwan]. *Muzeologiya: stimul k mezhdunarodnomu sotrudnichestvu: monografiya [Museology: an incentive for international cooperation: monograph]*. Under the editorship of O.N. Truevtsevoy, Kh.K. Vieregg. Barnaul, Altayskaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya, 2010, pp. 64-70. (In Russ.).
5. Muzey iz inoy ery [The museum from a different era]. (In Russ.). Available at: http:\\taiwanreview.nat.gov.tw/fp.asp?xItem=51078&ctNode=192 (accessed 10.07.2015).
6. Muzey iskusstv Taybeya [Taipei Fine Arts Museum]. (In Russ.). Available at: http:\\grandengineer.ru/grandiose-projects/muzej-iskusstv-tajbeya-pereedet-v-novoe-zdanie (accessed 16.10.2015).
7. Muzey keramiki [Yingge Ceramics Museum]. (In Eng.). Available at: http:\\www.ceramics.ntpc.gov.tw/zh-tw/Home.ycm (accessed 10.08.2015).
8. Muzey Chi Mey [Chi Mei Museum]. (In Eng.). Available at: http:\\www.chimeimuseum.org (accessed 07.05.2015).
9. Natsionalnyy dvortsovyy muzey [National Palace Museum]. (In Eng.). Available at: http:\\www.npm.gov.tw/ru/Article.aspx?sNo=03001502 (accessed 22.09.2015).
10. Natsional'nyy muzey istorii [National Museum of History]. (In Eng.). Available at: http:\\www.nmh.gov.tw/en/index.htm (accessed 22.09.2015).
11. Natsional'nyy muzey morskoy nauki i tekhniki [National museum of marine science and technology]. (In Russ.). Available at: http:\\buildlines.ru/news/2015/02/20/Na-severe-Tajvanja-nachalosq-stroitelqstvo-morskogo (accessed 15.10.2015).
12. H.Wang-Chen. Razvitiye muzeynogo dela na o. Tayvan' [The Development of museums in Taiwan]. *Muzeologiya: stimul k mezhdunarodnomu sotrudnichestvu: monografiya [Museology: an incentive for international cooperation: monograph]*. Under the editorship of O.N. Truevtsevoy, Kh.K. Vieregg. Barnaul, Altayskaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya, 2010, pp. 36-53. (In Russ.).

УДК 13.51.01

ФОРМИРОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ковешникова Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail:ezlena@mail.ru

Проблема формирования и развития новых перспективных видов культурно-познавательного туризма сегодня является весьма актуальной. В их числе археологический и палеонтологический туризм около села Шестаково Чебулинского района Кемеровской области. Ранее на данной территории учеными проводились археологические и палеонтологические исследования, в результате которых были открыты многочисленные комплексные археологические, а также палеонтологические памятники, получившие широкую известность. Они являются уникальным наследием не только данной местности, но также всей области и государства, имеют большое культурно-историческое значение.

Чебулинский район обладает значительными ресурсными возможностями для полноценного отдыха и познавательных путешествий, поэтому необходимо музеефицировать комплексные археологические и палеонтологические памятники, которые станут символами данной местности. Поставлена проблема не только сохранения, но и актуализации историко-культурного наследия как туристического ресурса в развитии новой туристской дестинации на северо-востоке Кузбасса. С целью популяриза-

ции новой туристской дестинации, район должен не только обладать исключительными культурно-историческими комплексами, но и активно предлагать их на туристский рынок, через актуализацию культурного наследия различными средствами, в том числе и музейными. Необходимо решать проблемы музеефикации уникальных объектов культурного наследия и рассмотреть условия и возможности организации комплексного музея-заповедника, а также создания национального парка с учетом местных природных особенностей на данной территории. Большая часть уникальных археологических и палеонтологических памятников территории будущего национального парка может войти в комплексный музей-заповедник. Тогда эти памятники станут защищенными объектами туристического показа, послужат в дальнейшем более активному развитию комплексного археологического и палеонтологического туризма, будут способствовать формированию и становлению новой туристской дестинации на северо-востоке Кемеровской области, которая в дальнейшем может носить круглогодичный характер.

Ключевые слова: археологический туризм, палеонтологический туризм, туристская дестинация, историко-культурное наследие, уникальные памятники, экскурсионный маршрут, национальный парк, музей-заповедник.

THE FORMATION OF THE ARCHEOLOGICAL AND PALEONTOLOGICAL TOURISM IN KEMEROVO REGION

Koveshnikova Elena Anatolevna, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ezlena@mail.ru

The problem of formation and development today, promising new kinds of cultural tourism, is very relevant, for example, such as archaeological and paleontological tourism around the village Shestakovo Chebulinsky District, Kemerovo region. Earlier this area scientists conducted archaeological and paleontological research, the result of which were discovered numerous archaeological complex, and paleontological sites that have received recognition, they have a unique heritage not only of the area but also the entire region and the state. Therefore, an area of increased concentration of unique archaeological monuments of great cultural and historical significance. Chebulinsky District has significant resource potential for recreation and sightseeing tours, so you need to muzeefitsirovat complex archaeological and paleontological sites, which will become the symbols of the area. Posed the problem of not only save, but also updating the historical and cultural heritage as a tourist resource in the development of a new tourist destination in the northeast of the Kuzbass. In order to promote a new tourist destination, the area must not only possess exceptional cultural and historical complex, but also actively offer them on the tourist market, through the actualization of the cultural heritage of various means, including the museum. It is necessary to solve problems museification unique cultural heritage and examine the conditions and opportunities of the integrated museum-reserve, as well as the creation of the National Park, taking into account local natural features of a given territory. Most of the unique archaeological and paleontological monuments of the territory of the future National Park may enter into a comprehensive museum-reserve, then they will be “protected” tourist display and will serve in the future a more active development of an integrated archaeological and paleontological tourism.

They will contribute to the formation and establishment of a new tourist destination in the northeast of the Kemerovo region, which will continue to wear year-round character.

Keywords: archaeological tourism, paleontological tourism, tourist destination, historical and cultural heritage, unique monuments, guided tour, national park, museum-reserv.

Очевидно, что развитие туризма сегодня очень значимо для любого региона. В настоящее время в Кемеровской области этой сфере деятельности уделяется немалое внимание, однако, считаем, что далеко не весь потенциал историко-культурного наследия региона задействован в полной мере для формирования новой туристской дестинации.

Археологический и палеонтологический ресурс территории области в туристическом плане представляет большой интерес как для местных, отечественных, так и для иностранных туристов. Включение в экскурсионно-туристический маршрут и посещение археологических или палеонтологических памятников выведет на совершенно новый уровень развитие туризма в регионе.

Мы предлагаем ввести в экскурсионно-туристические маршруты Кемеровской области часть археологических и палеонтологических памятников, которые органично сочетаются с местной природой и достопримечательными историческими местами. Некоторые археологические поселения находятся в районах, исключительно богатых с точки зрения археологии, палеонтологии или этнографии. Кроме того, можно разработать специальные экологические тропы (туры), включающие в себя и посещения хорошо сохранившихся памятников археологии, палеонтологии и истории [4].

Известно, что летом 2014 года Кемеровский областной краеведческий музей заключил договор с Палеонтологическим институтом им. А. А. Борисяка Российской академии наук (г. Москва), что положило начало активному исследованию в районе с. Шестаково. В результате совместно проведенных экспедицией было обнаружено уникальное палеонтологическое местонахождение останков динозавров, животных мамонтовой фауны. Музеем разработана программа научных исследований «Палеонтологическое изучение ископаемых остатков из палеозойских и мезозойских отложений территории Кемеровской области» [9].

Коллектив Кемеровского областного краеведческого музея совместно с администрацией Чебулинского района организовали и представили новый экскурсионно-туристический маршрут «Кемерово – п. Верх-Чебула – с. Шестаково – Кемерово», который дает возможность туристам в пос. Верх-Чебула посетить Районный краеведческий музей, здание которого является историческим памятником архитектуры. Музей представляет экспозицию под открытым небом «От сохи до Конкорда» об истории русского земледелия, где каждый может попробовать себя в роли крестьянина, например, покосить косой и поработать мотыгой, пожать серпом или включиться в процесс изготовления глиняных сосудов, научиться ткать на ткацком станке, выжигать по дереву, изготавливать куклы-обереги. Экскурсия в музее завершается совместной трапезой – чаепитием с пирогами, испеченными по старинным русским рецептам. Затем предусмотрены посещение часовни Филарета Срезневского, прогулка по кедровой аллее и экологической тропе, где туристы знакомятся с разнообразием природы Чебулинского района.

На протяжении всего маршрута расположены информационные стенды, представляющие описание и внешний вид, распространенных здесь представителей флоры и фауны, типичных для данной территории. Заканчивается маршрут – палеонтологическими и археологическими раскопками Шестаковского комплекса, гостям демонстрируется музейная коллекция редких палеонтологических находок, собранная семьей Сантьевых [9]. Кульминация экскурсии – пикник с ухой, возможность искупаться в чистой реке Кии, покататься на аэроглиссере, гидроцикле или квадрацикле, а также верховая конная езда.

Район обладает значительными ресурсными возможностями для полноценного отдыха и путешествий, формирования различных видов культурно-познавательного туризма. В этих целях необходимо музеефицировать комплексные археологические и палеонтологические памятники, которые станут символами Шестаково. Это может быть «Парк динозавров» (как например, в Ханты-Мансийске), представляющий собой благоустроенную рекреационную и интерактивную зону с крупномасштабными скульптурными композициями под открытым небом разных видов динозавров, живших в глубокой древности на территории Кемеровской области [8]. Необходимо создание развитой инфраструктуры с гостиничным комплексом, позволяющим принимать большой поток туристов, желающих участвовать в проведении музейных праздников с историческими реконструкциями, этнофольклорных фестивалей и других увлекательных событийных мероприятий. В этом плане музеи играют значительную роль в формировании туристической индустрии, они выступают как особые информационно-образовательные и культурно-просветительные центры коммуникации, которые на базе своего экспозиционного пространства могут сочетать различные интересы всевозможных категорий посетителей [2; 3].

Так, обнаруженное в 1953 году московским геологом А. А. Массаковским, и доцентом Томского госуниверситета И. В. Лебедевым Шестаковское местонахождение ископаемых животных мезозойской эры – останков мелкого динозавра – стало первым значительным открытием в нашей стране коренного местонахождения динозавров, которое исследовали ученые со всего мира, но, богатейший палеонтологический материал неоднократно увозился с территории. Совсем иначе обстоит положение дел сегодня, когда музей, получил лицензию на право проводить раскопки и палеонтологические исследования в Чебулинском районе. Теперь редкие экспонаты, найденные на территории Кемеровской области, раскрывающие древнейшие тайны истории земли Кузнецкой, останутся в Кузбассе и будут храниться, всесторонне изучаться и экспонироваться в Кемеровском областном краеведческом музее.

Можно отметить, что благодаря уникальной находке в Чебулинском районе заметно увеличился поток туристов, поэтому следует создавать уровень, отвечающий всем нормативным требованиям, предъявляемым к объектам экскурсионного показа и соответствующее качество обслуживания. В настоящее время продается различная сувенирная продукция с символикой-изображением динозавров (магнитики, брелки, изделия из глины) и т. д., но необходимо и дальше расширять спектр сувенирной продукции.

Заметим, что окрестности села Шестаково давно хорошо известны мировому научному сообществу не только как палеонтологический, но и как археологический комплекс, так как здесь расположены уникальные археологические памятники. Археологические раскопки в районе с. Шестаково в течение нескольких лет проводились специалистами Кемеровского государственного пединститута (сейчас университет) под руководством А. И. Мартынова. В 1960–70-е годы был исследован археологический комплекс, состоящий из курганов и поселений, относящихся к разновременным культурам (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) [8; 9].

Чебулинский район – территория повышенной концентрации археологических памятников, имеющих большое историческое значение. Например, поселение Михайловка I. В 1968–1970 годах здесь обнаружены остатки более 75 многоугольных юртообразных жилищ, большое количество фрагментов керамики (орнаментированные вазы, сосуды, горшки и банки), изделия из бронзы и железа, орудия земледелия: обломки зернотерок, пестов, каменные мотыги [9]. Рядом с поселением 1 тыс. н. э. был раскопан курганный могильник.

В 1968 году у с. Шестаково начались раскопки курганов могильника Шестаково I, который состоит из 10 курганов расположенных на верхней террасе правого берега р. Кии, восточнее села. Памятник был исследован учеными А. И. Мартыновым и А. М. Кулемзиным. Найдены многочисленные предметы из бронзы: зеркала, диадемы, иглы, змеевидные подвески, бусы, бляшки «олень», кинжалы и др., среди которых, есть украшения из золотой фольги и серебра, а также из железа: осколки ножей и кинжалов, пряжки, кольца, наконечники стрел; раскопаны более сотни глиняных сосудов и деревянных изделий: бочонок, берестяные туески и т. д., но особую ценность представляет портретная маска из глины. Результаты раскопок памятника были опубликованы [6], а материал раскопок хранится в музее «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ (далее – МАЭЭ).

Укрепленное городище Шестаково I (III век до н. э. – I век н. э.) расположено юго-восточнее села, раскопки его производились А. И. Мартыновым и М. Б. Абсалямовым с 1971 по 1979 год. В результате обнаружены остатки четырехугольных наземных жилищ, а среди находок большое количество каменных зернотерок и галечных пестов, железные ножи, бронзовые украшения, костяные наконечники стрел и фрагменты глиняной посуды [6; 7]. Материал хранится в МАЭЭ [6].

Шестаково II – могильник таштыкского времени, состоящий из пяти курганов. Он расположен восточнее села, раскопан в 1976 году, а один курган – в 1979 году М. Б. Абсалямовым. Найдены сосуды, остатки гипсовых масок, материал датируется I–II веками н. э., хранится в МАЭЭ. Памятник открыт в 1975 году А. М. Кулемзиным [5; 6].

Шестаково III – поселение на возвышенном месте в восточной части села – относится к тагарскому времени. Памятник был открыт А. И. Мартыновым и А. М. Кулемзиным в 1971 году [6; 7]. Коллекция находок: керамическая посуда, кости животных, поделки из кости, рога, железа, камня, наконечники стрел, обломки железных ножей и т. д., хранится в МАЭЭ, а основная часть

материала находится в Мариинском краеведческом музее. Памятник датируется гуннским временем, таштыкской культуры (III–I века до н. э.), средневековым периодом (VI–VII века н. э.) [6].

В 1974 году А. М. Кулемзиным в Чебулинском районе Кемеровской области также открыт ряд памятников: могильники Шестаково III, IV; поселения: тагарско-таштыкского переходного времени, Шестаково V, позднетагарского – Шестаково VI, раннего железного века – Шестаково VII, таштыкского и раннесредневекового времени; в 1976 году – городище Шестаково XI, а в 1979 году – Шестаково XIII, XIV, XV – три поселения тагарско-таштыкского времени; в 1986 году зафиксировано поселение Шестаково XXI, раскопки археологом велись в 1979–1986 годах [5; 6].

Таким образом, на небольшой территории у села Шестаково сконцентрировано немалое количество известных археологических памятников, относящихся к историческому периоду (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). Археологические памятники Чебулинского района имеют большое историческое значение в связи с тем, что по реке Кие проходил водораздел двух культурных общностей скифо-сибирской тагарской (лесостепной) и кулайской (лесной). Надо учитывать и тот факт, что конец III века до н. э. – это период начала Великого переселения народов, связанного с зарождением уже другой эпохи – гуннской. Памятники археологии дают яркую картину для понимания процессов развития человеческого общества в период предгосударственных образований. Рядом с отмеченными памятниками прошлого раннежелезного века расположена известная палеонтологическая стоянка древнекаменного периода (палеолит). Это свидетельствует о привлекательности данной территории для освоения ее человеком начиная с древнейшего времени.

В результате проведенных исследований и раскопок на этой территории сейчас в составе Шестаковского археологического микрорайона насчитывается 24 памятника: в том числе 19 поселений и местонахождений, три курганных могильника и два средневековых городища, которые датируются временем от эпохи палеолита до Средневековья [6]. Пока все это богатое культурное наследие не музеефицироровано, но, бесспорно, данный нереализованный турпродукт представляет собой мощный ресурс для формирования и развития туризма.

Мы отметили лишь небольшую часть уникальных археологических памятников, исследованных местными учеными-археологами и представляющих огромный пласт историко-культурного наследия, которое должно быть использовано с целью формирования комплексного археологического и палеонтологического туризма на данной территории. Считаем, что с целью организации полноценного и качественного туристического продукта следует музеефицировать историческую местность Шестаковского могильника IV века до н. э. – V века н. э. и поселений для формирования археологического и палеонтологического туризма, развития продуктивной дестинации, а также необходимо обратить особое внимание на многочисленные памятники, открытые здесь ранее учеными.

Археолого-палеонталогический комплекс в Чебулинском районе Кемеровской области относится к памятникам федерального значения. Поэтому в первую очередь надо официально утвердить границы этого комплексного палеоархеологического памятника, определить зоны, их режимы использования и содержания: ограниченное использование, универсальное использование (не имеет ограничений) и резервационный режим (при этом режиме запрещено хозяйственное использование).

Объекты национального культурного наследия должны быть представлены рационально и творчески. Регион, желающий стать популярной туристской дестинацией, должен не только обладать исключительными культурно-историческими комплексами, но и предлагать их на туристский рынок через актуализацию культурного наследия [1; 3]. Поэтому в данной ситуации, на наш взгляд, можно предложить сочетание двух типов относительно бережного использования территории с уникальными памятниками в туристических целях: это создание одновременно национального парка и музея-заповедника на его территории.

Этот национальный парк может быть создан с целью сохранения природы и памятников. Одновременно его функционирование будет способствовать формированию и развитию археологического, палеонтологического, а также других видов туризма, например, активного экотуризма, так как национальный парк и заповедник считаются оптимальными формами для этого. Но необходимо помнить, что речь идет не о заповеднике

в чистом виде, а о такой его форме, как музей-заповедник и между ними есть существенные отличия, это несколько другой подход к решению проблемы.

Подводя итоги, отметим:

1. Принципиальным отличием национального парка от заповедника является степень доступа посетителей для отдыха. Большая часть национального парка открыта для посещения туристов, для чего предусматриваются специальные зоны отдыха и туристические стоянки, в ограниченных масштабах допускается хозяйственная деятельность.

2. В национальном парке природные явления в первую очередь открыты для наблюдения посетителями в образовательных и эстетических целях. Заповедник является научным учреждением, где изучается флора, фауна и культурно-исторические явления.

3. Музей-заповедник – разновидность музея, в состав которого помимо экспозиций входят архитектурные, исторические и природные памятники, важные для сохранения историко-культурного и природного наследия региона. С целью защиты этих памятников государство наделяет такие музеи правовым статусом заповедника, что предусматривает особые режимы сохранения и использования включенных в него территорий и объектов. В связи с открытостью территорий музеи-заповедники проводят различные музейные праздники, связанные с фольклорными темами, мастер-классы, организуют мастерские традиционных народных промыслов, исторические реконструкции, экологические тропы, фестивали и т. п.

Таким образом, на территории будущего национального парка расположено немало уникальных археологических памятников, включая палеонтологические, часть которых войдет непосредственно в комплексный музей-заповедник, они станут защищенными объектами туристического показа и послужат в дальнейшем более активному формированию комплексного археологического и палеонтологического туризма, а также развитию новой туристской дестинации на северо-востоке Кемеровской области, которая в дальнейшем будет носить круглогодичный характер.

Литература

1. Ковешникова Е. А. Перспективы развития культурно-познавательного туризма в Кузбассе // Музеи и этнокультурный туризм: сб. мат-лов III Ежегод. Междунар. симп. Комитета музеологии Сибири / под ред. О. Н. Труевцевой, О. Н. Шелегиной. – Новосибирск, 2010. – С. 91–93.
2. Ковешникова Е. А. Музеи и развитие регионального культурного туризма в Кузбассе // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 28. – С. 71–75.
3. Ковешникова Е. А. Использование объектов историко-культурного наследия в развитии культурного туризма Кузбасса // Вестн. Алт. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 18. – С. 67–71.
4. Ковешникова Е. А. Археологический туризм в Кузбассе // Евразийская археология и археотуризм: сб. 4-го Междунар. конгресса, археологии и науч. конф., 1–5 окт. 2012 года, г. Агсу, Азербайджан. – Агсу, 2012. – С. 26–27.
5. Кулемзин А. М. Восьмое чудо Кузбасса. Шестаковский музей-заповедник: концепция создания и развития: метод. пособие. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств, 2015. – 107 с.
6. Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Шестаковские курганы. – Кемерово, 1971. – 247 с.
7. Мартынов А. И., Абсалямов М. Б. Раскопки Шестаковского городища в Чебулинском районе Кемеровской области (II–I века до н. э.) // Археологические открытия 1977 года. – Москва, 1978. – С. 255–256.
8. Мартынов А. И. Археологические объекты как ресурс современного общества // III Междунар. северный археолог. конгресс. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2010. – С. 330–333.
9. Мащенко Е. Н., Феофанова О. А., Демиденко Н. В., Кузьмина Е. А. В поисках сибирского динозавра // Наука и жизнь. – 2014. – № 11. – С. 74–80.

References

1. Koveshnikova E.A. Perspektivy razvitiya kul'turno-poznavatel'nogo turizma v Kuzbasse [Prospects for the development of cultural tourism in the Kuzbass]. *Muzei i etnokul'turnyy turizm: sb. materialov III Ezhegod. mezhdunar. simpoziuma Komiteta muzeologii Sibiri [Museums and ethno-cultural tourism: Coll. Proceedings of the III Ezhegod. Intern. Symposium Committee museology Siberia]*. Ed. O.N. Truyevtseva, O.N. Shelegina. Novosibirsk, 2010, pp. 91-93. (In Russ.).

2. Koveshnikova E.A. Muzei i razvitiye regional'nogo kul'turnogo turizma v Kuzbasse [Museums and cultural development of regional tourism in the Kuzbass]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*. Kemerovo, 2014, no. 28, pp. 71-75. (In Russ.).
3. Koveshnikova E.A. Ispol'zovaniye ob"ektov istoriko-kul'turnogo naslediya v razvitii kul'turnogo turizma Kuzbassa [The use of historical and cultural heritage in the development of cultural tourism Kuzbass]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Altai State Pedagogical University]*. Barnaul, 2014, no. 18, pp. 67-71. (In Russ.).
4. Koveshnikova E.A. Arkheologicheskiy turizm v Kuzbasse [Archaeological tourism in the Kuzbass]. *Evraziyskaya arkheologiya i arkheoturizm*: *sb. 4-go mezhd. kongressa, arkheologii i nauch. konf. [Eurasian Archaeology and arheoturizm. Sat. 4th Int. Congress, archeology and taught. Conf.]*. Aksu, 2012, pp. 26-27. (In Russ.).
5. Kulemzin A.M. Vos'moye chudo Kuzbassa. Shestakovskiy muzey-zapovednik: kontseptsiya sozdaniya i razvitiya [Shestakovsky Museum-Reserve: the concept of creation and development]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2015. 107 p.
6. Martynov A.I., Martynova G.S., Kulemzin A.M. Shestakovskiye kurgany [Shestakov mounds]. Kemerovo, 1971. 247 p. (In Russ.).
7. Martynov A.I., Absalyamov M.B. Raskopki Shestakovskogo gorodishcha v Chebulinskom rayone Kemerovskoy oblasti (II–I veka do n. e.) [Excavations in the ancient city Shostakovskiy Chebulinsky District Kemerovo region (II-I century BC)]. *Arheologicheskiye otkrytiya 1977 goda [Archaeological discoveries in 1977]*. Moscow, 1978, pp. 255-256. (In Russ.).
8. Martynov A.I. Arkheologicheskiye ob"ekty kak resurs sovremennogo obshchestva [Archaeological sites as a resource of modern society]. *III Mezhdunar. severnyy arkheologicheskiy kongress [III Intern. Northern Archaeological kongress]*. Hanty-Mansiysk, Ekaterinburg, 2010, pp. 330-333. (In Russ.).
9. Mashchenko E.N., Feofanova O.A., Demidenko N.V., Kuz'mina E.A. V poiskakh sibirskogo dinozavra [Looking Siberian dinosaur]. *Nauka i zhizn' [Life and Science]*, 2014, no. 11, pp. 74-80. (In Russ.).

УДК 008

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОСНОВАТЕЛЬ СИБИРСКИХ МУЗЕЕВ

Труевцева Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой историко-культурного наследия и туризма, Алтайская государственная педагогическая академия (г. Барнаул, РФ). E-mail: truevtseva@yandex.ru

Автор обращает внимание на особую роль Императорского Русского географического общества в становлении и развитии музейного дела в Сибири. На основе изучения трудов известных для своего времени учёных, академиков, путешественников: А. М. Карамышева и Э. Лаксмана, О. Финша и А. Брэма, П. П. Свиньина – автор оценивает состояние и сохранность фондов сибирских музеев, подчеркивает вклад членов Русского географического общества в формирование музейных коллекций, организацию музеев. Значительное внимание исследователями РГО уделялось научному описанию памятников. Раритеты отправлялись на экспертизу в научные учреждения Петербурга и Москвы. Большое значение в становлении музеев Сибири ученые научного общества уделяли издательской деятельности. Работая в тесном контакте с географическими обществами, сибирские музеи становились не только хранителями редкостей, но и превращались в центры изучения и пропаганды краеведческих знаний.

Автор подчеркивает, что для музеев Сибири, которые не имели постоянных источников финансирования и влачили в связи с этим жалкое существование, переход в ведение Географического общества обеспечивал укрепление материальной базы, авторитета, открывал новые возможности для проведения исследовательской, собирательной работы, обновления экспозиций.

Ключевые слова: музей, музейные коллекции, основатель музея, Императорское Русское географическое общество.

THE IMPERIAL RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY AS THE FOUNDER OF THE SIBERIAN MUSEUMS

Truevtseva Olga Nikolaevna, Dr of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, Altai State Pedagogical Academy (Barnaul, Russian Federation). E-mail: truevtseva@yandex.ru

The author draws attention to the special role of the Russian Geographical Society (RGS) in the formation and development of museums in Siberia. The author evaluates the condition and preservation of the Siberian museums, emphasizes the contribution of the members of the Russian Geographical Society in the formation of Museum collections, the organization of museums. Considerable attention has been paid to scientific description of the museum collections. Based on the works of well-known scientists, academics, travelers: A. M. Karamyshev, E. Laxman, O. Finsh and A. Brem, P. Svinyin, the author emphasizes the contribution of the members of the Russian Geographical Society in the formation of the organization of museums. Considerable attention has been paid to scientific description of the monuments.

Rarities were sent for examination to the scientific institutions of St. Petersburg and Moscow. Important role of the Russian Geographical Society played to the development of the publishing activities of the museums of Siberia. The Siberian museums, working closely with The Geographical Societies, became not only the keepers of rarities, but also became the centers of learning and promotion of regional knowledge.

The author emphasizes that for museums of Siberia, who had no permanent sources of funding and have endured in connection with this miserable existence, the transition to the jurisdiction of the Geographical Society was strengthened the material base, authority, has opened up new opportunities for research, collective work, updating of expositions.

Keywords: Museum, Museum collection, Museum founder, of the Imperial Russian geographical society.

Создание, становление, развитие музеев – довольно сложный социокультурный процесс, содержание, формы, интенсивность которого зависят от большого количества условий, объективных и субъективных факторов: уровня и вектора социально-экономического, политического развития, заинтересованности государства в научно-образовательном, культурно-просветительном продвижении общества, активности граждан и их объединений, социальной ориентированности элит и отдельных их представителей. Перечень не исчерпывающий, но подчёркивающий многогранность процесса, который начался в России с петровской Кунсткамеры и добрался до Сибири только через сотню лет.

Как известно, первая публичная библиотека и музей в провинциальной России были созданы благодаря усилиям иркутского гражданского губернатора Ф. Н. Клички, который «для изгнания тьмы из сего края» добился у Екатерины Второй повеления Императорской академии наук о выделении трёх тысяч рублей [2, с. 135]. На эти деньги, а также пожертвования купечества и горожан Иркутска в декабре 1782 года в специально построенном здании были открыты библиотека и музей. К их созданию были привлечены известные для своего времени учёные, академики А. М. Карамышев и Э. Лаксман.

К сожалению, в конце 80-х годов, после отъезда из города организаторов музея, его деятельность постепенно свернулась, экспонаты были переданы в местную гимназию [4, с. 161]. Восстановление музея началось лишь в 1854 году, когда он перешёл в ведение Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества [1, с. 224].

Судьбу иркутского музея во многом повторил барнаульский музей, созданный в 1823 году к 100-летию горнозаводского производства на Алтае начальником Колывано-Воскресенского горного округа П. К. Фроловым и врачём, энтомологом, ботаником Ф. В. Геблером. После упадка иркутского музея он оставался единственным в Сибири относительно доступным музеем, вызывавшим восхищение известных путешественников и исследователей своими богатыми минералогическими, энтомологическими, этнографическими коллекциями, искусно сделанными моделями горных машин и механизмов.

Весьма характерная оценка музея содержится в «Письме из Сибири» известного русского дипломата, путешественника, коллекционера, одного из первых краеведов России, издателя журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньина: «Статью сию кончу замечанием, что почти все машины, бывшия в Колыванских заводах и рудниках изображены и построены природными Сибиряками. Равно и превосходные модели сделаны ими же. Барнаульский музей сохраняет имена: Фролова, Ползунова и Ярославцева… Вообще нельзя не чувствовать признательности к Основателю Музея в Барнауле, доведшего оный в четыре года до той степени совершенства, порядка и разнообразия, каковыми не многия подобныя сему собрания могут похвалиться в самой Европе» [5, с. 219].

По мере свёртывания сереброплавильного производства на Алтае постепенно приходила в упадок и вся его инфраструктура, включая музей, который был передан в местное училище и к 90-м годам утратил своё былое великолепие, включая часть экспонатов. На это обстоятельство обратили внимание два известных немецких зоолога Отто Финш и Альфред Брем (автор многотомной «Жизни животных»), путешествовавших по Алтаю в 1876 году. В своей книге «Путешествие в Западную Сибирь», опубликованной на русском языке в 1982 году, они отметили не только «безнадёжное состояние» зоологической коллекции, но и отсутствие «золотых древностей», о которых они были наслышаны от других путешественников [8, с. 253–254]. Об утрате былой славы музея писали известные краеведы и публицисты Н. М. Ядринцев, Н. С. Гуляев, П. А. Голубев (см. [3, с. 11–13]). Постепенное возрождение барнаульского музея началось лишь в 90-е годы с созданием «Общества любителей исследования Алтая», преобразованного позднее в подотдел Русского географического общества.

Создание музеев в Иркутске и Барнауле существенно опередило время. Музеи в других городах Сибири были созданы лишь через 50–100 лет. Видимо здесь «сошлись» несколько необходимых субъективных факторов, способствовавших опережающему развитию музеев. К таким благоприятным факторам, в первую очередь, следует отнести совпадение ответственного государственного подхода и личной заинтересованности руководителей регионов. И Франц Кличка, и Пётр Фролов были не только высокообразованными людьми, но и энтузиастами-исследователями Сибири, притягивавшими к себе учёных, путешественников, краеведов. Они постоянно оказывали содействие в организации экспедиций, интересовались их результатами, всячески содействовали освоению богатейшего края.

С их отходом от дел ослабевал и интерес к музеям, которые нуждались в постоянном попечении. Не имея отдельных источников финансирования, они передавались учебным заведениям. Без должного учёта наиболее ценные экспонаты «расходились» по частным коллекциям, попросту говоря, разворовывались и разбазаривались, многие коллекции, нуждавшиеся в постоянном присмотре ветшали, приходили в негодность.

Возрождение интереса к музеям, их массовое развитие в Сибири связано с деятельностью образованного в 1845 году Императорского русского географического общества и созданных впоследствии его филиалов: Восточно-Сибирский в Иркутске (1851), Западно-Сибирский в Омске (1877) и их отделы и подотделы в ряде других городов Сибири. Создание филиалов и отделов географического общества в городах региона сопровождалось, как правило, созданием музеев. Так, при Западно-Сибирском отделе был создан музей в Омске, Приамурский отдел создал Хабаровский музей, Читинский подотдел – Забайкальский областной музей.

При всей половинчатости реформ 60-х годов XIX века несомненным их результатом явилась демократизация всех общественных процессов, что не могло не сказаться на музейном строительстве. Создание крупных публичных музеев в Петербурге и Москве стимулировало просветительскую активность общественности и в Сибири. Сибирь, будучи местом политической ссылки, обладала значительным интеллектуальным потенциалом, который нашёл свой выход в краеведческих исследованиях и их пропаганде. Разночинская интеллигенция, объединившаяся в рамках разрешённого Географического общества, внесла значительный вклад в создание местных музеев.

В пореформенный период были созданы музеи: Тобольский (1870), Минусинский (1877), Омский (1878), Енисейский (1883), Красноярский (1889), Якутский (1891), Барнаульский (1892), Владивостокский (1892), Тюменский (1892), Хабаровский (1902), Кяхтинский (1902).

Бурный рост промышленности в конце XIX – начале XX века способствовал развитию образования, просветительства, что существенно изменило и социальный статус музеев. Они становились не только хранителями редкостей, но и, работая в тесном контакте с географическими обществами, превращались в центры изучения и пропаганды краеведческих знаний.

Музеям в деятельности местных отделов Географического общества отводилась особая роль: они становились базой для подготовки научных экспедиций, последующего изучения собранных материалов, их хранения и использования в просветительской работе. Для музеев Сибири, которые не имели постоянных источников финансирования и влачили в связи с этим жалкое существование, переход в ведение Географического общества обеспечивал укрепление материальной базы, открывал новые возможности для проведения исследовательской, собирательной работы, обновления экспозиций. К концу XIX века в Сибири действовало 18 музеев, 8 из которых находились в ведении Географического общества.

Наиболее значительным вкладом Русского географического общества в музейное строительство явилось существенное пополнение музейных коллекций. С началом экспедиционного исследования Сибири в музейные фонды поступили памятники истории и культуры, флоры и фауны, геологии и минералогии, этнографии от таких известных исследователей, как Д. А. Клеменц, А. П. Щапов, И. Д. Черский, Б. И. Дыбовский, М. М. Сиязов, В. И. Верещагин, И. Я. Словцов, Г. Н. Потанин и др.

Большое внимание уделялось научному описанию памятников. Раритеты отправлялись на экспертизу в научные учреждения Петербурга и Москвы, для изучения и описания наиболее ценных коллекций привлекались ведущие учёные России. С расширением коллекций и их структурированием увеличивалось и количество отделов в сибирских музеях – с двух-трёх до восьми и более. Большинство музейных собраний к концу XIX века было каталогизировано.

С развитием исследований Сибири отделами ИРГО заметно оживилась и издательская деятельность музеев. Обширный научный материал, собранный в экспедициях местными учеными теперь публиковался в изданиях общества: «Известия ИРГО», «Записках ИРГО», журнале «Живая старина» или отдельных изданиях. Широкие возможности для публикаций местных краеведов, путешественников, ученых предоставила газета «Восточное обозрение», созданная активным сотрудником и пропагандистом ИРГО Н. М. Ядринцевым (см. [7, с. 126–129]).

Многие сибирские музеи, в связи с возросшим интересом населения к их деятельности, по примеру ИРГО, приступили к изданиям собственных ежегодных отчетов, сборников трудов, юбилейных изданий. Кроме того, широкие возможности для публикаций краеведческого материала предоставляли «Труды» и «Записки» сибирских отделов ИРГО. К концу XIX века появились и самостоятельные отдельные обобщающие труды по истории сибирских музеев.

Большое значение имели работы ИРГО для развития теории музееведения. Их авторами были, как правило, известные в Сибири исследователи, организаторы отделов ИРГО, имеющие огромный практический опыт создания музейных коллекций и музеев в целом: Д. А. Клеменц, А. К. Кузнецов, Н. М. Ядринцев, П. Н. Потанин, Н. М. Мартьянов, Ф. Я. Кон и др. Они впервые в истории сибирского музееведения поставили вопросы о роли музея в провинции, связи музея с другими научными и культурно-просветительными учреждениями, городской администрацией, населением. Это были общие теоретические положения, не касающиеся узко специальных вопросов музееведения, однако и сегодня они представляют огромное значение для понимания сущности такого феномена, как «музей в провинции», его становления и развития.

Оценивая в целом роль ИРГО в музейном строительстве, можно сделать вывод о том, что его деятельность в Сибири предопределила музейное возрождение конца XIX века.

Литература

1. Иркутский областной краеведческий музей // Российская музейная энциклопедия. – М., 2001. – Т. 1.
2. Кличка Н. Ф. Об устройстве музея в Иркутске. Предуведомление // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. док. и мат-лов. – М.: Этерна, 2010.

3. Падалкина О. В. Музей глазами современников // Алтайский сборник. – Барнаул, 1993. – Вып. XVII.
4. Равикович Д. А. Из истории организации сибирских музеев // История музейного дела в СССР: сб. ст. – М.: Госкультпросветиздат, 1957.
5. Свиньин П. П. Любопытное письмо из Сибири // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. док. и мат-лов. – М.: Этерна, 2010.
6. Труевцева О. Н. Музеи Сибири и сохранение культурного наследия коренных народов // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 19, ч. 2. – С. 76–82.
7. Труевцева О. Н. Роль Императорского РГО в развитии музейного дела в Сибири // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX века): мат-лы Второй Всерос. науч. конф. 28–30 ноября 1995 года: в 2 т. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. – Т. 2.
8. Финш О. и Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь // Алтай в трудах учёных и путешественников. – Барнаул, 2005.

References

1. Irkutskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey [Irkutsk regional Museum of local lore]. *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya [The Russian Museum Encyclopedia]*. Moscow, 2001, vol. 1. (In Russ.).
2. Klichka N.F. Ob ustroystve muzeya v Irkutske. Preduvedomleniye [About the construction of the Museum in Irkutsk. Notice]. *Muzeyevedcheskaya mysl v Rossii XVIII-XX vekov [Museological thought in Russia of the XVIII-XX centuries: Collection of documents and materials]*. Moscow, Eterna Publ., 2010. (In Russ.).
3. Padalkina O.V. Muzey glazami sovremennikov [The Museum through the eyes of contemporaries]. *Altayskiy sbornik [Altai collection]*. Barnaul, 1993, iss. XVII. (In Russ.).
4. Ravikovich D.A. Iz istorii organizatsii sibirskikh muzeyev [From the organization's history of Siberian museums]. *Istoriya muzeynogo dela v SSSR. Sbornik statey [History of museums in the USSR. Collections of articles]*. Moscow, Goskultprosvetizdat Publ., 1957. (In Russ.).
5. Svinin P.P. Lyubopytnoye pis'mo iz Sibiri [A curious letter from Siberia]. *Muzeyevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII-XX vekov. Sbornik dokumentov i materialov [Museological thought in Russia of the XVIII-XX centuries: Collection of documents and materials]*. Moscow, Eterna Publ., 2010. (In Russ.).
6. Truevtseva O.N. Muzei Sibiri i sokhraneniye kul'turnogo naslediya korennykh narodov [Museums of Siberia and preservation of cultural heritage of indigenous peoples]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no. 19/2, pp. 76-82. (In Russ.).
7. Truevtseva O.N. Rol' Imperatorskogo RGO v razvitii muzeynogo dela v Sibiri [The role of the Imperial Russian Geographical Society in the development of museums in Siberia]. *Kul'tura i intelligentsiya Rossii v epokhu modernizatsiy (XVIII-XX veka). Materialy Vtoroy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 28-30 Noyabrya 1995 goda. V 2 tomakh [Culture and Russian intelligentsia in the era of modernization (XVIII-XX centuries): proceedings of the Second all-Russian scientific conference 28-30 November, 1995. In two volumes]*. Omsk, OmGU Publ., 1995, vol. 2. (In Russ.).
8. Finsh O., Brem A. Puteshestviye v Zapadnuyu Sibir' [Journey to Western Siberia]. *Altay v trudakh uchenykh i puteshestvennikov [Altai in the works of scientists and travelers]*. Barnaul, 2005. (In Russ.).

УДК 930.85

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РАСПОРЯДИТЕЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ КОМУЧА

Макарчук Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: makar@кemsu.ru

В статье анализируется распорядительная документация первого в России антибольшевистского правительства – Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (КОМУЧ), касающаяся

социальной и культурной политики. В своей основе распорядительный документопоток имеет форму приказов Комитета, а также постановлений управляющих ведомствами КОМУЧа и Совета управляющих ведомствами. Целью статьи стал также анализ исходящих из правящих структур КОМУЧа обращений, листовок, прокламаций и других документов, несущих социальную, культурную и коммуникативную функции. По разновидности все рассматриваемые документы относятся к машинописным, официальным, служебным документам. В результате их всестороннего анализа автор пришёл к выводу, что, несмотря на краткость существования, КОМУЧ выразил тенденции демократического антибольшевизма. Он стал реальной альтернативой советской власти, в том числе в области социальной и культурной сферы, но его документально подтверждённые шаги в этом направлении показывают устремлённость к сильной социокультурной политике, охватывающей все социальные слои и группы. Политическая обстановка гражданской войны требовала сосредоточение на военных вопросах и выдвигала на первый план нужды солдат, строительство армии, но это не означало отказ от решения общекультурных проблем и социальных вопросов гражданского населения – рабочих, крестьян, служащих, интеллигенции, предпринимателей. Изучение данного направления в сфере альтернативной истории вызывает всё больший интерес со стороны исторической культурологии и приобретает актуальность для современной социальной практики.

Ключевые слова: КОМУЧ, социокультурная политика, распорядительная документация, демократический антибольшевизм, историческая культурология, Гражданская война.

ISSUES OF SOCIAL AND CULTURAL POLICY IN ADMINISTRATIVE KOMUCH DOCUMENTATION

Makarchuk Sergey Vladimirovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Russian History Department, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: makar@кemsu.ru

The article analyzes the administrative documentation of the first Russian anti-bolshevik government – the members of All-Russian Constituent Assembly (KOMUCH) – concerning the social and cultural policy. At its core, the administrative information flow is in the form of orders of the Committee, as well as the decisions of the KOMUCH Governing Council and agencies its departments managers. The purpose of the article was also the analysis emanating from the ruling KOMUCH structures: calls, flyers, leaflets and other documents supporting the social, cultural and communicative functions. According to all kinds of the documents in question are related to the typewriter, official, official documents. As a result of their comprehensive analysis, the author came to the conclusion that, despite the brevity of existence, KOMUCH expressed democratic tendencies of anti-Bolshevism. It has become a real alternative to the Soviet regime, including the field of social and cultural sphere, but it confirmed documented steps in this direction showing the aspiration for a strong socio-cultural policy encompassing all social strata and groups. The political situation of civil war called for a focus on military matters and highlighted the need to plan for soldiers, army building, but that did not mean the rejection of the decision of problems of common cultural and social issues of the civilian population: workers, peasants, employees, intellectuals and businessmen. The study of this area in the field of alternative history is growing interest on the part of the historical and cultural studies and it acquires relevance for contemporary social practice.

Keywords: KOMUCH, socio-cultural policy, administrative documentation, democratic anti-bolshevism, historical culturology, Civil War.

Комитет членов Всероссийского учредительного собрания (КОМУЧ) был создан в г. Самаре 8 июня 1918 года. В него вошёл ряд членов Учредительного собрания после разгона его большевиками в январе 1918 года. Первоначально КОМУЧ состоял из 5 депутатов – членов фрак-

ции социалистов-революционеров. Председателем первого в России антибольшевистского правительства стал эсер Владимир Вольский. Правительство объявило о создании Российской Демократической Федеративной Республики (РДФР). Летом 1918 года в РДФР входили Самарская, Уфимская, Симбирская, Оренбургская губернии, а также Саратовский, Казанский, Пензенский, Ижевско-Воткинский регионы. Власть КОМУЧа признавали части оренбургского и уральского казачьих войск. Она установилась на этих территориях благодаря занятию их войсками чехословацкого корпуса. КОМУЧ, РДФР и их Народная армия смогли продержаться у власти 4 месяца. 7 октября в Самару вошла 24-я Железная дивизия красных [3].

Несмотря на краткость существования, КОМУЧ выразил тенденции демократического антибольшевизма. Он стал реальной альтернативой советской власти, в том числе в области социальной и культурной политики. Изучение этих вопросов в сфере альтернативной истории вызывает всё больший интерес со стороны исторической культурологии и приобретает актуальность для современной социокультурной практики.

Изучение деятельности КОМУЧа и публикация его документальной базы началась во время и сразу после окончания Гражданской войны. Уже в 1919 году самарский истпарт издал документальный сборник о КОМУЧе [22], а в 1923 году вышли воспоминания социал-демократа Ивана Майского, возглавлявшего ведомство труда КОМУЧа [7]. Советская историографическая традиция относила КОМУЧ к «демократической контрреволюции», белому движению. В настоящее время эта точка зрения пересматривается в сторону отнесения его к «третьему пути», к альтернативной большевистской «модели социализма» (см. [10]). Подобной трактовки придерживаются современные исследователи М. В. Вишняк [2], Л. Г. Протасов [9], а также В. А. Лапандин, издавший документальные труды, посвящённые как деятельности [5], так и выявлению и публикации документации КОМУЧа [6].

Однако, несмотря на обширную историографию, тема многогранной деятельности КОМУЧа далеко не исчерпана. Отсутствуют документоведческие работы, анализирующие документопоток первого антибольшевистского правительства, в том числе по вопросам социальной политики и культуры. Нет и трудов, оценивающих попытки влияния КОМУЧа на культурную и социальную сферы с культурологической точки зрения.

Целью данной статьи является анализ сохранившейся в архиве распорядительной документации КОМУЧа, касающейся решения вставших перед молодым правительством социальных и культурных проблем. Управленческо-распорядительная функция рассматриваемой документации доказывает серьёзность намерений КОМУЧа в решении социокультурных проблем. Основная документация имеет форму приказов Комитета членов Учредительного собрания, обязательных для исполнения на всех контролируемых территориях. Распорядительную функцию несут также постановления управляющих ведомствами КОМУЧа и Совета управляющих ведомствами.

Вспомогательный характер представляла документация КОМУЧа, несущая социальную и коммуникативную функции – листовки, обращения, декларации. Без неё невозможно представить колорит эпохи, общую политическую и социальную направленность действий властей. По разновидности все рассматриваемые документы относятся к машинописным, официальным, служебным документам. Большинство их хранится в Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГАСО). Там же находится собрание приказов КОМУЧа, изданное в период его существования [8].

Приказ № 1, датированный 8 июня 1918 года, «О принятии власти Комитетом членов учредительного собрания», подписанный В. Вольским, В. Брушвитом, Б. Фортунатовым, И. Нестеровым был обращён ко всем социальным слоям населения Самарской губернии: «Именем Учредительного Собрания большевистская власть в г. Самаре и Самарской губ. объявляется низложенной. Все комиссары отрешаются от занимаемых ими должностей. Во всей полноте своих прав восстанавливаются распущенные советской властью органы местного самоуправления: Городские Думы и Земские Управы, коим предлагается немедленно приступить к работе» [12, л. 2].

Приказ объявлял о переходе всей гражданской и военной власти к «комитету, состоящему из членов Учредительного Собрания, избранных от Самарской губ. на основании всеобщего избирательного права и представителей от местных самоуправлений».

Заявлялось о приверженности новых властей свободе и демократии: «Все ограничения и стеснения в свободах, введённые большевистскими властями, отменяются и восстанавливается свобода слова, печати, собраний и митингов». Упразднялся большевистский Революционный трибунал и восстанавливался Окружной народный суд, распускались Советы.

В приказе № 2 объявлялось о создании Народной армии, призванной взять на защиту «поруганные права народа» и «восстановлены органы истинного народоправства» [8, с. 5–6].

Приказ № 3 требовал прекращения расстрелов: «Призываем под страхом ответственности немедленно прекратить всякие добровольные расстрелы. Всех лиц, подозреваемых в участии в большевистском восстании, предлагаем немедленно арестовывать и доставлять в Штаб Охраны» [8, с. 6].

Одновременно представители КОМУЧа и его Народной армии обращались к красноармейцам в одной из листовок: «Опомнитесь, куда Вы идёте! Ведь Вас всё ещё обманывают, когда весь народ понял, что лживая и разбойничья власть большевистских комиссаров ведёт страну к гибели… Вам говорят, что против советской власти вооружились кулаки, помещики и буржуазия. Всё это ложь: против советской власти восстал весь народ, всё крестьянство и рабочие, именем которых покрывается Ваша предательская власть и в крови которых захлёбывается теперь Россия» [13, л. 54]. В дальнейшем для борьбы с политическими противниками была организована милиция, а члену КОМУЧа, председателю Совета управляющих ведомствами Е. Ф. Роговскому было поручено организовать ведомство государственной охраны [4, с. 337].

С целью установления общественного порядка приказ № 6 строжайше воспрещал возбуждение национальной вражды и призывы к погромам: «Виновные в нарушении настоящего приказа будут преследоваться самыми решительными мерами, погромщики расстреливаться на месте, агитаторы немедленно будут арестовываться и доставляться в комендатуру». Наблюдение за исполнением данного приказа возлагалось на общую охрану города и квартальные советы [8, с. 7].

Жёсткие меры в отношении противников сочетались с гибкостью режима в отношении поддерживающих его граждан. В «Обращении к гражданам г. Самары» объявлялось о начале формирования на добровольной основе армейских воинских частей, для чего желающие должны были прибыть по адресу: угол Саратовской и Алексеевской улиц, дом Курлина [8, с. 23]. Управляющий военным ведомством просил управляющего ведомством просвещения отложить время начала занятий для добровольцев-учеников: «…прошу об издании Циркулярного распоряжения по вверенному Вам Ведомству о принятии учеников-добровольцев, по окончании ими 4-месячного срока пребывания на военной службе в учебные заведения спустя несколько недель после начала учебного года и об оставлении ныне за ними занимаемых ими вакансий» [14, л. 8 об.].

Постановление № 16 Совета управляющих ведомствами КОМУЧа устанавливало: «Все добровольцы, как офицеры, так и солдаты, служащие в правительственных и общественных учреждениях, поступающие в Народную Армию, сохраняют за собою занимаемую ими должность с сохранением за ними содержания и квартального довольствия, причём получаемое ими жалование в Народной Армии засчитывается в счёт получаемого ими содержания и получается от учреждения только разница» [14, л. 9].

Правительство стремилось оказать помощь незащищённым социальным слоям – инвалидам, безработным и даже увольняемым из советских учреждений служащим. Приказ № 19 КОМУЧа гласил: «Подтверждаем к исполнению приказ Самарского Комитета Народной Власти о пользовании союзом инвалидов тридцати-процентным отчислением от всех увеселений и зрелищ гор. Самары». Этот же приказ обязывал: «Всем уволенным из органов советской власти служащим должно быть уплочено согласно коллективному

договору, но не свыше одно-месячного содержания» [8, с. 12].

Рассматривался вопрос о повышении заработной платы учителей. К этому призывал правительство КОМУЧа Временный окружной комитет по народному образованию в Сызранском уезде. В архиве сохранилось его обращение к ведомству просвещения и ходатайство окружного уполномоченного КОМУЧа: «Вообще должен я заметить, что жизнь народного учителя в настоящую войну самая жалкая и бедная и материальное его положение ниже всякой критики» [15, л. 3 об.]. Окружной уполномоченный прилагал конкретные денежные расчёты и призывал правительство в «спешном порядке» дать прибавку учителям с того момента и с того числа, «какого она дана другим служащим остальных учреждений» [15, л. 4].

Архивные документы не дают ответа на вопрос: дошла ли очередь до повышения заработной платы учителям? Однако правительство КОМУЧа уделяло внимание развитию образования. Губернская земская управа и правление Самарского педагогического института приняло постановление ходатайствовать перед КОМУЧем о преобразовании института в университет. 10 августа 1918 года приказом № 216 Самарский педагогический институт был преобразован в Самарский университет [11].

Наряду с образованием, КОМУЧ старался держать в поле своего зрения вопросы развития культуры. Ими занималось ведомство образования, курировал которое, согласно приказу № 5, член комитета И. Нестеров [8, л. 7]. Существовал также Агитационный культурно-просветительный отдел КОМУЧа, издававший «Вестник комитета членов Всероссийского Учредительного собрания». В «Вестнике» появлялись статьи и сообщения, характеризующие состояние культуры как на территории КОМУЧа, так и в советской России. Так, в одной из газет характеризовалась общественная и культурная жизнь Петрограда: «Общественной жизни в Петрограде теперь нет: партии, кроме правящих, боясь реквизиции, закрыли помещения своих клубов и ничем не проявляют своей деятельности. И единственным обществом, устраивающим иногда митинги, лекции и собрания является «Общество культуры и свободы», основанное в память 28 февраля 1918 года, во главе с Верой Фигнер, Максимом Горьким, Потресовым, Кареевым, Загорским и др.» [1].

Агитационный культурно-просветительный отдел КОМУЧа приступил к изданию листовок, обращённых к различным социальным слоям населения. В листовке «Товарищи крестьяне!» утверждалось, что «…большевики не защитники крестьян и рабочих, а предатели их и Родины». Листовка заверяла рабочих и крестьян в стремлении КОМУЧа стоять на страже их интересов: «Перед Комитетом стоят большие задачи: необходимо создать могучую Народную Армию, могущую бороться со всеми врагами Родины и Учредительного Собрания, необходимо закрепить за вами завоёванную Революцией землю, необходимо пустить в ход фабрики и заводы, дабы рабочие не умерли с голоду, а вы (крестьяне. – *С. М.*) имели бы необходимые для вас сельскохозяйственные орудия, мануфактуру и проч.» [16, л. 39].

В листовке «Народная Армия» заявлялось, что основу армии должен составить сам народ – рабочие и крестьяне. Листовка настраивала солдат и офицеров Народной армии на поддержание высокого уровня армейской культуры: «Какова же должна быть Народная Армия? Она не должна быть такой как при царе бывало: Теперь над солдатом нельзя издеваться, нельзя его ругать, нельзя бить. Он должен быть человеком и гражданином, но в то же время вступивший в Народную Армию должен помнить, что он солдат, воин, что он исполняет долг, святой и высокий, но вместе с тем тягостный и трудный. Солдат призван в армию затем, чтобы защищать отечество, а не шляться по базару или щелкать семечки» [16, л. 37].

Листовка культурно-просветительного отдела «Кто такие чехо-словаки и за что они воюют?» имела подзаголовок «товарищи и крестьяне!». Она знакомила с создавшимся военным и политическим положением, объясняла почему чехословацкие войска следует рассматривать в качестве союзников [17, л. 23]. Ту же цель преследовала листовка «Немецкая угроза», убеждавшая, что «не будет никогда великий народ русский немецким рабом» и в этом посодействуют «родные нам Чехо-словаки» [18, л. 14].

Приказом КОМУЧа № 114 от 17 июля 1918 года «с согласия высшего командования чехословацких войск», начальник 1-й Чехо-Словацкой Гуситской Стрелковой Дивизии полковник Чечек был назначен «командующим всеми войсками Народной Армии и мобилизованными частями Оренбургского и Уральского Казачьих войск» [8, с. 77]. В своих приказах, сохранившихся в ЦГАСО, Чечек опирается на материалы Агитационного культурно-просветительного отдела КОМУЧа. Призывая всех «честных и сознательных граждан» переходить на сторону Народной армии, борющейся с «германскими шпионами» – кучкой советских комиссаров во главе с Лениным и Троцким – за «истинную свободу и за единого хозяина земли русской» – Всероссийское Учредительное собрание.

Решение военно-мобилизационных проблем всегда было главным делом КОМУЧа, но анализ потока распорядительной документации указывает на стремление правительства заняться разрешением конкретных вопросов, связанных с развитием культуры. Приказ № 20 за подписью В. Вольского передавал все реквизированные советской властью предприятия культуры, в том числе кинематографы, в ведение городского самоуправления [8, л. 13].

20 августа 1918 года вышло специальное постановление по охране памятников революции, старины и культуры. Постановление предписывало принять экстренные меры по сохранению библиотек, собраний картин, статуй, музыкальных инструментов, старых монет, посуды, оружия. Особое внимание уделялось охране архивов: правительственных, частных, семейных, общественных организаций и политических партий. Охране подлежали, в том числе, архивы бывшего Временного правительства и советской власти. Архивная документация бывших органов управления, а также частные архивы, владельцы которых не установлены или находятся в безвестной отлучке, передавались на временное хранение в местные музеи или учёные архивные комиссии, а при отсутствии таковых в специально учреждённый Самарский отдел Книжной палаты [19, л. 29].

Книжная палата в Самаре учреждалась постановлением КОМУЧа. В её задачу входила «регистрация всей текущей печати России, как неповременных, так и повременных изданий, а также типографий, литографий, металлографий и иных подобных заведений». Кроме того, Книжная палата «ведёт научную систематическую регистрацию всего печатного материала на русском языке». На Книжную палату возлагалось «образование книжного фонда для снабжения книгами государственных учреждений, а равно и снабжение государственных книгохранилищ всеми выходящими в России произведениями тиснения» [20, л. 20].

Наряду с вопросами культуры КОМУЧ держал в поле зрения социальные проблемы гражданского населения. В принятой им Декларации крестьяне заверялись, что земля «бесповоротно перешла в народное достояние и никаких попыток к возврату её в руки помещиков Комитет не допустит». Рабочим объявлялось о сохранении их профессиональных союзов и всего действующего законодательства об охране труда. Объявлялись конкретные меры по противодействию безработице и соблюдению права рабочих на забастовки: «Всякий рассчёт рабочих и приостановка работы предприятий, не оправдываемые условиями производства, или совершаемые по соглашению предпринимателей в целях борьбы с рабочими или правительством, воспрещается под угрозой строжайшей ответственности» [16, л. 8]. Ведомству труда поручалось создание органов охраны труда в губернских и уездных городах.

В то же время Декларация была нацелена на соблюдение законных прав предпринимателей: «Предпринимателям предоставляется право требовать от рабочих интенсивного и доброкачественного труда в течение всего рабочего времени, определённого законом и договором, и увольнять неподчиняющихся этим требованиям, соблюдая соответствующие законные нормы». Предприниматели также могли «увольнять лишних рабочих с соблюдением установленных для этой цели законов и постановлений» [16, л. 8].

Приказом № 93 от 9 июля 1918 года создавалась комиссия по денационализации фабрично-заводских предприятий. В её состав входили, кроме бывших владельцев, представители профсоюзов, земств, городских управ, государственных учреждений. Только эта комиссия мог-

ла решить вопрос о возвращении предприятия. В приказе заявлялось: «Все бывшие владельцы ставятся настоящим в известность, что возвращение имущества насильственным порядком также недопустимо, как первоначальный захват его, и будет пресекаться и преследоваться самым строгим образом» [8, с. 62].

Высшим достижением социальной политики КОМУЧа в отношении рабочих и служащих стало установление 8-часового рабочего дня. 6 сентября 1918 года управляющему ведомством труда было направлено предписание № 3744, которое извещало: «Комитет Членов Всероссийского Учр(едительного) Собрания в заседании своём 4 сентября единогласно принял внесённый вами приказ, устанавливающий 8-часовой рабочий день на всей территории Учредительного Собрания. Комитет считает, что за этим актом должен последовать ряд других неотложных мер социального законодательства, направленных к защите интересов труда» [21, л. 1]. Но дни КОМУЧа были уже сочтены.

КОМУЧ не успел много сделать в области социальной и культурной сферы, но его шаги в этом направлении показывают устремлённость к сильной социокультурной политике, охватывающей все социальные слои и группы. Политическая обстановка Гражданской войны требовала сосредоточения на военных вопросах и выдвигала на первый план нужды солдат, строительство армии, но это не означало отказа от решения общекультурных проблем и социальных вопросов гражданского населения – рабочих, крестьян, служащих, интеллигенции, предпринимателей. Распорядительная документация КОМУЧа показывает, что его социальная и культурная политика становилась реальной альтернативой политики советской власти.

Литература

1. Вестник комитета членов Всероссийского Учредительного собрания [Электронный ресурс]. – 1918. – 13 июля. – URL: http: //ruspit.ru/ww1/press/vestnic-komiteta (дата обращения: 15.12.2015).
2. Вишняк М. В. Всероссийское учредительное собрание. – М.: РОССПЭН, 2010. – 448 с.
3. Волжская коммуна. – 2015. – 5 дек.
4. Звягин С. П. Член КОМУЧа Е. Ф. Роговский // Гражданская война в России (1917–1922): взгляд сквозь десятилетия: сб. мат-лов науч. конф. – Самара: Ас-Гард, 2009.
5. Лапандин В. А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 – янв. 1919 года). – Самара: Самар. центр аналит. истории и истор. информатики, 2003. – 242 с.
6. Лапандин В. А. Эсеровские политико-государственные образования в России в годы Гражданской войны. Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (июнь 1918 – янв. 1919 года): истор. источники: в 2 т. – Самара: СЦАИИИ, 2006. – Т. 1. – 250 с.
7. Майский И. Демократическая контрреволюция. – М.; Пг., 1923.
8. Приказы Комитета членов Учредительного собрания. Издание информационного отдела при Комитете членов Учредительного собрания. – Самара: Тип. М. Фейгельман, 1918. – 80 с.
9. Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание: история рождения и гибели. – М., 1997.
10. Калягин А. В. Идейно-политическая платформа самарского КОМУЧа (К вопросу о причинах краха «третьего пути» в Гражданской войне) // Ист. вестн. – 2013. – Т. 4 [151]. – С. 136–158.
11. POSTS TAGGED ‘КОМУЧ’. – URL: https: // sto16Km.wordpress.com/tag/Комуч/ (дата обращения: 06.12.2015).
12. Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). – Ф. Р. 402. – Оп. 1с. – Д. 2.
13. ЦГАСО. – Ф. Р. 402. – Оп. 1с. – Д. 3.
14. ЦГАСО. – Ф. Р. 3931. – Оп. 1. – Д. 11.
15. ЦГАСО. – Ф. Р. 3931. – Оп. 1. – Д. 10.
16. ЦГАСО. – Ф. Р. 116. – Оп. 1. – Д. 999.
17. ЦГАСО. – Ф. Р. 4140. – Оп. 1. – Д. 57.
18. ЦГАСО. – Ф. Р. 4140. – Оп. 1. – Д. 55.
19. ЦГАСО. – Ф. Р. 3931. – Оп. 1. – Д. 5.
20. ЦГАСО. – Ф. Р. 402. – Оп. 11. – Д. 5.
21. ЦГАСО. – Ф. Р. 402. – Оп. 1. – Д. 8.
22. Четыре месяца учредиловщины. – Самара: Истпарт, 1919.

References

1. Vestnik komiteta chlenov Vserossiyskogo Uchreditel'nogo sobraniya [Bulletin of the members of All-Russian Constituent Assembly], 1918, July 13. (In Russ.). Available at: http: //ruspit.ru/ww1/press/vestnic-komiteta (accessed 15.12.2015).
2. Vishnyak M.V. Vserossiyskoye uchreditel'noye sobraniye [Bulletin of the members of All-Russian Constituent Assembly]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 448 p. (In Russ.).
3. Volzhskaya kommuna [Volga commune], 2015, December 5. (In Russ.).
4. Zvyagin S.P. Chlen KOMUCha E.F. Rogovskiy [Member Komuch E.F.Rogovsky]. *Grazhdanskaya voyna v Rossii (1917-1922): vzglyad skvoz' desyatiletiya. Sb. mat-lov nauch. konf. [Civil War in Russia (1917-1922): A view through the decades. The collection of materials of scientific conference]*. Samara, As-Gard Publ., 2009. (In Russ.).
5. Lapandin V.A. Komitet chlenov Uchreditel'nogo sobraniya: struktura vlasti i politicheskaya deyatel'nost' (iiun' 1918 – ianvar' 1919 goda) [Committee members of the Constituent Assembly: the power structure and political activities (June 1918 – January 1919)]. Samara, Samarskiy tsentr analiticheskoy istorii i istoricheskoy informatiki Publ., 2003. 242 p. (In Russ.).
6. Lapandin V.A. Eserovskiye politiko-gosudarstvennyye obrazovaniya v Rossii v gody Grazhdanskoy voyny. Komitet chlenov Vserossiyskogo Uchreditel'nogo sobraniya (iyun' 1918 – yanvar' 1919 goda): istoricheskiye istochniki. V 2 t. [Socialist-Revolutionary political and public education in Russia during the Civil War. Committee members of the All-Russian Constituent Assembly (June 1918 – January 1919.): Historical sources. In 2 v.]. Samara, STsAIII Publ., 2006, vol. 1. 250 p. (In Russ.).
7. Mayskiy I. Demokraticheskaya kontrrevolyutsiya [Democratic counter-revolution]. Moscow, Pg., 1923. (In Russ.).
8. Prikazy Komiteta chlenov Uchreditel'nogo sobraniya. Izdaniye informatsionnogo otdela pri Komitete chlenov Uchreditel'nogo sobraniya [Orders Committee of the Constituent Assembly members. The publication of the information department at the Committee of the Constituent Assembly members]. Samara, Tipografiya M. Feygel'man Publ., 1918. 80 p. (In Russ.).
9. Protasov L.G. Vserossiyskoye uchreditel'noye sobraniye: istoriya rozhdeniya i gibeli [All-Russian Constituent Assembly: the history of the birth and death]. Moscow, 1997. (In Russ.).
10. Kalyagin A.V. Ideyno-politicheskaya platforma samarskogo KOMUCha (K voprosu o prichinakh krakha "tret'yego puti" v Grazhdanskoy voyne) [Ideological and political platform of the Samara Komuch (the question about the causes of the collapse of the "third way" in the Civil War)]. *Istoricheskiy vestnik [Historical bulletin]*, 2013, vol. 4 [151], pp. 136-158. (In Russ.).
11. POSTS TAGGED 'KOMUCh'. (In Russ.). Available at: https: // sto16Km.wordpress.com/tag/Komuch/ (accessed 06.12.2015).
12. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti [Central State Archive of Samara region]. F. R. 402. Op. 1s. D. 2. (In Russ.).
13. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti [Central State Archive of Samara region]. F. R. 402. Op. 1s. D. 3. (In Russ.).
14. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti [Central State Archive of Samara region]. F. R. 3931. Op. 1. D. 11. (In Russ.).
15. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti [Central State Archive of Samara region]. F. R. 3931. Op. 1. D. 10. (In Russ.).
16. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti [Central State Archive of Samara region]. F. R. 116. Op. 1. D. 999. (In Russ.).
17. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti [Central State Archive of Samara region]. F. R. 4140. Op. 1. D. 57. (In Russ.).
18. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti [Central State Archive of Samara region]. F. R. 4140. Op. 1. D. 55. (In Russ.).
19. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti [Central State Archive of Samara region]. F. R. 3931. Op. 1. D. 5. (In Russ.).
20. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti [Central State Archive of Samara region]. F. R. 402. Op. 11. D. 5. (In Russ.).
21. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti [Central State Archive of Samara region]. F. R. 402. Op. 1. D. 8. (In Russ.).
22. Chetyre mesiyatsa uchredilovshchiny [Four months uchredilovschiny]. Samara, Istpart Publ., 1919. (In Russ.).

УДК 316.334.55

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЕСТЕСТВЕННЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК СУЩЕСТВОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ФОРМ КОЛЛЕКТИВНОГО СОЖИТЕЛЬСТВА

Лазарев Максим Петрович, аспирант, Гуманитарно-социальный институт (п. Красково, РФ). E-mail: zw1492@gmail.com

Язык как один из аспектов социально-культурной реальности отражает представления конкретной культурной общности о структуре и функционировании окружающей среды. В данном контексте парадоксальным кажется отождествление слова «город» при обозначении территориальных коллективных форм существования общественных насекомых и урбанизированных человеком пространств. В статье сопоставляются структурные и функциональные основы обоих типов коллективной организации жизни, на основе которых вычленяются как общие предпосылки формирования, так и сущностные различия. Общей предпосылкой формирования коллективных форм сожительства является необходимость объединения в целях возведения оборонительных или хозяйственных конструкций, что способствует лучшей адаптации и выживанию вида. Таким образом, коллективные формы сожительства формируются тогда, когда особь не в состоянии решить возникшую проблему самостоятельно, то есть возникает запрос на совместную деятельностную реакцию (солидаризацию) по отношению к внешнему стимулу. Ключевой отличительной чертой человеческих городов от животных квазисоциальных аналогов является наличие социальных отношений между индивидами, которые не только актуализируют создание новых форм коллективного проживания, но также формируют запрос на удовлетворение определённых социальных потребностей. При этом социально-культурные процессы первичны и доминантны по отношению к физическим формам, являясь фундаментом для формирования человеческого города.

Ключевые слова: коллективные формы сожительства, животные квазисоциальные формы сожительства, социальные процессы в городе, городские социальные метаструктуры.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF NATURAL AND SOCIAL BACKGROUND OF HUMAN AND ANIMAL COLLECTIVE FORMS OF COEXISTENCE

Lazarev Maksim Petrovich, Postgraduated, Humanitarian Social Institute (Kraskovo, Russian Federation). E-mail: zw1492@gmail.com

The language as the main aspect of socio-cultural reality reflects structural and functional representation of current cultural society about it environment. Human and animal social forms of collective coexistence authentication look paradoxical. The human city is a very complex multidimensional temporal and spatial phenomenon of the culture of mankind. That is why the correct definition of the human city as an phenomenon depends on social, cultural and economic context. The human city is researched in this article as area which is compact inhabited by current social and cultural society of people who are united by some mutual goals. Structural and functional basis of both types of collective organization of coexistence are compared in this article to mark mutual motives of appearance and essence differences. The need of aggregation for building defense and economic constructions plays role the mutual precondition of shaping cohabitation collective forms. So cohabitation collective forms appear when an individual is not able to solve a problem by itself. That is the way how appears the request for activity reaction (solidarization) due to external stimulus. Social relations between individuals are the main specialty of human urban territories unlike animal metasocial ones. These relations

update producing new forms of collective coexistence and build request to satisfy specified social needs. Social and cultural processes are the initial and dominant forms in regard to physical forms which organize human cities. Possibility of reaching consensus and setting the rules of social behaviour among residents of local society is the main precondition for shaping the human city.

Keywords: cohabitation collective forms, animal metasocial constructs, city social processes, city social metastructure.

Город является сложным многокомпонентным пространственно-темпоральным явлением человеческой культуры, определение которого зависит от социально-экономического контекста. При этом ни одна из дефиниций не может быть исчерпывающей в виду комплексности определяемого предмета. В данной статье город используется в значении компактно заселённой территории, где сформировалась конкретная социально-культурная общность, которая возникла в результате объединения людей определёнными общими целями.

Человеческие и животные коллективные системы проживания имеют схожий принцип функционирования, который заключается в высоком уровне специализации деятельности. Однако для того, чтобы вычленить сущностные отличия, необходимо проанализировать фундаментальные предпосылки механизмов создания коллективных форм сожительства и взаимодействия животных и людей. Среди животных квазисоциальные образования формируют только общественные организмы, например муравьи, пчёлы, термиты, бобры, тимелии. В пятидесятых годах XX века П. П. Грассе в ходе длительного наблюдения открыл у термитов феномен «сотрудничества без взаимодействия», согласно которому они возводили свои «города» неосознанно, инстинктивно, используя для этого простые механические действия и некие подобия их программ. Сначала термиты смачивали слюной и жевали землю, формируя катышек. Затем они начинали беспорядочно бегать вокруг в поисках возвышенного места, куда доставляли образованный комок земли. Повторение первой и второй операций продолжалось до тех пор, пока не набиралось достаточное количество строительных материалов необходимой высоты и достаточное количество рабочей силы, после чего термиты переходили к следующему этапу строительства – возведению внутренних арок тоннелей и комнат [14].

Для того чтобы понять сущность процесса строительства «города» у термитов, необходимо дать определение инстинктивному поведению. Основой инстинктивного поведения является совокупность врождённых потребностей и наличие у животных врождённых программ-шаблонов их удовлетворения, состоящих из пускового сигнала (ключевой стимул) и программы действия. Ключевой стимул всегда запускает специфическую врождённую реакцию, или «фиксированный комплекс действия» (ФКД). ФКД состоит из набора действий, универсальных для любого организма в пределах вида [17]. У. Крейг разделил ФКД на два блока: аппетентное[1] и консуматорное[2] поведение [13]. В описанном выше случае поведение термита является инстинктивным: врождённая потребность обусловлена необходимостью создания безопасного жилого пространства, а ФКД состоит из трёх ключевых блоков (жевание-складирование-организация внутренних ходов), причём к аппетентному поведению относится весь цикл организации пространства, а к консуматорному следует отнести непосредственное проживание в термитнике. Таким образом, процесс строительства «городов» у термитов является инстинктивным и бессознательным, какие-либо центры координации строительства отсутствуют.

Феномен создания животных квазигородов объясняется теорией адаптивных систем, согласно которой многие природные системы эмерджентны и недетерминированы, то есть целое в них эффективнее простой суммы отдельных составляющих, а коллективный результат невозможно предугадать, наблюдая за индивидуальными действиями

[1] Аппетентное поведение (от англ. appetitive behavior – поведение, охваченное желанием или стремлением) представляет собой поиск и приближение к объекту удовлетворения потребности.

[2] Консуматорное поведение (от англ. consummate – завершать, доводить до конца) представляет собой непосредственное удовлетворение потребности.

отдельной особи. Животные корректируют свои действия, подражая собратьям, в результате чего возникает стихийная коллективная общность, которая синхронизируется в реальном времени [8]. Внешнее сходство человеческих и животных квазигородов обусловлено формой их функционирования как коллективно сожительствующих организмов, относящихся к определённым видовым группам. Однако сущностно они не тождественны и базируются на принципиально различных основаниях, хотя преследуют общую цель – объединение усилий отдельных индивидуумов с целью максимизации эффективности коллективного существования и выживания. Коллективные формы сожительства формируются тогда, когда индивид не в состоянии решить возникшую проблему самостоятельно, то есть возникает запрос на совместную деятельностную реакцию (солидаризацию) по отношению к внешнему стимулу. Э. Канетти в книге «Масса и власть» писал о том, что человеку присуще стремление к приумножению с целью повышения потенциала сообщества, которое проявлялось не просто в желании плодиться, но в стремлении увеличить размер популяции в конкретном месте в конкретный отрезок времени («здесь и сейчас») [7]. Кроме того, о человеческой потребности во всемирном единении писал Достоевский в «Братьях Карамазовых», где назвал такую форму коллективного сожительства «человеческим муравейником» [4].

Человеческие города как продукты культуры являются более поздним и сложным явлением по отношению к их животным аналогам, поскольку сама культура как альтернативная среда существования человека возникла лишь сравнительно недавно. В той или иной степени человеческий город как определённая форма коллективного сожительства уходит корнями к природным конституциям. Так, М. Барбоза говорит о биомимикрии архитектуры, что проявляется в стремлении скопировать формы поведения и функциональные действия биологических организмов, которые в результате эволюционного отбора выработали наиболее эффективные механизмы адаптации к окружающей среде. Благодаря теории М. Барбозы появляется возможность найти элементы, связующие город с биосистемами: суточные ритмы, структура (костная система или экзоскелет), оболочка (кожа), система циркуляции энергии и отходов (метаболизм) (см. [12]).

Основной предпосылкой создания человеческого города является развитая культура, порождающая особый вид социальных взаимоотношений между горожанами, который делает неэффективным прежние территориальные формы коллективного сожительства. Человек живёт в мире создаваемых и воссоздаваемых им же самим артефактов, которыми опосредована его коммуникация с внешней средой. Поскольку человеческая культура непосредственно связана с упорядочиванием и обустройством окружающего пространства[3], город, являющийся продуктом человеческой культуры, исполняет роль инструмента-медиатора взаимодействия человека с окружающей средой. Он представляет собой интерфейс организации пространства, механизм освоения и присвоения территории. Таким образом, город является искусственным конструктом, порождённым человеческой культурой в результате реакции на внешние природные факторы: с одной стороны человек отчуждается и огораживается от окружающей неподконтрольной среды, с другой – создаёт мощный механизм и ресурсную базу для дальнейшего кооперативного решения внешних и внутренних вызовов. При этом если город изолирует человека от естественной среды, то любая форма естественного коллективного проживания других организмов является её неотъемлемой частью.

С основания первого города начались революционные преобразования в организации и изменении среды обитания человека, в результате чего возникла социально-культурная реальность, альтернативная природной среде. Как писал Замятин, человек перестал быть животным, как только построил первую стену [5]. Таким образом, город стал эффективным инструментом приспособления людей к окружающей среде, организующим и структурирующим их совместное проживание, а также минимизирующим количество междоу-

[3] Данный аспект отражён в самой этимологии слова «культура» (лат. cultura), которое происходит от глагола colo/colere. Первоначально он обозначал «возделывание», а позднее «воспитание, образование развитие и почитание».

собных конфликтов. Данную точку зрения поддерживает доктор Ю. Харари, который отрицает ценность жизни в городе для человека как индивида в виду множественных ограничений и сдерживающих факторов, но признаёт её для человека как биологического вида, поскольку передача ДНК лучше в условиях сплочённой многочисленной оседлой группы. Таким образом, город, по Ю. Харари, является добровольным объединением людей в целях коллективного выживания [15]. С этой точки зрения все города функционально схожи, различия определяются лишь способом организации сообщества и детерминированы культурными особенностями.

Социально-культурные процессы являются первичными и доминантными по отношению к физическим формам, являясь фундаментом для формирования человеческого города. Р. Парк считал, что главной досоциальной предпосылкой формирования общества, следовательно, и города, является базовая форма активности и взаимодействия создающих его людей – свобода их передвижения и перемещения в пространстве, предполагающая не только процесс познания и освоения ими окружающего мира, но также взаимную ориентацию в пространстве относительно друг друга. Даже когда человек находится в здании или общественном транспорте, его положение всегда является положением по отношению к другим [9]. Пространство включено в социальные отношения имманентно, ещё до осмысления людьми этого факта, в результате чего физическое пространство и социальные отношения взаимообусловлены. Только рефлексия по поводу пространства обуславливает улучшение организации и регламентации последнего, высшей формой чего является урбанизация [19]. Как пишет А. Лефевр, пространство социально, а потому подразумевает закрепление освоенных мест за определёнными социальными отношениями производства (разделение и организация труда) и воспроизводства (биофизиологические отношения полов, поколений и специфической семейной организации) [16].

Таким образом, человеческие города отличаются наполненностью социально-культурными процессами, которые предопределяют их сущностное отличие от «животных» аналогов. В книге «Язык вещей» Д. Суджич цитирует итальянского архитектора Э. Роджерса, который писал о том, что вся необходимая информация об обществе содержится в дизайне предметов повседневного обихода [10]. Иначе говоря, социально-культурные детерминативы общества задают и создают формы определённого типа, в том числе и трёхмерные формы города. Несмотря на то что человеческий город физически формируют архитектура (конфигурация зданий и дополнительной инфраструктуры) и природный ландшафт, его первичным наполнением и главным смыслом являются социально-культурные процессы обмена и коммуникации, которые продуцируют и инкорпорируют культурные коды. В контексте этой идеи был написан роман-антиутопия А. Зиновьева «Глобальный человейник», в котором показывается деградация социальных отношений в результате глобализации и нивелирования культуры [6].

Возникновение города как феномена возможно лишь в сообществе, поскольку его строительство является коллективным процессом и требует существования определённых социальных отношений между горожанами. Поскольку процесс построения города всегда является коллективной деятельностью, он всегда в той или иной степени принадлежит своим резидентам или их группам. Сущностью города является общественный образ жизни, что отражается в его структуре: частное пространство отдельного индивидуума в виде квартиры или частного дома интегрировано в сплошную сеть пространств общественного владения. Город является совокупностью атомарных сообществ, структура и состав которых меняются в зависимости от их уровня (начиная от соседств по лестничной площадке и заканчивая междугородними общностями). Город дарит чувство сопричастности к группе или коллективу, психологически необходимое человеку. По сути, город представляет собой сетевую агломерацию разных районов и сообществ, которая требует кооперации и конвенционального многоуровневого управления в целях гармонизации существования.

В соответствии с вышеизложенным можно утверждать, что для успешного совместного проживания и решения возникающих проблем городское сообщество вынуждено поддерживать по-

стоянный интенсивный уровень взаимодействия и коммуникации, что является интегрирующим фактором для данного сообщества. При этом активное общение и обмен информацией способствуют увеличению социального капитала местного сообщества. Количество контактов растёт в геометрической прогрессии в зависимости от уровня развития урбанизированной территории. Так, посетитель токийского метро за один день может встретить на своём пути такое количество людей, с каждым из которых в любой момент возможен контакт, какое за всю свою жизнь не мог увидеть обитатель средневековой деревни. Город способствует уплотнению человеческих контактов, предлагая огромнейший потенциал для общения своих резидентов, это точка концентрации и интенсификации процесса коммуникации.

Основанием для формирования города на конкретной территории являются: возможность местного сообщества достигнуть консенсуса и установить общие нормы и правила поведения, а также определённые географические условия, которые оправдывают целесообразность существование города. В. Глазычев определял город как результат договора между формальными и неформальными сообществами, к которым он помимо традиционных городских объединений, также относил непосредственно власть, бизнес и социальные институты [2]. Такого же мнения придерживается Е. Ларионова, называя город площадкой для диалога [11]. В данном контексте для определения понятия города можно использовать также концепцию «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсена, поскольку город по своей сути является конгломератом воображаемых сообществ, объединённых в метаструктуру – такое же воображаемое сообщество, связанное общими представлениями, но иного масштаба [1].

Город является продуктом развития и усложнения социально-культурных процессов внутри общества, которые стимулируют появление новых потребностей и необходимость их удовлетворения. Таким образом, город всегда создаётся в интересах конкретных сообществ и представляет собой их объединение с целью наращивания производственного потенциала, организации совместной обороны и интенсификации коммуникации и обменов, то есть является инструментом достижения коллективных интересов. Именно в связи с этим Э. Глейзер назвал город величайшим изобретением человечества, главной функцией которого является объединение людей, что делает их богаче, экологичнее, умнее, счастливее и здоровее. При этом город по Э. Глейзеру представляет собой огромный эффективный механизм производства ресурсов для удовлетворения коллективных потребностей («тематический парк»). Одновременно с этим город выступает в качестве пространства для контактов между рынками и культурами [3].

Таким образом, общественные животные возводят свои «города» основываясь исключительно на инстинктивных программах, все операции организации пространства универсальны и заложены генетически в общевидовой ФКД, поэтому все животные структуры коллективного сожительства универсальны и идентичны. Чем сильнее развита нервная система и головной мозг организма, тем меньше доля врождённых инстинктивных компонентов в его поведении и тем менее жёстко эти компоненты запрограммированы. В случае человека они практически отсутствуют, сменяясь витальными и социальными потребностями, а также условными и безусловными рефлексами. Поэтому человеческие города являются результатом не инстинктивного поведения, а социальных потребностей. Поскольку поведение живого организма всегда направлено на одновременное удовлетворение нескольких потребностей, город как форма коллективного сожительства в той или иной степени удовлетворяет физиологические потребности (организация питания и цивилизованного отправления естественных процессов) и потребность в безопасности (место для отдыха и защиты от враждебных сил) [18]. Однако только человеческий город удовлетворяет потребность социализации, которая выражается в необходимости сопричастности к какой-либо общности и коммуникации с другими индивидами в пределах социума. Таким образом, сущностные различия человеческих и животных форм коллективного сожительства не позволяют отождествлять их, хотя внешние формы обоих типов организации сходны друг с другом.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – Пушкино: Канон-Пресс-Ц, 2001. – 288 с.
2. Глазычев В. Л. Урбанистика. – М.: Европа, 2008. – 220 с.
3. Глейзер Э. Триумф города: как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее. – М.: Ин-т Гайдара, 2015. – 394 с.
4. Достоевский М. Ф. Братья Карамазовы. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. – 832 с.
5. Замятин Е. Мы. – М.: АСТ, 2008. – 480 с.
6. Зиновьев А. А. Глобальный человейник. – М.: ЭКСМО, 2006. – 271 с.
7. Канетти Э. Масса и власть. – М.: АСТ, 2014. – 576 с.
8. Линдстром М. Вынос мозга. – М.: Альпина, 2013. – 304 с.
9. Парк Р. Избр. очерки: сб. переводов. – М.: РАН ИНИОН, Центр соц. науч.-информ. исслед., отд. социологии и соц. психологи, 2011. – 320 с.
10. Суджич Д. Язык вещей. – М.: Strelka Press, 2013. – 240 с.
11. Журнал Strelka. Екатерина Ларионова – Любой город заслуживает того, чтобы ему сделали предложение. – URL: http://strelka.com/ru/magazine/2015/04/23/ekaterina-larionova (дата обращения: 09.12.2015).
12. BERLOGOS. Симбиогенез: взаимодействие природы и архитектуры. – URL: http://www.berlogos.ru/portfolio/menu/concepts/simbiogenez-vzaimodeystvie-prirody-i-arkhitektury.php (дата обращения: 20.11.2015).
13. Craig W. Synchronism in the rhythmic activities of animals // Science. – New York: American Association for the Advancement of Science. – 1916. – № 44. – P. 784–786.
14. Grassé P. P. Termitologia: Anatomie, physiologie, biologie, systematique des termites. – Paris: Masson, 1982.
15. Harari Y. N. Sapiens: A Brief History of Humankind. – New York: HarperCollinns Publishers, 2015. – 443 p.
16. Lefebvre H. The Production of Space. – Oxford: Basil Blackwell, 1991. – 464 p.
17. Lorenz K. Z., Leyhausen P. Motivation of Human and Animal Behavior: An Ethological View. – New York: Van Nostrand Reinhold, 1973. – 423 p.
18. Maslow A. H. Motivation and Personality. – New York: Harper, 1954. – 411 p.
19. Park R. On Social Control and Collective Behaviour. – Chicago: The University of Chicago Press, 1967. – 274 p.

References

1. Anderson B. Voobrazhaemyye soobshchestva [Imagined Communities]. Pushkino, Kanon-Press-Ts Publ., 2001. 288 p. (In Russ.).
2. Glazychev V.L. Urbanistika [Urbanistics]. Moscow, Europe Publ., 2008. 220 p. (In Russ.).
3. Gleyzer E. Triumf goroda: kak nashe velichaysheye izobreteniye delayet nas bogache, umneye, ekologichneye, zdoroveye i shchastliveye [Triumph of the city: how our greatest invention makes us richer, smarter, greener, healthier and happier]. Moscow, Gaydar Institute Publ., 2015. 394 p. (In Russ.).
4. Dostoyevskiy M.F. Brat'ya Karamazovy [The Karamazov Brothers]. St. Peresburg, Azbuka-Attikus Publ., 2014. 832 p. (In Russ.).
5. Zamyatin E.My [We]. Moscow, AST Publ., 2008. 480 p. (In Russ.).
6. Zinov'yev A.A. Global'nyy cheloveynik [The Global Humainik]. Moscow, EKSMO Publ., 2006. 271 p. (In Russ.).
7. Kanetti E. Massa i vlast' [The Mass and Power]. Moscow, AST Publ., 2014. 576 p. (In Russ.).
8. Lindstrom M. Vynos mozga [The Brain Storm]. Moscow, Al'pina Publ., 2013. 304 p. (In Russ.).
9. Park R. Izbrannyye ocherki: sb. perevodov [Selected Essays: a Collection of translations]. Moscow, RAN INION, Tsentr sotsial'nykh nauchno-informatsionnykh issledovaniy, otdeleniye sotsiologii i sotsial'noy psikhologii Publ., 2011. 320 p. (In Russ.).
10. Sudzhich D. Yazyk veshchey [The Language of Things]. Moscow, Strelka Press Publ., 2013. 240 p. (In Russ.).
11. Jurnal Strelka. Ekaterina Larionova – Lyuboy gorod zasluzhivayet togo, chtoby yemu sdelali predlozheniye [Ekaterina Larionova – Any city deserves to be made an offer to]. (In Russ.). Available at: http://strelka.com/ru/magazine/2015/04/23/ekaterina-larionova (accessed 09.12.2015).
12. BERLOGOS. Simbiogenez: vzaimodeystviye prirody i arkhitektury. (In Russ.). Available at: http://www.berlogos.ru/portfolio/menu/concepts/simbiogenez-vzaimodeystvie-prirody-i-arkhitektury.php (accessed 20.11.2015).
13. Craig W. Synchronism in the rhythmic activities of animals. *Science*. New York, American Association for the Advancement of Science Publ., 1916, no. 44, pp. 784-786. (In Eng.).

14. Grassé P.P. Termitologia: Anatomie, physiologie, biologie, systematique des termites. Paris, Masson Publ., 1982. (In Eng.).
15. Harari Y.N. Sapiens: A Brief History of Humankind. New York, Harper Collinns Publ., 2015. 443 p. (In Eng.).
16. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford, Basil Blackwell Publ., 1991. 464 p. (In Eng.).
17. Lorenz K.Z., Leyhausen P. Motivation of Human and Animal Behavior: An Ethological View. New York, Van Nostrand Reinhold Publ., 1973. 423 p. (In Eng.).
18. Maslow A.H. Motivation and Personality. New York, Harper Publ., 1954. 411 p. (In Eng.).
19. Park R. On Social Control and Collective Behaviour. Chicago, The University of Chicago Press Publ., 1967. 274 p. (In Eng.).

УДК 94(470) 16/18+902

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ САЛОННАЯ КУЛЬТУРА КАЗАНИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Тихонова Маргарита Сергеевна, аспирант, кафедра истории и музеологии, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, РФ). E-mail: shherb-margarita@yandex.ru

Статья посвящена провинциальной салонной культуре Казани конца XVIII – первой половины XIX века. Зарождение и развитие салонной культуры в России происходило в конце XVIII – первой половине XIX века. Салонные и кружковые формы объединений образовывались не только в Москве и Петербурге, но и во многих крупных провинциальных городах Российской империи. В это время в Казани открываются учебные заведения, книжные лавки, развивается книгопечатание, начинает свою работу театр, а также устанавливаются культурные связи с Москвой и Петербургом, образовываются первые в городе салоны и кружки. На данный момент нет полной картины изучения салонной культуры Казани конца XVIII – начала XIX века. Она рассматривается дробно, внимание исследователей привлекает изучение отдельных объединений или конкретных личностей, которые были связаны с салоном или кружком. Большинство работ носят описательный характер. В статье показаны основные салонные и кружковые объединения в Казани конца XVIII – первой половины XIX века: кружок Г. П. Каменева и С. А. Москотильникова, «Общество любителей отечественной словесности» при Императорском Казанском университете, салон семьи Рындовских-Панаевых, салон семьи Фукс, музыкальный салон при Родионовском институте благородных девиц. В исследовании охарактеризована их деятельность, определены формы объединений, их тематика и социальный состав участников.

Ключевые слова: провинциальная салонная культура, салон, кружок, вечер, интеллигенция.

PROVINCIAL SALON CULTURE OF KAZAN IN THE LATE XVIII - EARLY XIX CENTURY

Tikhonova Margarita Sergeevna, Postgraduate, Department of History and Museology, Kazan State Institute of Culture (Kazan, Russian Federation). E-mail: shherb-margarita@yandex.ru

At the end of XVIII - first half of XIX century the salon culture is emerging in Kazan, and in the capital. Educational institutions, book printing, book shops, theatre, cultural ties of the province with Moscow and St. Petersburg, interest in intellectual entertainment of the intelligentsia had an influence on the development of salon culture in the city.

In the history of salon culture, there was a chain of borrowings; the Russian salon culture was borrowed from the French salon culture and later was divided into capital and provincial.

Provincial salon culture of Kazan was composed of salons, circles and scientific society. Participants and visitors were differed. In the capital, the salon culture was presented by aristocratic society, in provincial culture by democratic. The nobility was the organizer of the capital salons, but in the province the intellectuals promoted the emergence and development of salon culture. The special feature of Kazan salons was the participation of two owners, spouses. Salon culture of Kazan was typical by seasonality. There were mostly fall and winter seasons. Day, evening in the salon were fixed in advance and even announced through the periodicals. Therefore, almost everyone was invited on the evening. The salon culture should be classified as mixed by the subject of the evening because in addition to reading literature the evening was accompanied by theatrical and musical productions. Also, the communication about science and politics was very expressive.

Keywords: provincial salon culture, salon, club, evening, intelligentsia.

Зарождение и развитие салонной культуры в России происходило в конце XVIII – первой половине XIX века. Русская салонная культура была заимствована от французской салонной культуры. Салоны и кружки образовывались не только в Москве и Петербурге, но и во многих провинциальных городах Российской империи. Процесс их быстрого развития в провинции на примере столичных городов отмечают М. И. Аронсон [1] и Н. А. Бродский [2] в исследованиях, посвященных салонной культуре России. Особый интерес представляет диссертационный труд Е. Н. Палий «Салон как феномен культуры России XIX века: традиции и современность». В работе автор обращается к провинциальной салонной культуры и поясняет, что появление в провинции салонов и кружков объясняется развитием культуры и образованности высшего губернского общества. Также автор подчеркивает, что провинциальные салоны и кружки отличались достаточно пестрым составом участников, отсутствием строгой манерности и жестко заданных правил поведения [7]. В этом была их специфика по сравнению со столичными салонами.

В данной статье мы обратимся к провинциальной салонной культуре Казани конца XVIII – первой половины XIX века. В это время в городе открываются учебные заведения, книжные лавки, развивается книгопечатание, начинает свою работу театр, а также устанавливаются культурные связи с Москвой и Петербургом, образовываются первые в городе салоны и кружки. На данный момент нет полной картины изучения салонной культуры Казани конца XVIII – начала XIX века. Казанская салонная культура рассматривается дробно, внимание исследователей привлекает изучение отдельных объединений или конкретных личностей, которые были связаны с салоном или кружком. Большинство работ носят описательный характер.

Цель исследования – показать основные салонные и кружковые объединения в Казани конца XVIII – первой половины XIX века, охарактеризовать их деятельность, определить формы объединений, их тематику и социальный состав участников.

В 1790-х годах зарождается одно из первых литературных объединений в Поволжье – кружок Г. П. Каменева и С. А. Москотильникова. Кружок работал до начала 1800-х годов. Его участниками были преподаватели главного народного училища И. И. Чернявский и С. В. Смирнов, цивильский помещик и литератор Н. С. Арцыбашев, префект казанской духовной семинарии К. С. Орлов, казанский помещик и литератор Д. Н. Зиновьев (будущий издатель «Казанских известий», где он печатался с 1811 года), литератор и библиофил И. А. Второв, актер и создатель театральной труппы в Казани В. Р. Бобровский. Следует заметить, что все участники кружка имели разные профессии и социальное происхождение. Их объединяла любовь к литературе. На собраниях они читали собственные произведения, переводы зарубежных писателей, а также обсуждали литературные, общественно-политические и исторические вопросы. Кружок имел связи со столичными литераторами, а многие его участники и вовсе были вхожи в столичное общество, благодаря визиту

И. В. Лопухина в 1800 году. После его пребывания в Казани многие члены кружка отправляются в Москву, где становятся членами и секретарями «Вольного общества любителей и словесности, наук и художеств», но возвращаются обратно и основную деятельность ведут в Казани.

Литературный кружок Г. П. Каменева и С. А. Москотильникова поспособствовал тому, что при университете выросло новое литературное поколение, которое образовало студенческий литературный кружок, позже реорганизованный в «Общество любителей отечественной словесности» при Императорском Казанском университете. Многие члены литературного кружка Г. П. Каменева и С. А. Москотильникова продолжили свою деятельность, вступив в это общество. Среди них были С. А. Москотильников и Н. С. Арцыбашев.

«Общество любителей отечественной словесности» было образовано в 1806 году. Изначально объединение имело форму домашнего кружка, который состоял из шести человек. Организатором выступил Н. М. Ибрагимов. Он был учителем математики, но также человеком, сильно увлеченным литературой. В первую очередь к кружку он привлек своих учеников: С. Т. Аксакова, В. М. Перевощикова, П. С. Кондырева, А. Васильева и Д. Богданова. Позже он пополнился братьями И. И. и А. И. Панаевыми, И. Ф. Яковкиным и другими местными литераторами, преподавателями и студентами Казанского университета. Спустя некоторое время собрания кружка уже не были похожими на домашние литературные вечера. Кружок стал носить регулярный характер, а в 1810 году состоялось представление устава кружка, который четко регламентировал его работу. В 1812 году кружок преобразовывается в ученое общество «Общество любителей отечественной словесности». Посещение собраний стало обязательным, а количество участников к 1818 году возросло до ста человек.

Основной целью «Общества любителей отечественной словесности» было сильное желание его членов усовершенствовать себя в литературе [3]. По уставу они не только должны были проводить ежемесячные собрания, но и издавать научные труды и переводы. Так, из отчета секретаря, преподавателя и профессора университета П. С. Кондырева, известно, что «в собраниях сих занимались рассуждениями, относящимися к российской словесности, критическим чтением журналов, особенно же задаваемы были сочинения и разбираемы собственные умопроизведения» [6, с. 27].

Участники общества занимались краеведческими, этнографическими, лингвистическими, статистическими исследованиями, выступали в роли журналистов, историков и переводчиков не только художественной, но и литературы естественно-научного характера. Их деятельность способствовала повышению общего образовательного и культурного уровня местной интеллигенции и развитию таланта молодых писателей и ученых. «Общество» было культурным центром всего казанского учебного округа и поддерживало связи с литераторами Петербурга, Москвы, Киева, Харькова и других городов России. Работа «Общества любителей отечественной словесности» продлилась до 1853 года. Это было первое научное и творческое объединение при Казанском университете. Оно являлось одним из наиболее значимых провинциальных литературных обществ в России первых десятилетий XIX века «Общество любителей отечественной словесности» было создано на пять лет раньше «Общества любителей российской словесности» при Московском университете и стало предшественником других научных объединений Казани [4].

Многие члены «Общества любителей отечественной словесности» устраивали домашние литературные вечера. Так, Ф. М. Рындовский и его супруга П. И. Панаева организовали у себя в доме литературно-музыкальный салон. П. И. Панаева получила воспитание в литературной семье, что, конечно, повлияло на то, что в 1820-е годы она вместе с супругом организовала салон. Его посетителями были литераторы, преподаватели Казанского университета и просто любители литературы. Они принимали участие в беседах, чтениях произведений и участвовали в постановках домашних спектаклей. Следует отметить, что салон семьи Рындовских был первым в Казани, где участников связывал не только интерес к литературе, но и к театру. Гости принимали участие в театральных постановках, таким образом, развлекались и отдыхали. Также салон семьи Рындов-

ских поддерживал тесные связи с Москвой и Петербургом, где проживали братья П. И. Панаевой. Литературные вечера в доме Рындовских устраивались до середины 1830-х годов.

После завершения работы салона Рындовских казанская публика стала посещать салон Фуксов. Это был один из самых известных салонов Казани в первой половине XIX века. Его организаторами были К. Ф. Фукс – профессор и ректор Казанского университета, врач, ботаник, этнограф, историк и нумизмат и его супруга поэтесса А. А. Фукс. Салон работал в осенний и зимний сезон в 1831–1849 годах. Первые литературные вечера в доме Фуксов полностью состояли из чтений. Многие столичные гости, пребывая на них, считали их скучными. Со временем супруги Фукс расширили круг участников, а на вечерах зачитывали не только поэтические произведения, но и вели разговоры о проблемах общественного развития, прогрессе науки и просвещения. Порой вечера заканчивались и ужином, как это было принято в столичных салонах. Так, уже в 40-е годы XIX века литературный салон в доме Фуксов имел некоторые черты столичных салонов: сезонность работы, постоянная публика, окончание вечера ужином [8].

Следует отметить, что салон Фуксов не был похож на дворянский, светский салон. Провинциальный салон Фуксов отличался от него, в первую очередь тем, что публика его была демократическая по составу. Это были совершенно разные люди, разных возрастов, литературных поколений, разных вкусов и общественных положений: важные профессора, учителя, начинающие поэты, генералы, юные чиновники и студенты.

В XIX веке мода на литературные, музыкальные вечера коснулась и учебных заведений. Так, в Казани образовался музыкальный салон при Родионовском институте благородных девиц, действовавший с 1841 года Начальницей института и одновременно хозяйкой салона была Е. Д. Загоскина. В ее музыкальном салоне ставили спектакли, музицировали и исполняли оперы. Салон был достаточно известным в городе, к тому же казанское общество могло ознакомиться с тем, что происходило на вечерах в Родионовском институте с помощью периодической печати. В номере «Казанских губернских ведомостей» были опубликованы программа и описание одного из вечеров [5]. Салон Е. Д. Загоскиной пользовался успехом у местной публики, в нем всегда исполнялись все новейшие репертуары того времени.

Таким образом, салонная культура Казани конца XVIII – первой половины XIX века представлена кружком Г. П. Каменева и С. А. Москотильникова, «Обществом любителей отечественной словесности» при Императорском Казанском университете, салоном семьи Рындовских-Панаевых, салоном семьи Фукс, музыкальным салоном при Родионовском институте благородных девиц. Следовательно, казанскую салонную культуру по формам проведения составляли – кружок, общество и салон. По направлению деятельности и тематике вечеров салонную культуру Казани следует отнести к смешанной, поскольку, кроме чтения литературы, вечера сопровождались театральными и музыкальными постановками, а также живо и с интересом проходило общение, посвященное науке и политике. Казанские салоны и кружки зачастую имели двух хозяев – это были друзья-литераторы или супруги. В столичных городах салонная культура была представлена, в первую очередь, аристократическим обществом, а провинциальную салонную культуру Казани составляло демократическое общество. В салонах и кружках Казани встречались люди разных чинов, сословий и профессий. Образованные в конце XVIII – первой половине XIX века казанские салоны и кружки действовали как центры просвещения, способствуя культурному развитию местного общества.

Литература

1. Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. – СПб.: Академ. проект, 2001. – 400 с.
2. Бродский Н. Л. Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века. – М.: Аграф, 2001. – 495 с.
3. Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам: в 2 ч. – Казань: Тип. Казан. ун-та, 1887. – Ч. 1. – X, 639 с.
4. Жиглий Ю. В. Казанское общество любителей отечественной словесности, 1806–1853: (из истории литературного краеведения): учеб.-метод. пособие для студентов-филологов. – Казань, 2012. – 82 с.

5. Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1845. – № 14.
6. Кондырев П. С. Историческое обозрение Казанского общества любителей отечественной словесности и о пользе оной // Торжество Казанского общества любителей отечественной словесности, 12 дек. 1814 года. – Казань, 1815. – 108 с. Отт. из: Труды Казан. о-ва любителей отеч. словесности. – 1815. – Кн. 1.
7. Палий Е. Н. Салон как феномен культуры России XIX века: традиции и современность: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. – М., 2008. – 313 с.
8. Тихонова М. С. Дом Фуксов – центр казанской интеллигенции: от литературных вечеров к губернскому салону // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 1. – С. 133–139.

References

1. Aronson M., Reyser S. Literaturnyye kruzhki i salony [Literary circles and salons]. St. Petersburg, Academic project, 2001. 400 p. (In Russ.).
2. Brodskiy N.L. Literaturnyye salony i kruzhki: Pervaya polovina XIX veka [Literary salons and circles: the first half of the XIX century]. Moscow, Agraf, 2001. 495 p. (In Russ.).
3. Bulich N.N. Iz pervykh let Kazanskogo universiteta (1805-1819): Rasskazy po arkhivnym dokumentam [From the first years of the Kazan University (1805-1819): Stories from archival documents]. Kazan, Printing house of the Kazan University, 1887, part 1. 639 p. (In Russ.).
4. Zhigliy Yu.V. Kazanskoye obshchestvo lyubiteley otechestvennoy slovesnosti [Society of Lovers of Russian Philology]. Kazan, 2012. 82 p. (In Russ.)
5. Kazanskiye gubernskiye vedomosti [Kazan province news], 1845, no. 14. (In Russ., unpublished).
6. Kondyrev P.S. Istoricheskoye obozreniye Kazanskogo obshchestva lyubiteley otechestvennoy slovesnosti i o pol'ze onoy [Historical review of the Kazan society of Lovers of Russian Philology and their usefulness]. *Torzhestvo Kazanskogo obshchestva lyubiteley otechestvennoy slovesnosti, 12 dek. 1814 goda. Kazan', 1815. 108 s. Ottisk iz: Trudy Kazanskogo obshchestva lyubiteley otechestvennoy slovesnosti. Kazan, 1815, Kn. 1 [The celebration of the Kazan society of lovers of Russian literature, December 12, 1814. Kazan, 1815. 108 p. Reprint from: Proceedings of the Kazan society of lovers of Russian literature]*, 1815, Book 1. (In Russ.).
7. Paliy E.N. Salon kak fenomen kul'tury Rossii XIX veka: traditsii i sovremennost'. Diss. dokt. kul'tur. nauk [The salon as a phenomenon of Russian culture of the XIX century: traditions and modernity. Dr. cult. sci. diss.]. Moscow, 2008. 313 p. (In Russ.).
8. Tikhonova M.S. Dom Fuksov – tsentr kazanskoy intelligentsii: ot literaturnykh vecherov k gubernskomu salonu [The house of the Fuchs – center of the Kazan intelligentsia: from literary evenings to provincial salon]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Vestnik of the Kazan' State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 1, pp. 133-139. (In Russ.).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
HISTORY OF ART

УДК 781.5

ФАКТУРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ НЕМЕЦКОЙ ТЕНОРОВОЙ ПЕСНИ XV–XVI ВЕКОВ

Кириченко Оксана Дмитриевна, аспирант, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки, заведующая концертной практикой, Новосибирский музыкальный колледж им. А. Ф. Мурова (г. Новосибирск, РФ). E-mail: oxi182@mail.ru

Цель статьи определена стремлением обозначить основные музыкально-стилистические параметры и установить критерии типологизации немецкой светской полифонической песни XV–XVI веков. Актуальность публикации обусловлена тем, что в музыковедческой литературе данная культура с точки зрения ее музыкально-стилистических параметров характеризуется как целостная, что оправдано при помещении немецкой песни в общий контекст европейской светской вокальной полифонии, однако не соответствует ее внутренней стилистической многоплановости. Принципиальное значение имеет также вопрос выраженной стилистической эволюции немецкого светского многоголосия, его исторический характер, однако, не являющийся абсолютным типологическим фактором. На материале собраний первой половины XVI века – песен крупнейшего мастера Людвига Зенфля, антологии Георга Форстера, иных более ранних и поздних собраний, отдельных образцов творчества немецких полифонистов XV–XVI столетий и в диалоге с классификационно-типологическими подходами Х. Хоффмана и Н. Симаковой осуществлена музыкально-стилистическая дифференциация монотекстовых песен на основе параметров функционирования тенора и техник письма. В результате обозначены три хронологически близких стилистических направления, репрезентирующих различные технологические решения в условиях единого стиля: раннеренессансная «классическая» теноровая песня; позднеренессансная «свободная» теноровая песня; «нетеноровая» хоральная песня.

Ключевые слова: теноровая песня, cantus firmus, контрафактура, Людвиг Зенфль, Георг Форстер, Ханс Лео Хасслер.

PATTERN AND TECHNOLOGICAL TYPES OF THE GERMAN TENOR SONG OF THE XV-XVI CENTURIES

Kirichenko Oksana Dmitrievna, Postgraduate, Novosibirsk State Glinka Conservatoire, Head of Concert Practice, A.F. Murov Novosibirsk Musical College (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oxi182@mail.ru

The purpose of the article is determined by the aspiration to notice the basic musical and stylistic characteristics and to define the criteria of the classification of the XV-XVI century German polyphonic song of high society. The urgency of the publishing is determined with the fact that such culture in the musicological literature is characterized as the integral one from the point of view of its musical and stylistic characteristics. And it is justified while putting the German song into the general context of the European vocal polyphony of high society, although it does not correspond to its inner stylistic counterpoint. Combining inside the different national and intonation traditions, the German tenor song is happened to be highly dissimilar, and it naturally stimulates to its musical and stylistic differentiation. Basically, the musicologists follow the leading techniques

of writing, enumerating and describing them sequentially, and they sometimes mention the individual peculiarities of work with a cantus firmus of some authors being interpreted like the stages of the process of the experience collection, and they refer to the samples of the creative work of the experts taking into account a significant time frame. The main significance also belongs to the issue of the marked stylistic evolution of the German polyphony of high society, its historical character, although not being an absolute typological factor. Within this work, we do not take polytextual songs regarding the pattern and technological types of the German songs on the basis of a single text. The musical and stylistic differentiation of monophony songs on the basis of the characteristics of the functioning of tenor and writing techniques is carried out taking into account the materials of the collections of the first half of the XVI century: songs of great master Ludwig Senfl, five-volume song collection by Georg Forster, other collections of early and late time periods, some samples of creative work of German polyphonists of the XV-XVI centuries and dialogue with classified and typological approaches of H. Hoffmann and N. Simakova.

As a result, there are three chronologically close stylistic directions representing the different technical decisions on the basis of of single style conditions: early Renaissance "classical" tenor song, late Renaissance "free" tenor song, "not tenor" choral song. These directions did not change each other sequentially, but they were developed and co-existed at the same time with the change of the stylistic accents at the separate stages.

Keywords: tenor song, cantus firmus, contra pattern, Ludwig Senfl, Georg Forster, Hans Leo Hassler.

Историю немецкой теноровой песни принято отсчитывать от трёхголосных композиций из Лохаймского песенника (1450–1454), с которого и «начинается расцвет многоголосного, преимущественно светского немецкого песенного искусства, базирующегося на обработке тенора и длящегося более ста лет» [7, с. 440]. К основополагающим техникам теноровой песни относятся письмо на cantus firmus, сквозное имитационное письмо и их соединение.

В немецком музыкознании наиболее проработанной является историко-стилистическая дифференциация многоголосных песен XVI века, предложенная Х. Хоффманом [8, с. 365]. Ученый выделяет в сохранившемся песенном фонде четыре стилистических этапа, связанных с деятельностью наиболее крупных авторов и веховыми нотированными памятниками. ***К первому этапу*** (ок. 1440–1480) относятся Лохаймский и Глогауэрский песенники, а также творчество Освальда фон Волькенштейна; способы обработки мелодии базируются на техниках раннего многоголосия: органум с комплементарной ритмикой, двухголосный контрапункт, гокетирование, а также различные техники письма на cantus firmus с имитациями в свободных голосах. Ко ***второму этапу*** (ок. 1450 – ок. 1540) принадлежит песенное наследие Генриха Финка, Томаса Штольцера и Пауля Хофхаймера; сюда относится и пятитомное собрание песен Георга Форстера (1539–1556). При удержании письма на cantus firmus, в это время вокальный тенор нередко звучит в окружении инструментальных голосов; Х. Хоффман отмечает особенное предпочтение на данном этапе остинатной техники. ***Третий этап*** (ок. 1480/1500–1550) составляет творчество Хенрика Изаака, Людвига Зенфля, Лоренца Лемлина. Для данного периода характерны светские контрафактуры протестантских песен (так называемых Luthers Hausmusik), которые отличает строго выдержанная техника тенорового cantus firmus'а со сквозным имитационным развитием, вариантной мотивной работой и влиянием тенорового напева на все голоса фактуры. Наконец, знаковые фигуры ***четвертого этапа*** (ок. 1530 – ок. 1630) – последнего поколения немецких ренессансных полифонистов – Каспар Отмайер, Леонард Лехнер, Иоганн Штаден. В их песнях намечается тенденция движения от теноровой фактуры к мадригальной свободной функциональности голосов и даже ранней гомофонии. Наряду с этим, сохраняется техника cantus firmus с парной группировкой голосов (тенор-бас, сопрано-альт) и каноническим соотношением микроансамблей, в чем Х. Хоффман усматривает реализацию принципа концертирования.

Мы полагаем, что позиция Х. Хоффмана не совсем логична и не вполне подтверждается материалом. Так, не совсем оправданной представляется дифференциация второго и третьего этапов, поскольку в обоих случаях речь идет практически об одном и том же временно́м отрезке; скорее, имеются в виду параллельно су-

ществующие тенденции. Наряду с мастерами ренессансной полифонии Изааком и Зенфлем, творившими одновременно, упоминается фигура дилетанта Лемлина. На втором этапе рассматриваемой периодизации немецкий музыковед выделяет в качестве показательной остинатную технику, приводя лишь один хрестоматийный образец – песню Матиаса Грайтера *Ich stund an einem Morgen*, в которой почти все голоса пронизаны повторяющимися мотивами. Вряд ли такие факторы, как вариабельность исполнительского состава (комбинации голосов и инструментов), а также частная тенденция перетекстовок протестантских песен, к тому же отмечаемые и в другие десятилетия, определяют и дифференцируют стилистику целых периодов. Вызывает вопрос отсутствие упоминания в ряду композиторов четвертого этапа ярчайшего представителя светской музыкальной культуры середины XVI – начала XVII веков Ханса Лео Хасслера. Подобный эволюционный подход представляется не совсем естественным, поскольку для всего периода расцвета многоголосной песни (до конца XVI века) была характерна высокая степень технологической стабильности.

Наиболее оправданной и целесообразной нам представляется опора на подход, определяемый классификацией песен по техникам письма, выработанной Н. Симаковой [2, с. 120]. Несмотря на некоторые спорные моменты, в соответствии с определенными принципиально различными технологическими решениями мы выделяем три стилистических направления в условиях единого стиля: раннеренессансная «классическая» теноровая песня; позднеренессансная «свободная» теноровая песня; «нетеноровая» хоральная песня. Хронологически эти направления близки; репрезентирующие их песни, как правило, сосуществовали в рамках одних и тех же песенных собраний. Данные основные стилистические тенденции могут интерпретироваться с точки зрения проявления в них ретроспективных и перспективных качеств, а именно, с одной стороны, связей со стилистикой бургундской и франко-фламандской полифонии XV века, с другой стороны, – отражения процесса перехода от «цитатного» письма к имитационному, основанному на свободном материале, и кантиленно-хоральному. В рамках данной работы мы не затрагиваем политекстовые песни (Doppellied, Farrago и Quodlibet), обращаясь к фактурно-технологическим типам песен на основе единого текста.

Раннеренессансная «классическая» теноровая песня. С точки зрения технологии это стилеобразующее направление ретроспективного характера, представляющее теноровую по типу фактуры и цитатную по типу материала, строго полифоническую песню и связанное с ведущей техникой письма на cantus firmus. Как правило, контрафактуры 4-голосны (лишь наиболее ранние анонимные образцы 2- и 3-голосны), с ясными константными функциями всех голосов, с доминированием в свободных голосах простого контрапункта или имитационного письма и неконтрастной полифонии, в типовых, чаще безрефренных формах (бар-форма, куплетно-строфическая форма).

К данной группе мы относим творчество Форстера и авторов-дилетантов из его собрания, а также Хофхаймера и Изаака. Однако подобные обработки появляются и позже. Так, несколько песен в стилистике «классической» теноровой песни встречаются в собраниях Зенфля и Хасслера. Количественно песни данного типа значительно превышают объем образцов иных стилистических направлений.

Обработки этой группы характеризуются исключительно разнообразным оформлением одноголосного источника. Часть песен являет собой образцы непрерывной имитационности, характерной для многоголосия XVI века, или строится по принципу свободного контрапунктирования голосов с первоисточником, который обычно помещается в партию тенора (в данном типе обработок – средний, иногда верхний голос). Цитата, как правило, излагается последовательно, фраза за фразой, с небольшими цезурами на гранях между разделами и фразами. Ритмически он иногда еще выделяется из общей фактуры бóльшей длительностью звуков (в основном обработки Хофхаймера, например, *Greiner zanner*, *Tröstlicher lieb*), но в большинстве случаев остается ритмически тождественным другим голосам и оказывается фактурно завуалированным.

Характерная для многоголосия XV века тенденция к функциональному сближению тенора с другими голосами получает претворение в более поздних песенных обработках, где зоны цезурирования увеличиваются, а фразы мелодии, цитируемой тенором, повторяются другими голосами.

В результате меняются функции голосов и происходит разрастание мелодии, охват ею всей фактуры, так как каждая ее фраза проводится как минимум дважды. В простейших случаях этот повтор подобен эффекту переклички и осуществляется таким образом, что голоса образующегося канона соприкасаются друг с другом лишь первым и последним звуками фразы (например, анонимная песня *Ach B., nit brich*, *Was nit soll sein* Руперта Унтерхольтцера, *Ach Maidlein rein* Вольфганга Грефингера). Нередко cantus firmus излагается в партии супериуса, либо тенор дублируется басом, что позволяет говорить о тенденции к постепенной «тематизации» всей ткани. Подобные образцы в бóльшей степени характерны для песен Зенфля, поэтому их допустимо рассматривать и как переходные явления, связующие данную группу со следующей.

Позднеренессансная «свободная» теноровая песня. Это перспективное стилистическое направление, определяемое основными тенденциями развития вокальной полифонии первой половины XVI века, в количественном отношении, однако, заметно уступающее первому. Подобное владение фактурой требует более высокого мастерства. Неслучайно большинство песен данной группы принадлежит лидеру немецкого музыкального Ренессанса Зенфлю; его работа с песенными первоисточниками отличается бóльшей, по сравнению с современниками, творческой свободой и многообразием подходов. В песнях Зенфля намечается тенденция к постепенному увеличению количества голосов – до пяти и шести. Некоторая раскрепощенность наблюдается и в области формообразования, в связи с чем значительно уменьшается количество образцов бар-формы, чаще встречаются элементы рефренности, как вербальной, так и музыкальной. Постепенно меняются функции голосов: *cantus firmus* излагается уже не только в теноре, но и в супериусе, нередко с дублировкой в басу, что ведет к «тематизации» всей ткани. Таким образом, тенор получает свободную мигрирующую и сегментную, рассредоточенную форму изложения (например, один из вариантов *Im meyen*). В единичных песнях Зенфля впервые в истории немецкой светской лирики голоса насыщаются звукоизобразительными элементами, что напрямую обусловлено воздействием модной идеи *imitatio* (подражания) [3] и детального претворения в музыке вербального текста (так, в 6-голосной *Das Gläut zu Speyer* каждый голос попеременно имитирует звучание колокольчиков «*gling glang*»). Несколько позднее ряд подобных образцов создаст Хасслер.

Творческая свобода и мастерство Зенфля проявляются также в его автоконтрафактурах – версиях одной песни, выполненных в различных техниках. Одним из ярких примеров является *Im meyen*, созданная в трех вариантах на основе крестьянской народной песни. В первом варианте (в современной нотации 63 такта) мелодический источник излагается рассредоточено по «эхо»-принципу, то в басовой партии, то в теноре, а в дальнейшем звучит канонически на фоне двух свободных голосов, интонационно и ритмически более активных и развитых. Второй вариант (28 тактов) решен в моноритмической аккордовой фактуре, в которой функция заимствованного тенора завуалирована в общей мелодической ткани. И, наконец, третий вариант (58 тактов) являет собой образец мастерского владения Зенфлем канонической техникой, в котором партии супериуса и тенора, вступающего последним, проводятся каноном в приму, с горизонтальными сдвигами шести отделов. Качественное усложнение фактуры многоголосных песен Зенфля, по нашему мнению, обусловлено жанровым универсализмом его творчества, огромным опытом работы в церковных жанрах, что не могло не отразиться на стилистике его светских песен.

Отражение нового этапа развития полифонических техник, отрабатывавшихся в области мотета, усматривается и в таких обработках одноголосного оригинала, где авторы, проявляя известную изобретательность, находят возможность горизонтальных сдвигов и наложений отрезков cantus firmus'a, в результате чего образуются строгие или свободные канонические проведения. Как правило, одним из голосов такого канона является тенор. И, несмотря на то, что тенор делит свои функции с другим голосом, он не утрачивает главенства, представляет высотный облик цитируемой мелодии, в то время как другой голос вносит ладовое обновление, варьирование (например, анонимные песни *Man sicht nun wohl, wie stet du bist*, *Freundlicher Gruß mit Puß*, *In Liebesbrunst trag ich groß Gunst*).

Внутри рассматриваемой группы песен обнаруживается еще одна показательная именно для полифонического письма поколения Жоскена

Депре стилистическая тенденция, реализующаяся в большом числе сочинений со сквозным имитационным письмом. В подобных песнях предельно усилено стремление к функциональному выравниванию голосов и их «тематическому» сближению, когда тенор в интонационно-ритмическом отношении почти не отличается от свободных голосов, нивелируются цезуры, что приводит к тотально имитационной фактуре. Однако эти обработки, несмотря на приоритет сквозного имитационного письма, созданы на cantus prius factus, который продолжает фигурировать как «тематический» и структурный ориентир. Помещаемый иногда по традиции в тенор, он, как правило, вступает последним или предпоследним, давая возможность всем остальным голосам изложить мелодический инципит первоисточника. Иногда он выделяется среди голосов более ровным, спокойным движением, но чаще ритмически идентичен им.

Внутри рассматриваемой группы наблюдается еще одна частная разновидность имитационной обработки первоисточника, в которой совмещаются техника cantus firmus с остинатностью, как, например, *Das Gläut zu Speyer* Зенфля: в каждом из четырех разделов группируются по два контрапунктирующих «тематически» идентичных голоса, которые ведут основную мелодию. Это, как правило, средние голоса; остальные же голоса, вступая поочередно, остинатно повторяют отдельные интонационные фигуры. В басу звучат восходящие и нисходящие квинтовые интонации, а свободные голоса с регулярной повторностью воспроизводят звучание колокольчиков с тенденцией к диминуированию. Таким образом, складывается тотально остинатная фактура, в которой, по сути, нивелирован тенор как основа всей композиции.

«Нетеноровая» хоральная песня. К этой группе относятся песни, которые, при несомненном наличии цитатного первоисточника, характеризуются моноритмическим изложением в технике простого контрапункта, интонационной неконтрастностью голосов в условиях 4-голосия, их низкой мелодической развитостью, естественным (в силу тесситурного положения) определением функции верхнего голоса как ведущего и явным преобладанием рефренных форм: «Так, например, из 43 духовных песен И. Вальтера (опубликованных в 1524 году) почти половина (18) имеет ясную, четкую аккордовую фактуру. Яркими образцами аккордовой Lied являются песни “Der heilig Herr Sankt Matheus” («Святой Матфей») Г. Форстера, где разрабатывается народная мелодия того же названия, или “Es warb ein schooner Jungling” («Сватался прекрасный юноша») неизвестного автора, положившего в основу обработки народную песню “Ach, Elslein, liebes Elselein”, текст которой вводится только со второго куплета, а также “Im meyen” Л. Зенфля, опирающаяся на мелодию крестьянской народной песни» [1, с. 115–116]. Ввиду особенностей описанного вида фактуры функция тенора как ее регулятора фактически никак не реализуется. Вследствие этого данная группа определяется нами как условно «нетеноровая», хотя номинально заимствованный напев положен в основу композиции. Этот тип фактуры чрезвычайно распространен в песнях бытового характера с привнесением явного танцевального начала.

Развитие в немецкой полифонической лирике данного направления связано преимущественно с деятельностью Хасслера, – выдающегося мастера, резко выделяющегося в контексте немецкой музыки XVI – начала XVII веков объемом и поисковым, новаторским характером светской музыки «итальянского» направления, выраженного в актуализации итальянских песенно-танцевальных жанров. Танцевальная природа песен диктует вполне моноритмическое изложение (контрапункт simplex), преобладание простых решений формы бар и рефренных структур, в том числе с характерным рефреном «*fa-la-la*» (например, *Tanzen und Springen*, *Unter all’n auf dieser Erden*, *All Lust und Freud* Хасслера).

Однако было бы ошибочным связывать рассматриваемую стилистическую тенденцию исключительно с инонациональным влиянием. Уже в середине XVI века в протестантской песенной культуре обнаруживается движение от имитационной фактуры на cantus firmus к хоральному письму. Эта тенденция оказалась исторически перспективной, что подтверждается доминированием подобного типа фактуры в протестантских песенных сборниках конца XVI века: «Именно этот тип песен, наиболее доступный восприятию, становится основополагающим, например, для протестантского хорала XVI века – для песни духовного содержания с немецким текстом, принадлежащим Мартину Лютеру либо его соратникам,

как правило, четырехголосного склада с мелодией в верхнем голосе (реже в теноре) с характерным повтором начального штоллена» [1, с. 117]. Подобный тип фактуры оказывался более приемлемым, доступным восприятию и исполнению общины, и, следовательно, основополагающим в практике обработок протестантских хоралов. Для светского песенного репертуара данный тип фактуры в целом не показателен, вероятно, в силу более высокого профессионализма авторов, творческой свободы и совмещения различных традиций: в жанре теноровой песни работали маститые музыканты, опиравшиеся на опыт сочинения технологически сложных месс, мотетов, шансон и мадригалов.

Несмотря на достаточно ясную дифференциацию, в соотношении вышеназванных направлений есть определенные хронологические закономерности. Так, авторы песен первой группы и Изаак работали преимущественно в конце XV – начале XVI веков, стилистика Зенфля наиболее показательна для первой половины XVI века, и, наконец, стилистика Хасслера и его единомышленников репрезентирует, скорее, вторую половину XVI века, а собрания их песен выходят из печати уже в начале следующего столетия. Однако эти направления не сменяли друг друга последовательно, как это может показаться на первый взгляд, а, напротив, развивались и сосуществовали одновременно с изменением стилистических акцентов на отдельных этапах. Так, например, первый том серии Форстера, датируемый 1539 годом, аккумулирует в себе образцы, созданные в наиболее консервативной стилистике, предположительно, в основном в 20–30-е годы XVI столетия. В него входят также несколько песен Зенфля, маркируя тем самым стилистическое движение полифонической немецкой песни в направлении имитационного мотета, наиболее полно представленное песнями Зенфля из издания Иоганна Отта (Нюрнберг, 1534). Однако существует несколько подобных «мотетно-имитационных» образцов, принадлежащих Хасслеру, – автору, в целом явно не тяготевшему к данному направлению. И, наконец, ярко выделяющаяся группа песен связана с «итальянской» стилистикой, признаками которой становятся характерная танцевальная ритмика, простая аккордовая фактура и жанровые обозначения. Однако отдельные образцы танцевальных песен в контрапункте simplex появляются и ранее, в XV веке (некоторые включены в собрание Форстера). Конечно, такие контрафактуры единичны и в целом не показательны для раннего этапа; их появление объясняется ориентацией на «фольклорную» фактурную прозрачность.

Таким образом, многоголосная песня в Германии в XVI столетии явно движется в сторону технологического упрощения – от письма на cantus firmus через имитационную полифонию с завуалированным первоисточником к моноритмической хоральной фактуре.

Литература

1. Евдокимова Ю., Симакова Н. Музыка эпохи Возрождения: Cantus prius factus и работа с ним. – М.: Музыка, 1982. – 252 с.
2. Симакова Н.А. Вокальные жанры эпохи Возрождения. – М.: Музыка, 1985. – 360 с.
3. Brown H.M. Emulation, Competition, and Homage: Imitation and Theories of Imitation in the Renaissance // Journal of the American Musicological Society. – 1982. – Vol. XXXV, № 1. – P. 1–48.
4. Das Erbe Deutscher Musik. – Berlin, 1938. – Bd. 10: Ludwig Senfl. Deutsche Lieder. I. Teil: Lieder aus handschriftlicher Quellen bis etwa 1533. – 144 p.
5. Das Erbe Deutscher Musik. – Berlin, 1940. – Bd. 15: Ludwig Senfl. Deutsche Lieder. II. Teil: Lieder aus Hans Otts erstem Liederbuch von 1534. – 168 p.
6. Das Erbe Deutscher Musik. – Berlin, 1942. – Bd. 20: G. Forster. Friesche teutsche Liedlein: 1539-1556. Ein Außzug guter alter und neuer teutscher Liedlein: 1539. – 213 p.
7. Gudewill K. Deutsche Volkslieder in mehrstimmigen Kompositionen aus der Zeit von ca. 1450 bis ca. 1630 // Handbuch des Volksliedes. – München, 1975. – Bd. II: Historisches und systematisches-interethnische Beziehungen – Musikethnologie. – P. 440.
8. Hoffmann H. Das polyphone deutsche Lied des 15/16 Jahrhunderts // Melos: Zeitschrift für Musik, 1929. – Heft 8/9, August / September. – P. 362–369.
9. Moser H.I. Das deutsche Chorlied zwischen Senfl und Haßler. Als Beispiel eines Stilwandels // Jahrbuch der Musikbibliothek Peters. – Leipzig, 1929. – P. 43–58.

References

1. Evdokimova Yu., Simakova N. Muzyka epokhi Vozrozhdeniya: Cantus prius factus i rabota s nim [Music of the Renaissance Epoch: Cantus prius factus and work with it]. Moskow, Muzyka Publ., 1982. 252 p. (In Russ.).
2. Simakova N.A. Vokal'nyye zhanry epokhi Vozrozhdeniya [Vocal genres of the Renaissance Epoch]. Moskow, Muzyka Publ., 1985. 360 p. (In Russ.).
3. Brown H.M. Emulation, Competition, and Homage: Imitation and Theories of Imitation in the Renaissance. *Journal of the American Musicological Society*, 1982, vol. XXXV, no. 1, pp. 1-48.
4. Das Erbe Deutscher Musik. Bd. 10. Ludwig Senfl. Deutsche Lieder. I. Teil: Lieder aus handschriftlicher Quellen bis etwa 1533. Berlin, 1938. 144 p.
5. Das Erbe Deutscher Musik. Bd. 15. Ludwig Senfl. Deutsche Lieder. II. Teil: Lieder aus Hans Otts erstem Liederbuch von 1534. Berlin, 1940. 168 p.
6. Das Erbe Deutscher Musik. Bd. 20. G. Forster. Friesche teutsche Liedlein: 1539-1556. Ein Außzug guter alter und neuer teutscher Liedlein: 1539. Berlin, 1942. 213 p.
7. Gudewill K. Deutsche Volkslieder in mehrstimmigen Kompositionen aus der Zeit von ca. 1450 bis ca. 1630. *Handbuch des Volksliedes. Bd. II. Historisches und systematisches-interethnische Beziehungen – Musikethnologie.* München, 1975, p. 440.
8. Hoffmann H. Das polyphone deutsche Lied des 15/16 Jahrhunderts. *Melos: Zeitschrift für Musik*, 1929, Heft 8/9, August / September, pp. 362-369.
9. Moser H.I. Das deutsche Chorlied zwischen Senfl und Haßler. Als Beispiel eines Stilwandels. *Jahrbuch der Musikbibliothek Peters*. Leipzig, 1929, pp. 43-58.

УДК 781.7 (512.151)

ОСОБЕННОСТИ СТИХОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЧАЛКАНСКОГО ШАМАНСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ОБРЯДА ЛОВЛИ ДУШИ)

Горбачева Юлия Сергеевна, аспирант, кафедра этномузыкознания, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ). E-mail: yulia_popova@mail.ru

Музыка шаманского обряда в целом и чалканского шаманского обряда в частности до сих пор остается недостаточно изученной, что определяет актуальность предпринятого автором статьи исследования архитектонических особенностей уникального образца чалканского шаманского текста, относящегося к семейно-родовой традиции Барбачаковых.

В центре внимания находится стиховая организация музыкального компонента текста обряда. Основываясь на данных выполненной им полной нотной расшифровки шаманского камлания, автор разделяет его на строки, определяет и группирует их основные типы, выделяет формирующие композицию ритмико-мелодические формулы, описывая их особенности в сравнении с музыкальным текстом обряда, записанного от другой носительницы той же семейно-родовой традиции.

В ходе анализа выявляются основные закономерности композиционного уровня, такие как блочный тип строения текста, взаимодействие в нем формульных и полиморфных эпизодов, устойчивая оппозиция формульного и неформульного принципов организации, а также общий процесс динамизации композиционной структуры. Кроме того, рассматриваемый текст исследуется в контексте семейно-родовой традиции, что позволяет определить ряд релевантных для нее признаков и индивидуальные черты, возникшие под влиянием личности шамана, а также его пребывания в измененном состоянии сознания.

Ключевые слова: шаманский текст, измененное состояние сознания шамана, композиция, стиховая организация.

THE MAIN FEATURES OF THE CHALKAN SHAMANIC TEXT (ON THE EXAMPLE OF THE SHAMAN RITUAL OF CATCHING THE SOUL)

Gorbacheva Yuliya Sergeevna, Postgraduate, Department of Ethnomusicology, Novosibirsk State Glinka Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: yulia_popova@mail.ru

The subject of research undertaken in this article is a unique example of Chalkan shamanic text, belonged to the Barbachakov family tradition. It was recorded by a Novosibirsk musicologist in 1992.

The main focus is made on the compositional organization of a musical component of the shamanic text. On the basis of information of the full musical notation of a shaman ritual, made by the author, the text was divided on lines. Some principles, which allow to produce such a study, were found out. The breathing parameter is the most interesting among them. Also the main types of lines in the musical text of a ritual are defined: the text, whoop and hybrid lines in it. Both of the components – text and whoop – can be found there.

Melodic and rhythmic analysis of the musical text of a ritual allowed to distinguish three rhythmic and melodic formulas, making the whole composition. The specific location of that formulas in the text forms of various types of episodes. It could be divided by definable (based on some of the rhythmic and melodic formula) and polymorphic (based on free rotation of whoop lines) episodes. There are three main type of definable episodes such as a rhythmic and melodic formula. The most stable of them is the first rhythmic and melodic formula. The rotation of definable and polymorphic episodes is the composite base of the ritual.

The analysis identifies the main patterns of the composite level, such as block structure of the text, opposition of formular and not-formular principles of the organization, as well as the process of dynamization of the compositional structure. In addition, the text under consideration is investigated in the context of family tradition, which allows to define a number of relevant features as well as individual traits, that have arisen under the influence of the personality of the shaman and altered state of consciousness.

Keywords: shamanic text, altered state of consciousness of the shaman, composition, poetic organization.

На данный момент существует довольно большое количество публикаций, посвященных различным особенностям текста шаманского обряда [14]. Исследователи рассматривают вопросы музыкально-этнографической составляющей камланий [3], изучают поэтику шаманских текстов [2]. В то же время обряд, как комплексный феномен, основанный на единстве вербального и музыкального текста, несмотря на интерес ряда ученых [15; 8; 9], остается относительно малоизученным. Это связано, в том числе, и с трудностями фиксации подлинных образцов шаманской музыки.

Новосибирским музыковедам удалось записать несколько обрядовых текстов от представителей одного и того же шаманского рода чалканцев[1]. Камлание, записанное от А. К. Кандараковой – старшей из сестер, принадлежащих к ныне исчезнувшему сеоку (роду) Серт, – было подробно описано в ряде работ Г. Б. Сыченко [11; 12]. В данной статье будет рассмотрен текст обряда ловли души, который был записан от младшей сестры – А. К. Абашевой[2]. Вслед за Г. Б. Сыченко мы понимаем шаманское камлание как «особый жанр сложной структуры, включающий в свой состав другие, более простые жанры, образующие различные композиционные типы обрядовых текстов» [7].

Поводом для проведения рассматриваемого нами камлания стало обращение А. О. Сарбадаковой, соседки А. К. Абашевой, с просьбой провести шаманский обряд для ее сына [10]. Проведенный обряд включал в себя сеанс гадания с целью выяснения причины болезни и установления местонахождения *јула* ‘души-двойника [человека]’, а также шаманское путешествие, во время которого осуществлялось непосредственно само лечение – ловля душ пациента и заказчицы камлания.

[1] Чалканцы – малочисленный народ, проживающий на севере Горного Алтая. В настоящее время они занимают территорию Лебединского локального культурного комплекса [1], ограниченного бассейном реки Лебедь.

[2] Камлание было записано Г. Б. Сыченко в 1992 году.

Нами была осуществлена нотная расшифровка музыкального текста обряда, которая позволила сделать ряд важных выводов о его структуре и принципах организации. Одним из необходимых аспектов изучения данного обряда нам представляется рассмотрение его стиховой структуры, которая является основой музыкально-поэтического текста как комплексного феномена.

В рассматриваемом камлании, как и в других текстах, относящихся к обрядовой сфере, основной структурной единицей можно считать строку. Однако вследствие сложного строения шаманского текста само деление его на строки иногда довольно затруднительно и потребовало от нас выработки специальных критериев.

Нужно отметить, что строки в камлании А. К. Абашевой выделялись с опорой на те же самые принципы, которые применялись при сегментации текста в исполнении ее старшей сестры [12]. Но в случае с камланием младшей сестры критерии стали еще более жесткими, поскольку состояние транса, значительно затрудняющее расшифровку текста, здесь было более интенсивным. Так, в определении строчной структуры мы руководствовались несколькими постоянными параметрами, главным из которых стал **дыхательный**. Вдохи, сопровождающие исполнение музыкального текста, четко оформлены ритмически (восьмая длительность) и встроенны во временну́ю структуру строки.

Вторым постоянным параметром, отделяющим строки друг от друга, была ритмическая и мелодическая **повторность материала** на отдельных участках текста. Этот параметр действует только на тех участках текста, которые объединяются ритмико-мелодической формулой, но мелодическая повторность материала в сочетании с другими параметрами позволяет проверить правомерность построчного деления текста.

Еще одним параметром, позволяющим отделить строки текста друг от друга, стала **смена типа интонирования**[3] шамана. Этот параметр дополняет предыдущий, так как он действует в противоположных ситуациях – на границах участков текста с различным интонационным содержанием. Сопоставляя данный параметр с дыхательным, мы также получили возможность подтвердить правильность деления камлания на строки.

На основе вышеописанных параметров нами было выделено 802 строки различных типов в первой части обряда и 1017 – во второй. Построчная структура обряда, в свою очередь, дала возможность рассмотреть целый ряд существенных особенностей строения шаманского текста.

Каждая из выделенных строк анализировалась отдельно с разных ракурсов. Вначале определялся **тип строки**. С этой точки зрения все строки были разделены на **текстовые** и **возгласные**. Как показало сравнение текстов обрядов, записанных от старшей и младшей сестер, чередование таких типов строк является основой построения ткани камлания.

К текстовым мы отнесли все строки обряда, которые основаны на знаменательном вербальном тексте и передают конкретное содержание обряда. Например, к текстовым относятся строки, где перечисляются духи-помощники шаманки, указываются их действия. Так, в первой части обряда это строка № 11 с текстом «*Кан Катабал*», означающим призывание одного из шаманских предков А. К. Абашевой[4]. К текстовым строкам относится и магическая формула *Шайык иртема! (звучит в строках № 45, 76, 155 и других в первой части обряда, в строках № 33, 51, 59, 112 и других – во второй части обряда)*, буквально переводящаяся ‘*Шайык* делаю!’[5].

В число возгласных вошли строки, не содержащие знаменательного вербального текста. Например, строки, основанные на сверхдолгих звуках на тот или иной возглас («*Ху-у-у!*», «*Чи-и-и*!» и мн. др.), строки с ритмизованными звуками («*Кху-кху*», «*Бху-бху*», «*Буб-кху*» и др.). Сюда же мы отнесли ономатопеи, или звукоподражания (например, «*ма-ма-ма*» в первой части обряда и «*кар-кар-кар*» во второй части обряда) и т. д., поскольку их внешний облик весьма схож и они объединяются сигнальным типом интонирования[6].

[3] Понятие типа интонирования имеет разные прочтения [5; 6]. В данной статье мы опираемся на трактовку этого термина В. В. Мазепусом [4].

[4] Строки с точно таким же содержанием имеются и в камлании А. К. Кандараковой.

[5] Данная магическая формула встречается и в камлании старшей сестры.

[6] Подобные по вербальному тексту возгласные строки встречаются и в камлании А. К. Кандараковой.

Кроме того, в обряде А. К. Абашевой, как и в обряде А. К. Кандараковой, встречаются строки смешанного типа, объединяющие возгласы и текстовые фрагменты. Такие образования можно, в свою очередь, разделить на два типа. К первому мы отнесли строки, где вербальный текст прерывается и завершается возгласной структурой (обозначим их ТВ). Ко второму же типу относятся строки, которые начинаются с одного или нескольких возгласов, а продолжаются текстом (ВТ).

Строки смешанного типа составляют небольшой процент от общего количества строк в первой части обряда и появляются, главным образом, в ее среднем разделе, где измененное состояние сознания наиболее интенсивно. Здесь можно увидеть довольно ощутимое различие между камланиями старшей и младшей сестер. В тексте обряда, записанного от А. К. Абашевой, представлено большее разнообразие типов строк. Так, строки типа ТВ в камлании А. К. Кандараковой представлены не были. В то же время строки, обозначаемые как ВТ, в тексте старшей сестры являются вторыми по значимости, тогда как у А. К. Абашевой они представляют собой вариант строк, возникающих в разделах, где трансовое состояние проявляется наиболее интенсивно.

Во второй части обряда количество строк смешанного типа значительно больше, встречаются они почти с одинаковой частотой во всех разделах, а сами строки отличаются разнообразием. Наиболее интересными нам кажутся появляющиеся во второй части текста обряда строки смешанного типа, где возгласы различного плана сочетаются с лейтмотивами, что является исключением из общего для всего обряда принципа использования последних, поскольку **лейтмотивы** камлания ввиду своей семантической и ритуальной значимости, стоят особняком[7] – в отличие от других формульных строк, они несут особую семантическую нагрузку, связаны с одной и той же вербальной формулой и, кроме того, не встречаются более двух раз подряд.

После определения типа строки нами был произведен анализ **структуры строк**. Так, строки рассматривались с точки зрения количества слогов. Наибольший интерес в этом плане представляют строки, относящиеся ко второй мелодической формуле. Они являются семисложниками цезурированной структуры 4+3. Первые четыре слога, в свою очередь, можно разбить на 2+2 (см. рис. 1).

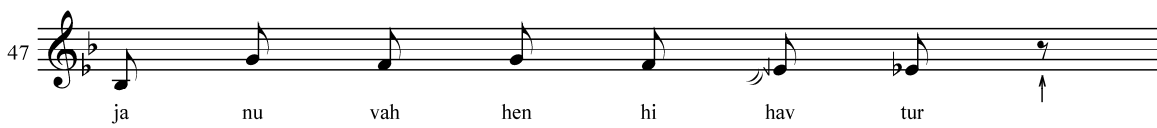


Рисунок 1

Это объединяет рассматриваемый нами обряд, записанный от А. К. Абашевой, с обрядом, записанным от ее старшей сестры. Подобные строки преобладают в тексте камлания А. К. Кандараковой, представляя четверть всего строкового состава. В камлании А. К. Абашевой семисложных строк, относящихся ко второй устойчивой мелодической формуле, относительно немного. В то же время имеется значительное количество их вариантных изменений, а также строк возгласного типа, повторяющих данную слоговую структуру.

Еще один устойчивый тип слоговой структуры строки, часто встречающийся в тексте обряда, относится к эпизодам, объединенным первой ритмико-мелодической формулой, и представляет собой строки, состоящие из четырех слогов (см. рис. 2).

[7] Выделение лейтмотива в отдельный тип строки и его определение было дано в работах Г. Б. Сыченко [11].

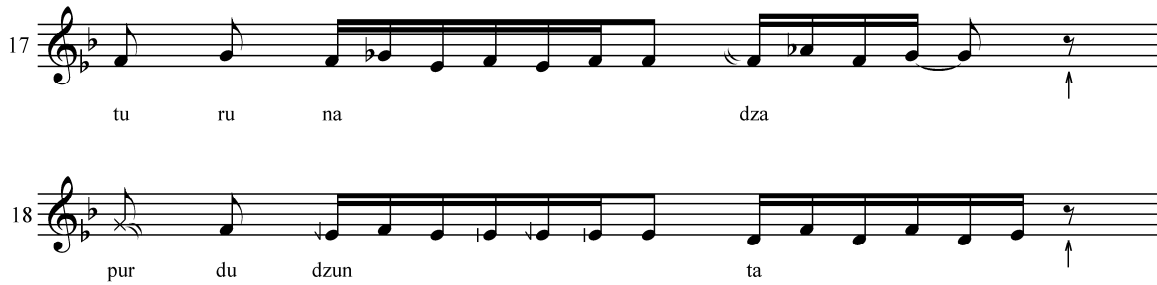


Рисунок 2

Похожие образования встречаются и в обряде А. К. Кандараковой, но между четырехсложными строками камланий старшей и младшей сестер есть и существенная разница: в камлании А. К. Кандараковой четырехсложные строки сочетаются с возгласом, который предваряет строку, в камлании А. К. Абашевой нет ни одного варианта четырехсложной строки, которая бы предварялась возгласом.

В музыкальном тексте обряда встречается также еще одна ритмико-мелодическая формула, для которой характерны строки текстового типа. Здесь формульность реализуется особым образом. В отличие от первой и второй ритмико-мелодических формул инвариант третьей состоит в наличии устойчивого ритмического ядра – четверть и восьмая и общем нисходящем мелодическом контуре формулы-строки (см. рис. 3).

Таким образом, каждая строка рассматриваемого обряда ловли души была проанализирована с нескольких точек зрения, что позволило определить ее тип и основные особенности. Далее на основе анализа строчной структуры музыкально текста обряда выделен ряд эпизодов, которые составлены группами схожих по организации строк.

Итак, в рассматриваемом нами камлании А. К. Абашеевой эпизоды, составленные четырехсложными текстовыми строками и их расширенными и редуцированными вариантами, мы обозначили как **формульные эпизоды первого типа**. Эпизоды, сформированные семисложными строками, мы назвали **формульными эпизодами второго типа**. Эпизоды, где преобладает третья ритмико-мелодическая формула были, соответственно, обозначены нами как **формульные эпизоды третьего типа**.

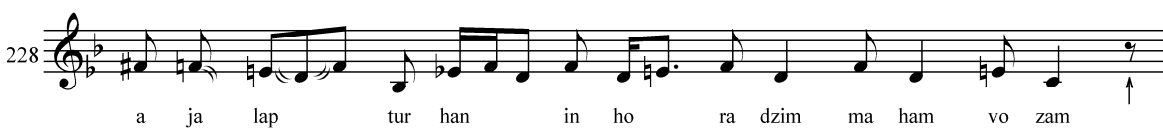


Рисунок 3

Эпизоды, в которых сочетаются неформульные текстовые и возгласные строки, вслед за Г. Б. Сыченко, были определены нами как **полиморфные** [12]. Именно таким типом эпизодов и открываются обе части обряда. Полиморфные эпизоды здесь основаны на свободном чередовании строк возгласного типа (наиболее часто встречаются характерный шаманский кашель, а также звукоподражания и сверхдолгие звуки) и текстовых строк (чаще всего представляющих собой неразборчивую скороговорку).

Усиление трансового состояния шаманки отражается на музыкальном компоненте обряда, что выражается, в том числе, в увеличении ко-

личества и объема полиморфных эпизодов. Постепенно в структуру полиморфных эпизодов начинают включаться оба лейтмотива, а затем и отдельные строки, репрезентирующие ту или иную из трех устойчивых формул.

По количеству и объему полиморфным эпизодам противопоставлены **формульные эпизоды первого типа**. Они образованы строками, объединенными первой ритмико-мелодической формулой, и их важным маркером является вокально-сигнальный тип интонирования.

Формульные эпизоды первого типа являются наиболее устойчивыми в обеих частях обряда, что выражается в их строфической структуре и значительном (по сравнению с формульными эпизодами других типов) объеме. Кроме того, такие эпизоды отличаются сравнительно небольшим количеством включенных сигнальных строк. Нужно отметить, что во второй части обряда под влиянием фабулы шаманского путешествия и более интенсивного измененного состояния сознания, формульные эпизоды первого типа становятся менее стабильными, чем в первой части, а количество включенных сигнальных строк возрастает.

Формульные эпизоды второго типа, основанные на второй ритмико-мелодической формуле, до середины первой части не превышают в объеме трех-четырех строк. Во второй половине первой части и во второй части подобные эпизоды достигают 20 строк, однако количество включенных в них строк разных типов также увеличивается.

Строка, репрезентирующая третью ритмико-мелодическую формулу, впервые появляется только в конце первой трети текста первой части обряда. Таким образом, **формульные эпизоды третьего типа**, как и второй лейтмотив, в камлании появляются, когда измененное состояние сознания шаманки входит в наиболее интенсивную фазу.

Соответственно, гораздо большую роль в количественном и функциональном отношении формульные эпизоды третьего типа играют в музыкальном тексте второй части обряда. При этом число рассматриваемых эпизодов во второй части значительно увеличивается.

Формульным эпизодам третьего типа присуща наименьшая регламентированность: они содержат наибольшее количество вставных возгласных строк, внутри них встречаются построения из трех-четырех возгласных строк, тем не менее они подчиняются общей логике эпизода.

Важно отметить, что во второй части обряда формируется особая формульность нового типа, основанная на строках-ономатопеях (звукоподражаниях). Довольно продолжительные эпизоды (в среднем включают девять ономатопей), состоящие из подобных строк, можно назвать **формульными эпизодами сигнального типа**. Рассматриваемые эпизоды появляются только во второй части обряда, начиная со среднего раздела. Главным образом, они построены на чередовании звукоподражательных строк[8] и коротких текстовых строк, исполняемых речевым типом интонирования, представляющих собой небольшие (четырех – шестисложные) построения.

Эпизоды подобного типа представляются нам чрезвычайно важным явлением, знаменующим выход сигнального типа интонирования на новый функциональный уровень. До появления таких эпизодов в музыкальном тексте обряда мы могли отмечать повышение значения сигнальности, но с объединением их в эпизоды с особым типом формульности можно говорить о возрастании системной значимости сигнальности в структуре музыкального текста обряда.

Итак, тип композиции рассматриваемого нами шаманского обряда, где чередуются небольшие эпизоды разного типа, можно определить как **блочный**. Подобный тип композиции, хотя и несколько иного вида, характерен и для шаманского текста А. К. Кандараковой.

Нами были выявлены и некоторые закономерности в расположении и взаимодействии эпизодов различных типов. Во-первых, структура музыкального текста обряда основана на чередовании формульных и полиморфных эпизодов, причем полиморфным участкам текста, главным

[8] Во второй части обряда шаманка использует два звукоподражания. Одно из них, основное на повторении слога «*ма-ма-ма*», появилось в первой части обряда, второе – звукоподражание голосу стосуставного гуся, основанное на повторении слога «*кар-кар-кар*», – является маркером второй части обряда и связано с совершением шаманского путешествия.

образом, противопоставляются участки текста, репрезентирующие первую ритмико-мелодическую формулу в первой части обряда, а также первую и вторую ритмико-мелодическую формулы – во второй части. Формульные эпизоды (кроме одного случая) не располагаются непосредственно друг за другом – их разделяют небольшие полиморфные эпизоды или отдельные возгласные строки (лейтмотивы, звукоподражания, кашель и т. д.). Таким образом, на протяжении всего текста обряда сохраняется оппозиция формульного и неформульного.

Во-вторых, организация текста обряда эволюционирует от начала к концу. Так, в первой трети первой части обряда формульные эпизоды четко отграничены друг от друга полиморфными, включают в себя только вставные возгласные строки. Ближе к середине текста отдельные строки, репрезентирующие вторую и третью ритмико-мелодические формулы, начинают вторгаться в полиморфные эпизоды.

На завершающей стадии камлания отдельные формульные строки проникают не только в полиморфные эпизоды, но и в формульные эпизоды всех типов, и, что особенно важно, внедряются внутрь самого устойчивого формульного эпизода первого типа. Противопоставление формульности и неформульности, таким образом, сводится к контрасту полиморфных эпизодов и формульных эпизодов первого типа. Во второй части обряда наблюдается обратная последовательность в соотношении формульного и неформульного принципов.

На наш взгляд, подобная организация текста отнюдь не случайна. Она подчиняется постепенно усиливающимся процессам взаимопроникновения эпизодов разного типа, внедрения неустойчивых элементов текста в стабильные его участки и т. д. Этот динамический процесс, в свою очередь, обусловлен непосредственным влиянием смены фаз измененного состояния сознания шаманки и степенью ее погруженности в состояние транса.

Литература

1. Бельгибаев Е. А. Челканцы: ландшафт и культура // Языки коренных народов Сибири. Чалканский сборник. – Новосибирск, 2004. – Вып. 15. – С. 102–126.
2. Дампилова Л. С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Вост. лит., 2012. – 263 с.
3. Добжанская О. Э. Песня Хотарэ: Шаманский обряд нганасан: Опыт этномузыковедческого исследования. – СПб.: Дрофа, 2002. – 224 с.
4. Мазепус В. В. Артикуляционная классификация тембров и принципы нотации тембров музыкального фольклора // Фольклор: Комплексная текстология / отв. ред. В. М. Гацак. – М.: Наследие, 1998. – С. 24–51.
5. Народное музыкальное творчество: учебник / отв. ред. О. А. Пашина. – СПб., 2005. – 568 с.
6. Ручьевская Е. А. Функции музыкальной темы. – Л., 1977. – 159 с.
7. Сыченко Г. Б. К проблеме жанровой типологии шаманского фольклора // Сибирское музыкознание: актуальные аспекты исследования / отв. ред. Б. А. Шиндин. – Томск: Том. гос. ун-т, 2006. – С. 6–23. – Вест. Том. гос. ун-та. Бюл. оперативной науч. информации, 2006, № 100, декабрь.
8. Сыченко Г. Б. Музыкальная структура кумандинского шаманского обряда // Традиционный фольклор в полиэтничских странах: мат-лы II Междунар. науч. симп. «Байкальские встречи». – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1998. – С. 175–178.
9. Сыченко Г. Б. Музыкально-поэтические традиции шорского фольклора // Фольклор шорцев: В записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 годов / сост. Л. Н. Арбачакова. – Новосибирск, 2010. – С. 41–68.
10. Сыченко Г. Б. Полевой дневник 1992 года // Архив Г. Б. Сыченко, ПД6.
11. Сыченко Г. Б. Поэтика и структура чалканского шаманского текста // Языки коренных народов Сибири. Чалканский сборник. – Новосибирск, 2004. – Вып. 15. – С. 73–101.
12. Сыченко Г. Б. Стиховая структура чалканского шаманского текста // Языки коренных народов Сибири. Чалканский сборник. – Новосибирск, 2005. – Вып. 17. – С. 119–127.
13. Сыченко Г. Б., Леонова Н. В., Юша Ж. М. Принципы многоуровневого описания локальных песенных традиций // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 30. – С. 161–168.
14. Сыченко Г. Б. Шаманский музыкально-поэтический текст: к определению понятия и сущности // Вестн. Адыг. гос. ун-та: Серия «Филология и искусствоведение». – 2015. – Вып. 3 (164). – С. 157–161.

15. Niemi J. A Musical Analysis of Selkup Shamanic Songs // Shaman: Journal of the International Society for Shamanistic Research / Ed. by Mihály Hoppál and Ádam Molnár. – Budapest: Molnar & Kelemen Oriental Publishers, 2001. – Vol. 9, № 2. – P. 153–167.

References

1. Bel'gibayev Ye.A. Chelkantsy: landshaft i kul'tura [Chelkans: landscape and culture]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri. Chalkanskiy sbornik [Indigenous languages of Siberia. Chalkan collection]*. Novosibirsk, 2004, vol. 15, iss. 15, pp. 102-126. (In Russ.).
2. Dampilova L.S. Shamanskiye pesnopeniya buryat: simvolika i poetika. 2-e izd., isp. i dop. [Buryat shamans chants: symbolism and poetics. The 2nd edition revised and updated]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2012. 263 p. (In Russ.).
3. Dobzhanskaya O.E. Pesnya Khotare: Shamanskiy obryad nganasan: Opyt etnomuzykovedcheskogo issledovaniya [Song of Hotare: Shamanic ritual of Nganasans: Experience of etnomusicology research]. St. Petersburg, Drofa Publ., 2002. 224 p. (In Russ.).
4. Mazepus V.V. Artikulyatsionnaya klassifikatsiya tembrov i printsipy notatsii tembrov muzykal'nogo fol'klora [Articulating classification of timbre and principles of folk music notation]. *Fol'klor: Kompleksnaya tekstologiya [Folklore: Complex Textology]*. Ed. by V.M. Gatsak. Moscow, Naslediye Publ., 1998, pp. 24-51. (In Russ.).
5. Narodnoye muzykalnoye tvorchestvo. Uchebnik [Folk music: Textbook]. Ed. by O.A. Pashina. St. Petersburg, 2005. 568 p. (In Russ.).
6. Ruchevskaya Ye.A. Funktsii muzykal'noy temy [Functions of a musical theme]. Leningrad, 1977. 159 p. (In Russ.).
7. Sychenko G.B. K probleme zhanrovoy tipologii shamanskogo fol'klora [On the problem of a genre typology of a shamanic folklore]. *Sibirskoye muzykoznaniye: aktual'nye aspekty issledovaniya. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Byulleten' operativnoy nauchnoy informatsii [Siberian musicology: actual aspects of a research. Bulletin of Tomsk State University. Operational Bulletin of scientific information]*. Ed. by B.A. Shindin. Tomsk, 2006, no. 100, pp. 6-23. (In Russ.).
8. Sychenko G.B. Muzykal'naya struktura kumandinskogo shamanskogo obryada [Musical structure of the Kumandin shamanic ritual]. *Traditsionnyy fol'klor v polietnichskikh stranakh. Materialy II Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma "Baykal'skiye vstrechi" [Traditional folklore in the polyetnic countries. Proceedings of the Second International Scientific Symposium "Baikal meetings"]*. Ulan-Ude, VSGAKI Publ., 1998, pp. 175-178. (In Russ.).
9. Sychenko G.B. Muzykal'no-poeticheskiye traditsii shorskogo fol'klora [Music and poetical traditions of the Shor folklore]. *Fol'klor shortsev: V zapisyakh 1911, 1925-30, 1959-60, 1974, 1990-2007 godov [Folklore of the Shors: The records of 1911, 1925-30, 1959-60, 1974, 1990-2007]*. Comp. by L.N. Arbachakova. Novosibirsk, 2010, pp. 41-68. (In Russ.).
10. Sychenko G.B. Polevoy dnevnik 1992 goda [The field diary of the 1992]. *Arkhiv G.B. Sychenko [G.B. Sychenko's archive]*, PD6. (In Russ.).
11. Sychenko G.B. Poetika i struktura chalkanskogo shamanskogo teksta [Poetics and structure of the Chalkan shamanic text]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri Chalkanskiy sbornik [Indigenous languages of Siberia. Chalkan collection]*. Novosibirsk, 2004, iss. 15, pp. 73-101. (In Russ.).
12. Sychenko G.B. Stikhovaya struktura chalkanskogo shamanskogo teksta [Poetic structure of the Chalkan shamanic text]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri. Chalkanskiy sbornik [Indigenous languages of Siberia. Chalkan collection]*. Novosibirsk, 2005, iss. 17, pp. 119-127. (In Russ.).
13. Sychenko G.B., Leonova N.V., Yusha Zh.M. Printsipy mnogourovnevogo opisaniya lokal'nykh pesennykh traditsiy [Principles of a Multilevel Description of Local Song Traditions]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 30, pp. 161-168. (In Russ.).
14. Sychenko G.B. Shamanskiy muzykal'no-poeticheskiy tekst: k opredeleniyu ponyatiya i sushchnosti [Shamanic musical-poetic text: on definition and the essence]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya "Filologiya i iskusstvovedeniye" [Bulletin of the Adygei State University: Series "Philology and Arts"]*, 2015, iss. 3 (164), pp. 157-161. (In Russ.).
15. Niemi J.A Musical Analysis of Selkup Shamanic Songs. *Shaman: Journal of the International Society for Shamanistic Research*. Ed. by Mihály Hoppál and Ádam Molnár. Budapest, Molnar & Kelemen Oriental Publishers, 2001, vol. 9, no. 2, pp. 153-167. (In Eng.).

УДК 78.072

КОМПОЗИТОР В ПРОСТРАНСТВЕ АВТОКОММУНИКАЦИИИ

Чепеленко Ксения Олеговна, кандидат социологических наук, ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского (г. Саратов, РФ). E-mail: kseniya_ch@list.ru

Музыкальная коммуникативистика – одно из специфических направлений теории коммуникации, которое может исследоваться как с точки зрения культурологии, социологии коммуникации, так и с позиций музыковедческой науки. Основной фигурой автокоммуникативного дискурса выступает, в нашем случае, композитор. Ареной автокоммуникации становится, образно говоря, творческая лаборатория композитора, пространство его авторефлексии, пространство памяти. Основное внимание исследователя фокусируется на словесной вербализации замысла и музыкальной авторефлексии в виде партитурной записи. Отправителем словесно-музыкальной информации и ее получателем в ситуации автокоммуникации выступает одно лицо – композитор. Автокоммуникация, инициированная композитором, развертывается преимущественно в связи и по поводу создания музыкального произведения, авторского творческого продукта или связана с творческим автопортретированием. К вербальным формам автокоммуникативного дискурса о себе относится автобиорафическая проза, как-то: дневник, воспоминание, биография, мемуары. Вербальные формы автокоммуникативного дискурса, относящиеся к авторскому произведению представлены автокомментариями, авторскими ремарками, а также автоаналитикой, автоописанием, аннотацией и пр. К практической сфере музыкальной автокоммуникации относятся феномен партитурной записи, а также музицирование композитора во время сочинения и различные формы прослушивания вновь созданного. Автокоммуникативная интенция творчества композитора обнаруживает себя в разного рода автосимволике, например, автомонограмме или в феномене автоцитации. Таким образом, творческая активность, проявляющаяся в многообразии форм профессиональной деятельности, коррелирует с активностью автокоммуникативных стратегий.

Ключевые слова: автокоммуникация, композитор, пространство искусства, вербальные каналы, музыкальные каналы.

COMPOSER IN SPACE OF SELF-COMMUNICATION

Chepelenko Kseniya Olegovna, PhD in Sociology, Assistant of Department of Philosophy, Humanities and Psychology, V.I. Razumovsky Saratov State Medical University (Saratov, Russian Federation). E-mail: kseniya_ch@list.ru

The problem of music communication is one of the actual problems of modern musicology. Self-communication, by definition, is a particular kind of communication strategy and tactics. Recipient and sender of self-communication the one person and this person is the composer.

The object of the article analysis is the composer as the subject of self-communication. This problem in such context is new for scientific investigation.

The goal of this paper is to define concept of self-communicative activity of composer. Specific of of self-communicative strategy with composer participation determined by the fact that information cause of of self-communication is text coming directly from the composer. This can be either verbal structure and musical structure.

Thus, self-communication or intrapersonal communication takes place in the inner world of the composer, in the space of his individual consciousness and memory.

Author use interdiscipline methodology for analisis of self-communicativity. Self-communicativity considered in the context of theoretical considerations related to the field of philosophy and literary criticism. It is a theory autoreference, the phenomenon of self-reflection, the concept of authorology.

All of the methodological components combines intention of self-exploration, self-description, self-analysise, self-positing and self-projection. Self-communicative practice also used for philosophy and poetry.

Self-communication of composer built in process of creation a musical work; it is important at all stages of the composer's work.

At the same time, the composer uses verbal and music channels of self-communication. A specific form of music self-communication is authosymbolity, methods of self-citation and selfmonogramming.

Self-communication connects with mnemonical intention. This thesis is illustrated by the development of interest to the composer's autobiographical genres of memories, diary, autobiography. Self-communication is universal in the sense that its overtone present in any communication strategies.

Keywords: self-communication, composer, space of art, verbal channels, music channels.

Музыка существует в социуме как живое знание и представление человека о самом себе, как средство самопознания и самовыражения.

И. А. Корсакова

Проблема коммуникации в музыке – одна из весьма значимых в музыковедении, не одно десятилетие притягивающая внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Данная статья посвящена композитору как субъекту автокоммуникации. Последняя, наряду с коммуникативной интеграцией, как известно, относится к формату частных коммуникативных стратегий. Цель статьи заключается в том, чтобы в общих чертах развернуть авторское определение *автокоммуникативной активности композитора*. Отметим, что данная терминологическая конструкция в научном тезаурусе нам ранее не встречалось.

Исходя из суждения о том, что сознание человека развивается под воздействием явлений, имеющих внутреннюю и внешнюю природу, становится понятным смысл тезиса об актуализации внутренних и внешних ресурсов композитора – генератора *пространства искусства*: «Вся духовная жизнь человека – его размышления, планы, споры с самим собой, переработка увиденного и услышанного протекают в скрытой форме, на мыслительном уровне» [14, с. 78]. В контексте сказанного осмысляется актуальность обращения к теории автокоммуникации (Ю. Лотман) [12, с. 159–165] как однопорядковому, но не равнозначному понятию, выражающему специфику творческой рефлексии, саморефлексии композитора [19; 22].

Внутриличностная коммуникация, общение с собой, разворачивается во внутренней реальности, в пространстве индивидуального сознания и памяти. Таким образом, автокоммуникация представляет собой род монологического общения, самообщения, персонифицированным участником которого является *Я-собеседник*. Самоадресованная автокоммуникативная информация циркулирует во времени, не нарушая границ сознания индивида, являя опыт «внутреннего самоистолкования» [6]. Позиция «Я» рассматривается здесь как доминирующая, всеопределяющая. Автокоммуникативный подход имеет поистине универсальный характер: автокоммуникация «сопровождает любую человеческую деятельность в виде внутренней речи» [15, с. 15]. Внутренняя «сцена» пространства автокоммуникации создает условия для качественной переработки информации, влияя тем самым на коммуниканта, стимулируя процессы саморазвития, самостановления, самопознания.

Существуют следующие типы автокоммуникативных стратегий: стратегия, которая развертывается по информационному поводу, исходящему от самого коммуниканта, стратегия, инициированная сообщением извне. Исследовательское внимание автора данной статьи направлено на анализ стратегии первого типа. Автокоммуникационные процессы характеризуют специфику художественной практики. На эту тему плодотворно теоретизируют ученые-филологи.

Один из аспектов аналитического дискурса связан с исследованием автокоммуникатиной интенции в поэзии. Как отмечает Ю. М. Лотман, «поэт порождает текст, рассчитанный на собственное “я”. Именно поэтому зачастую поэзия характеризуется как автокоммуникация» [13]. Известная русская писательница, драматург, поэт и переводчик Т. И. Сильман считает, что автокоммуникативная направленность поэтической лирики обнаруживает себя в интенции автора «каждый

раз после изображения тех или иных фактов или явлений возвращаться к “себе”, то есть к “теперь”, к “здесь”, к своему собственному “я”, к однажды намеченной им для данного стихотворения точке отчёта» (цит. по [2]). В этом ракурсе может быть рассмотрен диалог автора с реальностью внешнего мира: «лирическим событием становится не всякое явление внешнего мира, а избранное явление внутренней душевной жизни поэта, вовлечённое им в центр особого лирического пространства» (цит. по [2]).

О лирической коммуникации как о специфическом виде автокоммуникации рассуждает Ю. И. Левин [10]. С. В. Сысоев раскрывает автокоммуникативную проблематику на примере романтической лирики Пушкина [18]. Е. А. Азначеева пишет: «Автокоммуникация как отражение определенных закономерностей творческого мышления как такового в XX веке, присущая поэзии «монологичность» (интериоризация диалога, свойственного прозе, до внутреннего монолога), слияние в лирическом субъекте адресанта и адресата, повествователя и героя…» [1].

Одно из основных значений понятия *монологичность* раскрывается «в единстве и единственности авторской точки зрения, которая определяет содержание, форму, композицию, основные выводы, позиции героев» [5]. Высказывание «от первого лица», характеризующее монологичность музыкального произведения, можно рассматривать в русле проблем литературно-поэтической автокоммуникации.

Для многих ученых различных специализаций сегодня очевидна «общность понятий, – автокоммуникация, автореференция, самоистолкование, пространство одинокой ментальной жизни, самопонимание и самопознании» [6]. Тождественность этих понятий фиксирует значимость проблематики, связанной «с направленностью к внутреннему измерению» [6] автокоммуникативной личности. К этому ряду можно добавить феномен «рефлексивной монологической речи... некое высказывание, созданное говорящим о себе» [9, с. 146].

Современное науковедение констатирует: тяготение творческой личности к автокоммуникации выражает общее состояние современной культуры. Главным аргументом в пользу данного суждения является ключевая мысль о том, что литература постмодернизма, в частности, «не ориентирована на сообщение, на новую информацию, а использует уже знакомую информацию для самоосмысления» [17]. В дополнении к сказанному отметим позицию социологов по данному вопросу: «автокоммуникативный проговор себя или дискурс о себе есть основа культурной идентичности человека» [4].

Автокоммуникативность универсальна в том смысле, что обертон автокоммуникативности присутствует в любых коммуникационных стратегиях, ведь каждый коммуникант не только контактирует со своим Vis a Vis, но и непосредственно с самим собой, выступая автоадресатом. При этом складывается «двуфункциональная коммуникативная инстанция, предназначенная и для порождения высказывания, и для его восприятия» [2], само сообщение и коды подвергаются корректировке в соответствии с собственной реакцией и реакцией собеседника.

Автокоммуникация может быть типологизирована на основе оппозиции *гомогенное – гетерогенное*. Композитор одновременно использует словесный и музыкальный языки, хотя при создании автобиографических текстов может быть задействован только словесный язык.

Феномен автокоммуникации может быть осмыслен посредством междисциплинарных стратегий с привлечением, в качестве необходимой аргументации, ряда теоретических построений из сферы гуманитарных наук. Среди таковых, прежде всего, следует назвать концепции авторефлексии, автореференции, авторологии, диалогизма.

Принято считать, что *автореференция* (от лат. autoreferentis – самовоспроизведение или самоприложение) – отсылка к себе – обозначает соотнесенность отдельного высказывания, дискурса с центральным (говорящим/пишущим) референтом, «самореферентная, то есть способная описывать себя» [3]. Основную фигуру самореферентного дискурса можно охарактеризовать в духе М. Хайдеггера как «Я» выговаривающее и «высвечивающее» себя.

Под *авторефлексией* понимается «Рефлексия субъекта относительно своих собственных представлений о реальности, принципах своей деятельности» [16]. *Авторология* (греч. autos – сам, logos – слово, учение) сформировалась как «наука об авторе литературно-художественного произведения как субъекте литературно-худо-

жественной (беллетристической) деятельности и литературно-художественном произведении как объективации внутренних (экзистенциальных) сил человека» [7].

В приведенных дефинициях акцентируется особое значение процессов самоисследования, самоаналитики, самополагания и самопроектирования для полноценной творческой самореализации.

Автокоммуникация в музыке находит специфические формы выражения. Изучение музыкальных феноменов с позиций семиотики позволяет апеллировать к музыке как к «типичному образцу художественного сообщения», «внесловесного сообщения», по А. Н. Сохору. Специфическую форму автокоммуникации представляет феномен живой композиторской практики, например, инструментальная импровизация сочиняющего композитора (для себя) по поводу собственных музыкальных идей.

Автор музыкальный включается в процесс автокоммуникации на основе двухканальной стратегии: задействуя лингвистический канал, кодировку посредством *слова* и музыкальный канал, в качестве специфического кода использующий *звуковые структуры*.

Широкий спектр автокоммуникативной деятельности основывается на вербальных и невербальных личностных «активах», таких как память, мышление, ресурсы интуиции, воображения. Представляя один из модусов музыкальной коммуникации – «универсального механизма создания, распространения, хранения, восприятия и интерпретации музыкальной информации в многомерном виртуальном пространстве» [8], – автокоммуникация композитора выстраивается по поводу и в связи с созданием музыкального произведения и сохраняет высокую значимость на всех стадиях работы.

На начальном этапе создания произведения тяготение к экстрамузыкальному началу, вербализиация замысла, ословеснивание его в эскизах и черновиках не исключает появления у современных авторов программных комментариев, позже – авторских ремарок, рекомендаций, кодов-ключей к прочтению партитуры, ее исполнению. Авторские высказывания любого формата являются продуктом авторефлексии, следствием автокоммуникации, хотя и используются далеко не только в личных целях.

Автокоммуникация может быть осмыслена в мнемоническом ракурсе. Этот тезис можно проиллюстрировать развитостью интереса творческой личности к автобиографическим жанрам. Автокоммуникативная направленность свойственна жанрам дневника, исповеди, воспоминания, автобиографии. Связанное с этим “активное самосозерцание”… предполагает внутреннее совмещение самого себя с разнообразными формами самоинтерпретации» [11, с. 333–334].

Особым видом собственно музыкальной автокоммуникации является самоцитирование и автомонограммирование. Автореминисценции, выступая некими образно-смысловыми константами творчества, расширяют семантическое поле произведения, оказываются «востребованными».

В заключение необходимо отметить следующее.

Феномен автокоммуникативной активности композитора обусловлен его многосложной профессиональной деятельностью. Автокоммуникативная активность связана с процессами самоинтерпретации и распространяется на разнообразные субстанции его творческой практики.

Автокоммуникативная активность как самоинтерпретация биографического дискурса включает самохарактеристику периодов творчества и связанных с ними содержательных и эстетико-стилических явлений.

Автокоммуникативная активность «сопровождает» создание нового творческого продукта в виде словесных характеристик и музыкально-звукового материала.

Автокоммуникативная активность актуализируется как автоинтерпретация, автоаналитика уже созданных произведений собственного творчества.

Автокоммуникативная активность как музыкальная поэтика использует потенциал автосимволики: автоцитирования, автомонограммирования, автореминисценций.

Автокоммуникация в композиторской практике осуществляется по двум каналам: лингвистическому и музыкальному.

Метафора собственного отражения в зеркальной поверхности – автокомуникация – акцентирует обращенность на себя, углубленность в когнитивную сферу. Очевидно, в процессе автокоммуникации художник сам создает себя.

Литература

1. Азначеева Е. А. Интерсемиотические связи между литературно-художественным и музыкальным текстами [Электронный ресурс]. – URL: http://www.academia.edu/3809793/Интерсемиотические_связи_между_литературно-художественным_и_музыкальным_текста.
2. Брунева Ю. А. Мотив в системе автокоммуникации в лирике М. Ю. Лермонтов [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – URL: http://cheloveknauka.com/motiv-v-sisteme-avtokommunikatsii-v-lirike-m-yu-lermontova#ixzz3yLcXpLLm (дата обращения: 17.09.2015).
3. Бурова С. Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии [Электронный ресурс] / Белорус. гос. ун-т. – Минск: Право и экономика, 2010. – 444 с. – URL: elib.bsu.by/bitstream/123456789/.../burova_soc_braka_i_semyi_kniga (дата обращения: 09.11.2015).
4. Грицанов А. Постмодернизм [Электронный ресурс]: энцикл. – URL: http://www.redov.ru/filosofija/postmodernizm/p2.php#metkadoc7 (дата обращения: 12.07.2015).
5. Дьяконов Г. В. Диалогийная концепция эстетики и литературоведения М. М. Бахтина [Электронный ресурс]. – URL: http://hpsy.ru/public/x3070.htm (дата обращения: 24.11.2015).
6. Кабанова Л. И. Коммуникативная стратегия в изобразительном искусстве русского авангарда (на основе анализа творчества В. В. Кандинского): Философские подходы и методы исследования [Электронный ресурс]: автореф. дис. канд. филос. наук. – Петрозаводск, 2004. – URL: http://www.dissercat.com/content/kommunikativnaya-strategiya-v-izobrazitelnom-iskusstve-russkogo-avangarda-na-osnove-analiza-#ixzz3yKzh6VBS (дата обращения: 14.09.2015).
7. Карпов И. П. Авторология. Литературоведение, лингвистика, философия, логика, психология [Электронный ресурс]. – URL: http://slovar.lib.ru/dictionary/avtorologija.htm (дата обращения: 20.11.2015).
8. Корскова И. А. Музыкальная коммуникация: генезис и историко-культурные трансформации [Электронный ресурс]. – URL: http://files.msuc.org/diss/04/korsakova_dis.pdf.pdf (дата обращения: 20.11.2015).
9. Костюшкина Г. М., Заяц А. А., Зубец М. В., Карбаинова М. Ю., Пензева Е. П., Саенко О. А., Степанова Е. Д. Дискурсивный аспект языковых единиц. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. лингвист. ун-та, 2006. – 549 с.
10. Левин Ю. И. Заметки о лирике // Новое литературное обозрение. – 1994. – № 8. – С. 69.
11. Лосев А. Ф. Самое само // Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность. – М., 1994. – С. 333–334.
12. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2000. – С. 159–165.
13. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л.: Просвещение, 1972. – 271 с.
14. Мельникова С. В. Деловая риторика (речевая культура делового общения): учеб. пособие. – Ульяновск: УлГТУ, 1999. – 106 с.
15. Моисеева А. П. Основы теории коммуникации: учеб. пособие. – Томск: Том. политехн. ун-т, 2004. – 128 с.
16. Новиков Д. А. Формальные модели рефлексивных игр в педагогических исследованиях [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mtas.ru/person/novikov/pedref.pdf (дата обращения: 13.10.2015).
17. Романова И. В. Поэтика Иосифа Бродского: лирика с коммуникативной точки зрения [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Смоленск, 2007. – URL: http://kursak.net/poetika-iosifa-brodskogo-lirika-s-kommunikativnoj-tochki-zreniya (дата обращения: 18.04.2015).
18. Сысоев С. В. Коммуникативная структура романтической лирики А. С. Пушкина начала 1820-х годов // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. – 1998. – № 5. – С. 9.
19. Умнова И. Г. Литературное творчество Сергея Слонимского: моногр. – Кемерово: КемГУКИ, 2010. – 188 с.
20. Умнова И. Г. О Сергее Слонимском – композиторе и музыкальном писателе // Музыкальная академия. – 2007. – № 3. – С. 16–22.
21. Умнова И. Г. С. М. Слонимский. Литература о жизни и творчестве. – М.: ФГОУ ВПО МСХА им. К. А. Тимирязева, 2005. – 210 с.
22. Умнова И. Г. Традиции взаимодействия музыки и слова в поэтике композитора Сергея Слонимского // Искусство и искусствоведение: теория и опыт. Искусство регионов / отв. ред. Н. Л. Прокопова. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2012. – Вып. 10. – С. 99–116.

References

1. Aznacheyeva E. Intersemioticheskiye svyazi mezhdu literaturno-khudozhestvennym i muzykal'nym tekstami [Intersemiotic relationship between literary and artistic and musical texts]. (In Russ.). Available at: http://www.academia.edu/3809793/Интерсемиотические_связи_между_литературно-художественным_и_музыкальным_текста (accessed 24.11.2015).

2. Bruneva Yu. Motiv v sisteme avtokommunikatsii v lirike M.Yu. Lermontova. Avtoref. diss. kand. filolog. nauk [The motive in the system of autocommunication in the lyrics of M.Yu. Lermontov. Author's abstract of diss. PhD in philology]. Barnaul, 2004. (In Russ.). Available at: http://cheloveknauka.com/motiv-v-sisteme-avtokommunikatsii-v-lirike-m-yu-lermontova#ixzz3yLcXpLLm (accessed 17.09.2015).
3. Burova S.N. Sotsiologiya braka i sem'i: istoriya, teoreticheskiye osnovy, personalii [Sociology of marriage and family history, theoretical foundations, celebrities]. Minsk, Belarusian State University, Pravo i ekonomika Publ., 2010. – 444 p. (In Russ.). Available at: elib.bsu.by/bitstream/123456789/.../burova_soc_braka_i_semyi_kniga (accessed 09.11.2015).
4. D'yakonov G.V. Dialogiynaya kontseptsiya estetiki i literaturovedeniya M.M. Bahtina [Philosophy of Mikhail Bakhtin: The concept of dialogism]. (In Russ.). Available at: http://hpsy.ru/public/x3070.htm (accessed 24.11.2015).
5. Gritsanov A. Postmodernizm. Entsiklopediya [Postmodernism. Encyclopedia]. (In Russ.). Available at: http://www.redov.ru/filosofija/postmodernizm/p2.php#metkadoc7 (accessed 12.07.2015).
6. Kabanova L.I. Kommunikativnaya strategiya v izobrazitel'nom iskusstve russkogo avangarda (na osnove analiza tvorchestva V.V. Kandinskogo): Filosofskiye podkhody i metody issledovaniya. Avtoreferat diss. kandidata filosofskikh nauk [Communicative strategies in visual art Russian avant-garde (on the basis of analysis of works of V.V. Kandinsky): Philosophical approaches and research methods. The author's abstract PhD in philosophy]. Petrozavodsk, 2004. (In Russ.). Available at: http://www.dissercat.com/content/kommunikativnaya-strategiya-v-izobrazitelnom-iskusstve-russkogo-avangarda-na-osnove-analiza-#ixzz3yKzh6VBS (accessed 14.09.2015).
7. Karpov I.P. Avtorologiya. Literaturovedeniye, lingvistika, filosofiya, logika, psikhologiya [Authorology. Literary science, linguistics, philosophy, logic, psychology]. (In Russ.). Available at: http://slovar.lib.ru/dictionary/avtorologija.htm (accessed 20.11.2015).
8. Korskova I.A. Muzykal'naya kommunikatsiya: genezis i istoriko-kul'turnyye transformatsii [Musical communication: the genesis and historical and cultural transformations]. (In Russ.). Available at: http://files.msuc.org/diss/04/korsakova_dis.pdf.pdf (accessed 20.11.2015).
9. Kostyushkina G.M., Zayats A.A., Zubets M.V., Karbainova M.Yu., Penzeva E.P., Sayenko O.A., Stepanova E.D. Diskursivnyy aspekt yazykovykh edinits [Discourse aspect of linguistic units]. Irkutsk, Irkutsk State Linguistic University, 2006. 549 p. (In Russ.).
10. Levin Yu.I. Zametki o lirike [Notes lyrics]. *Novoye literaturnoye obozreniye [New literary observer]*, 1994, no. 8, p. 69. (In Russ.).
11. Losev A.F. Samoye samo [Self itself]. *Losev A.F. Mif – Chislo – Sushchnost' [Myth – Number – Essence]*. Moscow, 1994, pp. 333-334. (In Russ.).
12. Lotman Yu.M. Avtokommunikatsiya: "Ya" i "Drugoy" kak adresaty [Autocommunication: 'I' and 'Other' as Addressees]. *Lotman Yu.M. Semiosfera [The semiosphere]*. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2000, pp. 159-165. (In Russ.).
13. Lotman Yu.M. Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha [About poets and poetry: the Analysis of the poetic text]. Leningrad, Prosveshcheniye Publ., 1972. 271 p. (In Russ.).
14. Mel'nikova S.V. Delovaya ritorika (rechevaya kul'tura delovogo obshcheniya). Uchebnoye posobie [Business Rhetoric (speech culture of business communication). Textbook]. Ul'yanovsk, UlGTU Publ., 1999. 106 p. (In Russ.).
15. Moiseyeva A.V. Osnovy teorii kommunikatsii. Uchebnoye posobiye. [Fundamentals of Communication Theory. Textbook]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University, 2004. 128 p. (In Russ.).
16. Novikov D.A. Formal'nyye modeli refleksivnykh igr v pedagogicheskikh issledovaniyakh [Formal Models of Reflexive games in educational research]. (In Russ.). Available at: http://www.mtas.ru/person/novikov/pedref.pdf (accessed 13.10.2015).
17. Romanova I.V. Poetika Iosifa Brodskogo: lirika s kommunikativnoy tochki zreniya. Avtoreferat diss. d-ra filolog. nauk [Poetics of Joseph Brodsky: lyrics on a communicative point of view. Author's abstract of diss. PhD in philology]. Smolensk, 2007. (In Russ.). Available at: http://kursak.net/poetika-iosifa-brodskogo-lirika-s-kommunikativnoj-tochki-zreniya (accessed 18.04.2015).
18. Sysoyev S.V. Kommunikativnaya struktura romanticheskoy liriki A.S. Pushkina nachala 1820-kh godov [Communicative structure of romantic poetry of A.S. Pushkin beginning of the 1820 s]. *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya,* 1998, no. 5, p. 9. (In Russ.).
19. Umnova I.G. Literaturnoye tvorchestvo Sergeya Slonimskogo. Monografiya. [Literary creativity Sergei Slonimsky. Scientific monograph]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2010. 188 s. (In Russ.).
20. Umnova I.G. O Sergeye Slonimskom – kompozitore i muzykal'nom pisatele [Sergei Slonimsky - composer and writer on music]. *Muzykal'naya akademiya [Music Academy]*, 2007, no. 3, pp. 16-22. (In Russ.).

21. Umnova I.G. S.M. Slonimskiy. Literatura o zhizni i tvorchestve [S.M. Slonimsky. Literature on his life and work]. Moscow, FGOU VPO MSHA im. K.A. Timiryazeva Publ, 2005. 210 p. (In Russ.).
22. Umnova I.G. Traditsii vzaimodeystviya muzyki i slova v poetike kompozitora Sergeya Slonimskogo [Traditions interaction of music and words in the poetics of composer Sergei Slonimsky]. *Iskusstvo i iskusstvovedeniye: teoriya i opyt. Iskusstvo regionov [Art and art history: theory and experience. The art of the regions]*. Ed. N.L. Prokopova. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2012, iss. 10, pp. 99-116. (In Russ.).

УДК 783 (571.5)

СЕЛЬКУПСКИЕ ФОНОИНСТРУМЕНТЫ В ПАРТИТУРЕ НАРОДНОГО ОРКЕСТРА

Губайдуллин Фиргат Фирзатович, аспирант, Уфимский государственный институт искусств им. Загира Исмагилова, директор Муниципального учреждения дополнительного образования «Красноселькупская детская школа искусств» (п. Красноселькуп, ЯНАО, РФ). E-mail: korablik78@gmail.com

Рахимов Равиль Галимович, доктор искусствоведения, профессор, Уфимский государственный институт искусств им. Загира Исмагилова (г. Уфа, Республика Башкортостан, РФ). E-mail: folk49@mail.ru

Традиционная инструментальная музыка селькупского этноса рассматривалась ранее очень кратко и фрагментарно. Все работы в этом направлении касались, в основном, этнографических, лингвистических и других смежных наук, а собственно этноорганологического исследования селькупского инструментария и, соответственно, последующего его внедрения в академическую сферу пока не проводилось.

Представленная статья посвящена проблемам этнофонии селькупского инструментария. Авторам статьи частично удалось выявить органологические особенности ряда характерных селькупских фоноинструментов и сделать попытку их внедрения в оркестровую академизацию. Была предложена оркестровая партитура, основанная на купированном составе оркестра русских народных инструментов, широко распространённого в учебной сфере, с включением селькупского инструментария.

Репертуар инструментального состава подбирался согласно основным принципам академизации, пройденным практически всеми национальными оркестрами – от игры традиционных наигрышей и через их транскрипцию до авторских опусов.

На примере академической транскрипции детской селькупской песенки «Локка сурынння» даётся последовательность оркестровой аранжировки с включением традиционного фоноинструментария.

Обработка выполнена в технике вариационного развития традиционной мелодики с эпизодическим применением свободной звукоизобразительности, где основная тема берётся в аутентичном варианте и оригинальной тональности, а идиофонический аккомпанемент оригинала заменён на гармоническое сопровождение, приближенного к классическому аккордовому сопровождению.

Ключевые слова: селькупы, традиционные инструменты, транскрипция, оркестровая аранжировка.

SELKUP PHONO INSTRUMENTS IN THE SCORE OF THE FOLK ORCHESTRA

Gubaydullin Firgat Firzatovich, Postgraduate, Ufa State Institute of Arts Named after Zagir Ismagilov, Director, Municipal Institution of Additional Education of “Krasnoselkup Children’s School of Arts” (Krasnoselkup, YNAO, Russian Federation). E-mail: korablik78@gmail.com

Rakhimov Ravil Galimovich, Doctor of Art History, Professor, Ufa State Institute of Arts Named after Zagir Ismagilov (Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation). E-mail: folk49@mail.ru

Traditional music of Selkup's ethnos was considered earlier in very brief and fragmentary notes. All works in this direction were basically ethnographic, linguistic and of other adjacent sciences, but actual ethnosorganologic researches of Selkup's instruments and subsequent introduction in the academic sphere was not done yet.

The presented article is devoted to ethnophonic problems of the Selkup instruments. The authors of the article partially managed to reveal organologic features of some characteristic Selkups phono instruments and to make attempt of their introduction in orchestral academization. The orchestral score based on stopped structure of an orchestra of Russian national instruments, widespread in educational sphere, with inclusion of the Selkup instruments has been offered.

The repertoire of instrument structure is made according to main principles of academization, passed practically on all national orchestras from traditional folk tunes and their transcription to author's opuses.

On an example of the academic transcription of children's Selkup song "Lock surynnya" the sequence of orchestral arrangement with inclusion of traditional phonotoolkit is given.

Processing is created in the technique of variation development of traditional melodica with incidental application of free sound depiction where the basic theme undertakes the authentic variant and original tonality, and idiophone of original accompaniment is replaced with the harmonious support, approached to classical according to support.

Keywords: Selkup, traditional instruments, transcription, orchestral arrangement.

Селькупская инструментальная культура, в силу своей замкнутости и удалённости от урбанизированных центров, изучена мало. Полевые исследования отмечают, что в процессе исторического развития она подверглась частичной, а местами довольно значительной ассимиляции с другими этносами, но, несмотря на это, сохранила свою самобытность и уникальность. Селькупский фоноинструментарий имеет многослойную структуру. В ней сохранились признаки, свойственные различным историческим стадиям развития, а устное творчество сохранило и донесло до наших дней легенды и сказания о музыкальных инструментах и инструментальной музыке.

Знакомство с общей и музыковедческой литературой, посвящённой селькупской музыкально-инструментальной культуре, показало, что очень мало внимания уделяется органологическим особенностям селькупских музыкальных инструментов, а многие сведения сводятся к констатации фактов и справочности.

Согласно проведённым исследованиям в основе партитуры оркестров русских народных инструментов (далее – ОРНИ) как профессиональных государственных, так и учебно-самодеятельных утвердились группы балалаек и домр. Вокруг них проводились различные партитурные эксперименты, касающиеся незначительных перестановок, добавления тесситурных разновидностей и введения дополнительных инструментов. Часть нововведений не прошла апробацию временем (фрикционный гудок, аэрофоны «свирель», «брёлка»), а некоторые сохранились до настоящего времени (флейта, гобой, академические ударные, редко – жалейка) [1, с. 56].

Партитура ОРНИ, с одной стороны, имеет общие черты с составом симфонического оркестра, но, с другой, – представляет собой уникальное явление, обобщающее многолетнюю апробацию. В самом упрощённом варианте инструментальные симфонические группы можно рассматривать от аэрофонов в верхней части партитуры, до разновидностей струнных фрикционных в нижней. Инструменты солирующего и прикладного характера располагаются в середине.

Инструментальные группы ОРНИ выстраиваются от плекторных щипковых хордофонов в верхней части, до бряцающих щипковых в нижней части. И если условно можно считать, что основная нагрузка в симфонической партитуре возложена на скрипичный состав, то в ОРНИ и домры, и балалайки можно отнести к основной группе.

Сходство с партитурой симфонического оркестра в какой-то мере проявляется только в средней части, где записываются инструменты солирующего и прикладного характера (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные группы ОРНИ

Группа	Название	Характеристика
Струнные щипковые (плекторные)	Тесситурные разновидности домры	Основная группа
Солирующие и прикладные аэрофоны, клавишные аэрофоны, хордофоны, мембранофоны, идиофоны	Флейта, гобой, группа гармоник, гусли, жалейки, ударные и др.	Используются в соло, ансамбле, оркестровом тутти
Струнные щипковые (бряцающие)	Тесситурные разновидности балалайки	Основная группа

По аналогичному принципу были организованы и другие коллективы этнических инструментов [5]. Изменения касались только основополагающих групп, которые у каждого этноса были разные.

Основываясь на этих и других общепринятых принципах, автором статьи была предложена партитура оркестра народных инструментов с включением селькупского инструментария (далее – ОНИ), основанная на купированном составе ОРНИ, широко распространённого в учебной сфере.

Ниже приводится партитурная последовательность инструментов ОНИ Красноселькупской ДШИ (см. табл. 2)[1].

Таблица 2

Партитура ОНИ Красноселькупской ДШИ

Инструменты	Функция	Характеристика
Группа домр	Основная мелодическая	Soli
Кларнет	Мелодическая	Solo
Аэрофон «Пушкан»	Звукоизобразительная	Solo

[1] Все инструменты включаются в оркестровую партитуру практически без реконструкционных элементов.

Окончание таблицы 2

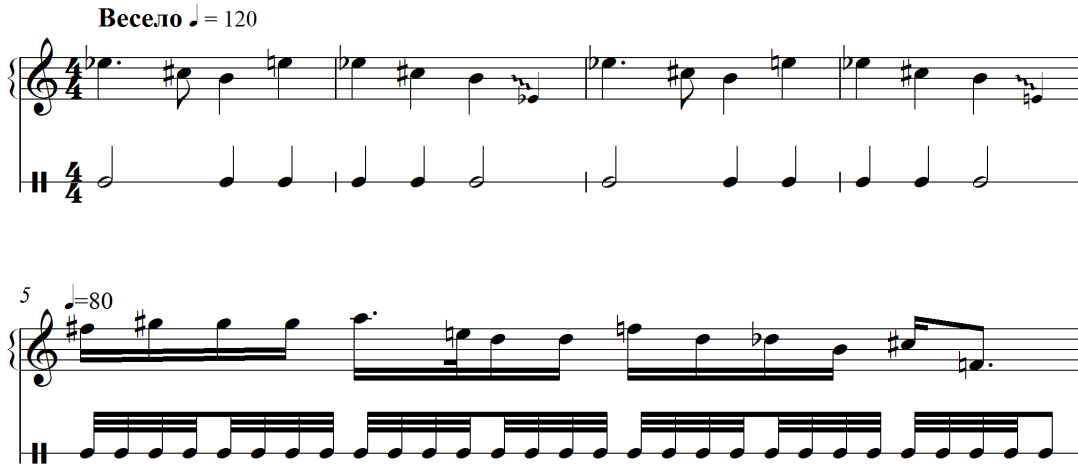
Инструменты	Функция	Характеристика
Группа баянов	Основная мелодическая	Solo, Soli
Колокольчики	Звукоизобразительная	Solo с определённой высотой звучания
Идиофон «Шумыя»	Звукоизобразительная	Шейкер без определённой высоты звучания (шумовой)
Идиофон «Аштэтамд»	Звукоизобразительная	Бубенцы без определённой высоты звучания (шумовые)
Идиофон «Поллага»	Звукоизобразительная	Коробочка без определённой высоты звучания (шумовая)
Тарелка	Звукоизобразительная	Solo без определённой высоты звучания (шумовая)
Мембранофон «Нуна»	Ритмическая	Народный барабан
Хордофон «Чинг»	Гармоническая	Solo, народная арфа
Ф-но	Basso continuo	-
Группа балалаек	Сольная и ритмо-гармоническая	Solo, Soli

Репертуар инструментального состава, представленного в табл. 2, подбирался согласно основным принципам академизации, пройденным практически всеми национальными оркестрами – от игры традиционных наигрышей и через их транскрипцию до авторских опусов [2, с. 5].

Ниже приводится пример академической транскрипции детской селькупской песенки «Локка сурынння» («Лиса охотится») для ОНИ (см. нотный пример 1) [4, с. 9–10].

Нотный пример 1

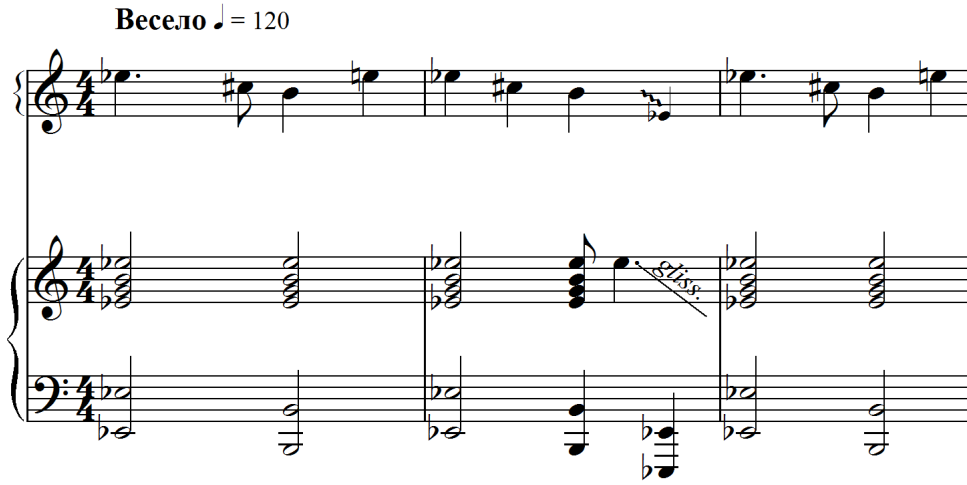
«Локка сурынння» («Лиса охотится»). Фрагмент оригинала (тт. 1–5) [2]



Обработка выполнена в технике вариационного развития традиционной мелодии, но с применением элементов свободной звукоизобразительности. Основная тема берётся в аутентичном варианте, сохранена оригинальная тональность. Идиофонический аккомпанемент оригинала в обработке заменён на гармоническое сопровождение, приближенного к классическому аккордовому сопровождению, однако его монодийность была сохранена благодаря «одноименности» баса с мелодической линией (лейтмотив крадущейся Лисы, см. нотный пример 2, тт. 1–4).

Нотный пример 2

Лейтмотив крадущейся лисы [4, с. 9]. Фрагмент (тт. 1–3)



[2] Записано от Г. Е. Мандакова запись представлена И. Петровой. Расшифровка Ф. Ф. Губайдуллина.

В процессе развития проводится фактурное насыщение с применением редко встречающихся в учебной практике агогических и штриховых элементов (нисходящее глиссандо, трели, тремолирование, кластеры).

Транскрипция построена не только на подлинной мелодии, но и на аутентичном тексте традиционной селькупской детской песенки:

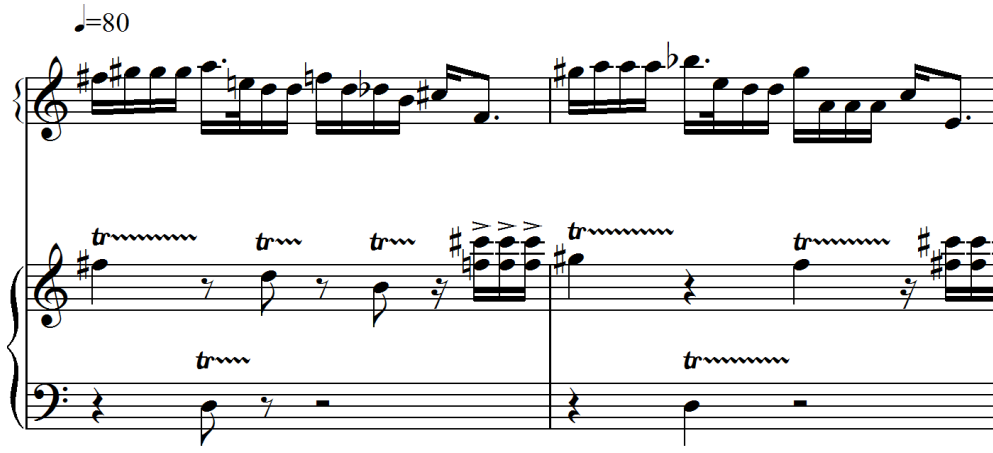
Здесь лиса охотится, за мышами бегает.
Мышка, мышка, торопись, лисе в рот
не попадись!
На снегу следы лисы, за белкой бегает лиса.
Белка, белка, торопись, лисе в рот
не попадись!
В небе парит орёл, высматривает лису.
Лиса, лиса, торопись, в когти орлу
не попадись! [4, с. 10].

Пьеса, первоначально предназначенная для представителей селькупского этноса как пример академизации традиционной мелодики, после исполнения стала пользоваться популярностью у всех учащихся, независимо от национальности. Этому способствовал яркий контрастирующий характер лейтмотива крадущейся Лисы (тт. 1–4, нотного примера 3) и суета предметов её охоты – мышки (тт. 5–6) и белки (тт. 11–12).

Неожиданный поворот в сюжете – лиса из охотницы превращается в добычу для орла – отражён изменением фактуры: тема Лисы остаётся неизменной, но аккомпанемент изображает полёт орла (см. нотный пример 3).

Нотный пример 3

Лейтмотив убегающей мышки [4, с. 9]. Фрагмент (тт. 5–6)



В двух заключительных тактах аккорды иллюстрируют прыжки Лисы, убегающей по глубокому снегу.

Таким же образом были аранжированы и другие традиционные песни и наигрыши, часть из которых были опубликованы в сборнике «Коймы амачоты: Селькупский музыкальный фольклор». Обобщая содержание сборника отметим, что развитие аутентичного материала в нём представлено в следующей последовательности [3]:

1. Звучание аутентичного музыкального орудия в традиционном репертуаре.

2. Аккомпанемент к традиционной мелодии, исполняемой на аутентичном инструменте.

[3] В основе представленной последовательности разработка О. Васильева (см. [3]).

3. Художественная обработка традиционной мелодии для реконструированного народного инструмента.

4. Инструментовка традиционной мелодии для группы реконструированных народных инструментов.

5. Обработка традиционной мелодии для разнородной группы (ансамбля/ОНИ) разнонациональных инструментов.

6. Транскрипция традиционной мелодии для академических инструментов соло и/или группы академических инструментов (ансамбль/ОНИ).

Направления развития могли иметь различную последовательность и многочисленные ответвления. Основная цель аранжировочных транскрипций – привлечение внимания учащихся к звучанию селькупского фоноинструментария и своеобразной мелодике, рисующей картину природы российского Севера.

Отметим, что региональный компонент в образовании, выделенный ФГОС (ФГТ для ДМШ и ДШИ) закреплён в законодательстве Российской Федерации. Материал аранжировочных направлений соответствует требованиям учебно-методической документации РФ для музыкального образования начального звена, методике преподавания игры на оркестровых инструментах и пропедевтическим мероприятиям по подготовке ансамблево-оркестровой партитуры [6].

Селькупская музыкально-инструментальная культура представляет собой важный пласт национальной культуры в целом, её сохранение и развитие открывает новые горизонты дальнейшего развития национального самосознания этноса.

Литература

1. Бойко Ю. Е. Куда идти народным инструментам? // Русские народные музыкальные инструменты в современной культуре России Всерос. науч.-практ. конф. 30–31 янв. 2014 года, Санкт-Петербург. – СПб., 2015. – С. 45–68. – Тр. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. – 2015. – Т. 207.
2. Варламов Д. И. Обучение на русских народных инструментах: традиции и новации: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (музыка). – М., 2014. – 46 с.
3. Васильев О. П. К вопросу об академизации баяна // Актуальные проблемы истории, теории и методики современного музыкального искусства и образования: сб. науч. тр. ОГИИ. – Оренбург: ОГИИ им. Л. и М. Ростроповичей, ОГУ, 2008. – Вып. 4. – С. 152–156.
4. Коймы амачоты: Селькупский музыкальный фольклор / сост. и вступ. ст. Ф. Ф. Губайдуллин. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. – 48 с.
5. Рахимов Р. Г. Башкирские инструментальные ансамбли устной традиции: этноорганология. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – 144 с.
6. Федеральные государственные требования к минимуму содержания, структуре и условиям реализации дополнительных предпрофессиональных и общеразвивающих общеобразовательных программ в области музыкального искусства: приказ Минкульт РФ от 14 авг. 2013 года № 1144.

References

1. Boyko Yu.E. Kuda idti narodnym instrumentam? [Where to go to national tools?]. *Russkiye narodnyye muzykal'nyye instrumenty v sovremennoy kul'ture Rossii. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya 30–31 yanvarya 2014 goda, Sankt-Petersburg. Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Russian folk musical instruments in the modern culture of Russia. All-Russian scientific-practical conference of 30-31 January 2014, Saint-Petersburg. Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture]*. St. Petersburg, 2015, vol. 207, pp. 45-68. (In Russ.).
2. Varlamov D.I. Obucheniye na russkikh narodnykh instrumentakh: traditsii i novatsii. Avtoref. diss. d-ra ped. nauk [Training on Russian national tools: traditions and innovations. Author's abstract of diss. Dr pedagogical sciences]. Moscow, 2014. 46 p. (In Russ.).
3. Vasil'yev O.P. K voprosu ob akademizatsii bayana [To a question about academic of bayan]. *Aktual'nyye problemy istorii, teorii i metodiki sovremennogo muzykal'nogo iskusstva i obrazovaniya: sb. nauch. tr. OGII [Actual problems of history, theory and techniques of modern musical art and education: collected papers. Tr. OGII]*. Orenburg, OGII im. L. i M. Rostropovichey, OGU Publ., 2008, vol. 4, pp. 152-156. (In Russ.).
4. Koymy amachoty: Sel'kupskiy muzykal'nyy fol'klor [Selkup's musical folklore]. Compiled by F.F. Gubaydullin. Ufa, BGPU Publ., 2015. 48 p. (In Russ.).
5. Rakhimov R.G. Bashkirskiye instrumental'nyye ansambli ustnoy traditsii: etnoorganologiya [The Bashkir instrumental ensembles of folklore: Ethnoorganological]. Ufa, BGPU Publ., 2008. 144 p. (In Russ.).

6. Federal'nyye gosudarstvennyye trebovaniya k minimumu soderzhaniya, strukture i usloviyam realizatsii dopolnitel'nykh predprofessional'nykh i obshcherazvivayushchikh obshcheobrazovatel'nykh programm v oblasti muzykal'nogo iskusstva. Prikaz Minkul't RF ot 14 avgusta 2013 goda № 1144 [Federal state requirements to a minimum of a content, structure and conditions of implementation of additional pre-service secondary and General developmental programmes in the field of musical art. The order of the Ministry of culture of the Russian Federation dated 14 August 2013, no. 1144]. (In Russ.).

УДК 7.036.1

СПЕЦИФИКА И ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНЫХ АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИСКУССТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Портнова Ирина Васильевна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры архитектуры и градостроительства, Российский университет дружбы народов (г. Москва, РФ). E-mail: irinaportnova@mail.ru

Научные анималистические изображения, традиционно считавшиеся областью зоологической иллюстрации, в первой половине XX веке стали пониматься шире. Причиной послужили изменения, произошедшие в обществе, связанные с актуализацией научного мышления и открытием новых отраслей биологической науки. Благодаря плодотворному взаимодействию художников-анималистов с учеными-биологами, единому пониманию ими целей и задач творчества, научная иллюстрация приобрела качества художественного образа, не переставая отвечать научным целям. Из сферы строгого протокольного рисунка предшествующих столетий («кунсткамерный рисунок» XVIII века) она превратилась в произведение искусства с набором своих специфических признаков. Среди этих признаков – особая наглядность образа, со свойственными ему типизацией форм и проработкой деталей. В статье анализируются произведения известных художников-анималистов XX века на примере экспонатов Государственного Дарвиновского музея в Москве, представляющих особый наглядно-изобразительный вариант научно-художественных произведений. Рассматривается концепция анималистического образа в разных видах искусства: в графике, в живописи и в скульптуре. В каждом из этих видов, обладающих своими свойствами выразительности, художники: В. Ватагин, А. Комаров, В. Трофимов и другие сумели реализовать научные идеи в рамках своего художественного мышления, конкретные научные темы в художественные образы. Опора на достижения естественных наук, прежде всего биологии, научное познание животного мира, которые наблюдались в творчестве этих мастеров – одно из условий анималистического искусства XX столетия. Уникальность такого рода искусства состояла как в научно-познавательных, так и эстетических установках.

Ключевые слова: научная иллюстрация, анималистика, художественный образ, специфика изображения, музей, наука, биология, животное, ученый, экспонаты.

SPECIFICITY AND SIGNIFICANCE OF SCIENTIFIC ANIMALISTIC IMAGES IN DOMESTIC ART OF THE FIRST HALF OF 20TH CENTURY

Portnova Irina Vasilevna, PhD in Art History, Associate Professor, Associate Professor of Department of Architecture And Urbanism, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: irinaportnova@mail.ru

Scientific animalistic images, traditionally considered to be the area of zoological illustrations, in the first half of 20th century are understood. The reason was changes in society related to the updating of

scientific thinking and the opening of new branches of biological science. Thanks to the fruitful interaction of animalist artists with scientists-biologists, common understanding of the goals and objectives of the creativity, scientific illustration acquired quality artistic image, without ceasing to meet the scientific goals. From the scope of strict protocol picture preceding centuries ("kunstkamera picture" of the 18th century), it became a work of art with a set of their specific characteristics. These signs indicate the particular visibility image with typing the forms and detail. This article analyzes the works of famous 20th century artists animalists on example exhibits of State Darwin Museum in Moscow, of a particular visual-graphic version of scientific and artistic works. The concept of the animal image in different kinds of art: graphics, painting and sculpture. In each of these types with the expressiveness of their properties, painters V. Vatagin, A. Komarov, V. Trofimov and others were able to implement scientific ideas as part of artistic thinking, specific scientific topics in artistic images. Building on the achievements of the natural sciences, especially biology, scientific knowledge of the Animal Kingdom, seen in works of these masters is one of the conditions of the animal art of the 20th century. The uniqueness of this kind of art was scientifically-cognitive and aesthetic preferences.

Keywords: scientific illustration, animal art, artistic image, image specificity, museum, science, biology, animal, scientist, exhibits.

Интерес художников к анималистической теме в ее научно-познавательном аспекте в начале XX века во многом был обусловлен активизацией научных знаний, в частности, наук, изучающих животных, а также общим ходом развития искусства XX века, ознаменованным многообразием путей и поисков образных решений, расширением диапазона тем. В начале XX века в среде общественности и, прежде всего, научной, все больше проявляется внимание к миру животных и живой природе в целом. Художники, работавшие в этой области, готовили научные анималистические изображения для экспонатуры биологических музеев Москвы. Являясь специфической областью, она впервые нашла такое широкое применение в разных видах изобразительного искусства, решала научные задачи художественными средствами и была востребована в обществе. Художник-анималист Д. В. Горлов описывал процесс, происходящий в обществе. В научных целях требовалось большое количество иллюстративного материала, которого не было в России. Начался период заграничных командировок и экспедиций по родной стране. Возрос интерес к художественным выставкам, на которых художники-анималисты стали заметными фигурами [2] .

Здесь имеет место постановка проблемы соотношения научных и художественных черт. Нам представляется целесообразным рассмотреть специфику научных анималистических изображений на примере изобразительных экспонатов (рисунков, живописных работ), хранящихся в Дарвиновском музее в Москве как наиболее многочисленных.

В 1905 году молодой ученый-биолог А. Ф. Котс задумал создать музей, который бы содержал экспозиции, поясняющие учение английского естествоиспытателя Ч. Дарвина об эволюции органического мира во всей полноте, но средствами не традиционными. Он хотел, чтобы наряду с биологической экспонатурой (чучела), соседствовали произведения анималистического искусства, помогающие глубже проникнуть в «психологию» животных, понять особенности их поведения [4, т. 3, л. 12]. Посещение крупных музеев Европы, личное знакомство со многими учеными способствовали стремлению Котса создать совершенно новый по замыслу и оформлению музей. Во избежание сухого академического принципа расположения материала в основу построения был положен комплексный показ всей экспозиции. Об этом писал Котс: «В каждом звере, в каждой анималистической скульптуре, в каждой из бесчисленных картин мы видели не вещи, ценные лишь сами по себе, не редкостные чучела, гипсы, но аргументы, тесно, органически связанные с основной задачей Дарвиновского музея: дать наглядную и яркую иллюстрацию теории эволюции на земле» [4, т. 2, л. 1].

К работе были привлечены В. А. Ватагин, К. К. Флеров, В. В. Трофимов, Д. В. Горлов, Н. Н. Кондаков, А. Н. Комаров, А. Н. Формозов. Согласно единой концепции экспозиции музея определились основные приемы, подходы к научному изображению как особой научно-художественной области творчества, связанной со спецификой различных видов изобразительных искусств.

Как правило, в научном рисунке автор стремится к объективному, точному, тщательному изображению модели, к локальному цвету-раскраске, повсюду одинаковой передаче деталей. Эти требования сформировались уже в XVIII столетии («кунсткамерный рисунок»). В конце XIX – первой половине XX века, когда шел процесс широкого развития естественных наук и научных методов познания, углублялись знания о природе, описательная наука становилась все больше объяснительной. Принципы научного изображения кардинально не изменились. Здесь по-прежнему требовалась объективная точность, конкретность, тщательность. Однако в XX веке углубленное изучение жизни привело к более точному, документально осмысленному изображению. Тем не менее и в этих границах, в зависимости от умения художника «подать» научный материал, рисунок может выглядеть как законченное станковое произведение, обладая правильным построением композиции, колористическим единством, соподчиненностью целого и деталей.

Русские художники ориентировались преимущественно на работы западноевропейских анималистов XIX – начала XX века (живопись, гравюра), где животные изображались с большой долей проработанности всех форм и деталей. Примером служили яркие иллюстрации немецкого художника, путешественника, певца природы и животных Африки Вильгельма Кунерта в книгах: В. Гааке «Происхождение животного мира» в 3 томах (М., 1903), А. Э. Брэма «Птицы» в 2 томах (М., 1893). Особой популярностью в среде общественности, и не только научной, пользовалось многотомное издание А. Э. Брэма. «Жизнь животных» в 13 томах (СПб., 1911–1915), которые также содержали гравюры Густава Метцеля, Фридриха Шпехта и др. Наглядные красочные картины бытия зверей в естественной среде обитания у В. Кунерта дополнены подробными рисунками немецких мастеров, привлекающих внимание тонкостью исполнения и натуралистичностью в проработке форм. Наглядность, ясность, доступность изобразительного языка – таковы основные требования, предъявляемые к работам мастеров. Произведения должны были легко и естественно вводить в мир отображаемых явлений. В этом плане целостные иллюстрации-картины флоры и фауны далеких мест у немецких анималистов XIX века, показавших все многообразие проявлений жизни животных, создавали это впечатление, а главное наталкивали на мысль соблюдения идейно-изобразительной ясности в экспонировании работ. Выражение Котса «музейно-экспозиционный лаконизм» [1], применяемое им к планированию экспозиций, столь же точно характеризует приемы изображений животных в работах отечественных художников-иллюстраторов.

Главная линия достоверного воспроизведения облика животного характерна для произведений В. А. Ватагина, К. К. Флерова, В. В. Трофимова и др. Она, опираясь на достижения русского академического искусства, включая «иппические» изображения XIX века, наиболее полно отвечала запросам художников-анималистов и предъявляемым к ним требованиям. Однако это не означает, что мастера решали свои произведения по раз и навсегда установленным правилам. Не нарушая требований, предъявляемых к научному изображению, развиваясь в рамках этих тенденций, они в той или иной мере проявляли свою индивидуальность.

В фондах Дарвиновского музея хранятся многочисленные графические работы В. А. Ватагина, В. В. Трофимова на белых и тонированных листах бумаги, выполненных графитным, цветным карандашом, тушью, акварелью, иллюстрирующие сферу зрительного восприятия животных, их способностей к распознаванию цвета, формы, количества предметов, отождествлению их признаков и т. д. Научные рисунки призваны были дать наглядную картину теоретико-практических исследований ученых, в частности Н. Н. Ладыгиной-Котс, отобразить весь калейдоскоп поведения животных. Некоторые из рисунков выполняли роль этюдного материала для будущих картин и скульптур музея.

Самая большая серия рисунков принадлежит В. Ватагину. В них дано изображение юного шимпанзе «Иони», с которым работала Ладыгина-Котс в разные моменты его эмоциональных состояний (радость, страх, волнение и т. д.): «Различные выражения лица и поз шимпанзе Ионии» (карандаш), «Реакция шимпанзе на чучело сороки» (тушь), «Выражение печали и волнения у шимпанзе Ионии» (1913–1915, цветной карандаш, ГДМ) и др. Другая группа представляет попугаев за работой (выбор цветных геометрических фигу-

рок): «Попугай Ара. Выбор по цвету», «Попугай Амазон. Выбор по цвету», «Попугай Жако. Выбор по цвету» (1920, тонированная бумага, карандаш, ГДМ). Третья серия запечатлевает собак в спокойных сидячих позах: «Собака Миа № 1», «Собака Дуа № 2», «Собака Трия № 3» (1920, акварель, ГДМ).

Большинство рисунков – наброски и зарисовки, что было необычно для научной иллюстрации в ее традиционном понимании. Однако именно в них возможно непосредственно и живо отразить черты поведения зверей и птиц. И все же за непривычной для научного рисунка эскизностью стоял исследовательский подход, так как они служили научным целям. Часть из них, например, рисунки с изображением шимпанзе предназначались для научной книги Ладыгиной-Котс «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях» (М., 1935). Здесь особенно четко выступает интерес к поведению животных.

Изобразительный строй рисунков, сильно отличный от общепринятых приемов научного изображения, в полной мере использовал навыки быстрого натурного рисунка в зоопарках. Сказалось обостренное восприятие натуры и обнаружилось умение «цельно» видеть. В работах отсутствует буквальная, подробная передача деталей. Напротив, всего несколькими линиями быстро и точно запечатлено главное, характерное. Это умение художника А. Ф. Котс сравнивал с А. П. Чеховым, видя в них родство в выражении «широты искания образов и сжатости их выявления» [1].

Некоторые аналогии с графическими работами Ватагина можно отметить у В. Трофимова. В 1930-е годы по заказу Ладыгиной-Котс художник выполнил большое количество зарисовок обезьян шимпанзе, содержащихся в то время в Московском и Тбилисском зоопарках. Рисунки, которые были сделаны во время проведения опытов известной исследовательницы, запечатлевают обезьяну в момент ее манипуляций с различными предметами, то есть конструктивно-орудийной деятельности. Смелые штрихи темного карандаша подчеркивают все моменты поз и движений животного. Но в отличие от рисунков Ватагина, в них акцент делается не на линии, а на светотеневой моделировке. Трофимов как бы пытался примирить первые натурные впечатления с конкретным, законченным видением действительности. Здесь нет обобщенного впечатления от натуры, как в рисунках Ватагина, где частности уходят из поля зрения, рождая особую цельность восприятия.

Данные произведения Ватагина, Трофимова можно было бы назвать «этологическими». Это особая разновидность научного изображения, когда посредством характерных поз и движений передаются важные моменты жизнедеятельности животных, так называемые демонстративные ритуальные позы. Биологи характеризуют их как стереотипную последовательность своеобразных движений, предназначенных для воздействия на партнера и других членов сообщества. Обладая броскостью и заметностью, заключая в себе конкретное содержание, как основное информационное и коммуникативное начало, эти позы, изображенные весьма цельно и лаконично, приобретают символический характер, соответствующий их знаковости в реальной жизни. Лаконизм формы обусловлен здесь задачами научного рисования. При использовании этих поз-символов наиболее предпочтительной оказывалась абстрактно-знаковая природа графики. Линия, силуэт и пятно, выступающие на белом поле бумаги, обладают большой выразительностью. Посредством них художник получает возможность заострения основной идеи и абстрагирования от всего лишнего. Определенные этологические позы и их устойчивая повторяемость как бы канонизируются.

Эти рисунки, призванные служить подсобным материалом в работе художника-анималиста, оказывались полезными и для мастера-таксидермиста (изготовителя чучел животных). Точное, верное и лаконичное воспроизведение художником поведенческих поз животных позволяет таксидермисту на предварительных этапах работы понять, а в дальнейшем воссоздать эти позы в композиционной биологической группе.

Рисунки, сделанные под определенным углом зрения, соответственно имеют пользу для науки, ибо содержат «этологическую» трактовку. Она же является богатым материалом для изучения поведения животных, использования для анализа эмоциональной сферы зверей в области описательной этологии, в частности, применение метода этограмного анализа – передачи характерных для вида поведенческих актов.

В фондах Дарвиновского музея хранится значительное количество набросков, зарисовок, этюдов В. А. Ватагина, А. Н. Комарова, Н. Н. Кондакова к живописным работам. Существующее между ними единство композиционного построения, масштаба фигур животных и стилистики способствовало созданию единого комплекса произведений, не лишенных качеств монументально-декоративного панно.

Ватагин писал картины на темы зоогеографии биопсихологии, детства животных, А. Комаров на темы изменчивости в животном мире, лошадей и собак на службе у человека, К. Флерова интересует происхождение домашних животных, животные в среде, ископаемые животные. Н Кондаков отдает предпочтение изображению подводного мира морских глубин.

К разделу экспозиции «Приспособление у животных» (демонстрирующей как животные приспосабливаются к различным условиям обитания) Ватагин написал два цикла картин «Приспособление орлана-белохвоста» и «Приспособление бурого медведя» (1930-е, фанера, масло).

Среда играет равноправную роль и является организующим элементом всех картин. С большой точностью переданы все характерные элементы той или иной географической зоны. В своей изобразительной структуре они завершены. Научно понятые, претворенные в образ-тип с четко выявленными характерными признаками вида, звери и птицы принимают черты образа-идеала. Звери словно опасаются сильных движений, чтобы не нарушить построенность всей сцены.

В картинах А. Комарова, «Географическая изменчивость волка», «Географическая изменчивость медведя» (1930-е, холст, масло, ГДМ), аналогично ватагинским, животные и среда объединены общей идеей и предстают в большей степени как единое живописное целое. По верному выражению А. Ф. Котса, Комаров чувствовал зверя, «как кусок ландшафта, а ландшафт как личное переживание», он впервые внес «в стены Дарвиновского музея подлинный “мазок” и подлинное “масло”, подлинного дикого, а не “зоопарковского” зверя» [3, л. 5]. Если концепция ватагинской картины характеризуется приверженностью художника к зоологической точности, порождающей стремление к структурной законченности, замкнутости и уравновешенности целого, то концепция комаровской картины пленэрно-живописная. Напрашивается аналогия с произведениями шведского живописца конца XIX – начала XX века Бруно Лильефорса, которому удавалось живописать зверей и природу во всей красочности, изысканности цветовых сочетаний и свежести первого впечатления. Его многочисленные герои, охотящиеся, кормящие свое потомство, отдыхающие в лесных чащах, на лугах, заснеженных полянах, вводят зрителя в заповедный мир звериной жизни на широких географических просторах земного шара. Несмотря на то, что Комаров был ограничен научной тематикой, в сериях своих картин он показал мастерство в запечатлении жизненных сцен не столько средствами подробного научного иллюстрирования той или иной биологической темы, сколько акцентированием самого действия, характеризующего тему, и обрисовкой характера персонажей.

Таковы: «Доберман на розыске», «Английские борзые с зайцем», «Западноевропейская легавая», «Сеттер Лаверак и ирландский сеттер на охоте», «Фокстерьеры с лисицей», «Ньюфаундленд с детьми», «Сенбернар», «Пестрый дог», «Собака колли – санитар», «Ньюфаундленд – спаситель» (1936–1939, холст, масло, ГДМ). Произведения посвящены теме охоты с собаками разных пород. По выражению Котса, «этот изумительный ассортимент мастей, форм, нравов и инстинктов» [3, л. 15], представлен в бытовых сюжетах. Красочная, близкая пленэру живописная интерпретация работ Комарова, без деталей и подробностей придает сценам ощущение живой действительности. Если у В. Ватагина это ощущение подчеркивалось больше тоном и его градациями, то у А. Комарова, а также К. Флерова цветом и мазками. Корпусный, сочный мазок Флерова (серия картин по палеонтологии: «Мамонт», «Ископаемый бизон», «Стегозавр» и др., 1938, фанера, масло, ГДМ), сочетающийся с тонкой цветовой нюансировкой, еще более смелый, раскованный, почти импрессионистический у Комарова, в живописной системе этих художников являются элементом не только красочным, но и композиционно-конструктивным. При всем различии в манерах, художники решали одну задачу − всеми доступными им выразительными средствами живописи создать предельно осязае-

мую картину природной жизни, показав реальных животных на реальном пейзажном фоне.

Наряду с живописными, для музея создавались скульптурные работы, над которыми трудились Вватагин, Трофимов, Флеров. Этот аспект научно-изобразительной деятельности, необычный для научной иллюстрации, также имел целью раскрытие основных идей Ч. Дарвина и играл роль экспонатуры. Художникам предстояло претворить научно-конкретные идеи в пластические образы. «Приспособление», «Изменчивость», «Антропогенез» – таковы научные темы, которые предполагалось скульптурно оформить. В середине 1930-х годов К. Флеров выполнил ряд объемных реконструкций обликов ископаемых животных – предшественников современных хоботных. В. Трофимов представил эволюционный ряд от тапира до лошади, а также ряд скульптур с изображением разных животных (слон, бегемот, лев, козерог, муравьед и др.) в отделе «Приспособление».

Тема приспособления к среде обитания зверей была подробно, поэтапно раскрыта в серийных картинах Ватагина. Показ окружающей среды (важное условие приспособления к жизни животных) в скульптуре, как известно, труден и, подразумевая неизбежную условность, мастер рискует вступить в диссонанс с документально-точным изображением основного объекта – животного. Поэтому предполагалось показать каждую особь как некий целостный тип ранней формы, освобожденный от поздних наслоений эволюции. Например, обобщенный образ лисы в гипсовой скульптуре Ватагина (1913), а не животного с его подвидами, образ-тип кенгуру, сивуча, бурого медведя, орлана-белохвоста (1917, гипс, ГДМ), предков современных лошадей В. Трофимова (1936–1938, гипс, ГДМ), вымерших ископаемых животных Флерова (1937–1940-е, гипс, ГДМ) и т. д. Аналогичная задача стояла перед Флеровым − «скульптурно воплотить в естественных размерах облики гигантских чудищ, населявших некогда разрозненные уголки земного шара, ныне населенные их мелкорослыми сородичами» [4, т. 3, л. 11]. Это была задача, решать которую приходилось, беря в расчет ограниченность музейной площади.

Флеров выполнил фигуру гигантского страуса «Динорнис» с использованием имеющихся в музее слепков, «Мегаладаписа», «Мегатерия» Мадагаскарского лемура, муравьеда-ленивца. Скульптурные произведения по своим изобразительным принципам весьма близки скульптурам Ватагина, Трофимова, а именно, тяготением к обобщенной, несколько сглаженной пластике, конкретностью форм и общей законченностью. Причина сходства заключается не в прямом подражании работам указанных мастеров, не только в единстве требований и подходов к научному изображению, но и в определенных свойствах материала: глины, гипса. Глина служила для эскизов моделей, в том числе и в величину окончательного варианта. Большая скульптура переводилась в гипс, который был универсальным материалом в музее. Кроме того, гипс давал возможность передать все подробности глиняной модели. Используя это свойство, художники уже в глиняной модели искали законченное решение. Правда, недостаток данного материала состоял в том, что он не всегда отвечал характеру анималистического образа. Его серовато-белый цвет придавал ему условность и отвлеченность. Такая скульптура требовала тонировки. Ряд скульптур Ватагина к разделу «Антропогнез» тонирован под темное дерево, скульптуры Трофимова, Флерова тонировки не имеют.

Характерно, что стилистика скульптур этих мастеров, подчиняясь задачам изобразительной популяризации, отличается тяготением к натуральности. Обобщенные формы мягко моделируются, детали точно переданы. Такая скульптура не будет выглядеть чуждой и неуместной в экспозиции биологического музея, так как элементы обобщения, как и вся ее формообразующая структура четко подчинены выражению научного содержания. Отсюда проистекает различие типизации в научном и художественном скульптурных образах. В первом случае степень обобщения видимых реальных форм, регулируется потребностью донести до зрителя научную идею, во втором – этот процесс зависит как от индивидуальной художественной концепции автора, так и от его причастности к тому или иному стилевому явлению.

Таким образом, произведенный анализ графических, живописных, скульптурных работ, разрабатываемых в качестве экспозиции для биологического музея, казалось бы, далеких от постановки собственно художественных задач, рас-

крывает характер анималистического искусства первой половины XX века, важной особенностью которого является наличие устойчивого интереса к изучению животных в сфере науки. Опора на достижения естественных наук, прежде всего биологии, научное познание животного мира, которые наблюдались в творчестве В. А. Ватагина, А. Н. Формозова, Н. Н. Кондакова, А. Н. Комарова, В. В. Трофимова, – все это было одним из условий анималистического искусства XX столетия. Иными словами, художественная интуиция опиралась на прочное знание. Красноречивым свидетельством такого подхода явилось обширное наследие художников в области научной иллюстрации, а научные произведения художников, разрабатываемые в качестве экспозиций для музея и поясняющие труды зоологов, в целом оказали влияние на анималистику той эпохи.

Литература

1. Анимализм в свете Дарвина и Гете. Доклад на собрании художников в клубе МОСХа 19 февраля 1946 года // ГДМ. Архив А. Ф. Котса. – № 10141. – Т. 5. – Л. 370.
2. Горлов Д. В. К выставке В. А. Ватагина. Статья. 1965 // РГАЛИ. – Ф. 3022. – Оп. 1. – Ед. Хр. 177. – Л. 12, 13.
3. Жизнь родной природы в отражении творчества большого мастера. Живописные работы Алексея Никаноровича Комарова для Государственного Дарвиновского музея // ГДМ. Архив А. Ф. Котса. – № 10141. – Т. 3.
4. К истории экспонатуры Дарвиновского музея // ГДМ. Архив А. Ф. Котса. – № 10141.

References

1. Animalizm v svete Darvina i Gete. Doklad na sobranii Khudozhnikov v klube MOSKHa 19 fevralya 1946 goda [Of Animalism in light of Darwin and Goethe]. *GDM. Arkhiv A.F. Kotsa*, no. 10141, vol. 5, L. 370. (In Russ.).
2. Gorlov D.V. K vystavke V.A.Vatagina. Stat'ya. 1965 [To exhibition V.A. Vatagin]. *RGALI*, F. 3022, Op.1, Ed. Khr. 177, L. 12, 13. (In Russ.).
3. Zhizn' rodnoy prirody v otrazhenii tvorchestva bol'shogo mastera. Zhivopisnyye raboty Alekseya Nikanorovicha Komarova dlya Gosudarstvennogo Darvinovskogo muzeya [The life of mother nature in the reflection of the creativity of the great master. Paintings by Alexei Nikanoroviča Komarov for State Darwin Museum]. *GDM. Arkhiv A.F. Kotsa*, no. 10141, vol. 3. (In Russ.).
4. K istorii eksponatury Darvinovskogo muzeya. [The history of èksponatury Darwin Museum]. *GDM. Arkhiv A.F. Kotsa*, no. 10141. (In Russ.).

УДК 004.92

ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ ГЕЙМ-ДИЗАЙНА КАК ВИДА ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВАНИИ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ АППАРАТНОЙ ЧАСТИ

Казакова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, преподаватель, кафедра дизайна среды, Московский государственный университет дизайна и технологии (г. Москва, РФ). E-mail: temporary-use@mail.ru

В статье выявляются закономерности, обусловливающие изменение формальных и структурных признаков различных игровых проектов в зависимости от улучшения технических характеристик аппаратной части устройств, на которых данные проекты воспроизводятся. В рамках данного исследования предпринята попытка выделить основные генерации персональных компьютеров, игровых консолей и мобильных устройств на основании появления в их аппаратной части устройств и характеристик, делающих возможным появление новых форм игровой деятельности в рамках разрабатываемых на них игровых проектов. Научная значимость подобного подхода заключается в возможности научного прогнозирования вектора дальнейшего развития как индустрии интерактивных развлечений в целом, так

и отдельных жанров игр, базируясь на понимании механизмов и закономерностей, обуславливающих взаимосвязь в развитии программного и аппаратного обеспечения. Практическая же значимость данного исследования состоит в возможности выработки инновационных подходов к созданию игровых проектов, предвосхищающих тренды, актуальные на момент релиза, и при этом максимально полно отвечающих ожиданиям и предпочтениям целевой аудитории. На основании многочисленных исследований, проведенных ведущими специалистами в сфере информационных технологий, людологии, цифрового дизайна и гейм-индустрии, выявляются и анализируются обусловленные появлением новых технологий и параметрическими показателями устройств особенности механики и визуального ряда компьютерных, видео- и мобильных игр. Одним из основных выводов данного исследования является установление причинно-следственной связи между появлением новых художественно-экспрессивных средств в визуальной составляющей игровых проектов и новых способов взаимодействия пользователя с программой и внедрением в массовой производство инновационных технологий, используемых в гейм-дизайне для формирования максимально положительно воспринимаемого пользователями насыщенного игрового опыта. Результаты данного исследования, охватывающего область художественной эстетики и информационных технологий, могут применяться при разработке отечественных видео- и компьютерных игр, а также игр для мобильных устройств, чьи технологические, эстетические и потребительские свойства обеспечат достойную конкуренцию иностранным аналогам.

Ключевые слова: геймплей, гейм-дизайн, игровая консоль, WAP, мультиплеер, индустрия интерактивных развлечений, игровая платформа, казуальные игры, мобильные устройства.

DEVELOPMENT PARADIGM OF GAME DESIGN AS A PROJECT-ORIENTED DISCIPLINE ON THE BASIS OF MAIN STAGES IN EVOLUTIONARY CHANGES OF HARDWARE

Kazakova Natalya Yurevna, PhD in Philology, Instructor, Department of Environmental Design, Moscow State University of Design and Technology (Moscow, Russian Federation). E-mail: temporary-use@mail.ru

The present article reveals the regularities underlying the changes in formal and structural characteristics of various game projects depending on the specification improvement in the hardware of the devices, which are used as a game platform. The present study is aimed at singling out separate generations of personal computers, game consoles and portable devices on the basis of the presence of components, peripheral devices and features enabling the appearance of new forms of play activity within the framework of game project development for a specific platform. The scientific importance of the present approach is conditioned by the possibility of scientific foresight to predict the vector of further development of both game industry on the whole and separate game genres based on the understanding of mechanisms and tendencies, influencing the relationship between the evolutionary changes in hard- and software. Practical implications of the study lie in the possibility to find new approaches for the development of new game projects anticipating the tendencies and trends that will dominate the market upon their release and fully satisfying the needs and expectations of their target audience. On the ground of numerous scientific researches carried out by leading specialists in the field of IT, ludology, digital design and game industry unique traits of game mechanics and visuals of computer, video and mobile games are highlighted and structured taking into account the introduction of new devices and technical parameters, which enabled their development. The attempt to identify the cause-and-effect relationship between the introduction of new artistic-expressive means in the visual aspect of game projects, new ways of user-friendly interaction with software and the introduction of innovative technologies in mass production, that are used in game design to ensure a rich game experience, that is most positively perceived by the target audience is among the main results of the study. The findings of the present paper that

comprises the field of aesthetics and information technologies can be used in the development process of new computer, video and mobile games on the territory of the Russian Federation whose technical and aesthetical features as well as end-user performance will be able to provide keen competition to their foreign competitors.

Keywords: gameplay, game design, game console, WAP, multiplayer, game industry, platform, casual games, mobile devices.

Гейм-дизайн является процессом принятия решений о том, какой будет общая концепции проекта, включая стилистику визуальной части, содержание игровой деятельности, а также регламентирующие её правила [11, p. 38]. При этом надо понимать, что целью создания новых игр, используемых как инструмент трансляции духовных и культурных ценностей, традиционно является включение индивида в социум посредством усвоения им норм данного социума, равно как и получение умений и навыков, способствующих улучшению качества жизни и/или на достижению более высокого социального статуса [1]. Гейм-дизайн как вид проектной деятельности ориентирован на разработку игровых проектов, максимально полно отвечающих потребностям, ожиданиям и предпочтениям членов определенного социума или группы, являющихся целевой аудиторией данных проектов. Сегодня данная проектная дисциплина является крайне высокотехнологичной и объединяет в себе новейшие разработки в сфере информатики и программирования, используя при этом инструментарий различных видов искусства, среди которых особенно значимо влияние кинематографа, графических новелл и комиксов, цифрового и медиадизайна.

Изучение парадигмы развития видео- и компьютерных игр как вида интерактивных развлечений позволяет точнее понять базовые принципы гейм-дизайна.

Практикующие гейм-дизайнеры Ф. Дилл и Дж. Платтен [3, p. 11–13], несколько упрощая, подразделяют историю развития дисциплины на три основных этапа, выделенных на основании уровня производительности аппаратной части:

- первым этапом стали так называемые «примитивные компьютерные игры», возникшие в момент становления индустрии и включающие в себя ранние аркады и текстовые игры, существовавшие в рамках жесточайших ограничений со стороны аппаратной части. Визуальная составляющая или отсутствовала вовсе, или была настолько примитивной, что привлекательность ей могло придать лишь применение воображения и абстрактного мышления со стороны пользователя. Однако уже данном этапе стали появляться игровые проекты, ориентированные на высокую скорость реакции и хорошую координацию руки и глаза, чей геймплей был аддитивным (то есть вызывал желание продолжать игровой процесс);
- с момента ввода в обиход оптических дисков (CD-ROM) как способа хранения значительного объема информации начался этап мультимедиа-игр, чьей особенностью стала интерактивность, позволявшая геймеру активно взаимодействовать с виртуальным миром игры. На рынке в определенный момент наблюдался переизбыток проектов, ориентированных лишь на демонстрацию интерактивных возможностей при невысоких потребительских и эстетических свойствах. Взрывной рост популярности данного феномена привел к появлению интерактивных фильмов («I'm your man», 1992, и «Mr. Payback», 1995), позволявших зрителям, нажимая на кнопки, влиять на развитие сюжета, что приводило к одному из заранее отснятых финалов. На сегодняшний день в гейм-дизайне выделяют три типа интерактивности: взаимодействие пользователя с технологией (например, возможность делать снимки игрового экрана и пересылать их посредством встроенных в игру сервисов); взаимодействие пользователя с программой-игрой (это и есть геймплей, в рамках которого игрок совершает действия, на которые игра определенным образом реагирует); взаимодействие игроков друг с другом в рамках геймплея, что наблюдается в рамках онлайн-игр [8, p. 143].

Значимой вехой данного этапа, окончившегося в 1996 году, стало появление игр с интерактивными видеовставками в формате FMV (англ. Full Motion Video). Данный подход, за счет применения передовых на тот момент технологий, позволявший путем сжатия видеоматериала использовать видеоклипы как основу геймплея, использовался в игре в жанре ужасов – «The 7th Guest» (1993), от компании «Trilobyte».

Эта игра, проданная в количестве более 2,0 млн экземпляров, привела к резкому увеличению продаж компьютеров с оптическим приводом CD-ROM, что сделало ПК конкурентоспособной игровой платформой [5];

• этап высокотехнологичных игр, продолжающийся и по сей день, начался с выходом игровой консоли «PlayStation», задавшей на тот момент невиданный стандарт реалистичности визуального ряда, что в купе с появлением поддерживающих эффект трёхмерности видеокарт на ПК, сделало стремление к реалистичности основным трендом наряду с режимом мультиплеера и онлайн-сервисами. При этом, однако, технологические инновации и постоянное повышение уровня реализма в графике не привели к принципиальным изменениям в плане гейм-дизайна, поэтому сегодня большинство представленных на рынке проектов являются творческим переосмыслением ранее выпущенных игр, что, не являясь явным признаком стагнации, всё же говорит о творческой стабилизации отрасли, ставшей, тем не менее, более популярной, чем телевидение, а в некоторых странах и более доходной, чем кинематограф [4].

Что касается эволюционных изменений в игровом контенте для персональных компьютеров, впервые ставших доступными для массового потребителя с конца 1970-х годов, то они оказали колоссальное влияние на становлении индустрии интерактивных развлечений. Прослеживая качественные изменения, происходившие в компьютерных играх с течением времени, как правило не выделяют какие-либо «поколения» аппаратной части (в отличие от консолей, о которых речь пойдет ниже) ввиду чрезвычайно большого количества производителей комплектующих с различными характеристиками. Вместо этого, критерием, обуславливающим парадигму развития игровых проектов, становится появление новых способов взаимодействия аппаратной и программной части с пользователем. Так, ранние «примитивные» компьютерные игры хранились сначала на магнитной пленке и дискетах, отображались на экране осциллографа и копировали эстетику и механику популярных на тот момент аркад. Однако появление на потребительском рынке клавиатуры в 1980-х годах явилось причиной возникновения новых жанров игр, таких как текстовые приключения, среди которых особо выделяется проект «Adventure» У. Краузера, в котором присутствовало текстовое описание системы пещер, где требовалось найти сокровища, решив в процессе головоломки и победив противников.

Из-за того, что ПК, в отличие от аркад, сделали игровой процесс бесплатным, пользователи могли сами регулировать его длительность, что привело к стремительному увеличению проводимого перед монитором времени, обусловив возможность появления таких требовательных к количеству игрового времени жанров как стратегии и симуляторы. Так, на территории Великобритании индустрия игровых развлечений зародилась практически в одночасье, как результат мгновенно возникшей на массовом рынке популярности выпущенного в 1983 году компьютера «ZX Spectrum». На территории же Северной Америки первым массовым домашним ПК стал «Commodore 64», использовавшийся в основном в качестве игровой консоли [9, p. 37]. На японском рынке в 1983 году появился компьютер «MSX», призванный стандартизировать компьютерный формат по аналогии со стандартом кассетных магнитофонов VHS, чего сделать, к сожалению, не удалось.

Развитие аппаратной части, постоянное увеличение объема памяти и, главное, переход на CD и DVD диски в качестве носителя информации сделали игровой процесс более зрелищным, насыщенным и сложными. Одним из выдающихся примеров работы с новыми возможностями компьютерной графики стала вышедшая 1993 году игра «Myst», демонстрировавшая не только пейзажи с высокодетализированными текстурами, казавшимися на тот момент фотореалистичными, но и альтернативную концовку, зависевшую от принятых пользователем решений. Популярность игр в жанре «шутер от первого лица» стала стремительно возрастать после введения в обиход массового пользователя запатентованной в 1970 году компьютерной мышки, реализующей принципиально новый способ взаимодействия с ПО. К середине 1990-х годов персональный компьютер стал доминирующей игровой платформой, и на сегодняшний день являющейся основной для таких жанров, как многопользовательские онлайн-игры, стратегии и шутеры от первого лица.

Гейм-дизайнер Р. Костер, говоря об эволюции дисциплины, особенно подчеркивает важность

в данном процессе не технологических инноваций, но изменений игровой механики, под которой понимают совокупность внутриигровых предметов, персонажей и ситуаций, с которыми игрок вступает во взаимодействие в рамках игровой деятельности, а также правил, данную деятельность регламентирующих [11, p. 158]. Так, Костер заявляет, что на всем протяжении существования индустрии было разработано всего 5 видов файтингов (англ. fighting, жанр видео- и компьютерных игр, с разной степенью реалистичности симулирующих поединки с применением различных боевых искусств). Подкрепляя данное утверждение, кажущееся парадоксальным, учитывая огромное разнообразие и количество данного жанра, Костер приводит следующую типологию игровых проектов в хронологическом порядке их появления на рынке:

- прообразы игр в жанре «файтинг», представленные играми типа «камень-ножницы-бумага», в которых отсутствует возможность перемещения в игровом пространстве, но игроки могут поочередно совершать ходы с целью одержания победы над противником;
- ранние «файтинги», где противоборствующие стороны имели возможность двигаться или навстречу друг другу, или в противоположном направлении;
- «файтинги», в рамках которых персонаж должен сражаться с группами оппонентов, перемещаясь при этом приставным шагом в горизонтальной плоскости;
- 3D-«файтинги», впервые позволившие игрокам разворачивать свой персонаж под произвольным углом к камере и использовать так называемые «комбо», представляющие собой последовательность действий, наносящих максимальный урон противникам;
- 3D-файтинги, дающие пользователю возможность без ограничений перемещать персонаж в пределах игрового мира.

Также Костер отмечает и общую тенденцию к усложнению игрового процесса в рамках одного жанра, выражающуюся в том, что непосредственно в процессе становления жанра игры, в него входящие, по уровню сложности доступны для массового потребителя, однако при дальнейшем развитии в геймпплей привносятся всё более сложные элементы механики. Данный процесс усложнения продолжается до тех пор, пока отдельный игровой проект или жанр в целом не переходят в разряд нишевых продуктов, доступных для освоения лишь тем пользователям, кто готов инвестировать в игровой процесс значительные временные ресурсы [7, p. 78].

Продолжая изучать эволюцию геймплея и визуальной составляющей, необходимо рассмотреть и этапы развития аппаратной части, обусловившей разительные качественные изменения эстетических и потребительских характеристик игровых проектов за относительно короткое время существования индустрии интерактивных развлечений.

Так, в середине XX века появились компьютеры и телевидение, значимость которых в формировании современного образа жизни и вектора развития человечества в целом сложно переоценить. Первые компьютерные игры также появились в 1950-х годах, а их первыми разработчиками и потребителями были учащиеся и сотрудники научных лабораторий. Мейнфреймы, представлявшие собой универсальные серверы, стали средой разработки и платформой для первых игр в жанре «шутер» (англ. shooter, «стрелялка»), ориентированных на устранение виртуального противника посредством ведения прицельного огня. Например, участники клуба «Tech Model Railroad Club» Массачусетского технологического института разработали игру «Space war!» для мейнфрейма стоимостью в астрономические на тот момент 120 тыс. долларов [9]. В 1948 году Т. Голдсмит совместно с Э. Манном разработал и запатентовал симулятор ракеты, позиционировавшийся как «развлекательный аппарат на базе электронно-лучевой трубки» и имитировавший полет ракеты на экране осциллографа. В 1952 выпускник Кембриджа А. Дуглас в рамках своего научного исследования о взаимодействии человека с компьютером написал для университетского компьютера «EDSAC», что обозначает «Электронный автоматический вычислитель с памятью на линиях задержки», имитирующую игру в крестики-нолики программу «OXO».

Представленный на выставке в Британии в 1951 году компьютер «Nimrod» был создан специально для игры «NIM», в рамках геймплея которой пользователю предстояло собирать жетоны [5, p. 16]. В 1958 году физик У. Хигинботам

разработал проект «Tennis for two», представлявший собой первую многопользовательскую игру с графическим интерфейсом, которая мгновенно завоевала популярность у массового потребителя.

Из-за того что геймплей первых игр типа упомянутых выше «OXO» (1952), «Spacewar!» (1962), а также «Colossal Cave» (1976) воспроизводился на черно-белых экранах осциллографов, визуальная их составляющая была предельно примитивна или полностью отсутствовала. Одним из налагаемых аппаратной частью ограничений стал зеленый цвет графики, ставший впоследствии колористическим символом эпохи «примитивных» компьютерных игр.

Особую роль в развитии гейм-дизайна в частности и игровой индустрии в целом сыграли аркадные игры, первая из которых «Computer Space» была создана Т. Дабни и Н. Бушнеллом в 1971 году. Специально для нее был создан крайне футуристический по дизайну автомат, спроектированный и произведенный компанией «Nutting Associates».

Скорость развития индустрии интерактивных развлечений, равно как и её популярность у широких масс за счет использования простой анимации, ярких цветов и непритязательных мелодий, значительно возросла в 70-е годы. Такие изменения в визуальной составляющей обусловливались тем, что в ранних аркадных играх использовалась векторная графика. Применение же растровой графики позволило начать использовать мультипликационный стиль оформления игровых проектов, что привело к облегчению восприятия геймплея у массового пользователя. Такие персонажи игр как Пак-Мэн и Донки Конг практически в одночасье стали повсеместно узнаваемы. Постепенно, во многих игровых проектах нашли свое отражение распространенные у обывателей типы досуга, такие как пин-понг в игре «Pong» или автомобильные гонки в симуляторе «Gran Track», специально для которого компания «Atari» создала инновационный автомат с рулем и рычагом переключения передач. Здесь стоит отметить, что, развиваясь, игры стали отражать не только популярные формы времяпрепровождения, но и страхи и опасения общества. Так, например, в 1980 году компания «Atari» выпустила игру «Missile Command», тематикой которой стала злободневная угроза холодной войны, что, в свою очередь, серьезно пошатнуло предвзятое отношение к играм как неподходящей форме освещения и осмысления серьезных проблем [9, p. 8]. Другой популярный проект «Asteroids» использовал уникальную на тот момент механику, заключающуюся в том, что бездействие пользователя в определенный момент геймплея могло стать выигрышной стратегией преодоления скопления астероидов, в то время как другие игры требовали постоянного деятельного участия игрока.

В 1977 году корпорация «Mattel» вывела на рынок продукт «Auto Race», инновационное портативное устройство с динамиками, дисплеем и контроллерами, позволявшее запускать различные игры, а не одну или две, как в подавляющем большинстве представленных на тот момент устройств. Популярность «Auto Race» подстегнула у пользователей новый виток интереса к играм и положила начало гонке за разработку новых и игровых систем [8, p. 21].

К середине 80-х годов распространенность аркадных видеоигр, в рамках которых вырабатались новые направления и жанры, стала практически повсеместной. Аркадные автоматы при этом стали более производительными и визуально более привлекательными, хотя удачные инновационные решения в аппаратной части и оформлении автоматов встречались и ранее, как, например, в аркаде «Sea wolf» 1976 года, где для прицеливания использовался перископ.

Релиз 1983 года под названием «Dragon's Lair» совершил прорыв в качестве визуальной составляющей благодаря сглаженному изображению, достигавшемуся за счет келевой анимации, в которой подвижные элементы сцены отрисовываются на прозрачном материале, келе, и накладываются на созданный отдельно фон. Кроме того, в игре было предусмотрено 50 вариантов смерти главного героя, что также было необычно и привлекательно для широкой аудитории. Этот проект стал источником вдохновения для другой необычной разработки, созданной Э. Шайи в 1991 году, в которой для повышения насыщенности визуального ряда впервые применялись полигоны [9, p. 41].

В конце 1990-х качество изображения на домашних консолях и персональных компьютерах впервые превзошло графику аркадных автоматов, что привело к резкому снижению интереса

к ним и стало началом эры игровых приставок как нового стандарта качества изображения и производительности. Говоря об эволюции игровых проектов в рамках качественных изменений в аппаратной части приставок, под которыми понимается игровая платформа, предназначенная, в отличие от аркадных автоматов, для использования в жилом помещении и использующая для вывода изображения экран телевизора или монитор и имеющая диверсифицированную систему управления в виде контроллера, позволяющего играть в различные игры, стоит отметить, что на сегодняшний день выделяют 8 поколений игровых приставок, каждое из которых обусловило появление принципиально новых элементов в гейм-дизайн или способствовало изменению уже существующих [14].

• Первое поколение, отличительными чертами которого являлись бинарные цвета, отсутствие звука, состоящая из простейших геометрических фигур графика, было представлено на рынке с 1972 по 1977 год. Первой домашней игровой консолью принято считать выпущенную в 1972 году «Magnavox Odyssey», в которой посредством картриджей активировались предустановленные игры, что заложило основы современных многофункциональных консолей. Прототипом данной приставки, равно как и всего класса устройств, явилась так называемая «коричневая коробка» Р. Баера (англ. brown box), предпосылки к созданию которой датируются 1951 годом. Баер хотел создать специальный телевизионный канал «Let's Play!», позволяющий телезрителю запускать интерактивные игры на свободной частоте. Готовый продукт, выпущенный в 1967 году, позволял двум пользователям с помощью особого «светового пистолета» (англ. light gun) переключаться между 16 находящимися на картридже играми. Многие идеи Р. Баера, пренебрежительно отвергнутые и не реализованные в то время, на данный момент стали глобальными трендами, приносящими колоссальную прибыль. Так, попытки Р. Баера разработать мультиплеер, то есть режим, при котором игроки могут удаленно координировать свои действия в рамках игровой деятельности, были реализованы лишь через 30 лет, равно как и его желание использовать кабельное телевидение как платформу для дистрибуции игр, которое на сегодняшний день нашло воплощение таких сервисов, как «Sony PlayStation Store» и многих других, а спроектированный Баером световой пистолет стал прообразом беспроводного джойстика [5, p. 19].

Популярность приставок повышала и грамотная маркетинговая политика многих компаний-производителей. Так, например, в рекламной кампании «Magnavox Odyssey», а позже и «Nintendo» использовались образы не только самой приставки, но и демонстрировались играющие в неё люди, что облегчало подсознательную интеграцию подобных устройств в обиход и подчеркивало их социальную значимость, как продукта, позволяющего качественно провести время в кругу друзей и семьи.

Более того, картриджи вскоре снова с триумфом вернулись уже в приставках второго поколения. К ним относится «Fairchild VES», выпущенная одним из пионеров так называемой «Кремниевой долины» «Fairchild Semiconductors» в 1976 году и позволявшая использовать различные игры на картриджах.

• К особенностям консолей второго поколения (1976–1983) относят основанную на микропроцессоре игровую логику; наличие искусственного интеллекта (англ. artificial intelligence), руководившего действиями противников в одиночном режиме; использование ROM-картриджей, позволявших запускать разные игры на одной приставке; наличие до трех аудиоканалов; графику, основанную на спрайтах; наличие от 2 до 16 основных цветов.

К наиболее популярным моделям приставок этого поколения причисляют вышедшую в 1977 году «Atari 2600», ставшую новым трендом в досуговой деятельности. Кроме того, на приставку «Atari» впервые была портирована (перенесена) культовая игра для аркадных автоматов «Space Invaders», об уровне популярности которой свидетельствует тот факт, что после ее релиза в Японии начался дефицит монет, использовавшихся в автоматах для оплаты игры. А в 1981 году на «Atari» вышла игра «Tempest», совершившая прорыв в графической составляющей за счет создания ощущения трехмерного пространства на плоскости, что позволило игроку видеть происходящее на экране с точки зрения его игрового персонажа. Уровни игры обладали уникальным дизайном, обусловливающим особенности навигации и вы-

работки выигрышных стратегий в зависимости от локаций. Кроме того, в игре пользователю была впервые предоставлена возможность самостоятельно определять уровень сложности игры.

Данный этап завершился с выпуском в 1982 году консоли «Vectrex» с интегрированным экраном, которая стала единственной в своем роде за счет использования векторной графики.

• Эпоха консолей третьего поколения, впоследствии названных восьмибитными, ознаменовалось выходом семейного компьютера «Famicom», который позднее стал известен под брендом «Nintendo Entertainment System», на котором вышли такие культовые проекты, как «Super Mario Bros», «The Legend of Zelda» и консоли «SG-1000».

Первой игрой, разработанной компанией «Nintendo» из Японии стал проект «Laser Clay Shooting System», имитирующий стрельбу из светового пистолета по уткам, на которых располагался фиксирующий попадание фотоэлемент. Столь скромное начало не помешало компании стать, наравне с другими японскими производителями, доминирующей силой на рынке консолей в Северной Америке. Гендиректор «Nintendo» Х. Ямаути является основоположником инновационной модели распространения игр, заключающейся в продаже приставок оптовым компаниям фактически по себестоимости, а основной доход получать за счет разработки и реализации программного обеспечения. Особую значимость руководство «Nintendo» придавало работе гейм-дизайнеров и художников, которые во многом благодаря заслугам этой компании стали выделяться в отельную профессию.

С точки зрения гейм-дизайна третье поколение приставок принесло значительное улучшение графики за счет широкого использования спрайтов, представляющих собой перемещающиеся по экрану растровые изображения. Развитие же аппаратной части позволило применять бесшовный скроллинг тайлов, применяемый при проектировании уровней игры с целью создания больших изображений из одинаковых более мелких фрагментов. Поддерживаемое разрешение увеличилось до 320x200 пикселей, что, наряду с расширенной до 256 цветов палитрой и пятью доступными аудиоканалами, сделало игры еще более привлекательными для широкой публики. Среди популярных портативных консолей этого периода можно выделить бренд «Game and Watch» от компании «Nintendo», оказавший большое влияние на дальнейшее развитие игровых консолей, в том числе на раскладку контроллеров.

• Четвертое поколение приставок, часто называемых 16-битными, появилось 30 октября 1987 года после релиза на рынке Японии приставки «PC Engine» от компании «Nippon Electric Company», обладавшей передовыми техническими характеристиками (процессор 7,16 мГц, 64 Кб видеопамяти позволяли одновременно отобразить на экране до 64 спрайтов в 256 цветах из палитры в 512 цветов), что обеспечивало высокое качество графики. На территории Северной Америки доминировала продукция компаний «Super Nintendo Entertainment System» и «Sega Mega Drive», которая в 1991 году закрепила свое лидирующее положение выпуском серии игр «Sonic the Hedgehog», главный персонаж которой, ёж Соник, вступил в ожесточенную конкуренцию с другим культовым персонажем, сантехником Марио от компании «Nintendo».

Основными отличиями консолей данного поколения в плане аппаратной части стало использование 16-битных процессоров и контроллеров-джойстиков с 3–8 кнопками. Касаемо же визуальной составляющей, стоит отметить наличие многослойных фонов, применение компьютерной графической техники, именуемой параллакс-скроллингом и заключающейся в возможности движения фоновых изображений с меньшей скоростью, чем изображений на переднем плане, что создает иллюзию глубины на плоскости. Количество отображаемых цветов возросло до 4096, что при использовании полигональной графики с плоским закрашиванием обогатило визуальный ряд. Использование CD-ROM позволило записывать и хранить значительные объемы видеоинформации, а стереофония сделала игровой опыт еще более насыщенным. Развитие сетевых систем обусловило появление многопользовательских игр.

Отдельно следует сказать о знаковой игре «Meridian 59», выпущенной в 1996 году и обладающей до сих пор функционирующими серверами, которая представила пользователям первый виртуальный трехмерный мир и заложила основы жанра массовых ролевых онлайн-игр (англ. MMORPG).

• Пятое поколение консолей появилось в 1993 году и ушло с рынка в 1996 году (хотя зачастую называется и 2002 год), став эпохой 32- или 64-разрядных игровых систем. Наиболее популярными стали приставка «Sega Saturn», «Sony PlayStation» и «Nintendo 64».

Данный этап стал поворотным пунктом в истории видеоигр, так как на него пришелся переход с двухмерной на трехмерную графику с использованием текстур. Консоль «Sony PlayStation» успешно дебютировала на рынке приставок за счет эксклюзивного гоночного симулятора «Ridge Racer» от компании «Namco», призванного за счет проработанных текстур и отзывчивого управления продемонстрировать техническое превосходство приставки. Кроме того, в «Ridge Racer» впервые в качестве экрана загрузки использовались мини-игры. Также в приставках данной генерации произошел отказ от картриджей в пользу оптических дисков, что привело к увеличению качества аудиовизуальной информации, в том числе и за счет использования предварительно обработанной компьютерной анимации и видеозаставок, особенно впечатляюще смотревшихся при возросшем до 480x576 точек разрешении и глубине цвета в 16,0 млн цветов. Графическая составляющая обогатилась и за счет новых принципов работы с освещением в трехмерном пространстве, использования метода тонирования Гуро и приёма сглаживания, а также широкого применения реалистичных текстур [6]. Игровым проектом данного периода с самым большим бюджетом стала вышедшая на «Sony PlayStation» в 1997 году игра «Final Fantasy VII», которая помимо трёхмерной игровой вселенной, могла похвастаться невиданными на тот момент 40 минутами полноценных видеороликов в геймплее и укрепила позиции приставки «PlayStation», выведя японские компьютерные ролевые игры на уровень мировой субкультуры.

• Моментом появления шестого поколения игровых 128-разрядных систем считают 27 ноября 1998 года, когда была выпущена консоль «Dreamcast» от «Sega», за которой последовали «PlayStation 2» от «Sony» и «Xbox» от «Microsoft». «Dreamcast» намного опередила своё время и задала стандарты, обеспечивающие возможность реализации многопользовательских онлайн-игровых проектов на консолях, но потерпела коммерческую неудачу, способствующую скорому прекращению выпуска компанией «Sega» аппаратного обеспечения для игр. Другая же консоль, «Xbox» была разработана как ответ на заявление руководства «Sony» о том, что в будущем приставка «PlayStation» вытеснит персональные компьютеры с глобального рынка.

На данном этапе развития консолей оказалось, что производительность аппаратной части стала в большей мере зависеть от объема памяти, скорости и частоты процессора, а разрядность как таковая перестала быть важнейшим параметром. Так, мощный процессор «PlayStation 2», продажи которой к 2011 году достигли 150 млн штук (не в последнюю очередь и за счет вышедшей на нее третьей части культовой франшизы «Grand Theft Auto»), впервые сделал возможной, хотя и в весьма ограниченном объеме, передачу эмоций персонажей посредством лицевой мимики.

К основным характеристикам консолей шестого поколения можно отнести реализации онлайн-возможностей в игровом процессе за счет встроенного модема, как у приставки «Dreamcast», и увеличившееся до «full SD» (стандартное) разрешение. Важной тенденцией оказалась разработка новых серий уже ставших популярными франшиз для удержания сформировавшейся аудитории. Значительный рост показал сегмент портативных консолей, самыми продаваемыми из которых стали «Game Boy», который, начиная с 1989 года, был продан в количестве 200,0 млн экземпляров, «N-Gage» и «Zodiac», каждая из которых экспериментировала над включением в девайс таких «неигровых» функций, как мобильный телефон, MP3- и видеоплеер, что положило начало размытию границ между наладонными компьютерами и портативными игровыми консолями при постоянном снижении их стоимости.

Начало двухтысячных годов ознаменовалось сетевыми играми как доминирующим трендом при дальнейшем увеличении популярности многопользовательских онлайн-игр. Появление различных социальных мультимедийных платформ стало причиной формирования массовой аудитории для таких феноменов, как «Flash-игры» и «метагейминг», позволяющий использовать в игре полученную из реального мира информацию [9, p. 160].

• Моментом появления седьмого поколения игровых консолей можно считать выход

на рынок в 2005 году приставки «Xbox 360», за которым последовали «Nintendo Wii» и «Sony PlayStation 3». Компания «Sony» также выпустила портативную игровую приставку «PlayStation Portable» с расширенными мультимедиа возможностями, которая использовала в качестве носителя информации оптические диски и была к тому же совместима с «PS2» и «PS3».

Принципиальным отличием данного поколения стало наличие HD-разрешения. Сотрудничество производителей приставок с именитыми разработчиками приводит к появлению эксклюзивных игровых проектов, призванных наиболее выигрышно продемонстрировать улучшенное качество изображения, возросшую частоту кадров, детально проработанные текстуры и освещение. Новые стандарты, используемые в консолях этого поколения, привели к невозможности портирования разработчиками своих предыдущих наработок и необходимости создавать новые проекты практически с нуля. Так, арт-директор компании «Naughty Dog» Б. Райт, начавшей сотрудничать с «Sony» во время разработки популярного платформера «Crash Bandicoot», описывал нелегкий переход с «PlayStation 2» на «PlayStation 3», который был вызван «угнетающе сложной спецификацией нового оборудования». Райт подчеркивает, что, работая над первой частью трилогии «Uncharted», его команде пришлось полностью «перебрать движок» для использования текстур высокого разрешения и новых технологий реалистичной анимации персонажей [15].

Большую популярность завоевали и сенсоры движения, равно как и бесконтактные игровые контроллеры типа «Kinect», существенно разнообразившие и модифицировавшие геймплей, делая его интуитивно понятным для подавляющего большинства пользователей. Однако, такие контроллеры с датчиками движения оказались абсолютно непригодными для игр в жанре «шутер от первого лица», значительно затрудняя игровой прогресс и вызывая тем самым фрустрацию [10].

С точки зрения гейм-дизайна отмечалось стремление к поиску инновационных способов взаимодействия пользователя с программным и аппаратным обеспечением для повышения интерактивности игры, что нашло свое воплощение в использовании сенсорных экранов консолей, голосовых датчиков для подачи команд, сенсоров движения и т. д. Широкое распространение получило стереоскопическое трехмерное изображение, обогащающее визуальную составляющую игры. Востребованность появившихся в этот период инновационных технологий подтверждается тем фактом, что в 2005 году доходность индустрии интерактивных развлечений на территории США впервые превысила доходность киноиндустрии, а в 2008 году данная тенденция стала глобальной, выведя компьютерные и видеоигры в ранг зрелищного профессионального вида спорта, собирающего на значимые турниры, такие как «World Cyber Games», тысячи зрителей и лучших профессиональных геймеров из разных стран [8, p. 1–3].

• Восьмое, и на данный момент последнее, поколение консолей появилось в момент релиза портативного игрового устройства «Nintendo 3DS» в 2011 году, за которым последовали релизы «Wii U», «Xbox One» и «PlayStation 4». Функциональные возможности данной генерации приставок обусловлены условиями жесткой конкуренции с такими мобильными платформами, как смартфоны, планшетные компьютеры и смарт-телевизоры, что является новой тенденцией на глобальном рынке.

На данный момент активно развивается сегмент игровых консолей на операционной системе «Android», такие как «Nvidia Shield Console» и «Ouya», равно как и сочетающих в себе функционал персонального компьютера и консоли приставок «Steam Machine» по заказу «Valve». Однако данные проекты пока являются, скорее, пилотными и нишевыми, в том числе и из-за отсутствия у широких слоев потребителей желания и необходимости переходить с продукции признанных лидеров рынка консолей на уступающие по удобству пользования, ассортименту игр и соотношению цена-качество разработки. Так, уже сейчас стало понятно, что «Steam Machine» не в полной мере оправдывает ожидания пользователей [12].

Сегодня в индустрии интерактивных развлечений отмечается взрывное увеличение популярности игр для разнообразных мобильных платформ, среди которых доминируют «Android» и «iOS», в связи с чем целесообразным представляется проследить зависимость эволюции аппаратной части и данной платформы на составляющие гейм-дизайна.

• Гейм-дизайнер Крис Райт полагает, что первое поколение мобильных игр зародилось с выпуском в 1997 году игры «Змейка», изначально предустановленной на мобильные телефоны от «Nokia». Игра «Тетрис», созданная А. Пажитновым в 1985 году двухмерная геометрическая головоломка, вышла практически на всех платформах, включая «Game Boy», став феноменом глобального масштаба.

• Второе поколение мобильных игр зародилось с введением технологии связи «WAP», позволявшей пользователям выходить с мобильных устройств в Интернет и скачивать игры за плату. Компания «Unwired Planet» разработала в конце 1990-х годов микробраузер для мобильных телефонов, после чего совместно с «Ericsson», «Nokia» и «Motorola» добилась признания «WAP» официальным стандартом связи в Европе. Технологические ограничения, такие как маленькие монохромные экраны мобильных устройств с очень низким разрешением, не помешали развитию мобильных мультиплеерных и иных игр с поочередными ходами, которые обрабатывались серверами. Именно стандарт «WAP», сделав возможной продажу игр через беспроводное соединение, обусловил становление индустрии мобильных игр.

К значимым игровым проектам данного периода можно отнести «Steve Jackson's Sorcery», дававшему игроку возможность выбора между множеством различных вариантов. Игры «Alien Fish Exchange» и «Wireless pets», равно как и культовая «Tamagotchi», породили жанр симуляторов ухода за животными, позволяя игроку ухаживать за питомцами, обмениваться ими и принимать участие в выставках. Игра этого же жанра «Nintendogs» позволяла за счет сенсорного экрана приставки «Nintendo DS» гладить питомца и посредством микрофона отдавать ему голосовые команды. Знаковой оказалась и казуальная многопользовательская игра «Lifestylers», ставшая прообразом «The Sims» и иных симуляторов человеческого социума [9, p. 37].

• Третье поколение – Java-игры, в разы ускорившие отклик программы на действия игроков и ставшие возможными благодаря выпуску в 2002 году поддерживающих данную технологию телефонов, таких как «Nokia 3410» и «Siemens M50», обладавшие, однако, низким разрешением монохромного дисплея. Начиная с 2003 года выходят мобильные многофункциональные устройства с цветными дисплеями, такие как «Nokia N-Gage» и «Sony PSP», ставшие основоположниками тренда к постоянному усложнению и повышению функционала портативной техники. Кроме того, они способствовали появлению первых мобильных трехмерных игр, например «Ridge Racer», что начало приносить компаниям-разработчикам колоссальные прибыли [2]. Проблемой при этом оказалось обилие мобильных устройств с различными характеристиками, что усложняло разработку игр для разных платформ и приводило к большим затратам на портирование проектов на разные устройства.

• Четвертый этап, длящийся и поныне, начался 9 января 2007 года с релизом первого «iPhone», обладавшего многими инновационными характеристиками, но совершившего революцию именно запуском сервиса «App Store», положившего конец монополии на продажу игр компаний-провайдеров мобильный связи. Теперь пользователи могли самостоятельно покупать иной цифровой контент без посредников в лице операторов и издателей, что на данный момент привело к показателю в 10,0 млрд купленных через сервис приложений от 80 тыс. компаний-разработчиков. С точки зрения гейм-дизайна запуск «App Store» вызвал упрощение ориентированных на массовый сегмент проектов, что привело к появлению казуальных игр с очень низким порогом вхождения и яркой, преимущественно двухмерной, графикой. Интуитивно понятные формы взаимодействия с ПО стали возможными во многом благодаря акселерометру, определяющему положение устройства в пространстве, и сенсорному экрану.

В 2008 году вышла операционная система «Android», незамедлительно вступив в жесткую конкуренцию с «iOS», а в 2009 году состоялись релизы культовых казуальных игр «Angry Birds» и «Doodle Jump», задавших новый стандарт в дизайне игрового процесса и ставших феноменом в массовой культуре в целом. Начиная с апреля 2010 года, когда состоялась презентация обладающего уникальным форм-фактором устройства «iPad», мобильные устройства начали успешно конкурировать с ПК и консолями, что, учитывая их еще недавно более чем скромные техниче-

ские параметры, представлялось невероятным прорывом.

Основными итогами революционного появления на глобальном рынке мобильных устройств стало повсеместное распространение цифрового контента, взрывной рост электронных платежных систем и превращение гейм-культуры из нишевого хобби в общемировой тренд [13].

В заключение хотелось бы подчеркнуть важность понимания принципов, обусловливающих зависимость появления новых форм игровой деятельности, изменения её формальных и структурных характеристик от эволюции аппаратной части, являющейся средой её воспроизведения и взаимодействия с пользователем. Выявление подобных закономерностей позволяет более точно спрогнозировать вектор дальнейшего развития как индустрии интерактивных развлечений в целом, так и отдельных жанров видео- и компьютерных игр, что в свою очередь приведет к повышению шансов на разработку инновационных игровых проектов, отвечающих ожиданиям целевой аудитории и способных составить конкуренцию на мировом рынке.

Литература

1. Казакова Н. Ю., Назаров Ю. В. История возникновения гейм-дизайна как самостоятельной формы визуального искусства. Жанры видеоигр и основные этапы их разработки // Дизайн и технология. – 2015. – № 43. – С. 91–99.
2. A *Brief History* of *Mobile Games*: In the *Beginning*, *there* was *Snake* [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pocketgamer.biz/feature/10619/a-brief-history-of-mobile-games-in-the-beginning-there-was-snake.
3. Dille F., Platten J. The ultimate guide to video game writing and design. – New York: Random House, Inc., 2007. – 272 p.
4. Gartner Says Worldwide Video Game Market to Total $93 Billion in 2013 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gartner.com/newsroom/id/2614915.
5. Goldberg H. All your base are belong to us. How fifty years of videogames conquered pop culture. – New York: Three Rivers Press, 2011. – 352 p.
6. Gouraud H. Continuous shading of curved surfaces // Pioneering Efforts That Shaped The Field. – New York: ACM Press, 2008. – 445 p.
7. Koster R. A theory of fun for game design. – Sebastopol: O'Reilly Media, Inc., 2014. – 304 p.
8. Mitchell B. Game Design Essentials. – Indianapolis, Ind.: John Wiley & Sons, 2012. – 320 p.
9. Parkin S. An illustrated history of 151 video games. – London: Anness Publishing Limited, UK, 2012. – 255 p.
10. Rogers R. Bowman N., Oliver M. It's not the model that doesn't fit, it's the controller! The role of cognitive skills in understanding the links between natural mapping, performance and enjoyment of console video games // Computers in human behavior. – 2015. – № 49. – P. 588–596.
11. Schell J. The art of game design. A book of lenses. – Amsterdam; Boston: Morgan Kaufmann Publishers, 2008. – 489 p.
12. Steam Machine: Der erste Praxis-Check! [Электронный ресурс]. – URL: http://www.computerbild.de/artikel/cbs-Aktuell-Hardware-Steam-Machine-8956736.html.
13. Stevens Ch. Appillionaires: Secrets from developers who struck it rich on the App Store. – John Wiley & Sons, Ltd., 2011. – 224 p.
14. Wolf M. The Video Game Explosion: A History from PONG to PlayStation and Beyond. – Westport, Conn.: Greenwood Press, 2008. – 400 p.
15. Wright B. The art of the Uncharted Trilogy. – Dark Horse Books, 2015. – P. 9–10.

References

1. Kazakova N.Yu., Nazarov Yu.V. Istoriya vozniknoveniya geym-dizayna kak samostoyatel'noy formy vizual'nogo iskusstva. Zhanry videoigr i osnovnyye etapy ikh razrabotki [The history of game design as an independent form of visual art. Genres of video games and the main stages of their development]. *Dizayn i tekhnologiya [Design and Technology]*, 2015, no. 43, pp. 91-99. (In Russ.).
2. A *Brief History* of *Mobile Games*: In the *Beginning*, *there* was *Snake*. (In Engl.). Available at: http://www.pocketgamer.biz/feature/10619/a-brief-history-of-mobile-games-in-the-beginning-there-was-snake.
3. Dille F., Platten J. The ultimate guide to video game writing and design. New York, Random House, Inc., 2007. 272 p. (In Engl.).

4. Gartner Says Worldwide Video Game Market to Total $93 Billion in 2013. (In Engl.). Available at: http://www.gartner.com/newsroom/id/2614915.
5. Goldberg H. All your base are belong to us. How fifty years of videogames conquered pop culture. New York, Three Rivers Press, 2011. 352 p. (In Engl.).
6. Gouraud H. Continuous shading of curved surfaces. *Pioneering Efforts That Shaped The Field*. New York, ACM Press, 2008. 445 p. (In Engl.).
7. Koster R. A theory of fun for game design. Sebastopol, O'Reilly Media, Inc., USA, 2014. 304 p. (In Engl.).
8. Mitchell B. Game Design Essentials. Indianapolis, John Wiley & Sons, 2012. 320 p. (In Engl.).
9. Parkin S. An illustrated history of 151 video games. London, Anness Publishing Limited, UK, 2012. 255 p. (In Engl.).
10. Rogers R. Bowman N., Oliver M. It's not the model that doesn't fit, it's the controller! The role of cognitive skills in understanding the links between natural mapping, performance and enjoyment of console video games. *Computers in human behavior*, 2015, no. 49, pp. 588-596. (In Engl.).
11. Schell J. The art of game design. A book of lenses. Amsterdam; Boston, Morgan Kaufmann Publishers, 2008. 489 p. (In Engl.).
12. Steam Machine: Der erste Praxis-Check! (In Engl.). Available at: http://www.computerbild.de/artikel/cbs-Aktuell-Hardware-Steam-Machine-8956736.html.
13. Stevens Ch. Appillionaires: Secrets from developers who struck it rich on the App Store, John Wiley & Sons, Ltd., 2011. 224 p. (In Engl.).
14. Wolf M. The Video Game Explosion: A History from PONG to PlayStation and Beyond. Westport, Conn., Greenwood Press, 2008. 400 p. (In Engl.).
15. Wright B. The art of the Uncharted Trilogy, Dark Horse Books, 2015, pp. 9-10. (In Engl.).

УДК 004.92

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ ПЕРСОНАЖА В РАМКАХ ГЕЙМ-ДИЗАЙНА

Казакова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, преподаватель, кафедра дизайна среды, Московский государственный университет дизайна и технологии (г. Москва, РФ). E-mail: temporary-use@mail.ru

В представленной статье выявляются, структурируются и анализируются основные этапы создания игровых персонажей с точки зрения принципов отбора как художественно-экспрессивных средств и различных технологических ограничений, налагаемых цифровой средой реализации проекта, так и стилевых особенностей, обусловленных жанровой принадлежностью игрового проекта. Полученные данные, выявленные на основании изучения многочисленных отечественных и зарубежных авторитетных источников и реферируемых периодических изданий, посвященных проблематике гейм-дизайна, людологии и цифровых технологий, позволяют определить основополагающие закономерности при разработке образа персонажа в зависимости от положения камеры, жанра игры, определенных предпочтений и ожиданий целевой аудитории. Результаты данного научного исследования обладают теоретической значимостью, заключающейся в систематизации используемых при проектировании персонажей художественно-экспрессивных средств, способных повысить степень испытываемой игроком по отношению к персонажу эмпатии, а также общую привлекательность и художественно-эстетические качества проекта в целом. Практическая же значимость полученных данных заключается в возможности использования данных наработок для оптимизации и максимального упрощения процесса отбора подходящих художественно-выразительных средств на стадии разработки визуальной составляющей проекта, что, в свою очередь, будет способствовать сокращению трудовых и временных затрат при минимальном количестве стилевых противоречий и недоработок, способных существенно

ухудшить общие потребительские и эстетические характеристики проекта. Одним из основных выводов данного исследования является установление зависимости метрических показателей персонажа, степени проработанности его биографии, внешности, атрибутики и игрового поведения на способность пользователя интериоризировать цели персонажа в рамках геймплея. Результаты данного исследования, охватывающего область художественной эстетики и информационных технологий, могут применяться при разработке отечественных видео- и компьютерных игр, а также игр для мобильных устройств, чьи технологические, эстетические и потребительские свойства обеспечат достойную конкуренцию иностранным аналогам.

Ключевые слова: гейм-дизайн, геймплей, метрики, радиус поражения, эмпатия, неигровые персонажи, потоковое состояние, превизуализация, анимация по ключевым кадрам, аватар.

BASIC PRINCIPLES OF CHARACTER DEVELOPMENT IN GAME DESIGN

Kazakova Natalya Yurevna, PhD in Philology, Instructor, Department of Environmental Design, Moscow State University of Design and Technology (Moscow, Russian Federation). E-mail: temporary-use@mail.ru.

The present article reveals, structures and analyzes the main stages of character development from the standpoint of the selection of artistic expressive means and various technological limitations imposed by the digital environment, in which a game project exists, as well as characteristic features, conditioned by a certain visual style of a project. The data, obtained as the result of studying of numerous Russian and foreign well-established sources and peer-reviewed periodicals devoted to various aspects of game design, ludology and digital technologies, made it possible to specify the regularities underlying the principles of character development based on the camera position, game genre, as well as on the specific preferences and expectations of the target audience. The findings of the present study have theoretical importance based on the attempt to systematize artistic expressive means used in the process of character development, that are able to increase the level of empathy perceived by a user towards a character and the aesthetic value of the project in the whole. The practical importance of the procured data lies in the possibility to use the present best practices for optimization and maximum simplification of the artistic means selection during the stage of visuals development that in its turn is supposed to facilitate the decrease in time and labor costs in connection with the simultaneous reduction in the number of stylistic contradictions and other faults fraught with significant deterioration of consumer qualities in general and aesthetic value of a project in particular. Among the most important findings of the study one can name the exposure of a consistent pattern in what concerns the metrics of a character, the degree of their biography elaboration, appearance, various attributes, in-game behavior and the user's ability to interiorize the character's goals within the framework of gameplay. The findings of the present paper that comprises the field of aesthetics and information technologies can be used in the development process of new computer, video and mobile games on the territory of the Russian Federation whose technical and aesthetical features as well as end-user performance will be able to provide keen competition to their foreign competitors.

Keywords: game design, gameplay, metrics, radius of damage, empathy, non-player characters, the flow, pre-visualization, key-frame animation, avatar.

На сегодняшний день гейм-дизайн, представляющий собой вид проектной деятельности, ориентированный на создание максимально полно отвечающих потребностям, ожиданиям и предпочтениям целевой аудитории игровых проектов, существует в условиях жесткой конкуренции, вызванной превышением предложения над спросом практически на всех игровых платформах, за внимание потребителя и его готовность инвестировать свои временные и финансовые

ресурсы в игровой процесс. Стоит отметить, что в силу своего междисциплинарного положения, находящегося на стыке информационных технологий, изобразительного искусства и цифрового дизайна, данная проектная дисциплина активно и творчески использует как инструментарий различных видов искусства, так и высокотехнологические разработки электронной промышленности и информатики с целью создания как можно более насыщенного игрового опыта, обладающего как высокой художественно-эстетической ценностью, так и предоставляющего максимально эффективное техническое воплощение концепций геймдизайнера [1].

Одним из важнейших компонентов как разработки игрового проекта в целом, так и его визуальной составляющей в частности является создание образа персонажей, через взаимодействие с которыми пользователь и осуществляет игровую деятельность. Практик и теоретик гейм-дизайна Дж. Шелл говорит о необходимости обеспечения условий для достижения эмоциональной привязанности пользователя как к тому персонажу, в образе которого он играет, так и к его виртуальным напарникам и даже питомцам, сопровождающим протагониста в его приключениях [15, p. 143–147]. Гейм-дизайнеру следует продумывать способы выработки этой устойчивой эмоциональной связи между игроком и персонажем на самых ранних этапах игрового процесса, тогда интериоризация предлагаемых сюжетом и геймплеем целей, в рамках которой игрок переносит свой аппарат целеполагания на персонаж на время осуществления игрового процесса, пройдет гораздо успешнее и быстрее, что, в свою очередь, позволит достичь максимально насыщенного и положительно воспринимаемого опыта и достижения состояния потока, обеспечивающего получения удовольствия от геймплея [3].

Учитывая, что пользователь до определенной, подчас весьма значительной, степени ассоциирует себя с аватаром (санскр. avatara, «нисхождение, воплощение божества на Земле»; в компьютерных и видеоиграх данный термин обозначает выбранный пользователем игровой персонаж) и осуществляет активное и целеориентированное взаимодействие с игровой вселенной именно посредством аватара, разработка игровых персонажей представляет собой крайне важный этап, включающий в себя создание целостного образа:

- главных героев игры, контролируемых непосредственно игроком;
- неигровых персонажей (англ. NPCs, non-player characters), которые, в свою очередь, подразделяются на напарников, союзников, противников и нейтральных персонажей. Данную классификацию неигровых персонажей можно дополнительно расширить, введя категорию ориентированности персонажа на действия главного героя (англ. player-centric), его привязки к определенной местности (англ. location-centered) и наличию своей собственной мотивации (англ. self-motivated), что должно быть адекватно отражено при проработке визуальной составляющей образа [4, p. 66–67];
- группы персонажей, направляемых игроком посредством команд, и представляющих собой армии, отряды и иные боевые единицы.

В большинстве случаев аватар/персонаж представляет собой то, чем (или кем) игрок хотел бы оказаться в реальном мире. Например, на сегодняшний день представлено множество исследований на тему психологии аватаров, например, учеными был разработан алгоритм определения с большой долей вероятности гендерной принадлежности игрока на основании поведения игрового персонажа в рамках геймплея [4, p. 2].

Кроме того, создавая персонаж, определяя пропорции его тела, прорабатывая черты лица и определяя динамику его движений, важно помнить о парадоксе человеческого восприятия, описанном японским специалистом по робототехнике М. Мори [12], который он обнаружил в процессе работы над приданием антропоморфных черт, пластики и мимики роботам. Когда роботы начинали приобретать все больше человеческих черт, в том числе и за счет покрытия видимых металлических частей имитирующим кожу материалом, научные сотрудники и иные специалисты, принимавшие участие в эксперименте, испытывали внезапное отвращение и острую неприязнь к этим роботам. М. Мори, назвавший данный феномен «эффектом зловещей долины», объяснил, что, воспринимая объекты, имеющие в своем облике повышенную степень антропоморфности, выходящую за грань простого совпадения или иллюзии, человеческий мозг классифицирует их как «больных людей»

и инициирует защитную реакцию в виде отвращения и неприязни, заставляющую индивида избегать контакта с ними с целью минимизировать угрозу заражения [2].

С точки зрения проектирования персонажей в рамках гейм-дизайна важно понимать, что помимо детально проработанных, ярких и запоминающихся аватаров, с которыми игроки стремятся себя идентифицировать, столь же распространены и популярны аватары, настолько лаконичные, что они уподобляются пиктограммам или символам, при этом всякое отсутствие у них деталей облегчает игроку процесс проецирования на них свой личности, о чем упоминает и С. МакКлауд в своей ставшей классической книге «Понимая комиксы» [10, p. 200]. Автор также говорит и о мощном визуальном эффекте, возникающем в результате контраста между тщательно проработанными пейзажами и крайне схематичным изображением протагониста. Подобное сочетание за счет повышенной визуальной экспрессии помогает сознанию игрока, отбросив сомнения, погрузиться в игровую вселенную.

Текстуры и цветовая гамма также повышают узнаваемость и улучшают четкость восприятия персонажей. Ранее в комиксах злодеи отрисовывались в более темной цветовой гамме, чем герои, в чьем образе доминировали белый, красный и синий цвета. Сейчас в компьютерных играх, равно как в кинематографе и графических новеллах нет четкого разделения цветов на «злодейские» и «геройские» Стоит вспомнить облаченного во все черное Бэтмена, творящего добро, и одетых во все белое имперских штурмовиков из «Звездных войн».

Стоит отметить и крайнюю степень консервативности большинства игроков, единожды выбравших определенный тип аватара и применяющих его в разных играх. Такая привязанность объясняется тем, что, однажды усвоив выигрышную стратегию или приобретя определенный объем навыков, связанных с определенным типом аватара, игрок не имеет желания тратить время и силы на то, чтобы осваивать новые стратегии, что в свою очередь негативно сказывается на долгосрочном успехе, залогом которого является приспосабливаемость и изменчивость [9].

Дж. Шелл советует на самом раннем этапе определить, какие функции тот или иной персонаж будет выполнять в игровом процессе с тем, чтобы именно на основании этих функций проработать внешний вид персонажей, руководствуясь изложенным в книге «Анализ красоты» британским художником У. Хогартом принципом соответствия формы функции, утверждавшим, что красивые вещи являются таковыми, потому что обладают формальными характеристиками, соответствующими потребностям и возможностям человеческого восприятия [7]. При этом подобная зависимость формы от функции никоим образом не должна восприниматься как некое ограничение в рамках творческого процесса. Наоборот, гейм-дизайнер получает возможность переосмыслить уже сложившиеся стереотипы и выдвинуть инновационные решения, способные явиться дополнительным «wow-фактором» (англ. wow-factor – характеристика, мгновенно вызывающая положительное восприятие продукта или проекта со стороны потребителя, зрителя или пользователя) в игровом процессе. Например, нарушая основы жанра героического эпоса, прекрасная принцесса может оказаться не в роли жертвы, которую надо вызволить из плена, а в роли мудрого наставника-сенсея, направляющего главного героя на его преисполненном опасностями пути [15, p. 351]. Одним из наиболее удачных кардинального творческого переосмысления стереотипов традиционной и массовой современной культуры является игра «The Wolf Among Us» от разработчика «Telltale Games», представляющая собой довольно брутальный триллер в стиле «нуар», повествующий о суровой жизни персонажей народных сказок в условиях современного мегаполиса. Необходимо отметить и прекрасный визуальный ряд данного проекта, выдержанный в мультипликационной стилистике, прекрасно отражающей гротеск происходящего и в то же время обеспечивающей его узнаваемость и правдоподобие.

В детальной проработке нуждаются и персонажи, контролируемые искусственным интеллектом, чьей основной ролью становится привнесение жизни и движения в игровой мир и повышение его правдоподобности. Причем в тех играх, где решения, принятые главным героем оказывают влияние на развитие сюжета, неигровые персонажи могут переходить из одной категории дру-

жественных в стан противников. Так, например, атакуя нейтральный персонаж, его можно сделать своим врагом, а оказав ему помощь, перевести в разряд своих союзников. При этом именно изменение статуса персонажа является основой драматических поворотов сюжета, которые, по данным, полученным в результате проведенного компанией «M.I.N.D. Lab/CKIR» исследования эмоций, испытываемых игроками в процессе геймплея, и являются первоочередным фактором получения удовольствия от игры, независимо от того, к положительным или отрицательным последствиям для игрока эти изменения приводят [17]. Подобные изменения статуса неигровых персонажей также должны получать адекватное визуальное воплощение, находящее свое выражения в становящихся более агрессивными чертах лица, движениях и поведении в целом, что позволит геймеру ориентироваться в постоянно меняющейся обстановке, опираясь на визуальный ряд.

На данном этапе проектирования игрового процесса гейм-дизайнеру необходимо продумать и объединить в облике персонажа значительное число различных характеристик внешнего вида (таких как черты лица, телосложение, украшения, татуировки, прическа), жестов и движений, экипировки, оружия и т. д. с таким расчетом, чтобы игроку практически с одного взгляда раскрылась сущность персонажа. Поэтому множество отдельных деталей образа персонажа должны быть органичны, лишены внутренних противоречий (что обеспечивается за счет проработки биографии каждого персонажа как основы визуального воплощения его образа) и эффективно работать на создание нужных разработчикам ассоциаций и смыслов.

Э. Скольник разделяет различные аспекты персонажа, подлежащие разработке, на три основные категории:

• базовые аспекты, включающие в себя имя, пол, вид или расу, возраст, интеллектуальные способности, профессию, особенности лексики и словарного запаса, биографию или предысторию персонажа;

• углубленная проработка образа персонажа заключается в определении уготованной ему сюжетной линией судьбы, его желаний, пристрастий, страхов и неприязней, системы ценностей, основных недостатков и пороков;

• проработка визуальной составляющей образа заключается в создании физических характеристик персонажа, его одежды, оружия и атрибутики [16].

Разрабатывая персонаж и учитывая психологические особенности восприятия визуальных образов, важно помнить о вышеупомянутом принципе соответствия формы функции для облегчения и ускорения восприятия визуальной информации игроком. Достижению этой же цели способствует и использование символов, которые, с одной стороны, крайне эффективно работают на уровне подсознания и убирают необходимость в излишне затянутых разъяснениях, таких как предварительно отснятые кат-сцены, вводящие игрока в курс дела. Однако, необходимо отдавать себе отчет в крайней степени зависимости эффективности применяемых символов от принадлежности представителей целевой аудитории к той или иной культуры и уровня их образования, а также и других факторов, способных практически до нуля снизить распознавание используемой символики [5]. Так, художники-мультипликаторы, карикатуристы и создатели комиксов, давно уже поняли, что формы, используемые в создании персонажей мультфильмов или комиксов помогают лучше всяких слов передать их характер. Окружности делают персонаж дружелюбным, а квадраты в зависимости от их размера пропорционально росту персонажа придают ему силы или свидетельствуют о некоторой ограниченности умственных способностей. Экспрессия треугольников же зависит, в том числе, от их расположения: равнобедренный треугольник, направленный вершиной вниз, придает персонажу героизма и мощи, если он используется при построении торса, а если тот же треугольник применить как базовую форму для головы персонажа, то это делает образ мрачным и зловещим. Равнобедренный треугольник, чья вершина направлена вверх, дает ощущение стабильности, неподвижности или медлительности [14, p. 84]. И, говоря о треугольниках в контексте визуальной экспрессии, нельзя не упомянуть о разработанной С. МакКлаудом схеме художественных стилей в изобразительном искусстве в целом и комиксах в частности, представленной в виде треугольника, вершины которого обозначают такие ценности в искусстве, как реализм, приверженцы которого стремятся показать красоту

природы; концептуализм, позволяющий показать красоту идей, и живописную эстетику, которую предпочитают художники, стремящиеся показать красоту искусства, которая охватывает в своих пределах всю историю изобразительного искусства с присущим ему богатством экспрессивных стилей (англ. Reality, Language, The picture plane) [10, p. 51–57]. Данный подход к классификации средств художественной экспрессии и переходных состояний между ними, имеющий четкое, структурированное визуальное воплощение, может существенно упростить отбор стилистических средств при разработке образа персонажа.

Силуэт также является одним из важнейших форм-факторов, непосредственно влияющих на восприятие персонажа. Четкий выразительный силуэт позволяет игроку с одного взгляда понять, чего можно ожидать от того или иного персонажа: враг ли он, насколько опасен, какое оружие можно против него эффективно применить и т. д. Более того, благодаря четко отрисованному силуэту персонажи не сливаются с фоном в аморфную массу, что упрощает и ускоряет восприятие происходящего на экране [8].

После того, как внешний вид и иные вышеприведенные характеристики персонажей утверждены, на основании концепт-артов и метрик, о которых речь пойдет ниже, создаются их трехмерные или двухмерные модели, подлежащие анимированию в процессе дальнейшей работы над игрой.

Размер как средство визуальной экспрессии, безусловно, имеет значение: так, например, битвы с боссами традиционно являются самыми сложными и требующими от пользователя мобилизации всех его игровых навыков. Их кульминацией является финальное сражение с главным злодеем-противником в конце игры, и, чтобы подчеркнуть особую важность этих сражений и настроить игрока на повышенную их сложность, гейм-дизайнеры обычно создают боссов размером гораздо больше обычных врагов, а зачастую колоссального размера. Например, босс Хронос из игры «God of War» является одним из самых масштабных в истории видеоигр и в реальном мире его рост составлял бы 460 метров, что не может не впечатлить даже искушенного геймера.

Говоря о размере чего-бы то ни было в виртуальном мире игры, надо учитывать, что понятие это крайне релятивное и существует только в виде пропорционального взаимоотношения предметов. Игрок сможет определить рост персонажа только в том случае, если рядом с ним находится другой предмет, усредненная высота которого известна из реального мира, например, дерево или лошадь. Для корректной разработки игрового мира и наполняющих его объектов необходимо определить и постоянно принимать во внимание метрические параметры персонажа, которые в данном случае определяют как рост, так и иные пространственные характеристики самого героя относительно окружающей его среды, в том числе радиус его активных действий и габариты различных внутриигровых предметов.

Определение этих метрических параметров начинается с определения роста персонажа в том случае, если он антропоморфный, или иных его размеров, например, диаметра, если у персонажа шарообразная форма как, скажем, в игре «Leo's Fortune». На основании метрических параметров определяется:

- ширина его шага, которая обычно бывает больше его роста;
- скорость, с которой герой может в различных режимах, таких как бег, ходьба и бросок, перемещаться и которая рассчитывается исходя из расстояния, выраженного в используемых в игре единицах измерения. Скорость движения персонажа (транспортного средства) является одним из важнейших показателей, так как она определяет темп всего геймплея;
- максимальная высота, до которой он сможет дотянуться, например, в прыжке, чаще всего определяемая исходя из роста персонажа;
- максимальная длина и высота единичного прыжка или двойного/тройного прыжка. Прыжки, подразделяемые на одинарные, двойные, тройные, контекстуальные (заскриптованные движения персонажа при приближении к заранее определенным местам, таким как уступы на скале) и прыжки в вертикальной плоскости, является одним из наиболее эффективных видов пространственного перемещения, так как он позволяет достигать труднодоступные места, преодолевать самые разнообразные препятствия и более эффективно сражаться с врагами;
- радиус рукопашной атаки;
- радиус поражения используемого оружия.

Также, исходя из метрик, проектируются и различные визуальные эффекты, обогащающие динамику геймплея, как то: скольжение на повороте, занос, делающие анимацию персонажа более реалистичной и зрелищной одновременно. Персонаж также может подтягиваться на определенных выступах или висеть на них, перемещаясь в горизонтальной плоскости, реализация чего в рамках создания игры также напрямую зависит от метрик.

Говоря о различных типах взаимодействия персонажа с окружающим его миром игры, обусловленных в том числе и его метриками, надо упомянуть и об определении расстояния до вертикального отвеса, например, пропасти, где персонаж может избежать падения. Находясь у края обрыва, персонаж в качестве предостережения игроку о грозящей опасности может начать балансировать на краю, пытаясь удержать равновесие. Падение же персонажа с высоты может привести к различным результатам: от чирикающих птичек, кружащих над головой оглушенного падением героя, до трагических последствий смертельного исхода. Здесь стоит отметить, что подобные, казалось бы, мелкие и незначительные детали являются крайне важными при комплексной разработке образа персонажа и способствуют как достижению его индивидуальности и узнаваемости, так и вызывают повышенную эмпатию со стороны пользователя при должном уровне реализации.

Балансировка вышеозначенных параметров движения персонажа и совершаемых им действий, просчитываемых на основании метрик, используется, в том числе и для того, чтобы сделать геймплей более динамичным, так как замечено, что пользователи предпочитают перемещаться по локации с максимально доступной им скоростью. Однако, чтобы геймплей был более разнообразным, гейм-дизайнеру рекомендуется чередовать участки, требующие медленного передвижения (например, лазание по отвесной поверхности или переход водоема вброд) и максимального ускорения (например, разгон транспортного средства перед прыжком с рампы). В образе персонажа должны происходить соответствующие изменения, подчеркивающие влияние физики игрового мира, например, развевающиеся полы одежды при беге или изменение визуальных характеристик ткани при ее намокании от взаимодействия с водой.

Сложность обсчета метрических параметров напрямую зависит от формы тела персонажа. Очевидно, что динамику движений вышеупомянутого героя со сферическим телосложением задать легче, чем, четвероногому домашнему питомцу, требующему из-за анатомических особенностей больший радиус для разворота и, следовательно, более сложную траекторию перемещения. Также необходимо учитывать пространственное положение всех конечностей, чтобы избежать ненамеренного появления применяемого в мультфильмах эффекта, когда одна пара конечностей не будет иметь видимой точки опоры на поверхности. Кроме того, отдельного просчета требует даже выполнение простейших игровых действий, таких как открывание и закрывание дверей, ведь обычно четвероногие ниже, чем стоящий человек. Однако при разумном подходе данные сложности можно успешно преодолеть, и это будет стоить затраченных усилий, так как игроки в целом крайне положительно относятся к появлению дружественных животных в геймплее. Стоит отметить прекрасную работу компании «Ubisoft», создавшей получивший заслуженные наивысшие оценки профессионалов и игроков проект «Valiant Hearts», где служебная собачка активно задействована в геймплее.

В целом же С. Роджерс называет персонаж мерилом для всего остального мира игры, подчеркивая, что вышеприведенные параметры невероятно важны для успешного игрового процесса, так как, единожды узнав метрические параметры персонажа, игрок начинает, основываясь на них, выстраивать свои действия и прогнозировать движение персонажа, «на глаз» прикинув, сможет ли он преодолеть то или иное расстояние, то есть определить доступные, достижимые, точки локации [14, p. 93]. На основании отдельных движений персонажа, особенностей его динамики, у игрока вырабатываются определенные рефлексы и приобретаются навыки, которые позволяют ему на подсознательном уровне прогнозировать развитие геймплея и более успешно реализовывать поставленные задачи, что, в свою очередь, формирует впечатление от игры в целом. Учёт всех метрических параметров, включая вес и/или массу объекта и законы физики, становится критичным в симуляторах транспортных средств, которые, при пренебре-

жении ими, нещадно критикуются игроками и экспертами за то, что машины ведут себя как «утюги» и «куски мыла». Первым успешным примером автосимулятора, уделившего значительное внимание реалистичному поведению автомобиля на основе физического взаимодействия отдельных его частей друг с другом и с дорогой (при учете скорости и траектории движения), стала выпущенная «Atari» в 1988 году «Hard Drivin'», в которой впервые использовалась полигональная трехмерная графика [13].

Говоря о законах физики, уместно отметить такой обманчиво незначительный факт, как отбрасывание персонажем тени, которая также зависима от его метрик и обусловлена законами окружающего его мира. Будучи не самым ярким с визуальной точки зрения акцентом, тень, помимо того, что способствует восприятию происходящего на экране как достоверного и способного передавать особую атмосферу игры воображения, в особенности в жанре «хоррор», помогает игроку спрогнозировать траекторию движения персонажа, например, в прыжке.

После определения метрических параметров необходимо задать точки взаимодействия (англ. points of collision) персонажа с окружающим миром, обсчитывая которые, программа будет изменять пространственное положение персонажа относительно внутриигровых объектов. Чем больше таких точек задано, тем больше времени потребуется на выполнение кода, замедляющего скорость игрового процесса. Существует три положения пространственного центра у персонажа, от которого ведётся отсчет по всем видам его взаимодействия с миром игры. Этот центр отсчета может располагаться в голове персонажа, у его ног и в центре тела. Если в качестве основной точки взаимодействия использовать голову персонажа, то в некоторых случаях может возникнуть ощущение, что персонаж парит над поверхностью земли, не касаясь ее. Расположение точки взаимодействия у ступней персонажа может показаться логичным, однако, при этом возникают технические сложности и логические неувязки, на первый взгляд, не очевидные. При необходимости взять расположенный на уровне пояса предмет персонажу придется подпрыгнуть, чтобы совместить координаты расположенной у ступней точки взаимодействия и координаты самого предмета. Учитывая недостатки первых двух вариантов расположения, оптимальным является размещение точки взаимодействия в центре туловища персонажа, что обеспечивает оптимальные условия просчета положения верхней и нижней половин тела относительно окружающего пространства.

Работа над персонажами требует от художников, дизайнеров и аниматоров глубокого понимания принципов функционирования человеческого тела и знания анатомии животных, что является необходимым условием достижения правдоподобности статичных и динамичных игровых сцен.

Специализирующийся в области создания комиксов художник-график К. Харт [6] наглядно поясняет отличия классических представлений об особенностях анатомии супергероев и злодеев от современных трендов. Так, с точки зрения лицевой анатомии, квадратные челюсти, резкие носогубные складки, ослепительно-белые улыбки (в 32 зуба) и массивные надбровные дуги оказались устаревшими и невостребованными в реалиях сегодняшнего дня, где герои выглядят гораздо более человечными и даже среднестатистическими.

При этом в чертах лица героя в абрисе скуловой кости угадывается треугольник, придающий лицу энергичность и мужественность. Линия скулы идет в направлении рта и обрывается у мышцы, опускающей угол рта. Описывая телосложение, Харт отмечает отход от образа героя в виде горы мышц в пользу выявления характера, но отмечает, что протагонист и антигерой имеют крепкое, атлетическое телосложение. Сакценированными остаются трапецевидные, дельтовидные, плечелучевые мышцы, а также трицепсы, бицепсы, большая круглая мышца, видимая при поднятой руке, косая мышца живота и широчайшая мышца спины. Что касается роста героев и героинь, то он существенно выше среднего, пропорционален размеру 8–10 голов, в то время как в рост обычного человека голова укладывается порядка 6 раз. Если имеется необходимость создать персонажа гигантского роста, то желательно оставить его голову непропорционально маленького размера, что подсознательно будет восприниматься как фактор, дополнительно увеличивающий его рост, поскольку рост сопоставляется с размером головы. Надутые вены также придадут дополнительное ощущение внутренней мощи, буквально

разрывающей персонаж изнутри. В динамике, что особенно актуально в контексте компьютерных игр, важно достоверно проработать сокращение и расслабление мускулов. Харт пишет, что в современных героях зачастую присутствуют черты, ранее безоговорочно считавшиеся характерными только злодеям: небритость, помятая одежда и т. д. Лысина продолжает ассоциироваться исключительно с антигероями.

Говоря о героинях, Харт обращает внимание на анатомическую схожесть строения их голов с мужской. Однако он говорит о нежелательности присутствия в образе героини подчеркнутой структуры черепа, наряду с ярко выраженными мимическими морщинами, предающими женской голове мужеподобные черты. При этом высокие скулы, приподнятые внешние уголки глаз, мягкая линия нижней челюсти и полные губы являются элементами, добавляющими героине женственность и очарование. Глаза, обрамленные длинными густыми ресницами и подчеркнутые тонкими изогнутыми бровями, остаются доминирующим элементом на лице, выражающем различные эмоции и состояния. Говоря об изменениях восприятия черт женского лица с течением времени, Харт отмечает чуть припухшую нижнюю губу, относительно недавно вошедшую в моду, ведь раньше более привлекательно считалась обратная ситуация. Также автор обращает внимание на едва намеченную, но все же присутствующую впадинку на переносице. Форма носа при этом остается как можно более нейтральной и правильной, в отличие от типажей мужского рода, при проработке лицевых черт которых форма и размер носа важны для понимания характера и личности персонажа. Как уже было отмечено, современная героиня ростом не уступает герою, а подчас бывает и выше него за счет каблуков. Но пропорции тела героини изменились с середины XX века: сейчас в моду вошли широкие плечи у женщин, компенсирующиеся узкой талией и широкими бедрами, что в целом сохраняет женственный облик. Что касается ярко выраженных мускулов, то они по-прежнему считаются недопустимыми в области шеи и плечевого пояса, в отличие от мускулов ног, где они часто подчеркиваются. Длинные блестящие волосы с проработанной текстурой продолжают использоваться как увеличивающий привлекательность элемент, при анимировании существенно повышающий динамику образа. В целом в фигуре героини основным фактором считается гармоничность и пропорциональность телосложения, основанная на традиционных представлениях и смягчаемая современным их видением.

Комиксы и большинство современных компьютерных игр практически повсеместно используют повышающие экспрессию приёмы, такие как гипербола, например. Анатомические особенности героев и героинь, выражение их лиц зачастую оказываются до предела утрированными для облегчения восприятия авторской задумки зрительской аудиторией. Кисти рук и стопы сохраняют традиционные гендерные различия и не являются экспрессивно значимыми в контексте комиксов.

Харт также призывает несколько утрировать изображения, напоминая, что комиксы не читаются последовательно, как романы, а воспринимаются отрывочно, от кадра к кадру, каждый из которых должен наглядно донести до реципиента определенное настроение и посыл.

Стоит отметить, что в комиксах, равно как и во многих компьютерных и видеоиграх, на них основанных или использующих эстетику комиксов, крайне обострены и утрированы гендерные различия между персонажами мужского и женского пола, что в большей степени объясняется широким применением стереотипов для облегчения восприятия сюжета аудиторией. Однако в гейм-дизайне, равно как и в мультипликации, нагляднее, чем в комиксах, прослеживается тенденция к упрощению форм с одновременным повышением их экспрессивности, что является следствием невозможности или высокой стоимости анимирования персонажей, чей образ изобилует деталями. Поэтому выразительность силуэта героя становится фактором первостепенной важности.

При создании неантропоморфных персонажей художники учитывают неоднократно упоминавшееся выше явление, именуемое эмпатией, и умело им манипулируют: если требуется расположить аудиторию к не являющемуся человеком герою, например, животному или даже неодушевленному в реальности предмету, то его наделяют антропоморфными чертами, такими как строение тела, мускулатура, черты лица и т. д. А в случае, когда создается отрицательный персонаж-монстр, используется прием сознательного искажения пропорций человеческого тела и включения

в него элементов насекомых, пресмыкающихся и иных существ, вызывающих у большинства людей неосознанное отторжение.

При разработке внешнего вида персонажей стоит учитывать и основополагающую на данный момент тенденцию к смешению жанров, в результате чего в облике героя могут переплетаться черты, характерные для вестерна, научной фантастики, фэнтези и урбанизма [6].

При проектировании антропоморфных персонажей с утрированными пропорциями или при создании внеземных форм жизни дизайнер отталкивается от строения реальных земных существ. Можно искажать и комбинировать особенности строения этих существ, а можно создать нечто принципиально новое и чужеродное, достигая желаемого игрового «wow-фактора». Движениям персонажа и его пластике необходимо уделять особое внимание, ведь весь геймплей состоит из нескольких видов постоянно повторяющихся движений, таких как бег, ходьба, перезарядка оружия. Каждое из этих движений в идеале должно стать эстетически привлекательным для целевой аудитории и неповторимым, знаковым, усиливая тем самым узнаваемость отдельных персонажей и повышая притягательность игры в целом [11, p. 67].

Для анимации 2D-персонажей используют несколько гипертрофированную, анимационную физику движений, что повышает визуальную экспрессию происходящего на экране. Например, персонаж при каждом шаге ощутимо отскакивает или слегка расплющивается как мячик в месте соприкосновения с землей. Двухмерные герои идеально подходят для игр различных жанров, в том числе казуальных, где уместна легкость повествования и утрированные движения и реакции. Стоит отметить, что зачастую двумерные персонажи и фона изначально создаются трехмерными, объемными, что позволяет свободно перемещать камеру до тех пор, пока не будет найден оптимальный ракурс. Кроме того, на этом этапе можно изменить и фокусное расстояние, которое по умолчанию равно 35 мм, чтобы приблизить, отдалить или исказить видимые игроком объекты и персонажи. Затем, трехмерные модели после рендера становятся двухмерными картинками, на которые наносятся цвета, соответствующие колористике проекта.

3D-персонажи, состоящие из определенного количества двумерных полигонов, соединенных между собой, подходят для более серьезных проектов, позволяют использовать любой ракурс камеры и в большей мере помогают игрокам отождествлять себя с аватарами, за которых они играют. После создания трехмерной модели, ее снабжают внутренним скелетом, который и позволит аниматорам манипулировать движениями этой модели. При этом стоит учитывать, что чем большее количество полигонов задействовано в построении модели, тем более значительное число компьютерных ресурсов потребуется при работе с ней. Для второстепенных неигровых персонажей и находящихся на удалении от игрока предметов используются низкополигональные модели, выглядящие несколько угловатыми, но позволяющие существенно снизить нагрузку на движок. Для производства трейлеров и иных сцен, которые должны максимально красочно показать все возможности игры, применяют высокополигональные модели, обеспечивающие визуальное представление продукта на высочайшем уровне. Надо отметить, что подобные высокополигональные модели используются исключительно для съемки определенных сцен и категорически не подходят для самого игрового процесса, так как огромное количество составляющих их полигонов приведет к катастрофическому замедлению геймплея. Чтобы избежать подобной проблемы, используют модели с сеткой, обладающей меньшим количеством полигонов, но с наложением более высококачественных текстур с нарисованными на них с помощью карт деталями. Это позволяет движку игры без ухудшения визуальной составляющей отрисовывать перемещение персонажа в режиме реального времени без видимой глазу игрока задержки. Главные персонажи обычно состоят из 3–4 тыс. полигонов, что вкупе с различными спецэффектами, является фактором первоочередной важности, влияющим на количество кадров в секунду.

Отдельно стоит упомянуть и два основных способа анимации трехмерных моделей. Первый из них называется анимация по ключевым кадрам, вручную расставляемым аниматорами (англ. keyframe animation). При этом кадром называется начальная и конечная точка в той последовательности движений, которую необходимо анимировать. Ключевыми кадрами становятся начало и завершение отчетливо видимого глазу законченного движения. После чего с помощью программного

обеспечения добавляются промежуточные кадры, обеспечивающие плавность анимации от кадра к кадру. Данный способ является затратным по времени, но позволяет добавить больше экспрессии физике движений в соответствии с задумкой гейм-дизайнера.

Вторым способом является технология «Motion capture», позволяющая скелетом модели сделать движения реального актера, на котором закреплены оптические маркеры или магнитные сенсоры. Данная технология, несмотря на высокую стоимость позволяющая получить качественную анимацию в краткие сроки, стала основным инструментом трехмерного анимирования с момента своего успешного введения в широкую практику кино- и игровой индустрии.

Следует сказать пару слов и о превизуализации (англ. previsualisation), представляющей собой технику моделирования сцены, до того как она будет создана и отснята. Превизами (англ. previs) называются схематичные анимационные наброски, позволяющие разработчикам игры экспериментировать с расстановкой персонажей, освещением, положением и движением камеры и т. д. Данная методика является крайне полезной в производстве игр, так как при минимальных затратах она позволяет прогнозировать проблемные места в геймплее или его визуальной части и решать соответствующие задачи до того, как они возникли [11, p. 104].

Какой бы способ ни был выбран, включая комбинирование вышеприведенных технологий в рамках одного проекта для решения различных задач, перед гейм-дизайнером практически всегда стоит дилемма. С одной стороны, для снижения нагрузки на аппаратное обеспечение анимация должна быть универсальной, что позволяет использовать уже созданные последовательности кадров в различных ситуациях. С другой стороны, постоянно повторяющиеся движения быстро наскучивают игроку, что уменьшает удовольствие, получаемое им от геймплея. В таком случае приходится искать баланс между повторением и разнообразием, например, спроектировать несколько видов анимации при получении игроком наград, бонусов и иных эмоционально окрашенных моментов и чередовать эти эффекты.

Работая над образом персонажа, надо помнить и о таком важнейшем аспекте, как положение камеры, ведь оно целиком и полностью будет определять видимое игроком изображение. Например, если камера расположена позади персонажа, то игрок большую часть игры будет видеть спину персонажа, и с точки зрения визуальной экспрессии желательно в таких случаях наделить персонажа элементом гардероба или иным атрибутом, который будет передавать динамику его движения, например, развевающимся плащом, длинными волосами или бряцающим о шпоры оружием. Если же игра представляет собой шутер или иной жанр от первого лица, то игрок не увидит ничего, кроме рук персонажа, поэтому стоит продумать, как сделать руки и предметы, в них попадающие, наиболее эффектными.

Логика проектной разработки геймплея требует, чтобы не только образы боссов и главных героев продумывались тщательно, проектировались цельными и гармоничными. Все субъекты и объекты игрового мира, с точки зрения геймплея, должны быть безупречны в визуальном плане, работать на поддержание заданной дизайнером атмосферы и способствовать повышению правдоподобности происходящего в игровой вселенной, что, в свою очередь, позволит игроку быстрее и полнее погрузиться в её атмосферу.

Более того, в некоторых случаях в игровом процессе становится очевидной и мотивация персонажа. Это уже можно считать проявлением высшей психической деятельности в рамках игровой реальности: игрок, управляя подобным мотивированным персонажем, отчасти перестает воспринимать игровые задания как прихоть гейм-дизайнера и начинает относиться к ним с большим пониманием и пиететом, ведь они являются следствием личностных устремлений персонажа, движимого голодом, местью, жаждой знаний и т. д. [14, p. 53].

Подводя итоги данного исследования, хотелось бы отметить особую значимость этапа разработки персонажей, чье поведение, облик и мотивация являются важнейшими факторами восприятия пользователем игрового процесса в целом, что обуславливается и самой игровой механикой, дающей игроку возможность взаимодействовать с виртуальным миром посредством аватара, становящегося ипостасью игрока на всем протяжении геймплея.

Литература

1. Казакова Н. Ю., Назаров Ю. В. История возникновения гейм-дизайна как самостоятельной формы визуального искусства. Жанры видеоигр и основные этапы их разработки // Дизайн и технология. – 2015. – № 43. – С. 91–99.
2. Казакова Н. Ю., Назаров Ю. В. Целевая аудитория гейм-дизайна и игровой процесс // Вестн. МГХПА. – 2015. – № 1. – С. 393–414.
3. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. – New York: Harper and Row, 1990. – 303 p.
4. Dille F., Platten J. The ultimate guide to video game writing and design. – New York: Random House, Inc., 2007. – 272 p.
5. Eisner W. Comics and sequential art: Principles and practices from the legendary cartoonist. – New York: W. W. Norton & Company Ltd., 2008. – 175 p.
6. Hart Ch. Drawing cutting edge comics. – Watson-Guptill Publications, 2001. – 144 p.
7. Hogarth W. The analysis of beauty. – Paul Mellon Centre BA, 1997. – 200 p.
8. Johnston O., Thomas F. The illusion of life. Disney Animation. – Disney Editions, 1995. – 548 p.
9. Koster R. A theory of fun for game design. – Sebastopol: O'Reilly Media, Inc., 2014. – 304 p.
10. McCloud S. Understanding Comics. Harper, 1993. – 200 p.
11. Mitchell B. Game Design Essentials. – Indianapolis, Ind.: John Wiley & Sons, 2012. – 320 p.
12. Mori M. The uncanny valley // IEEE Robotics & Automation Magazine. – 2012. – 12 June.
13. Parkin S. An illustrated history of 151 video games. – London: Anness Publishing Limited, UK, 2012. – 255 p.
14. Rogers S. Level up. The guide to great video game design. – A John Wiley & Sons, Ltd., Publications, 2010. – 550 p.
15. Schell J. The art of game design. A book of lenses. – Amsterdam; Boston: Morgan Kaufmann Publishers, 2008. – 489 p.
16. Skolnick E. Video Game Storytelling. – Watson-Guptill Publications, Berkeley, 2014. – 134 p.
17. Stevens Ch. Appillionaires: Secrets from developers who struck it rich on the App Store. – John Wiley & Sons, Ltd., 2011. – 224 p.

References

1. Kazakova N.Yu., Nazarov Yu.V. Istoriya vozniknoveniya geym-dizayna kak samostoyatel'noy formy visual'nogo iskusstva. Zhanry videoigr i osnovnyye etapy ikh razrabotki [Origin and development of game design as a separate branch of visual arts. Video game genres and main stages of their creation]. *Dizayn i tekhnologiya [Design and Technology]*, 2015, no. 43, pp. 91-99. (In Russ.).
2. Kazakova N.Yu., Nazarov Yu.V. Tselevaya auditoriya geym-dizayna i igrovoy protsess [Target audience of game design and gameplay]. *Vestnik MGHKPA [Magazine of Moscow State Academy of Applied Art and Design named after Sergei Stroganov]*, 2015, no. 1, pp. 393-414. (In Russ.).
3. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York, Harper and Row, 1990. 303 p. (In Engl.).
4. Dille F., Platten J. The ultimate guide to video game writing and design. New York, Random House, Inc., 2007. 272 p. (In Engl.).
5. Eisner W. Comics and sequential art: Principles and practices from the legendary cartoonist. New York, W. W. Norton & Company Ltd., 2008. 175 p. (In Engl.).
6. Hart Ch. Drawing cutting edge comics, Watson-Guptill Publications, 2001. 144 p. (In Engl.).
7. Hogarth W. The analysis of beauty, Paul Mellon Centre BA, 1997. 200 p. (In Engl.).
8. Johnston O., Thomas F. The illusion of life. Disney Animation, Disney Editions, 1995. 548 p. (In Engl.).
9. Koster R. A theory of fun for game design. Sebastopol, O'Reilly Media, Inc., 2014. 304 p. (In Engl.).
10. McCloud S. Understanding Comics. Harper, 1993. 200 p. (In Engl.).
11. Mitchell B. Game Design Essentials. Indianapolis, John Wiley & Sons, 2012. 320 p. (In Engl.).
12. Mori M. The uncanny valley. *IEEE Robotics & Automation Magazine*, 2012, June, 12. (In Engl.).
13. Parkin S. An illustrated history of 151 video games. London, Anness Publishing Limited, UK, 2012. 255 p. (In Engl.).
14. Rogers S. Level up. The guide to great video game design. A John Wiley & Sons, Ltd., Publications, 2010. 550 p. (In Engl.).
15. Schell J. The art of game design. A book of lenses. Amsterdam; Boston, Morgan Kaufmann Publishers, 2008. 489 p. (In Engl.).
16. Skolnick E. Video Game Storytelling. Watson-Guptill Publications, Berkeley, 2014. 134 p. (In Engl.).
17. Stevens Ch. Appillionaires: Secrets from developers who struck it rich on the App Store. John Wiley & Sons, Ltd., 2011. 224 p. (In Engl.).

УДК 7.071.1:769.2:929 Лапин

НИКОЛАЙ ЛАПИН. ОТ ОРЕНБУРГСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СВОБОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МАСТЕРСКИХ ДО ВЫСШИХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИХ МАСТЕРСКИХ

Смекалов Игорь Владимирович, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры дизайна, Оренбургский государственный университет (г. Оренбург, РФ). E-mail: igor.smekalov@mail.ru

В статье рассматриваются малоизвестные факты жизни и творчества художника Николая Фёдоровича Лапина. Незаслуженно забытый мастер книжной ксилографии был одним из организаторов работы графического факультета ВХУТЕМАСа – ВХУТЕИНа и Московского полиграфического института.

В связи с биографией Лапина конкретизируется самый интересный период первой (авангардистской) реформы высшего специального образования – от ГСХМ к ВХУТЕМАСу. Анализируются тексты Лапина и произведения, относящиеся к годам его ученичества. Комментируются документальные источники о времени учебы в Оренбурге (1919–1920), в том числе воспоминания художника Сергея Калмыкова, характеризующие общественную позицию, организационные и дипломатические способности подмастерья Лапина. Раскрывается его роль в реформе оренбургских ГСХМ. Особый интерес представляют архивные материалы о миссии Лапина в Наркомпросе и его свидетельство о структуре оренбургского УНОВИСА – организации последователей Казимира Малевича. Рассматривается период учёбы Лапина в Москве, во ВХУТЕМАСе (с октября 1920), определивший всю его творческую и педагогическую жизнь, научные и коллекционерские пристрастия. Приводятся цитаты из сочинений художника Сергея Калмыкова о том, как воспринималась московская учёба Лапина в Оренбурге. Характеризуется многообразная преподавательская деятельность Лапина и его музейная работа. Во второй части статьи описываются графические работы молодого Лапина, созданные им в Оренбурге, Самаре и Москве (1920-е) – уникальные образцы творческой работы подмастерья провинциальных ГСХМ и студента раннего ВХУТЕМАСа. К завершению периода ВХУТЕМАСа относится самый известный проект художника – графический цикл крымских пейзажей «Судак» и конструкция одноимённой книги. Сопоставление фактов творческой жизни конкретного автора и событий истории страны помогает объяснить бурный и противоречивый период в искусстве России.

Ключевые слова: Государственные свободные художественные мастерские (ГСХМ), Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС), Высший художественно-технический институт (ВХУТЕИН), Московский полиграфический институт.

NIKOLAI LAPIN. FROM ORENBURG GOVERNMENT LIBERAL ART STUDIOS TO HIGHER ART AND TECHNICAL STUDIOS

Smekalov Igor Vladimirovich, PhD in Art History, Associate Professor, Associate Professor of Department of Design, Orenburg State University (Orenburg, Russian Federation): E-mail: igor.smekalov@mail.ru

Little known facts of life and creative work of artist Nikolai Fyodorovich Lapin are considered in this article. He undeservedly fell into oblivion though being a master of book xylography and one of the founders of Graphical Department of Vkhutemas-Vkhutein and Moscow Polygraphic Institute. The most interesting period of the first –avant-garde– reform of tertiary education is specified in relation to Lapin's personal history from Orenburg Government Liberal Art Studios (Gskhm) to Vkhutemas. Materials concerning young Lapin's

studies in Orenburg period are published. His role in reformation of Orenburg Gkhsm is described. The first part of the article gives comments on documentary sources concerning the time of Lapin's apprenticeship in Orenburg in 1919-1920. Among these documents, there are reminiscences of artist Sergei Kalmikov who characterized public position, managerial and diplomatic abilities of disciple Lapin. Archival data about Lapin's mission in Narkompros (Ministry of Education) and his evidence concerning the structure of Orenburg UNOVIS – the group of followers of Kazimir Malevich – are of special interest. The Moscow period of Lapin's studies in Vkhutemas from October of 1920 is described. These studies determined the artist's entire creative and pedagogic life, his scholar and art collectorship tastes. Sergei Kalmikov's testimonies about Orenburgers' opinions on Lapin's studies in Moscow are also provided here. Lapin's diverse teaching activities and his museum affairs are described. The second part of the article gives description of young Lapin's graphical works which he created in Orenburg, Samara and Moscow in the 1920s. These works resemble unique samples of creative activities of an apprentice in a provincial Gkhsm and of a student of early Vkhutemas. To the end of his Vkhutemas period, the artist created his most renowned graphic cycle of Crimean landscapes "Sudak" and designed a folio under the same title.

Keywords: Government Liberal Art Studios (Gkhsm), Higher Art and Technical Studios (Vkhutemas), Vkhutein (Higher Art and Technical Institute), Moscow Polygraphic Institute.

Имя художника Николая Фёдоровича Лапина (1891–07.09.1950) нельзя отнести к числу совершенно забытых. Самое известное его произведение – макет книги «Судак» (о природе и архитектуре Крыма) и соответствующий цикл иллюстраций (1928) – рассматривается специалистами как один из выдающихся образцов отечественной школы ксилографии. Сведения о Лапине можно встретить в изданиях по истории ВХУТЕМАСа – ВХУТЕИНа и Московского полиграфического института (ныне – университета печати им. Ивана Фёдорова). Этим учреждениям Лапин посвятил много сил и энергии в качестве организатора и преподавателя. Не случайно первым биографом Лапина и хранителем его произведений является Ю. И. Чувашов, профессор Московского университета печати, заинтересовавшийся личностью своего предшественника и собравший разрозненные свидетельства о нём.

Впрочем, в судьбе Лапина остаётся ещё много неясностей. Особенно это относится к раннему, творчески наиболее продуктивному периоду его многообразной деятельности. Фигура художника интересна не только сама по себе, но и в контексте творческих событий эпохи. Лапин стал свидетелем и участником грандиозного авангардистского творческого эксперимента («Великой утопии»), во многом определившего лицо искусства XX столетия.

Сопоставление сохранившихся работ и документов, выявленных в архивах и музейных собраниях Оренбурга и Москвы, позволяет не только скорректировать обстоятельства его собственного профессионального становления, но и даёт редкую возможность на одном примере проследить все этапы реформирования высшего художественного образования в стране – от самых первых послереволюционных анархичных Свободных художественных мастерских (СВОМАС – ГСХМ) в провинции и столице до стройно организованных ВХУТЕМАСа – ВХУТЕИНа. Эта линия может быть продолжена и далее, вплоть до устоявшейся советской системы вузов (1940-е), ставших основой современных университетов и академий. В меру таланта художник отразил все основные тенденции этого реформирования в своём искусстве.

Ранние годы. По данным Ю. И. Чувашова, Лапин родился в Гомеле, в семье грузчика. После окончания гомельского четырёхклассного училища работал телеграфистом. Во время Гражданской войны служил в Красной армии и вступил в большевистскую партию.

В период боевых действий в составе войск Восточного фронта, как старший телеграфист штаба фронта, Лапин оказывается в Оренбурге.

Оренбург. **ГСХМ**. Факт его учёбы в местной Вольной художественной мастерской и ГСХМ (1919–1920) до сих пор не нашёл отражения в биографических материалах, но подтверждается документально. Среди первых оренбургских подмастерьев было много военных, курсантов Ви-

тебских командных курсов, расквартированных в Оренбурге. Возможно, Лапин, родом из Белоруссии, был одним из витебцев.

Сведения о Лапине встречаются в протоколах Оренбургских ГСХМ, хранящихся в Центре документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Молодой художник заметен в острых столкновениях представителей разных творческих направлений, группирующихся вокруг губернского профсоюза работников искусств (РАБИСа), с одной стороны, и ГСХМ – с другой (март 1920). Такого рода конфликты были характерны для этапа становления мастерских. Молодёжь – члены РАБИСа приходили учиться в ГСХМ у инструкторов-авангардистов, но активно сопротивлялись новым принципам обучения. Известен даже факт исключения советом мастерских *«подмастерьев Нейслос, Г. Иванова-Крутова, Н. Лапина, А. Бекчурина, О. Шпилько и Тиханович как разделяющих враждебное отношение со стороны секции живописи»* (РАБИС) *к «молодой худ. организации»* (ГСХМ). Вина исключённых была в том, что они заявляли: *«...политика не должна коснуться наших мастерских, искусство должно стоять вне политики, художник выше стоит всех классовых убеждений»* [6].

Противостоящие группы всерьёз грозили друг другу браунингами. Впрочем, позднее все исключённые снова оказались в числе подмастерьев, а Лапин даже стал избранным членом руководящего Совета мастерских. Заметим, что круг художников Оренбурга в это время был достаточно широк. Лапин общался с академистами Степаном Карповым и Серафимой Рянгиной, символистом Иваном Добровольским, кубистом Беатрисой Сандомирской, супрематистами Иваном Кудряшовым и Сергеем Калмыковым и многими другими.

Здесь следует упомянуть о таком интересном источнике, как дневники и воспоминания оренбургского художника Сергея Калмыкова, ныне хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (ЦГАРК). Описывая собственную жизнь в Оренбурге, Калмыков много раз говорит о Лапине в связи с Успенским переулком – адресом ГСХМ: *«В 1919–1920 годах образовалась знаменитая компания на Успенском, 14. Добровольский, я и Лапин образовали триумвират и разгуливали по Оренбургу»* [4].

Из текстов Калмыкова понятно, что подмастерье Лапин дружил со своими учителями-новаторами, был с ними «на равной ноге», а ведь живописец Иван Добровольский уже успел объехать всю Европу, учился в академиях Мюнхена и Рима, а Калмыков занимался у Кузьмы Петрова-Водкина и Мстислава Добужинского в Санкт-Петербурге. И дело здесь не только в личных качествах Лапина. Все подмастерья ГСХМ ощущали себя не учениками, но абсолютно свободными, самоорганизующимися художниками. Голод и отсутствие топлива не мешали им устраивать выставки, экспериментировать со стилевыми направлениями от сезаннизма и кубизма до супрематизма, сохраняя при этом собственную индивидуальность. Непосредственное общение с представителями того или иного течения способствовало быстрому профессиональному росту молодёжи в Свободных мастерских.

Творческая одарённость и явный талант организатора позволили Лапину быстро заявить о себе. Летом 1920 года он участвует в описи имущества ГСХМ, связанной с переводом мастерских, ранее подчинявшихся непосредственно Наркомпросу, в ведение местного Губоно, причём резко выступает на заседаниях Губисполкома против первого уполномоченного по ГСХМ – скульптора Беатрисы Сандомирской.

Свидетельство Н. Ф. Лапина о структуре первоначального УНОВИСа в Оренбурге. В Оренбурге Лапин познакомился с Казимиром Малевичем и Лазарем Лисицким. Посетив город летом 1920 года, лидеры супрематизма основали здесь филиал витебской группы «Утвердители нового искусства» (УНОВИС). Среди документальных свидетельств этого времени особенно интересен автограф тезисов доклада о состоянии дел в Оренбургских мастерских, который Лапин, как член совета мастерских, представил в Наркомпрос (24 сентября 1920) [1]. В этом содержательном докладе рассказывается о том, как было построено обучение в Оренбурге к осени 1920 года, то есть сразу после отъезда из города Малевича и Лисицкого, о том, как был устроен организованный ими «первоначальный» УНОВИС.

Судя по всему, подмастерье Лапин выполнял различные дипломатические задания ГСХМ. Сохранилось свидетельство Сергея Калмыкова:

«Сногсшибательно любезный Н. Ф. Лапин очаровал нас своею точностью и аккуратностью…» [4].

Из доклада Лапина видно, что летом и осенью 1920 года ГСХМ в Оренбурге формировались в полном соответствии с решениями состоявшейся в столице незадолго перед тем, в июне 1920 года, Всероссийской конференции учащихся и учащих искусству о «коллективном творчестве». Приведём этот интересный документ полностью:

Подмастерья Оренбургского Свомаса Лапина Николая

Доклад

На предложение Ваше ознакомить Вас с постановкой художественно-педагогической жизни мастерских докладываю следующее:

Художественно-педагогической жизнью мастерских руководит художественный совет, состоящий из подмастерьев и мастеров в равном количестве /4 плюс 4/; занятия в мастерских с 9 утра до 9 вечера и перерывом на обед с часу до трех. Подмастерья бывших мастерских Богданова, Петровой и Сандомирской собраны в единую аудиторию; всех подмастерьев можно разбить на три группы – начинающих, работавших ранее и заканчивающих художественное образование, всех около 35–40 человек; начинающие работают под руководством Петровой, вторые – Богданова, Николаева и Кудряшова и последние – Кудряшова и самостоятельно.

При этом каждый подмастерье может обращаться за советом к любому из руководителей; советом приглашен лектор по истории, теории и философии искусств т. Калмыков, последним по представленной им совету мастерских программе прочитано лекций: по истории искусств от каменного века до супрематизма; теории и философии искусства от их возникновения до настоящего времени; предположено приглашение лекторов по химии, психологии, истории литературы; приглашение лекторов и связанные с этим технические детали поручено мне выяснить у Вас; в мастерских введены советом периодические выставки – через две недели – классных и домашних работ; на каждую такую выставку должны явиться все подмастерья; работы корректируются мастерами, открываются прения; первая такая выставка прошла очень активно, и очевидность полезности таких выставок стала ясна; программа года детально разрабатывается советом, по всем вопросам художественно-педагогической жизни мастерских мне поручено просить у Вас соответствующих указаний и разъяснений. Н. Лапин. Москва, 24 сентября 1920 года.

О каких событиях рассказывает Лапин?

Осень 1920 года стала пиком активности и самых смелых педагогических новаций для оренбургских ГСХМ. Это было время абсолютной уверенности художников в важности собственной миссии, время активного поиска путей к достижению цели, время огромного напряжения творческих сил. Утопическая идея о революционном рывке к неизведанным вершинам искусства собрала в общей мастерской («единой аудитории») для совместной работы сорок подмастерьев с разной степенью подготовки, как вновь принятых, так и ранее учившихся. Инструкторами (преподавателями) выступили представитель Губоно Кузьма Николаев и посланцы Наркомпроса Сергей Богданов, Александра Петрова и Иван Кудряшов. Очень разные авторы сумели на короткое время объединить свои усилия. «Импрессионист» Николаев, согласно докладу, работал в это время совместно с супрематистом Кудряшовым и сезаннистами Богдановым и Петровой. Причём «итоговое» образование подмастерьев взял на себя именно Кудряшов («крайне левый»).

Художник Сергей Калмыков назван в докладе «лектором по истории, теории и философии искусств от древности до супрематизма». Следовательно, доминирующей действительно стала идея общего движения к новому искусству, а не личностные амбиции и тактические разногласия.

Сохранилась докладная записка совета ГСХМ Оренбурга (осень 1920), свидетельствующая о последствиях доклада Лапина:

Зав. ИЗО Наркомпроса. Настоящим доводим до Вашего сведения выписку из протокола общего собрания подмастерьев Оренбургских Государственных худож. мастерских от 11 октября 1920 года. Заслушав доклад подмастерья т. Лапина о налаженном конфликте с бывшим уполномоченным Сандомирской, на свободную вакансию которой может быть Уполномоченный назван из своей среды старших т.т. мастеров, постановили: право выбора предоставить самим ру-

ководителям, после тайного совещания которых был выдвинут т. Богданов. Голосованием все пожелали видеть Богданова в должности уполномоченного. Просим утверждения. Председатель Лазарев. Тов. Иванову для утверждения 5. XI.

Слева сбоку резолюция:

т. Богданова временно утвердить в должности уполномоченного. Зав. шк<ольным> отделом А. Иванов. 6-го ноября [2].

Данная докладная записка – свидетельство изменений в структуре провинциальных мастерских, несомненно связанных с результатами командировки Лапина.

Москва. **ВХУТЕМАС**. С октября 1920 года Лапин остаётся жить в Москве. И здесь он, как и раньше, поначалу служит инструктором-телеграфистом, но уже в 1921 году поступает во ВХУТЕМАС и становится одним из самых первых и заметных студентов полиграфического факультета (полиграффака).

Здесь молодой художник продолжает демонстрировать не только свою самостоятельность и самодостаточность, но и общественный темперамент. Едва оказавшись в столице, недавний провинциал уже общается с признанными лидерами художественной России, например, с основателем беспредметного искусства, первым директором авангардистского Музея живописной культуры Василием Кандинским. Ему Лапин передаёт теоретические работы своего оренбургского друга и учителя Сергея Калмыкова. Имя полиграфиста Лапина как члена нескольких редколлегий встречается в переписке Лазаря Лисицкого с Казимиром Малевичем (1921) [7]. Заметим, что творческие связи Лапина с лидерами авангарда совершенно не изучены.

Годы учёбы во ВХУТЕМАСе полностью определили всю творческую и педагогическую жизнь Лапина, его научные и коллекционерские пристрастия. Лапин застал становление и расцвет великой школы полиграффака, погрузился в атмосферу творческих поисков великих художников и педагогов Владимира Фаворского, Петра Митурича, Николая Купреянова и др. Он учился вместе с будущими лидерами художественного процесса Андреем Гончаровым, Петром Суворовым и др.

В оренбургских записях Сергея Калмыкова переезд Лапина из Оренбурга в Москву и годы его учёбы зафиксированы следующим образом: *«Лапин ступает легко, таким джентльменом. Он так обаятелен. Уехал в Москву, учится во ВХУТЕМАСе на полиграфическом отделении, приобретает большую популярность. Его выбирают в представители месткома учащихся. Он безукоризненный дипломат»* [5].

Впоследствии Калмыков навещал Лапина в Москве, *«в общежитии Вхудмаса на Мясницкой» (1924)*. Показательно, что «свободный художник» Калмыков не принял ни новых профессиональных и педагогических *(«прикладных»*) интересов Лапина, ни всей художественной политики ВХУТЕМАСа. Вот как он пишет о московской атмосфере тех лет: *«Долой живопись. Да здравствуют полиграфические обложки, “Лапин и компания”, скверные чертежи, и никакого понятия о достоинствах рисунка! Нам не нужно вашей живописи (городов, тополей, улично-домашних сцен, полей и деревьев – дайте нам “отчёты о летней практике” о ваших глупо-деловых занятиях!»* [4].

Интересно свидетельство Калмыкова о Лапине-букинисте, собирателе редких книг, в том числе первоизданий представителей новаторских течений литературы: *«У Лапина я видел книгу. Сборник “Футуристы”* (имеется в виду первый журнал русских футуристов, М., 1914. – *И. С.). Подарок Шершеневича, с его надписью. Была у него также “Автобиография” В. Каменского. Тоже с его надписью: “Солнцевейному (какому-то) Нику Лапину!”»* [5].

В 1927 году Лапин блестяще завершил обучение и в качестве дипломной работы он представил собственноручно написанную, смоделированную и гравированную книгу «Судак», посвящённую истории и архитектуре средневекового города-крепости в Крыму. Работа была высоко оценена современниками. Ещё будучи студентом, Лапин начал с успехом участвовать в крупных международных выставках: Международная выставка декоративных искусств в Париже (1925); Международная выставка «Искусство книги» в Лейпциге и Нюрнберге (1927); экспозиция «Современное книжное искусство» на Международной выставке прессы в Кёльне (1928).

Преподавание и музейная деятельность. Сразу после окончания курса обучения талантливый график был зачислен в аспирантуру и уже в 1928–1930 годах сделал успешную преподавательскую карьеру. Затем он последовательно за-

нимал посты учёного секретаря, декана графического факультета ВХУТЕИНа (1929), первого директора Московского полиграфического института. С 1932 года Лапин – декан художественно-графического факультета МПИ.

Увы, чем успешнее развивалась педагогическая карьера, тем меньше времени удавалось уделять художественному творчеству, но роль Лапина в становлении и развитии высшего художественного образования 1930–1940-х годов неоспорима. Обстоятельства этой деятельности изучались Ю. И. Чувашовым. Когда в 1934 году художественно-графический факультет был выведен из МПИ и преобразован в Московский институт изобразительных искусств (МИИИ – будущий Институт им. В. Сурикова), директором нового учреждения стал Лапин. Он привлёк к преподаванию многих крупных художников, в том числе своих бывших наставников по ВХУТЕМАСу.

О преподавательской и организаторской деятельности Лапина рассказывается и в мемуарной литературе. Особенно часты упоминания о нём именно в текстах графиков, например в переписке Владимира Фаворского. Художники говорили о нём скорее скептически, как о бюрократе. Но в 1938 году, в период «борьбы с формализмом», Лапин лишился своей должности в институте именно потому, что защищал «формалистов».

Вскоре после увольнения из института Лапин назначается главным хранителем Музея изобразительных искусств имени Пушкина, однако с началом Великой Отечественной войны уходит на фронт. В 1941 году, после фронтового ранения, Лапин продолжает служить в музее в прежнем качестве.

В марте 1946 года художник возвращается в МПИ, где занимает пост декана редакционно-издательского факультета, одновременно заведуя кафедрой. Его стараниями в институте были во многом возобновлены утраченные традиции ВХУТЕМАСа – ВХУТЕИНа.

Лапин отдал все силы преподаванию и организаторской работе. Он оставил своему детищу – Московскому полиграфическому институту – свою уникальную коллекцию собранных за многие годы редчайших фолиантов.

Когда художник умер, в журнале «Сталинский печатник» был опубликован некролог (1950).

Ранние произведения (ГСХМ и ВХУТЕМАС). Творческое наследие Лапина изучено явно недостаточно. Значимый материал для исследователя представляет большая папка с работами разных лет, которая долгие годы хранилась в архиве Московского полиграфического института. В начале 50-х годов эти рисунки, наброски и живописные этюды были спасены от уничтожения известным искусствоведом А. А. Сидоровым. Позднее работы сохранялись профессором Ю. И. Чувашовым. Часть материалов была принята на хранение в ГТГ. Ныне папка находится в собрании музея МАРХИ, её опись составлена заведующей отделом хранения фондов Т. В. Лысовой. В папке представлены образцы искусства Лапина от юношеских набросков до печатной графики 40-х годов прошлого столетия, что позволяет проследить практически всю творческую эволюцию художника.

Произведения молодого Лапина вызывают особый интерес. Его самые ранние наброски, относящиеся к 1915–1916 годам, уже говорят о нём как о рисовальщике, достаточно хорошо усвоившем приёмы русской графики Серебряного века. Автопортреты и портреты друзей, выполненные карандашом на тонированной бумаге с тактичной подцветкой, свидетельствуют о композиционном умении молодого автора, его интересе к выражению психологической характеристики изображаемого человека: **«Портрет» (20 апреля 1915. Бумага, карандаш. 36×22); «Задумчивый» (4 января 1916. Бумага, карандаш. 39×32); «Автопортрет» (1915–1916. Бумага, карандаш. 35×23)**.

Большинство сохранившихся работ относятся к периоду учёбы автора в оренбургских ГСХМ и московском ВХУТЕМАСе.

Судя по авторским пометам и датам, ранние рисунки Лапина – это самые достоверные образцы творчества учащегося (подмастерья) оренбургских ГСХМ. Их отличает интерес к формальной составляющей и строгому, продуманному отбору выразительных средств. Заметна техническая оснащённость Лапина, использующего различные трудоёмкие графические техники, например **литографию**: **«Оренбург. Караван-Сарай» (10 августа 1920. 10×14,5)**.

Несколько ранних этюдов акварелью и маслом посвящены изображению оренбургских мельниц. Эти узнаваемые объекты городского пейзажа известны по многим старым фотографиям, картинам и рисункам. Если акварельный набросок

Лапина с изображением островерхого ветряка претендует лишь на документально точную передачу деталей пейзажа, то в живописном этюде мельницы его первоначальный натурный анализ получает совсем другое развитие: в мастерски исполненной цветными, подчёркнуто раздельными штрихами работе очевидно влияние искусства дивизионизма: «**Оренбургская мельница» (не позднее лета 1920. Картон, масло. 30×24,9)**. Этот вполне авангардистский по задачам этюд представляется центральным произведением Лапина периода ГСХМ, доказывающим значительные профессиональные достижения молодого автора.

Показательно, что в отборе сюжетов и в самих приёмах живописи Лапина заметно влияние его товарища и учителя Сергея Калмыкова. Сравнивая городские пейзажи Лапина с произведениями Калмыкова, хранящимися ныне в Оренбургском музее ИЗО, можно утверждать, что оба художника писали свои этюды вместе, рядом, прямо на улице.

Особенно перекликаются с рисунками Калмыкова следующие работы Лапина: **«Оренбург. Улица Советская» (не позднее лета 1920. Картон, масло. 20×14); «Пейзаж с домиком» (бумага, цветной карандаш, акварель. 23×23,5)**.

Ряд натурных работ Лапина, судя по датам, связан со временем его переезда из Оренбурга в Москву, с остановкой в Самаре: **«Баржа. Самара» (15 сентября 1920. Картон, масло. 13×20,5); «Пейзаж с рекой» (картон, масло. 23×35,54); «Пейзаж с башней» (бумага, акварель. 18×16)**.

Эти этюды по-прежнему отличает пленэрный характер, тонкая живописность. При этом автор не демонстрирует приверженности к какому-либо одному художественному методу. Ряд вещей из папки Лапина явно исполнен уже в Москве, но, что характерно, не только на московском, но и на оренбургском материале. Реалистические пейзажи сочетаются со стилизованными, подцвеченными рисунками, видимо, относящимися к некоему графическому проекту: «**Магометанское кладбище»**. На обороте – зарисовка исторического здания оренбургского городского архива **(бумага, акварель. 19×17); «Православное кладбище» (26 октября 1920. Бумага, карандаш. 13×11)**.

Очевидно, среди первых в Москве были исполнены несколько этюдов, изображающих старую архитектуру Кремля и Троице-Сергиевой лавры, эти пейзажи и интерьеры очень близки к вещам оренбургского периода, в них нет пространственной остроты и пластических открытий, характерных для более поздних композиций студента Лапина. Вполне можно предположить, что это творческие задания «первоначального» ВХУТЕМАСа, ещё не сформулировавшего окончательно свои основополагающие принципы и ценности: «**Башня Троице-Сергиевой лавры» (бумага, гуашь. 30×23)**.

Итак, с первых лет учёбы во ВХУТЕМАСе Лапин делает изображение архитектуры постоянным и, пожалуй, самым любимым объектом своего искусства.

Зрелые произведения. Книга «Судак». Если рисунки, гравюры и акварели Лапина, относящиеся к эпохе расцвета центров искусства авангарда в провинции и начальным годам ВХУТЕМАСа, сохранились достаточно фрагментарно, то о его графике середины 20-х годов нам известно больше.

В 1926 году, будучи студентом IV курса полиграффака ВХУТЕМАСа, Лапин подготовил малоформатное издание поэмы Сергея Есенина «Песнь о великом походе».

Макет книги «Судак» (1927–1928) [3] и большой цикл графических произведений, посвящённых средневековой архитектуре Крыма свидетельствуют о последовательных опытах серьёзного, вдумчивого художника. В 1928 году эта работа была напечатана в академической типографии ВХУТЕМАСа, а затем переиздана Госиздатом. По уровню мастерства, профессиональной изобретательности, глубине и целостности мышления книга «Судак» – несомненная вершина искусства художника.

Лапин рассматривал свою деятельность системно, не разделяя её на писательскую, художественную и научную ипостаси. Ему единолично принадлежат и текст, и оформление обложки, и, конечно, все иллюстрации книги «Судак». Издание сопровождается трогательным уточнением: *«Записки на досуге Николая Лапина»*. На самом деле это была работа подлинного энтузиаста: были собраны данные о природе Крыма, об истории знаменитой средневековой крепости в Судаке. Обмерами архитектуры, сделанными автором книги, до сих пор пользуются специалисты.

В связи с данным изданием справедливо говорить о Лапине как о строителе книги, её конструкторе. Книга «Судак» сконструирована согласно принципам, предложенным учителями Лапина – Владимиром Фаворским и Николаем Пискарёвым. Взаимосвязи всех компонентов книги, роль заставок, концовок, иллюстраций, шрифта и даже размер издания (22,8 × 15,2 см) – всё продумано и выверено. Многочисленные авторские развёртки – варианты разворотов позволяют проследить весь подготовительный процесс работы художника.

После ВХУТЕМАСа. Организаторская и преподавательская деятельность отнимала у Лапина слишком много времени. Поздние гравюры из его заветной папки по-прежнему посвящены излюбленным темам – архитектуре и природе Крыма. Многочисленные листы, относящиеся к 30–40-м годам, очень разнообразны по приёмам и характеру использования цвета, но при этом утрачивают прежнюю остроту формы и экспериментальный характер задач.

Ранние работы Лапина доказывают, что он, испытав влияние учителей и разделяя общие установки представителей московской школы ксилографии, усвоил не только общехудожественные принципы и пластическую, пространственную культуру этой школы, но, главное, интерес к решению специфических задач полиграфиста и затем неизменно отстаивал представление о полиграфии как об особом, самостоятельном искусстве со своей спецификой.

Уточнённые данные о молодых годах Николая Фёдоровича Лапина, о его учёбе в Оренбурге и Москве, деловых и творческих связях с авангардистами проливают свет на фигуру этого мастера. Рисунки, акварели и гравюры Лапина – уникальное свидетельство первой послереволюционной реформы художественного образования. Они наглядно демонстрируют пути становления мастера-профессионала (20-е годы XX века) от первых юношеских опытов до зрелых шедевров.

Жизнь и искусство Лапина требуют дальнейшего исследования.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. А-1565. – Оп. 9. – Д. 334. – Л. 7–8.
2. ГАРФ. – Ф. А-1565. – Оп. 9. – Д. 334. – Л. 5.
3. Лапин, Н. Судак. – М.: Госиздат, MCMXXVIII [1928]. – 71 с.
4. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГАРК). – Ф. Р-1758 – личный фонд Сергея Калмыкова. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 55.
5. ЦГ РК. – Ф. Р-1758 – личный фонд Сергея Калмыкова. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 11.
6. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. – Ф. 267. – Оп. 1а. – Д. 16. – Л. 1–5.
7. Шатских А. С. Малевич и Лисицкий – лидеры УНОВИСа // В круге Малевича: соратники, ученики, последователи в России 20–50-х годов. – М.: Palace Editions, 2000. – С. 57.

References

1. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State archive of the Russian Federation]. Fund A-1565, inventory 9, file 334, leaves 7–8.
2. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State archive of the Russian Federation]. Fund A-1565, inventory 9, file 334, leaves 5.
3. Lapin N. *Sudak [The fortress of Sudak].* Moscow, Gosizdat Publ., MCMXXVIII, 1928, 71 p. (In Russ.).
4. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan. Fond R-1758 – Lichnyy fond Sergeya Kalmykova [Central state archive of the Republic of Kazakhstan. Fond R-1758 – Sergey Kalmikov's Personal Fund], inventory 1, file 70, leaf 55.
5. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan. Fond R-1758 – Lichnyy fond Sergeya Kalmikova [Central state archive of the Republic of Kazakhstan. Fond R-1758 – Sergey Kalmikov's Personal Fund], inventory 1, file 70, leaf 11.
6. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Orenburgskoy Oblasti [The Orenburg Region Recent History Documentation Centre]. Fund 267, inventory 1A, file 16, leaves 1–5.
7. Shatskikh A.S. Malevich i Lisitskiy – lidery UNOVISa [Malevich and El Lissitzky – the leaders of the UNOVIS]. *V kruge Malevicha: soratniki, ucheniki, posledovateli v Rossii 20–50kh godov [In Malevich's circle: colleagues, students and followers in Russia 1920s–1950s].* Moscow, Palace Editions Publ., 2000, p. 57. (In Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PEDAGOGICAL SCIENCIES

УДК 378:008

ОТ ИНСТИТУТОВ КУЛЬТУРЫ ДО ИНСТИТУТОВ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Буцык Сергей Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебной работе, Челябинский государственный институт культуры (г. Челябинск, РФ). E-mail: bsv@chgaki.ru

Статья посвящена анализу изменений, которые произошли в российских институтах культуры за более чем полувековой период с момента их создания. Выделяются три исторических периода в развитии учреждений такого типа: 1) период создания сети институтов культуры по всей стране (1964–1989); 2) период массового переименования институтов культуры и расширения спектра реализуемых образовательных программ (1990-е – 2012); 3) период изменений в российском высшем образовании и государственной культурной политике (с 2013 года).

Автор приходит к выводу, что возвращение институтов культуры к историческим наименованиям в течение 2014/15 года не повлекло за собой их возвращение к роли, первоначально отведенной таким учреждениям в структуре высшего образования сферы культуры. Если в 1960–1970-х годах институты культуры занимали строго отведенное место в советской системе подготовки кадров, не пересекаясь по своему содержанию с другими образовательными учреждениями отрасли (консерваториями, театральными, хореографическими, художественными институтами), то сегодня их миссия существенно изменилась.

В настоящее время отечественный институт культуры – это динамичное многопрофильное отраслевое образовательное учреждение высшего образования. В зависимости от потенциала своих научно-педагогических работников, потребности в кадрах соответствующего региона, других факторов образовательное учреждение может осуществлять образовательную деятельность в рамках любой из шести укрупненных групп специальностей и направлений, относящихся к культуре или искусству: «Искусствознание», «Культуроведение и социокультурные проекты», «Сценические искусства и литературное творчество», «Музыкальное искусство», «Изобразительное и прикладные виды искусств», «Экранные искусства». Кроме того, институт может готовить специалистов по таким близким к отрасли направлениям, как: «Туризм», «Документоведение и архивоведение», «Прикладная этика», «Религиоведение» и т. п. Более высокий научный потенциал преподавателей институтов культуры (по сравнению с однопрофильными отраслевыми вузами, ориентированными в значительной степени на искусство) позволяет сегодня активно участвовать в разработке и реализации инициатив, связанных со стратегической политикой государства в сфере культуры.

Ключевые слова: высшее образование, культура, искусство, история, институт культуры, культурная политика.

FROM INSTITUTES OF CULTURE TO INSTITUTES OF CULTURE: HISTORICAL AND PEDAGOGICAL ANALYSIS

Butsyk Sergey Vladimirovich, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: bsv@chgaki.ru

This article analyzes the changes that have taken place in Russian institutes of culture in more than half a century since its inception. There are three historical periods in the development of institutions of this type:

1) creating a network of institutes of culture throughout the country (1964-1989); 2) mass renaming the institutes of culture and expansion of the range of educational programs implemented (1990s – 2012); 3) the period of changes in Russian higher education and the state cultural policy (since 2013).

The author concludes that the return of institutes of culture to the historical names for 2014-2015 did not result in their return to the role originally allocated to such institutions in the structure of the higher education sphere of culture. If in 1960-1970s, institutes of culture strictly reserved place in the Soviet system of training without interfering in their content with other educational institutions of the sphere of culture (conservatories, theater, dance, art institutes), today their mission has changed significantly.

Currently, a Russian institute of culture is a dynamic multi-sectoral educational institution of higher education. Depending on the capacity of its scientific and pedagogical faculty, staffing needs of the region, and other factors, an educational institution may carry out educational activities in the framework of any of the six aggregated groups of professions and areas relating to culture and art: "Theory of Art," "Socio-cultural projects," "Theatre, choreography and literary creation," "Musical art," "Fine art, design," "Movies and television." In addition, such institute is to train such specialists as: "Tourism," "Documentation and archival science," "Applied Ethics," and "Religion." High scientific potential of professors of institutes of culture (compared with one-profile institutes, focused largely on the arts) allows today to participate actively in the development and implementation of initiatives related to the strategic state cultural policy.

Keywords: higher education, culture, art, history, institute of culture, cultural policy.

К началу 2016 года в нормативное употребление отраслевой системы высшего образования был, в значительной степени искусственно, возращен термин «институт культуры», появившийся в нашей стране еще начале 1960-х годов. Проанализируем изменения, произошедшие за более чем 50-летний период с момента появления данного понятия, в историческом аспекте. По нашему мнению, можно с уверенностью говорить о трех периодах, связанных с развитием отечественных институтов культуры: 1) 1964–1989 годы; 2) 1990–2012 годы; 3) с 2013 года – по настоящее время. Каждый из указанных временных отрезков выделяется как историческими предпосылками и последствиями, так и наиболее яркими событиями, пронизывавшими его.

I период (1964–1989). Создание сети институтов культуры

Исторической датой появления такого вида образовательных учреждений высшего образования, как отечественный институт культуры считается 26 марта 1964 года, когда было утверждено соответствующее Постановление Совета Министров РСФСР [16]. Анализируя предпосылки данного явления, выделим три наиболее значимые, на наш взгляд.

Во-первых, научно-технический прогресс государства в послевоенный период резко усилил *потребность кадров библиотек, которые могли бы квалифицированно обслуживать сферу науки и производства*. В тоже время создание в 1920–1940-х годах библиотечных институтов в Москве и Ленинграде (ныне – г. Санкт-Петербург) было направлено на решение несколько иной задачи, связанной с острой нехваткой библиотечных кадров при существенном росте числа библиотек в Советском Союзе в первые десятилетия становления государства. Таким образом, уже в 1950-х годах потребовались значительные изменения в содержании всего спектра образовательных программ библиотечных факультетов этих институтов, поскольку «высшее библиотечное образование, традиционно носившее гуманитарный характер, расширялось за счет новых дисциплин естественно-научного и технического профиля» [12, с. 15–16].

Во-вторых, к концу 1950-х годов в стране произошел рост материального уровня жизни, а также *рост духовных запросов, творческого потенциала людей* и т. п., что требовало подготовки специалистов, которые владели бы не только общими формами и методами культурно-просветительной работы, а могли бы руководить коллективами художественной самодеятельности. Как следствие, факультеты культурно-просветительный работы, входившие в структуру обоих библиотечных институтов и занимавшиеся подготовкой организа-

торов и методистов клубного дела, были дополнены новыми специализациями. Так называемые «художественные» специализации были направлены на подготовку художественных руководителей: оркестра народных инструментов, хорового, театрального, а затем и хореографического коллективов [13, с. 383–385].

Кроме того, к началу 1960-х годов одной из важнейших задач, стоявших перед государством, была *реализация программы культурного развития страны на ее огромной территории* [1, с. 7]: в Поволжье и Сибири, на юге России, Урале и Дальнем Востоке. Необходимо было создать территориально распределенную сеть образовательных учреждений, первым из которых стал в 1960 году Восточно-Сибирский государственный библиотечный институт (г. Улан-Удэ), ***переименованный в 1964 году вместе с двумя его предшественниками – Московским и Ленинградским библиотечными институтами – в институт культуры.***

С 1966 по 1975 год в российских регионах было открыто еще восемь новых институтов культуры – в Краснодаре (1966), Челябинске (1968), Хабаровске (1968), Кемерово (1969), Самаре (1971), Казани (1974), Барнауле (1975) и Перми (1975). Как отмечает М. Г. Вохрышева, «созданные в 60–70-е годы региональные вузы культуры и искусств отразили объективные условия и целевые установки, характерные для того периода истории страны. Перед ними ставилась задача подготовки кадров для учреждений культуры регионов с целью повышения культурного уровня самых широких слоев населения, распространения лучших образцов книжной и художественной культуры. Этим потребностям общества вполне соответствовал институт с двумя факультетами: библиотечным и культурно-просветительным» [2, с. 25]. В таких институтах осуществлялась подготовка специалистов библиотек (всех типов); руководителей, методистов, специалистов учреждений культуры, отделов культуры; художественных руководителей коллективов самодеятельности, режиссеров любительских (народных) театров, педагогов детских музыкальных школ и т. п.

Так, по всей стране была ***создана сеть институтов культуры, структура и содержание которых***, в значительной степени, ***опирались на*** сложившуюся к тому времени ***«типовую» модель:***

- организация двух факультетов – библиотечного и культурно-просветительного (просветительского);
- подготовка специалистов для библиотек всех типов и клубных работников высшей квалификации;
- наличие «художественных» кафедр (хорового и оркестрового дирижирования, театрального мастерства, хореографии и т. п.) для подготовки руководителей коллективов художественной самодеятельности.

Отметим, что согласно действующей сегодня классификации [17] образовательные программы, соответствующие перечисленным ранее, относятся к четырем укрупненным группам направлений подготовки: средства массовой информации и информационно-библиотечное дело; культуроведение и социокультурные проекты; сценические искусства и литературное творчество; музыкальное искусство.

Наряду с общими принципами формирования институтов культуры в каждом регионе большой страны ***были и свои специфические особенности***, связанные, например, с острой необходимостью подготовки специалистов того или иного «художественного» профиля, с одной стороны, и отсутствием однопрофильных высших учебных заведений сферы искусств (консерваторий, театральных институтов, хореографических институтов и т. п.) в данном субъекте Федерации, с другой.

Одним из наиболее ярких примеров можно считать Челябинский государственный институт культуры, организованный в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 1062 от 20 ноября 1967 года и Приказом Министерства культуры Российской Федерации № 35 от 24 января 1968 года, который стал пятым вузом подобного профиля в стране и первым на Урале и в Западной Сибири (открытие института состоялось 1 октября 1968 года). Челябинский институт начал свою деятельность в составе не двух, а сразу трех факультетов: библиотечного, культурно-просветительского и музыкально-педагогического, который стал на тот момент первым в стране факультетом в структуре институтов культуры, работавшим по учебным планам и про-

граммам, соответствующим подготовке в российских консерваториях [5].

Таким образом, за первый период существования институтов культуры, продлившийся около 25 лет, **опытным путем сформировалась логически обоснованная модель учреждения высшего образования нового типа – института культуры**. Данная модель включала в себя как структурные, так и содержательные компоненты, которые увязывались с основной миссией таких учреждений, а также несли вариативную составляющую, обоснованную региональной спецификой.

II период (1990-е – 2012). Массовое переименование институтов культуры

Наличие в институтах культуры так называемых «художественных» специализаций было первоначально ориентировано на подготовку руководителей коллективов художественной самодеятельности. Однако, «подспудно, уже с первых дней существования, стал формироваться фактор, определивший развитие в сторону профессионального искусства» [2, с. 26]. Такой вектор был обусловлен несколькими основными причинами: изначальным четким разделением специализаций внутри специальности «Народное художественное творчество» по видам искусства; наличием квалифицированных педагогических кадров в регионе; трудоустройством большого числа выпускников в профессиональные коллективы. М. Г. Вохрышева пишет: «*Можно утверждать, что в стихийном варианте произошла диверсификация специальности на две ветви: самодеятельное творчество и профессиональное искусство*» [2, с. 26]. К началу 1990-х, на наш взгляд, *данная ситуация начинает порождать конфликт между государственными вузами одной и той же отрасли в различных регионах*: институтами культуры и однопрофильными вузами (музыкальными, театральными, хореографическими, художественными институтами), *что стало одной из предпосылок будущих многочисленных переименований институтов культуры*.

Значительная часть второго обозначенного нами периода совпала в России с так называемой *«эпохой демократизации»* [26], которая *породила целый ряд слабо контролируемых со стороны государства процессов, в том числе и в высшем образовании*. Так, в данный период происходило *массовое переименование институтов культуры*, *имевшее как отраслевые предпосылки, так и общероссийские тенденции.* Первое явление носило первоначально сугубо формальный характер и ограничивалось заменой фразы «культуры» в наименовании образовательных учреждений на «культуры и искусств», «искусств и культуры», «искусства и культуры». Данные действия, на взгляд со стороны, казались иррациональными, поскольку понятие «культура» значительно шире понятия «искусство», включает его. Искусство, в свою очередь, часто трактуется как «форма культуры, связанная со способностью субъекта к эстетическому освоению жизненного мира, его воспроизведению в образно-символическом ключе при опоре на ресурсы творческого воображения» [9, с. 274].

В тоже время повышение качества высшего образования, повлекшее за собой фактическое размывание любительского (полупрофессионального) уровня, открытие в институтах культуры наряду с традиционными профилями «художественной самодеятельности» (в рамках специальности «Народное художественное творчество») близких к ним специальностей искусств («Актерское искусство», «Хореографическое искусство», «Музыкальное искусство» и т. п.), вызывало негативную реакцию со стороны консерваторий, театральных, хореографических институтов и т. п., ранее имевших естественную монополию на профессиональный уровень образования в отдельных видах искусства. По мнению М. Г. Вохрышевой, «параллельное функционирование двух направлений (профессиональное искусство – любительское художественное творчество) превратило вузы культуры и искусств в многопрофильные учреждения отраслевого характера, осуществляющие полихудожественное образование, в отличие от моновидовых вузов… Они универсальны, мобильны, что немаловажно в условиях становления рыночных отношений» [2, с. 27].

В этой связи дополнение наименования со стороны институтов культуры, на наш взгляд, являлось скорее маркетинговым ходом, поскольку преследовало цель нивелировать не всегда обоснованные суждения конкурентов (однопрофильных вузов, располагавшихся как в тех же, так и

соседних регионах) в недостаточном профессионализме. Как отмечает М. Г. Вохрышева, «до сих пор бытует в общественном сознании представление об “институтах культуры”, готовящих кадры для художественной самодеятельности, несмотря на то, что вузы стали качественно иными, и любительское творчество – лишь одна из граней их функционирования» [2, с. 25].

Второе направление, связанное с потребностью в переименованиях институтов культуры, являлось уже общероссийской тенденцией и было обусловлено наличием в Законе «Об образовании» 1992 года не только типов образовательных учреждений (начального профессионального, среднего профессионального, высшего профессионального и послевузовского профессионального образования), но и видов (для высшего профессионального – «университет», «академия», «институт»), что *подчеркивало статус вуза*, подтверждаемого комиссией при государственной аккредитации [3, ст. 12].

За период с начала 1990-х по 2012 год дополнили свое название (фразой, связанной с искусством) все 11 институтов культуры, а 10 из них стали университетами или академиями. Кроме того, за это время в России было образовано (на базе существовавших в регионе филиалов институтов культуры или институтов искусств) еще три новых федеральных вуза – в Орле (1990), Тюмени (1991) и Якутске (2000), а еще несколько высших учебных заведений культуры и искусств регионального подчинения (в Белгородской и Волгоградской областях, республике Чувашия) было создано на базе колледжей (культуры, музыкальных и т. п.).

Важно отметить, что последствием приобретения статуса «университет» (или стремление к его получению в ближайшей перспективе) для вузов культуры стала необходимость лицензирования и реализации значительного числа новых, зачастую прямо не относившихся к отрасли, специальностей. Так, согласно утвержденным в 2005 году показателям деятельности и критериям государственной аккредитации [18], любой университет был обязан иметь спектр образовательных программ, относящихся не менее чем к семи укрупненным группам специальностей (направлений подготовки). Как следствие, ***началось массовое открытие образовательных программ, не относящихся***, согласно действовавшему на тот момент классификатору [14], ***к группе «Культура и искусство»***, например:

- «Издательское дело и редактирование», «Документоведение и документационное обеспечение управления», «Реклама», «Связи с общественностью» (укрупненная группа направлений и специальностей – «Гуманитарные науки»);
- «Социология», «Социальная работа» («Социальные науки»);
- «Менеджмент», «Бизнес-информатика», «Прикладная информатика» («Экономика и управление»);
- «Сервис», «Туризм» («Сфера обслуживания») и др.

Погоня за формальным статусом, фактически, ***вызывала относительное размывание ярко выраженной специфики вузов культуры***. «Юристы, пиарщики, экономисты должны выходить из стен профильных институтов. А творческим вузам нужно дать возможность не тратить время на посторонние предметы и экзамены» [10], – *отметил министр культуры РФ* В. Р. Мединский (с 21 мая 2012 года), как бы *предваряя будущие изменения в отрасли*.

Таким образом, второй выделенный нами исторический период, продлившийся немногим более 20 лет, был **обусловлен существенным расширением спектра образовательных программ**, реализовывавшихся **в вузах культуры**, в основном за счет гуманитарного, социального, управленческого блоков.

III период (с 2013 года). Изменения в российском высшем образовании и государственной культурной политике

1. *Одной* из *основных предпосылок последних изменений в высшем образовании страны целом и отрасли, в частности*, *можно считать вступление в силу* (с 1 сентября 2013 года) *нового закона «Об образовании в Российской Федерации»* [25].

Статьи 23 и 24 закона коренным образом изменили подход к определению статуса высшего учебного заведения, поскольку перестало существовать само понятие вида образовательной организации, а отдельные категории («ведущий классический университет», «федеральный университет» и «национальный исследовательский университет») были установлены лишь для от-

носительно небольшого числа вузов страны. *Как следствие, подавляющее большинство образовательных организаций*, независимо от их предыдущих наименований, *получили одинаковый статус*, который определялся только их типом – образовательная организация высшего образования.

Кроме того, для реализации нового закона, начиная с сентября 2013 года, вступил в силу целый ряд нормативных документов, в том числе *новый перечень специальностей и направлений подготовки высшего образования* [17], *который, фактически, разделил одну укрупненную группу* направлений подготовки (специальностей) *«Культура и искусство» на шесть более мелких*: «Искусствознание», «Культуроведение и социокультурные проекты», «Сценические искусства и литературное творчество», «Музыкальное искусство», «Изобразительное и прикладные виды искусств», «Экранные искусства». ***Данное разделение***, фактически, ***позволяет***, при необходимости, объективно определять ***относительные рамки образовательной деятельности между различными государственными вузами одной отрасли***, в том числе и с учетом особенностей каждого отдельного региона. Например, консерватории осуществляют образовательную деятельность, в основном, в рамках группы «Музыкальное искусство», театральные и кинематографические вузы – «Сценические искусства и литературное творчество» или «Экранные искусства» и т. д. Вузы культуры, являясь, фактически, многопрофильными отраслевыми образовательными учреждениями, в зависимости от потребностей региона и собственного кадрового потенциала, по согласованию с учредителем осуществляют образовательную деятельность в рамках нескольких групп с учетом региональной специфики. Так, в Свердловской области существует сразу три однопрофильных федеральных вуза, которые совместно осуществляют деятельность по образовательным программам, относящимся к четырем группам отрасли. В Челябинской же области есть только один федеральный отраслевой вуз (многопрофильный, культуры), обучающий студентов в рамках пяти из шести перечисленных укрупненных групп [24].

Также, в соответствии со статьей 108 закона «Об образовании в Российской Федерации» [25], поручением министра культуры РФ В. Р. Мединского, с середины 2014 года был начат ***процесс*** внесения изменений в устав подведомственных учебных заведений, в том числе «в части их ***переименования в соответствии с историческими названиями***» [11]. К концу 2015 года большинство вузов, подчиненных федеральному Министерству культуры, были переименованы в институты (культуры, театральные, художественные, кинематографии и т. п.) или консерватории.

Второй основной предпосылкой преобразований стало ежегодное проведение мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования [4]. По результатам проведения первого такого мониторинга (декабрь 2012 года) у большого числа вузов отрасли были выявлены признаки неэффективности. Как следствие, решением коллегии Министерства культуры Российской Федерации было принято решение «одобрить ***предложения… по сокращению в подведомственных вузах подготовки кадров по непрофильным образовательным программам… сосредоточив усилия на качестве реализации образовательных программ в области культуры и искусства***» [20].

В тоже время следует заметить, что перечень образовательных программ, реализуемых вузами отрасли, не ограничился только шестью указанными выше группами специальностей и направлений (группы 50–55). ***За сферой культуры закрепились еще несколько программ из так называемых «смежных групп»*** – групп, где образование по разным направлениям (специальностям) осуществляют вузы, относящиеся к различным отраслям и подведомственные различным министерствам. Для сферы культуры к таким были отнесены «Туризм» (из группы 43 – «Сервис и туризм»), «Документоведение и архивоведение» (46 – «История и археология»), «Прикладная этика», «Религиоведение» (47 – «Философия, этика и религиоведение») и т. п. [19], что, на наш взгляд, стало ***последствием значительного расширения вузами культуры числа реализуемых образовательных программ в предыдущий период***.

2. *Предпосылкой изменений государственной культурной политики страны* в настоящий период можно считать *утверждение в 2009 году Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года* [22]. Один из ее пара-

графов (седьмой) полностью посвящен культуре, которая выделена в качестве приоритета стабильного развития и одного из основных факторов безопасности нации, наряду с качеством жизни граждан; экономическим ростом; экологией и рациональным природопользованием; стабильностью и равноправным партнерством и др. Пункт 79 этого параграфа гласит: «Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере культуры являются: расширение доступа широких слоев населения к лучшим образцам отечественной и зарубежной культуры и искусства путем создания современных территориально распределенных информационных фондов; создание условий для стимулирования населения к творческой самореализации путем совершенствования системы культурно-просветительской работы, организации досуга и массового внешкольного художественного образования; содействие развитию культурного потенциала регионов Российской Федерации и поддержка региональных инициатив в сфере культуры» [21].

Профессор А. В. Костина приводит сопоставление отечественного документа (где термин «культура» встречается 31 раз) с аналогичным американским: «В данном документе понятия “культура” нет. В принципе, этот факт может быть объяснен особенностями языковой практики… Однако и понятие “цивилизация” в данном документе не используется. Нет в нем понятий “духовность”, “ментальность”, “традиция”…» [7, с. 4], – что на ее взгляд является подтверждением ***признания культуры как одного из основных факторов национальной безопасности на уровне российского законодательства***.

После широкого общественного обсуждения в декабре 2014 года были ***утверждены Основы государственной культурной политики*** [23]. В данном документе культура рассматривается в качестве основы суверенитета государства, его экономического процветания и цивилизационной самобытности. Цели и задачи государственной культурной политики, в значительной степени, направлены на формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества.

Документ выделяет ключевую роль русского языка и православие как основу системы ценностей народа России, раскрывает такие важные для культуры понятия, как «ценности» и «менталитет», понимание которых, при этом, никак не увязывается с какими-либо религиозными нормами нравственности, включая православие, нет упоминаний понятий «Бог», «вера», «Русская церковь». С другой стороны, в утвержденных Основах государственной культурной политике речь идет о построении новой системы управления, а не о системе государственного управления, как ранее предлагалось в проекте.

Таким образом, основной вектор культурной политики направлен на развитие общества, взаимодействие государства и общественных организаций, поощрение их инициатив, связанных с формированием личности. В то же время, по мнению А. Н. Клименко, «документ, несмотря на весьма вдохновляющее, пропитанное заботой о будущем нашего общества содержание, является *Основами.* А это значит, что обозначенные в них планы и ожидаемые изменения будут реализованы только в том случае, если с ними будут согласованы: а) разработка и последовательное претворение в жизнь *Стратегии государственной культурной политики, б) создание Закона о культуре»* [6].

На сегодняшний день в рамках реализации положений Основ государственной культурной политики вузами, подведомственными Министерству культуры РФ, начата разработка соответствующих лекционных курсов [15], *а в соответствии со* Стратегией национальной безопасности Российской Федерации динамично развивается межрегиональный отраслевой проект «Культура и безопасность» [8], партнерами которого являются несколько институтов культуры (из Челябинска, Кемерово, Барнаула, Казани, Самары).

Несмотря на возвращение к историческим наименованиям, за полувековую историю роль и место институтов культуры в системе высшего образования отрасли, на наш взгляд, существенно изменились по сравнению с первым периодом. В 1960–1970-х годах институты культуры осуществляли обучение в области информационно-библиотечной, социокультурной деятельности, культуроведения, а также готовили художественных руководителей коллективов самодеятельности, то есть в области искусств, но на более низком (нежели консерватории, театральные, хореографические институты и т. п.) полупрофесси-

ональном уровне. Они занимали строго отведенное место в советской системе подготовки кадров.

Сегодня отечественный **институт культуры** – это динамичное **многопрофильное отраслевое образовательное учреждение высшего образования**, которое в зависимости от потенциала своих научно-педагогических работников, потребности в кадрах соответствующего региона, других факторов может:

1. Осуществлять образовательную деятельность в рамках любой из шести укрупненных групп специальностей и направлений, относящихся к культуре или искусству (группы № 50–55): «Искусствознание», «Культуроведение и социокультурные проекты», «Сценические искусства и литературное творчество», «Музыкальное искусство», «Изобразительное и прикладные виды искусств», «Экранные искусства».

2. Готовить специалистов по отдельным направлениям, относящимся к так называемым «смежным» группам: «Туризм» (из группы № 43 – «Сервис и туризм»), «Документоведение и архивоведение» (№ 46 – «История и археология»), «Прикладная этика», «Религиоведение» (№ 47 – «Философия, этика и религиоведение») и т. п.

3. Принимать самое активное участие в разработке и реализации инициатив, связанных со стратегической политикой государства в сфере культуры.

Литература

1. Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств / сост. А. В. Господарев. – Улан-Удэ, 2005. – 73 с.
2. Вохрышева М. Г. Современные тенденции развития регионального вуза культуры и искусств // Культура: управление, экономика, право. – 2008. – № 1. – С. 25–30.
3. Закон РФ от 10 июля 1992 года № 3266-1 «Об образовании», статья 12 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 07.11.2015).
4. Информационно-аналитические материалы по результатам анализа показателей эффективности образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс]. – URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/ (дата обращения: 14.11.2015).
5. История академии [Электронный ресурс] // Челябинская государственная академия культуры и искусств. – URL: http://chgik.ru/history/ (дата обращения: 04.11.2015).
6. Клименко А. Н. Основы государственной культурной политики России: комментарии к проекту и утвержденному документу [Электронный ресурс] // Стратегические приоритеты. – 2015. – № 5. – URL: http://sec.chgaki.ru/osnovyi-gosudarstvennoy-kulturnoy-politiki-rossii-kommentarii-k-proektu-i-utverzhdennomu-dokumentu-2 (дата обращения: 19.11.2015).
7. Костина А. В. Культура как фактор национальной безопасности России // Социокультурные факторы национальной безопасности России. – М.: МосГУ, 2015. – С. 3–11.
8. Культура и безопасность [Электронный ресурс]: интернет-журн. о культуре как факторе нац. безопасности. – URL: http://sec.chgaki.ru/ (дата обращения: 19.11.2015).
9. Культурология. XX век: энцикл.: в 2 т. – СПб., 1998. – Т. 1. – 447 с.
10. Мединский: Лишние факультеты должны покинуть творческие вузы [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. – URL: http://www.aif.ru/culture/288507 (дата обращения: 09.11.2015).
11. Минкульт вернет вузам исторические названия? Как переименование отразится на статусе учебных учреждений [Электронный ресурс] // MKRU. – URL: http://www.mk.ru/culture/2014/09/07/minkult-vernet-vuzam-istoricheskie-nazvaniya.html (дата обращения: 12.11.2015).
12. Московский государственный институт культуры: сб. / сост. В. Е. Бондаренко. – М.: Москов. рабочий, 1980. – 64 с.
13. Московский государственный университет культуры и искусств // Челябинская государственная академия культуры и искусств: энцикл. / сост. Н. В. Овчинникова. – Челябинск, 2012. – С. 383–385.
14. ОКСО – Общероссийский классификатор специальностей по образованию [Электронный ресурс] // Общероссийские классификаторы. – URL: http://classifikators.ru/okso (дата обращения: 07.11.2015).
15. Письмо Директора Департамента науки и образования Министерства культуры Российской Федерации А. О. Аракеловой от 09 окт. 2015 года № 3758-06-04.
16. Постановление Совета Министров РСФСР от 26 марта 1964 года № 386 «О реорганизации… в институты культуры» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 31.10.2015).

17. Приказ Министерства образования и науки РФ от 12 сент. 2013 года № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» [Электронный ресурс] // Российская газета. – URL: http://www.rg.ru/2013/11/01/obr-napravlenia-dok.html (дата обращения: 31.10.2015).
18. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 30 сент. 2005 года № 1938 «Об утверждении показателей деятельности и критериев государственной аккредитации высших учебных заведений» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 07.11.2015).
19. Протокол № 1 от 8 мая 2015 года заседания конкурсной комиссии по проведению открытого публичного конкурса по распределению контрольных цифр приема по специальностям и направлениям подготовки и (или) укрупненным группам специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета на 2016/17 учебный год (№ ак-59/05пр от 14 мая 2015 года) [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации. – URL: http://минобрнауки.рф/документы/5552 (дата обращения: 14.11.2015).
20. Решение коллегии Министерства культуры Российской Федерации от 19 дек. 2012 года №17 «О результатах проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных учреждений высшего профессионального образования, подведомственных Минкультуры России [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации. – URL: http://mkrf.ru/documents/college/detail.php?ID=274088 (дата обращения: 14.11.2015).
21. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] // Совет Безопасности Российской Федерации. – URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html (дата обращения: 17.11.2015).
22. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 года № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87685/ (дата обращения: 17.11.2015).
23. Указ Президента РФ от 24 дек. 2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/ (дата обращения: 17.11.2015).
24. Учреждения высшего образования [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации. – URL: http://mkrf.ru/ministerstvo/ podvedomstvennye/list.php?SECTION_ID=19532 (дата обращения: 14.11.2015).
25. Федеральный закон от 29 дек. 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 12.11.2015).
26. Эпоха демократизации в России закончилась [Электронный ресурс] // Независимая газ. – URL: http://www.ng.ru/politics/2003-11-03/3_voloshin.html (дата обращения: 02.02.2016).

References

1. Vostochno-Sibirskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv [East-Siberian State Academy of Culture and Arts: a collection]. Ulan-Ude, 2005. 73 p. (In Russ.).
2. Vokhrysheva M.G. Sovremennyye tendentsii razvitiya regional'nogo vuza kul'tury i iskusstv [Current trends in regional high school of culture and arts]. *Kul'tura: upravleniye, ekonomika, pravo [Culture: management, economics, law]*, 2008, no. 1, pp. 25-30. (In Russ.).
3. Zakon RF ot 10 iyulya 1992 goda № 3266-1 «Ob obrazovanii», stat'ya 12 [RF Law on July 10, 1992 № 3266-1 "On education", Article 12]. *Konsul'tantPlyus [Consultant Plus]*. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru (accessed 07.11.2015).
4. Informatsionno-analiticheskiye materialy po rezul'tatam analiza pokazateley effektivnosti obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya [Information-analytical materials on the results of the analysis of performance indicators of educational institutions of higher education]. (In Russ). Available at: http://indicators.miccedu.ru/monitoring (accessed 14.11.2015).
5. Istoriya akademii [History of the Academy]. *Chelyabinskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv [Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]*. (In Russ.). Available at: http://chgik.ru/history (accessed 04.11.2015).
6. Klimenko A.N. Osnovy gosudarstvennoy kul'turnoy politiki Rossii: kommentarii k proyektu i utverzhdennomu dokumentu [Fundamentals of state cultural policy of Russia: comments on the draft document and approved. Strategic Priorities]. *Strategicheskiye prioritety [Strategic Priorities]*, 2015, no. 5. (In Russ.). Available at: http://sec.chgaki.ru/osnovyi-gosudarstvennoy-kulturnoy-politiki-rossii-kommentarii-k-proektu-i-utverzhdennomu-dokumentu-2 (accessed 19.11.2015).

7. Kostina A.V. Kul'tura kak faktor natsional'noy bezopasnosti Rossii [Culture as a factor of national security of Russia]. *Sotsiokul'turnyye faktory natsional'noy bezopasnosti Rossii [Social and cultural factors to Russia's national security]*. Moscow, Moscow University for the Humanities, 2015, pp. 3-11. (In Russ.).
8. Kul'tura i bezopasnost'. Internet-zhurnal o kul'ture kak faktore natsional'noy bezopasnosti [Culture and security. Internet magazine about the culture as a factor of national security]. (In Russ.). Available at: http://sec.chgaki.ru (accessed 19.11.2015).
9. Kul'turologiya. XX vek. Entsiklopediya [Cultural. XX century. Encyclopedia]. St. Petersburg, 1998, vol. 1. 447 p. (In Russ).
10. Medinskiy: Lishniye fakul'tety dolzhny pokinut' tvorcheskiye vuzy [Medinsky: Unnecessary departments must leave the creative universities]. *Argumenty i fakty [Arguments and facts]*. (In Russ.). Available at: http://www.aif.ru/culture/288507 (accessed 09.11.2015).
11. Minkul't vernet vuzam istoricheskiye nazvaniya? Kak pereimenovaniye otrazitsya na statuse uchebnykh uchrezhdeniy [The Ministry of Culture will return historical names of the universities? As reflected in the renaming of educational institutions status]. *MKRU [MKRU]*. (In Russ.). Available at: http://www.mk.ru/culture/2014/09/07/minkult-vernet-vuzam-istoricheskie-nazvaniya.html (accessed 12.11.2015).
12. Moskovskiy gosudarstvennyy institut kul'tury. Sbornik [The Moscow State Institute of Culture: a collection]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1980. 64 p. (In Russ.).
13. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv [Moscow State University of Culture and Arts]. *Chelyabinskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv: Entsiklopediya [Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts: Encyclopedia]*. Chelyabinsk, 2012, pp. 383-385. (In Russ.).
14. OKSO – Obshcherossiyskiy klassifikator spetsial'nostey po obrazovaniyu [National Classification of specialties for Education]. *Obshcherossiyskiye klassifikatory [The all-Russian classifiers]*. (In Russ.). Available at: http://classifikators.ru/okso (accessed 07.11.2015).
15. Pis'mo Direktora Departamenta nauki i obrazovaniya Ministerstva kul'tury Rossiyskoy Federatsii A.O. Arakelovoy ot 09 oktyabrya 2015 goda № 3758-06-04 [Letter from the Director of the Department of Science and Education of the Ministry of Culture of Russia A.O. Arakelova on October 9, 2015 № 3758-06-04]. (In Russ.).
16. Postanovleniye Soveta Ministrov RSFSR ot 26 marta 1964 goda № 386 "O reorganizatsii… v instituty kul'tury" [The Russian Council of Ministers on March 26, 1964 № 386 "On the reorganization of the Institute of Culture"]. *Konsul'tantPlyus [Consultant Plus]*. (In Russ.). Available at: http://base.consultant.ru (accessed 31.10.2015).
17. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 12 sentyabriya 2013 goda № 1061 "Ob utverzhdenii perechney spetsial'nostey i napravleniy podgotovki vysshego obrazovaniya" [Ministry of Education and Science of the Russian Federation of September 12, 2013 № 1061 "On approval of the lists of specialties and areas of training of higher education"]. *Rossiyskaya gazeta [Russian newspaper]*. (In Russ.). Available at: http://www.rg.ru/2013/11/01/obr-napravlenia-dok.html (accessed 31.10.2015).
18. Prikaz Federal'noy sluzhby po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki ot 30 sentyabrya 2005 goda № 1938 "Ob utverzhdenii pokazateley deyatel'nosti i kriteriyev gosudarstvennoy akkreditatsii vysshikh uchebnykh zavedeniy" [Order of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Education and Science on September 30, 2005 № 1938 "On approval of the activities and criteria of state accreditation of higher education institutions]". *Konsul'tantPlyus [Consultant Plus]*. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru (accessed 07.11.2015).
19. Protokol № 1 ot 8 maya 2015 goda zasedaniya konkursnoy komissii po provedeniyu otkrytogo publichnogo konkursa po raspredeleniyu kontrol'nykh tsifr priyema po spetsial'nostyam i napravleniyam podgotovki i (ili) ukrupnennym gruppam spetsial'nostey i napravleniy podgotovki dlya obucheniya po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniya za schet byudzhetnykh assignovaniy federal'nogo byudzheta na 2016/17 uchebnyy god (№ ak-59/05pr ot 14 maya 2015 goda) [The protocol number 1 on May 8, 2015 meeting of the tender commission for the open public competition for the distribution of the admission quotas on specialties and areas of training and (or) integrated groups of specialties and areas of training for training on educational programs of higher education at the expense of budget allocations the federal budget for the 2016/17 academic year (number of AK-59 / 05pr dated 14 May 2015)]. *Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii [The Ministry of Education and Science of the Russian Federation]*. (In Russ.). Available at: http://minobrnauki.rf/dokumenty/5552 (accessed 14.11.2015).
20. Resheniye kollegii Ministerstva kul'tury Rossiyskoy Federatsii ot 19 dekabrya 2012 goda № 17 "O rezul'tatakh provedeniya monitoringa effektivnosti deyatel'nosti obrazovatel'nykh uchrezhdeniy vysshego professional'nogo obrazovaniya, podvedomstvennykh Minkul'tury Rossii" [Bench decision of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated December 19, 2012 № 17 "About the results of the monitoring of the effectiveness of the education-

al institutions of higher education subordinate to the Ministry of Culture of Russia"]. *Ministerstvo kul'tury Rossiiskoy Federatsii [Ministry of Culture of Russian Federation]*. (In Russ.). Available at: http://mkrf.ru/documents/college/detail.php?ID=274088 (accessed 14.11.2015).
21. Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda [The Russian Federation's national security strategy until 2020]. *Sovet Bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [The Security Council of the Russian Federation]*. (In Russ.). Available at: http://www.scrf.gov.ru/ documents/99.html (accessed 17.11.2015).
22. Ukaz Prezidenta RF ot 12 maya 2009 goda № 537 "O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda" [Presidential Decree of May 12, 2009 № 537 "On the Russian Federation National Security Strategy through 2020"]. *Konsul'tantPlyus [Consultant Plus]*. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87685 (accessed 17.11.2015).
23. Ukaz Prezidenta RF ot 24 dekabrya 2014 goda № 808 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy kul'turnoy politiki" [Presidential Decree of December 24, 2014 № 808 "On approval of the Fundamentals of the state cultural policy"]. *Konsul'tantPlyus [Consultant Plus]*. (In Russ.). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706 (accessed 17.11.2015).
24. Uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya [Institutions of higher education]. *Ministerstvo kul'tury Rossiyskoy Federatsii [The Ministry of Culture of Russian Federation]*. (In Russ.). Available at: http://mkrf.ru/ministerstvo/ podvedomstvennye/list.php?SECTION_ID=19532 (accessed 14.11.2015).
25. Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2012 goda № 273-FZ "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" [Federal law of December 29, 2012 № 273-FZ "On Education in the Russian Federation"]. *Konsul'tantPlyus [Consultant Plus]*. (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (accessed 12.11.2015).
26. Epokha demokratizatsii v Rossii zakonchilas' [The era of democratization in Russia has ended]. *Nezavisimaya gazeta [Independent newspaper]*. (In Russ.). Available at: http://www.ng.ru/politics/2003-11-03/3_voloshin.html (accessed 02.02.2016).

УДК 37.013

К ВОПРОСУ ОБ АДАПТАЦИИ «ПРОЕКТА 5–100» К РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Науменко Егор Евгеньевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, РФ). E-mail: rony811@rambler.ru

Статья посвящена проблемам и противоречиям, которые могут возникнуть при реализации Проекта 5–100 в образовательной среде России, в частности, Урала и Сибири. Авторы акцентируют внимание на трех составляющих Проекта: повышение требований к научной деятельности, мораторий на «инбридинг» и введение категории «постдок». В статье поднимается вопрос о неготовности ряда российских университетов, вошедших в Проект, к масштабным переменам, что может вызвать разрушение их научного потенциала. Авторы проанализировали проблему с акцентом на Тюменский государственный университет, так как именно в нем разработана наиболее кардинальная Программа преобразований.

Анализ Проекта 5–100 осуществлен с позиций цивилизационного методологического подхода и рассматривает реализацию модели в условиях возможного диссонанса англосаксонской и российской культур. Полагаем, что целесообразно использовать диалектику Гегеля, в частности, «Закон отрицания отрицания», для обоснования обязательного прохождения университетами всех этапов развития перед тем, как включиться в Проект 5–100. При нарушении этого правила начинается деформация системы, что может повлечь разрушение научного потенциала ряда вузов. В исследовании использован сравнительный метод, позволивший соотнести условия деятельности университетов в урало-сибирском регионе и других территорий России и Запада.

Источники исследования включают две группы: 1) нормативные акты по реализации Проекта: Указ Президента РФ от 07 мая 2012 года № 599 «О мерах по реализации государственной полити-

ки в области науки и образования»; Распоряжение Правительства от 29 октября 2012 года № 2006-р; Программы повышения конкурентоспособности семи университетов; 2) интервью с должностными лицами университетов Урала и Сибири, ответственными за проведение реформы.

Цель настоящей статьи – выявить наиболее общие проблемы реализации Проекта 5–100 для университетов урало-сибирского региона и обосновать необходимость создания для них дополнительных условий, связанных с сохранением и приумножением их интеллектуального капитала.

Ключевые слова: Проект 5–100, международное сотрудничество, Тюменский государственный университет, «*инбреды», «постдоки».*

ADAPTATION OF "PROJECT 5-100" TO THE RUSSIAN EDUCATIONAL SYSTEM

Naumenko Egor Evgenevich, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Department of Economic Theory, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: rony811@rambler.ru

This article is devoted to the problems and contradictions that may arise with the implementation of Project 5-100 in the education system of Russia and especially in the Urals and in Siberia. The author focused on three components of the project such as improved requirements for scientific activities, the possibility of a moratorium on the "inbreeding" and the introduction of the category "post-doc. " This article also focuses on issue of unpreparedness of some Russian universities for these large-scale changes which may cause the destruction of scientific potential of the schools. The author of this article analyzes this issue in the example of Tyumen State University because this particular school has gone through the most radical transformation program. The article emphasized that, the development of Ural and Siberian areas is essential thus universities of this region must participate in national and international programs. In this regard in the article, the measures are proposed to adapt to Project 5-100.

The analysis of Project 5-100 in this article is viewed with civilization methodological approach and with pursuit of possible dissonance of Anglo-Saxon and Russian cultures. We believe that it is advisable to use the dialectic of Hegel, in particular the "law of negation of the negation" to justify the necessity for the participating universities to go through stages of full development before engaging in Project 5-100. If this rule is violated the deformation of their systems may occur, which could lead to destruction of scientific potentials of these universities. The study used comparative method allowing to correlate the universities of Ural-Siberian region and other territories of Russia and the West.

Study sources include two groups: 1) normative acts for the implementation of the project: the Decree of the President of the Russian Federation from May 7, 2012. № 599 "On measures on realization of the State policy in the field of science and education"; Order of the Government from October 29, 2012 No. 2006-r; Program for competitiveness for twenty one universities and adopted "road maps" of fifteen universities; 2) interviews with University officials in the Urals and Siberia, responsible for the reform.

The purposes of this article are to identify the most common issues which may arise during the project implementation process for the universities of Ural and Siberian regions, and to justify the need for the formation of additional conditions related to the preservation and augmentation of their intellectual reserve.

Keywords: Project 5-100, international cooperation, Tyumen State University, Ural, Siberia, "inbreeds," "postdoc".

The system of higher education in modern Russia reflects problems and contradictions caused by a combination of Soviet and Russian institutions. Soviet education reflected the totalitarian state type and were based on vertical system of teacher – student relationships. This approach, coupled with a range of other factors was effective in the past in education and also in other spheres such as sport, ballet, etc. The collapse of the Soviet Union caused a change of ideological orientations, which in combination with

a deteriorating economy caused the emergence of a new type of university. This new institution became financially dependent on its students, but still kept the traditions of the Soviet higher education.

By the early 2000s, the new generation of teachers and students emerged. The first received their education in the new conditions of commercialized universities and cultural and ideological disorientation of 1990s–2000s, and as a result of that were not always able logically and objectively to evaluate processes occurring in the world, in the country and education. In the face of growing numbers of universities in 1990s, low qualified educators have appearedwith many ended up in institutions of higher education by accident and thus were incapable of performing academic research.

Many students had weak motivation to learn, valued high salary first in choosing a degree. As a result many universities in order not to lose students reduced their knowledge requirements. Among some talented and oriented fundamentally and scientifically university youth, the opposite type of student emerged – unmotivated, intellectually undeveloped and poorly educated.

The solution of these problems lies in Project 5-100. As of January 1, 2016, twenty one Russian universities are already included in this program [13]. However, the first experience has shown that there was a threat of destruction of academic structures and scientific traditions of someof universities included in the project. These include the universities of Siberia and Ural, which are provincial but fairly influential in the region. The authors of this article propose a scientific discussion on the following issues: the concept of effectiveness of the Project, mechanisms, methods and methodological installation during its adaptation to Russian realities.

Among the published scientific papers we considered the following: on the system of selection of universities in international ratings [1; 4; 8]; on questions of preservation scientific traditions in the reforming process [5; 9]. In one of those articles its author considered prerequisites for inclusion of the Tyumen University in Project 5-100 and beginning the school's transition toward the new model [9].

The main objective of the project is defined by the Ministry of Education and Science as "maximizing the competitiveness of the group of leading Russian universities in the global market of educational services and research programs" [13]. Thus, the project involves the adaptation of a number of Russian universities to the world standards and the incorporation of their international learning environment. Selected educational institutions should be fully in line with the Anglo-Saxon education system existing in the United States and Western Europe. Among universities in the Ural-Siberian region, following seven participate in the project: Novosibirsk State University, National Research Tomsk State University, National Research Tomsk Polytechnic University, Siberian Federal University, Tyumen State University, Ural Federal University and South Ural State University [13].

The common features of these universities:

1. Lack of experience as leading universities in the country since they are leading universities only in their regions.

2. Intentions to catch up and overtake the "educational giants" or those schools also involved in the project such as Far Eastern Federal University, Higher School of Economics and others. It is expressed in radical approaches to the process, the methods of reform and initially inflated numbers. The project emphasizes 10 % of foreign instructors, of which the numbers higher in Tyumen University – 12 % [10] and 15 % in Ural Federal University [11], ect.

3. The aspiration to make every effort to prove their capability and competitiveness over the other schools of the region is reflected in some titles such as "centers of superiority".

According to Draft 5-100, the participating universities need to reach international levels of research to correspond to the needs of global development. As experience of the Tyumen State University has shown it is quite possible for a regional university. The University biologists specializing in soil acarology, only existing group in Russia became the world leading group in that field [6, p. 2]. The world-class scientific teams in the fields of photonics, environmental remediation, neurotechnologies, and software engineeringshould be mentioned as well [6, p. 1]. In the humanitarian sphere, historians and culturologists in the Tyumen University became the first in Russia and in the world who began studying Islam in Russia in order to prevent religious conflicts. The University lawyers have initiated and assumed responsibility for the elaboration of the normative

framework of international level on humanitarian issue such as children's rights in Russo-Finnish families [15, p. 216].

Meanwhile, these universities by focusing on solutions for the world's scientific objectives and intentions to assert higher status may impede important research related to the country's needs and their own regions. The world's leading schools of acarologyin Tyumen University received many international grants, however not yet reflected on the needs of the Tyumen region: as an example, the number of ticks does not decrease but grows [14]. Thus, this region is actually a pilot platform to resolve world problems but not the regional ones.

There is a possibility of destruction of scientific schools in the Ural-Siberian region. Despite the fact an average age of scientific and pedagogical instructors of the Tyumen University is forty five years old, the University Program for Increase of Competitiveness declared eighty five percent of professors as an inefficient for objective reasons such as age, and also because the subjects of their research do not meet the world needs [10]. Because this program is a regulatory act, the professors may have to vacate their seats or change the subjects of scientific research despite the research meets Russia's needs first of all. The new approach attacks their fundamental research hand focuses on elimination of scientific schools and directions.

Draft 5-100 means reforming faculties stuff by hiring graduates of other universities. For many participants in the project this requirement is painless because of the attractiveness of some regions such as Moscow, St. Petersburg, Kaliningrad and Vladivostok. Siberia and Ural regions are not attractive for life, thus the formation of those universities' faculty stuff takes place mainly with their own graduates.

To solve this problem and fulfill the conditions to increase the number of scientists from "foreign" specialists, many universities in the Ural-Siberian region had to impose a moratorium on their graduates (this absolute prohibition is not in the programs of other universities). It is expected that potential stuff members would be able to obtain teaching of research positions at University only after graduating from Magistracy, post-graduate or post-doctoral level in leading foreign centers of higher education, which study may last for a few years. This rule extends to gifted students as well. Thus several leading universities in the Urals and Siberia would have to provide to foreign scientific centers in the United States and Western Europe with 100 % of its staff consisting of young talented scientists for several years. These foreign centers may offer favorable conditions for its graduate students, thus Russian universities lose them. If the graduates were to return to Russia, they may end up in Moscow, Petersburg, and other research centers or in better comfortable climate and geographical zones.

We believe that not all talented graduates would want to further study abroad, and, accordingly could lose the right to ever work at university level. Economic, cultural and historical characteristics of the country may prevent internships. For example, in Russia marriage takes place usually earlier than in the west, thus young scientists would have to leave their wives or husbands and children for long periods of time. Going abroad with the families increases the chances of not return.

Theoretically, the "inbreeds" with academic degrees, not trapped in overseas internships could be applying at another university or simply move around the country in search of lucrative offers to become a "post-docks". This practice may be productive in countries with high population mobility and developed economic systems, however to which Russia does not apply.Young people tend to engage into a long-term mortgages which would be almost impossible in the case of move. Mobility may interfere with Russian spiritual culture: one's emotional attachment to certain place, to his parents and friendsand the need to care for elderly family members.

We believe these graduates may find it difficult to find positions in other universities of the rest of the country, not involved in the project because of well-maintained Soviet academic tradition to raise their own stuff and hire those whom are well known. The situation is currently exacerbated by continuing layoffs of faculty of many universities and massive closing of institutions of higher education, which result in unemployment among scientists. Thus a young specialist without experience may be less attractive as a potential faculty member than a productive professor, who has already shown high academic results.

Among these problems there is also a lack of financial motivation. World level universities must pay accordingly, but educational institutions in the

Urals and Siberia are modest in that regard. Under the program an average professors' wage in Tyumen University supposed to go up to 220 % of the average in the region by 2020 [10], which currently stands at $ 800–$ 900 United States dollars per month. This salary does not comply with the modern requirements.

Because of those factors a young talented scientist may lose his right to work in "Alma-mater," has to cease scientific career and seek other opportunities for self-realization.

Draft 5-100 implies that the majority of instructors would become professional researchers fluent in foreign languages to lecture, write monographs and scientific articles. This issue is not a problem for universities in Moscow, St. Petersburg, Kaliningrad and Vladivostok because the particular regions have already created this need. For example, the Baltic Kaliningrad Federal University located in the heart of Europe, objectively cannot exist without scientific communication with an emphasis on European languages. For the same reason around fifty percent of instructors were already proficient in Oriental and English in the Far Eastern Federal University prior to entering the Draft 5-100 [12].

For the vast majority of an already established Russian scientists living in the Urals and Siberia, there has never been a vital and professional need for knowledge of foreign languages. To participate in scientific life, it was enough to comprehend monographs and scientific articles. For many scientists, the mastery of foreign languages in forced timing is very difficult due to age, and because they need to be fluent in conversational but also in academic level. Given that fact that not all professors are able to master languages and could not withstand competition, thus they may lose their jobs and leave the scientific society.

The universities of Ural-Siberian region are facing the challenge of not destroying existing teams, in which academic continuity and academic traditions have been forming for many years: in Tomsk – for more than 100 years, in Tyumen – 85 years [3, p. 268], etc. These teams function as harmonious organisms: in the face of numerous reductions, reorganizations, optimizations and accreditations long natural selection occurred. Currently, predominantly those faculty members remain, each of which have own purpose and place. While some of them become the world-class researchers, others only create conditions for them by performing the daily ongoing work. Of course, the level of scientific productivity of the second group is significantly lower than the first because of their exceptional busyness, but they are part of a harmonious and successful system, the result of which is evident in the competition to join Project 5-100.

Range of identified problems is not exhaustive; other issues could become the topics of individual discussions.

The experience of Russia in the Bologna process, her moving to two-level education system, practicing new methodological categories (competence module and others), "credit units" and selection of an instructor, – these issues have long been a subject of acute controversy, during which all new challenges occurred [2]. In order to overcome them the possibility of implementing the experience of the European education has been discussed [7]. Meanwhile, the specificity of the Russian educational environment led to the inapplicability of many Western norms. In particular, students in Russia in choosing an instructoroften follow the principle "who are easier to pass the exam," and they also select the University by its location (especially if it is the only one in the city). Choosing a university in European culture depends on its ability to give to the student a "development, quality and success" [16]. The Western world sees intellectual potential as an investment [17], but Russia – as basis for personal spiritual development. In this regard, the reform of Russia's leading twenty one universities, and especially of the Ural-Siberian region must be accompanied with caution and reason.

Conclusions

Draft 5-100 does not take into account regional peculiarities of the universities in the Urals and Siberia. Selected schools, despite some scientific indicators of world level generally have not gone through necessary stages of transition to a new system of education. Forced plans to achieve the goals could lead to serious deformations resulting in loss of scientific traditions. If the Anglo-Saxon educational system model would get implemented in full in the Ural-Siberian universities, according to Draft 5-100, it may go against thestate interests. From all the regional universities were chosen those with most dynamical development which made on the threshold of world science. Their intellectual resource

was redirected exclusively to meet the challenges of global significance, notalways related to the interests of the region. The intellectual potential of young talented scientists would not belong to Russia, but to an entire international scientific community.

The development of Urals and Siberia areas is essential thus universities of this region must participate in national and international programs. In this regard, the following measures are proposed to adapt to Project 5-100.

1. Within the global scientific framework the universities' scientific potential needs to be pointed toward solving problems related to the interests of the regions, thus is important to include this matter in the reports on the implementation of the Project.

2. The absolute prohibition on the "inbreeding" in each college needs to be denied, butto impose quotas for its graduates instead. Consequently, there would be no need for compulsory foreign education for those graduate students willing to find jobs in "Alma-mater."

3. Need to establish a system for the exchange of "post-docks" between universities-participants which means that after defending theses any young scientist could choose where to work from Kaliningrad to Vladivostok. It is therefore proposed to revive Soviet graduate distribution system for the people with newly earned PhDs and adapt it to Draft 5-100.

4. While reorganizing university faculties within the framework of Project 5-100 one needs to take into account not only the faculty fluency in foreign languages and their international publication activity, but also the role of each instructor in ensuring a high level of knowledge ofstudents, as well as professional investment in providing favorable settingfor high scientific productivity of thecolleagues.

Литература

1. Арефьев А. Л. Об участии российских вузов в международных рейтингах // Россия реформирующаяся. – 2015. – № 13. – С. 213–231.
2. Артамонова Ю. Д., Демчук А. Л., Камынина Н. Р., Котлобовский И. Б. Российское высшее образование в Болонском процессе (по материалам национального доклада РФ // Высш. образование в России. – 2015. – № 8–9. – С. 46–53.
3. Большая Тюменская энциклопедия [В 3 т.]. – Тюмень: Сократ, 2004. – Т. 3. – 495 с.
4. Гузикова Л. А., Плотникова Е. В. Позиции и перспективы участников Проекта 5–100–2020 в международных рейтингах университетов // Вопр. методики преподавания в вузе. – 2014. – № 3. – С. 15–27.
5. Дильмухаметова А. А. Интеграционные процессы современного высшего образования – проблема сохранения традиций // Высш. образование сегодня. – 2015. – № 4. – С. 69–72.
6. Интервью с А. В. Толстиковым, проректором по научной работе ТюмГУ // Университет и регион. Областной общественно-политический еженедельник. – Тюмень, 2015. – № 36 (690). – 20 нояб.
7. Караваева Е. В., Телешова И. Г., Ульянова М. Е., Эченикэ В. Х. Возможность использования методологических принципов европейского образования в российских университетах // Высш. образование в России. – 2013. – № 1. – С. 3–13.
8. Методические вопросы оценки реализации Проекта 5–100 по рейтингам университетов / под ред. Ф. Э. Шереги и А. Л. Арефьева / М-во образования и науки РФ. – М.: Центр социолог. исслед., 2014. – 312 с.
9. Науменко О. Н. Идея и содержание Проекта 5–100: из опыта Тюмен. гос. ун-та // Гуманизация образования. – 2015. – № 6. – С. 33–38.
10. Программа повышения конкурентоспособности Тюменского государственного университета [Электронный ресурс]. – URL: http://www.utmn.ru/5top100/programma/ (дата обращения: 13.12.2015).
11. Программа повышения конкурентоспособности Уральского Федерального университета [Электронный ресурс]. – URL: http://urfu.ru/ru/about/documents/program-development/ (дата обращения: 13.12.2015).
12. Программа повышения конкурентоспособности Дальневосточного Федерального университета [Электронный ресурс]. – URL: http://wwwold.dvfu.ru/web/ispolnitelnaa-direkcia-programmy-razvitia/programma-povysenia-konkurentosposobnosti-dvfu (дата обращения: 13.12.2015).
13. Проект 5–100. Министерство образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL http://5top100.ru/ (дата обращения: 13.12.2015).
14. Тюменский информационный портал [Электронный ресурс]. – URL: http://regnum.ru/news/accidents/452408.html (дата обращения: 09.10.2016).
15. Энциклопедия Тюменского государственного университета. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2015. – 584 с.

16. Kargić L., Poturak M. Factors That Influence State or Private University Selection // European Journal of Contemporary Education. – 2014 . – Vol. 9, no. 3. – P. 149–159.
17. Shehzad U., Fareed Z., Zulfiqar B., Shahzad F., Latif H. S. The Impact of Intellectual Capital on the Performance of Universities // European Journal of Contemporary Education. – 2014. – Vol. 10, no 4. – P. 273–280.

References

1. Aref'yev A.L. Ob uchastii rossiyskikh vuzov v mezhdunarodnykh reytingakh [About participation of the Russian higher education institutions in the international ratings]. *Rossiya reformiruyushchayasya [Russia which is reformed]*, 2015, no. 13, pp. 213-231. (In Russ.).
2. Artamonova Yu.D., Demchuk A.L., Kamynina N.R.. Kotlobovskiy I.B. Rossiyskoye vyssheye obrazovaniye v Bolonskom protsesse (po materialam natsional'nogo doklada RF [The Russian higher education in Bologna Process (on materials of the national report of the Russian Federation]. *The Higher education in Russia*, 2015, no. 8-9, pp. 46-53. (In Russ.).
3. Bol'shaya Tyumenskaya entsiklopediya [The Big Tyumen encyclopedia]. Tyumen', Publishing house of "Socrates", 2004, vol. 3. 495 p. (In Russ.).
4. Guzikova L.A., Plotnikova E.V. Pozitsii i perspektivy uchastnikov Proyekta 5–100–2020 v mezhdunarodnykh reytingakh universitetov [Positions and prospects of participants of the Project 5-100-2020 in the international ratings of universities]. *Teaching technique Questions in higher education institution*, 2014, no. 3, pp. 15-27. (In Russ.).
5. Dilmukhametova A.A. Integratsionnye protsessy sovremennogo vysshego obrazovaniya – problema sokhraneniya traditsiy [Integration processes of modern higher education – a problem of preservation of traditions]. *The Higher education today*, 2015, no. 4, pp. 69-72. (In Russ.).
6. Interv'yu s A.V. Tolstikovym, prorektorom po nauchnoy rabote TyumGU [Interview to A.V. Tolstikov, vice rector for scientific work TyumSU]. *Universitet i region. Oblastnoy obshchestvenno-politicheskiy ezhenedel'nik. [University and the region. Regional political weekly]*. Tyumen, 2015, no. 36 (690), November, 20. (In Russ.).
7. Karavayeva E.V., Teleshova I.G., Ul'yanova M.E., Echenike V.Kh. Vozmozhnost' ispol'zovaniya metodologicheskikh printsipov yevropeyskogo obrazovaniya v rossiyskikh universitetakh [The possibility of use of the methodological principles of the European education at the Russian universities]. *The Higher education in Russia*, 2013, no. 1, pp. 3-13. (In Russ.).
8. Metodicheskiye voprosy otsenki realizatsii Proyekta 5–100 po reytingam universitetov [Methodical questions of an assessment of implementation of the project 5-100 on ratings of universities. Under the editorship of F.E. Sheregi and A.L. Aref'yev]. Moscow, Center of sociological researches Publ., 2014. 312 p. (In Russ.).
9. Naumenko O.N. Ideya i soderzhaniye Proyekta 5–100: iz opyta Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Idea and contents of Project 5-100: from experience of Tyumen state university]. *An education Humanization*, 2015, no. 6, pp. 33-38. (In Russ.).
10. Programma povysheniya konkurentosposobnosti Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Program of increase of competitiveness of the Tyumen state university]. (In Russ.). Available at: http://www.utmn.ru/5top100/programma/ (accessed 13.12.2015).
11. Programma povysheniya konkurentosposobnosti Ural'skogo Federal'nogo universiteta [Program of increase of competitiveness of Ural Federal university]. (In Russ.). Available at: http://urfu.ru/ru/about/documents/program-development/ (accessed 13.12.2015).
12. Programma povysheniya konkurentosposobnosti Dal'nevostochnogo Federal'nogo universiteta [Program of increase of competitiveness of Far Eastern Federal University]. (In Russ.). Available at: http://wwwold.dvfu.ru/web/ispolnitelnaa-direkcia-programmy-razvitia/programma-povysenia-konkurentosposobnosti-dvfu (accessed 13.12.2015).
13. Proyekt 5–100. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii [Project 5-100. Ministry of Education and Science of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: http://5top100.ru/ (accessed 13.12.2015).
14. Tyumenskiy informatsionnyy portal [Tyumen information portal]. (In Russ.). Available at: http://regnum.ru/news/accidents/452408.html (accessed 09.10.2016).
15. Entsiklopediya Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Encyclopedia of Tyumen state university]. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2015. 584 p. (In Russ.).
16. Kargić L., Poturak M. Factors That Influence State or Private University Selection. *European Journal of Contemporary Education*, 2014, vol. 9, no 3, pp. 149-159. (In Eng.).
17. Shehzad U., Fareed Z., Zulfiqar B., Shahzad F., Latif H.S. The Impact of Intellectual Capital on the Performance of Universities. *European Journal of Contemporary Education*, 2014, vol. 10, no 4, pp. 273-280. (In Eng.).

УДК 94:7.033 (571.1)

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ ВЕРОТЕРПИМОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Науменко Евгений Александрович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, РФ). E-mail: hea2004@mail.ru

Проблема исламского экстремизма является актуальнейшим вопросом в настоящее время. В статье на основе теории модернизации и цивилизационного подхода рассматривается исторический и современный опыт воздействия на религиозное сознание мусульман через систему образования на территории Тюменской области, с целью предупреждения экстремистских настроений, на основе проведенного в 2009–2013 годах эксперимента. Под исламским экстремизмом понимается приверженность крайним взглядам и мерам, существующим в радикальных вариантах религии. Авторы учитывают особенности религиозной психологии представителей разных культурно-цивилизационных систем: православной и мусульманской, входящих в состав экспериментальных учебных групп. В исследовании использован метод сравнения образовательных систем России и Германии.

В статье анализируется современная система конфессионального образования в Германии с выявлением недостатков и противоречий. Авторы подчеркивают, что изученный опыт не обеспечивает религиозную толерантность в немецком обществе, и обращаются к практике конфессионального образования России. Апробация дореволюционного опыта проведена с поправкой на современные политические, правовые, гуманитарные и культурные условия развития региона на базе преподавания на младших курсах вуза дисциплины конфессионального содержания. Авторы на основе экспериментального опыта подчеркивают, что религиозный экстремизм значительно легче предотвратить через систему образования, чем бороться с уже возникшим и сформированным явлением. В качестве результатов исследования в статье отмечено: 1) система образования является наиболее эффективным методом воспитания конфессионального согласия; 2) воспитание религиозной терпимости должно проводиться с учетом возрастных, культурных, мировоззренческих и иных различий обучающихся; 3) изученный опыт эффективен и рекомендуется к применению в качестве превентивной меры в малых группах молодежи без численного доминирования мусульман.

Ключевые слова: ислам, экстремизм, терроризм, мусульмане, образование, педагогический эксперимент, конфессиональное образование.

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICAL PROJECTION OF TOLERATION OF STUDENT'S YOUTH

Naumenko Evgeniy Aleksandrovich, Dr of Psychological Sciences, Professor, Professor of Department of Public and Municipal Administration, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: hea2004@mail.ru

The problem of Islamic extremism is the main in the modern world. The article on the basis of modernization theory and civilizational approach examines the historical and contemporary experiences of the impact on the religious consciousness of students through the education system in the territory of Tyumen region, to prevent extremist views, on the basis of the conducted in 2009–2013 experiment. The Islamic extremism means as a commitment to extreme views and actions existing in radical versions of Islam. The author takes into account the peculiarities of religious psychology of representatives of different culture and civilization systems: Orthodox and Muslim included in the experimental study groups. The article analyzes the modern system of

religious education in Germany, identifying its weaknesses and contradictions. The study used comparative method allowing to correlate the education systems of Russia and Germany.

The author stresses that the experience does not provide religious tolerance in German society, and refer to the practice of religious education of the Russian Empire. Testing the pre-revolutionary experience of Russia, adjusted for current political, legal, humanitarian and cultural conditions for the development of the region on the basis of teaching the junior courses of the university confessional content discipline. The author on the basis of pilot experience stresses that religious extremism is much easier to prevent through the education system than combat the emerged and formed phenomenon. As the results of the study, the article noted: 1) the education system is the most effective method of education confessional consent; 2) education of religious tolerance has to be carried out taking into account the age, cultural, world outlook and other distinctions which are trained; 3) the studied experience is effective and it is recommended as a preventive measure in small groups of young people without numerical dominance of Muslims.

Keywords: Islam, extremism, terrorism, Muslims, education, pedagogical experiment, confessional education.

События ноября 2015 года, когда в Париже прогремела серия террористических актов, открыли новую страницу в понимании ислама и организации конфессионального образования в Евросоюзе. В этой связи интересен опыт России, в сравнительном контексте с Германией.

С 1773 года в Российской империи началась политика целенаправленного формирования веротерпимого варианта ислама [3, с. 15], в том числе через смешанные русско-татарские классы [2, с. 101]. Эта практика была характерна не только для общего, но и художественного образования мусульман [4, с. 109]. Впервые в современной России идея воздействия на культуру ислама через школу как средство борьбы с терроризмом была предложена Ю. М. Антоняном [1, с. 230]. Автор обосновал необходимость введения для учеников-мусульман обязательной дисциплины по изучению Корана, с акцентом на суры, касающиеся веротерпимости и нравственных ценностей. Эта идея поначалу не нашла поддержки у представителей государственной власти в силу ее противоречия Конституции РФ: нарушались принципы светского характера государства и равенства религий [6, с. 107]. Между тем, в учебный курс государственных и муниципальных школ все же были введены такие дисциплины, как «история религий», «религиоведение», консультации по вопросам религии и т. п., которые, пополняя знания учеников в целом, все же не обеспечивали конфессиональную толерантность.

Европейский союз, столкнувшись с крахом идеи мультикультурализма и религиозным экстремизмом, также не может действовать более решительно в силу сложившегося демократического мировоззрения и развитым в нем понятием свободы: любое давление или попытка корректировки религиозного поведения рассматривается как нарушение прав личности. Данный подход ощутимо влияет на содержание религиозного образования, в котором наиболее преуспела современная Германия. В ее истории накоплен богатый опыт католических и лютеранских классов с целью закрепления в обществе немецкой культуры и системы нравственных ценностей, при этом школа сама выбирает религию для преподавания [7, с. 41]. В соответствии с этой традицией и нормативной базой, в начале XXI века, когда численность мусульман в Германии достигла 8 %, там было введено преподавание ислама для детей из мусульманских семей.

Программы, отличающиеся в разных землях в соответствии с доминирующим там вариантом ислама, основываются на том, что школа должна воспитывать в учениках духовность, а не просто давать знания о религии. Преподаватели отказались от оценок религиозных течений, подчеркивая, что каждая религия самоценна. Обучение проходит в двух основных формах: 1) консультации по религии в рамках занятий по родному языку (земли Баден-Вюртемберга, Берлина, Бремена, Гамбурга, Саара и Шлезвиг-Гольштейна); 2) официальный урок в школе (в Гессене, Нижней Саксонии, Северном Рейне-Вестфалии и Рейнланде-Пфальце) [7, с. 48]. Между тем, как указывает Д. Эспозито, такие организационные формы обучения исламу содействуют сохранению этнической культуры, но только не формированию конфессиональной толерантности [8, с. 297].

Среди слабых моментов этой системы можно отметить следующее:

1) По мнению Д. Эспозито, «поскольку исламская религия разделяется на множество течений, то не для всех подходят данные уроки», – то есть акцент ставится на изучение того варианта ислама, какой предпочитает семья ученика. Занятия могут проводить сами родители или любой человек, которого выберет мусульманская община. Однозначно, что данный подход будет культивировать экстремизм, если учителем выступит соответствующая личность, поскольку уровень субъективной оценки, восприятия, трансляция норм и правил конфессиональной модели будет максимальным. Сознательно или не осознавая полностью, радикально настроенные исламисты ориентированы на принципиально личностный подход в подготовке кадров. Наиболее яркие и харизматически ориентированные личности осуществляют подготовку религиозных адептов, прежде всего, через систему религиозного образования. В условиях, когда разрешены к преподаванию любые направления ислама, даже государственный контроль за содержанием занятия будет малоэффективен, так как радикальные идеи могут носить скрытую форму, представляя собой непонятную для непосвященного в ислам интерпретацию сур и аятов Корана. Как результат такого подхода – марш мусульман-радикалов с черными знаменами джихада и соответствующими лозунгами, прошедший в Ганновере накануне парижских терактов, о котором вспомнили в СМИ лишь после трагедии.

2) Занятия проходят в мононациональных (как правило, турецких) классах, на родном языке. Таким образом, в процессе обучения ученики замыкаются в рамках своей национальной культуры, аутентичности, и недостаточно соприкасаются с немецкой культурой: изучая историю Германии в целом, они ничего не знают о лютеранстве. С другой стороны, ученики немецкого происхождения ничего не знают об исламе и культуре Турции (а в настоящее время – и Арабского Востока). Данные обстоятельства не могут содействовать воспитанию религиозной толерантности. Более того, создание мононациональных классов формирует конфликт интересов между детьми разных национальностей в силу сопутствующих факторов [5, с. 122]. Среди них можно выделить два: во-первых, уровень жизни мигрантов значительно ниже, чем у коренных немцев; во-вторых, среди приезжих широко распространена следующая позиция: «У меня чего-то нет, потому что у них (коренных) это есть, то есть это отнято когда-то у меня». Такая философия формирует неприязнь мигрантов к местному населению. Подобные настроения часто исчезают (или не возникают) в детских коллективах в ходе личных, дружеских контактов [5, с. 201], но в Германии этому препятствует мононациональность учебных классов.

3) Отказ от оценок изучаемых религий и их направлений вводит детей в заблуждение, оставляет «на распутье». Дети склонны ориентироваться на авторитет старшего, тем более учителя, и неопределенность позиции преподавателя может лишь культивировать экстремизм, так как знания о каком-либо направлении ислама ученикам уже даны.

Эти проблемы преодолены в ходе описанной ниже педагогической деятельности. Опираясь на дореволюционный опыт целенаправленного изменения религиозной культуры учащихся в смешанных православно-мусульманских классах, при условии равного владения учителем знаниями обеих культур, в 2009–2013 годах в Тюменской государственной академии международной экономики, управления и права в рамках специальности «регионоведение» был проведен эксперимент по преподаванию дисциплины «Религии изучаемого региона».

Состав экспериментальных групп носил смешанный православно-мусульманский характер и включал следующие характеристики.

Таблица 1

Состав экспериментальной группы

Учебный год	Число студентов в группе (чел.)	Число студентов, относящих себя к мусульманской культуре (чел., %)	Число студентов, относящих себя к православной культуре (чел., %)
2009/10	26	7 (27 %)	19 (73 %)
2010/11	21	6 (28,5 %)	15 (71,5 %)
2011/12	15	5 (30 %)	10 (70 %)
2012/13	11	4 (36 %)	7 (64 %)

Первоначальная цель эксперимента не включала воспитание конфессиональной толерантности, а была направлена на повышение качества образования. Предполагалось, что выпускники данной специальности будут работать в системе государственного и муниципального управления Тюменской области как на управленческих должностях, так и в качестве консультантов по особенностям развития региона. В связи с тем, что этно-конфессиональные процессы в Тюменской области обладают исключительной сложностью, на изучение дисциплины «Религии изучаемого региона» был отведен годовой курс объемом 144 часа аудиторных занятий с зачетом и экзаменом (общее количество часов – 292 на группу). Программа предполагала изучение не только истории религий, их особенностей в Тюменской области и современного состояния, но и более глубокое освоение: непосредственное изучение Корана, Библии и Торы в интерпретациях разных богословов. Курс также предполагал обязательное посещение мечети, православной церкви, католического костела и синагоги, а также изучение музейных фондов с экспонатами религиозных культур. Предполагалось, что при таком подходе студенты смогут стать высококвалифицированными специалистами в сфере этноконфессиональных отношений в регионе.

Количество студентов в обучаемых группах варьировалось (набиралась одна группа на потоке), среди них присутствовали представители православной и мусульманской культур. Отказаться от изучения религиозного первоисточника и посещения культового учреждения «не своей» религии было нельзя в силу обязательного характера дисциплины. Кроме того, необходимость изучения дисциплины определялась связью «не сдана тема – не сдан экзамен – отчисление». При этом студентам объяснялось, что преподаватель обычно идет навстречу их религиозным чувствам, но не в этом случае, а при несогласии с содержанием дисциплины студент может перевестись на другую специальность. Таким образом, студентам фактически не оставляли выбора.

В отличие от опыта конфессионального обучения Германии, в учебном процессе преподаватель не отказывался от оценочных категорий и понятий, таких как: «тоталитарная секта – плохо/ ортодоксальное православие – хорошо», «исламский фундаментализм – плохо / традиционный ислам – хорошо» и пр. Но при этом каждое занятие начиналось с позитивной оценки изучаемой мировой религии, например: «Ислам – одна из самых величайших и веротерпимых религий, а Коран – мудрейшая в мире книга». Этот посыл изначально формировал у студентов-мусульман доверие к преподавателю и отнесение его к миру «своих», одновременно настраивая студентов других конфессий на уважительное отношение к исламу. При обучении акцент не ставился на какой-либо один вариант ислама: изучались постулаты всех наиболее крупных школ и направлений в сравнительном контексте, с их обязательной оценкой.

Результаты изучения дисциплины в первый же год показали высокий уровень знаний, но одновременно проявился позитивный «побочный эффект»: в группе исчезли национальные и религиозные противоречия. В последующие три года формирование конфессиональной толерантности было определено как одна из целей эксперимента, и желаемый результат ежегодно подтверждался. Результаты опросов студентов разных вероисповеданий и культур свидетельствуют, что они начали хорошо понимать друг друга: «…если бы я раньше знала то, что знаю сейчас, я бы никогда ему [мусульманину] такого не сказала…», «теперь я понимаю, почему он [мусульманин] так поступил…», «я раньше презирал русских, но теперь понимаю: религия у них такая…» и т. п.

Описанный подход можно применять как превентивную меру, но он малоэффективен при обучении студентов с высоким уровнем религиозности. Интересен пример, иллюстрирующий такое утверждение. В составе одной из групп училось два человека, принявшие радикальный вариант ислама: студент русской национальности и студентка казахской национальности. Религиозное сознание студента удалось переломить только через два года, при поддержке муллы и верующего мусульманина, предложившего помощь. При этом студент отвергал любые беседы педагогов, и воздействие на него пришлось осуществлять помощнику-мусульманину под вымышленным именем, через контакты в Интернете, пока студент не согласился встретиться с муллой, заранее ознакомленным с проблемой. Религиозное же сознание студентки удалось лишь отчасти смягчить в плане отношения к товарищам по общежитию (например, не ставить громко будильник на пять часов утра для совершения намаза и т. п.), но из-

менить ее представления и преодолеть религиозную агрессию не удалось.

В рамках эксперимента происходила попытка применить элементы этой методики при изучении гуманитарных дисциплин в других смешанных этноконфессиональных группах, где численность мусульман доходила до 50 % при общем составе групп около 30 человек. Примером является дисциплина «Основы права» на 3-м курсе специальности «Экономика» в Тюменском государственном университете; там методика применялась при построении содержательной части дисциплины: изучение права происходило в сравнительном аспекте шариата и российской правой системы. Методика оказалась неэффективной даже для улучшения качества знаний, так как у студентов-мусульман, которые уже сложились как личности (возраст 20 лет и больше) начинал развиваться групповой эффект доминирования и происходило отторжение информации: они считали, что «про ислам и шариат знают больше, чем русский преподаватель», хотя занятия проводил тот же специалист.

Исходя из практики нашего эксперимента можно подвести некоторые итоги и, прежде всего, указать на общую эффективность превентивной работы в сфере исламского экстремизма и конфессиональной толерантности, но с учетом ряда обстоятельств. Положительные результаты достигнуты посредством погружения студентов в содержание специального курса «Религии изучаемого региона», построенного на использовании опыта конфессиональной политики и просвещения дореволюционной России. Эффект такого опыта наиболее действенно проявляется при следующих условиях:

1. Количество студентов-мусульман в группе должно быть меньше 50 % от общего ее состава (идеально – 30 %). При большем числе срабатывает социально-психологическая установка доминирования, при которой происходит частичная деиндивидуализация сознания студентов большей части группы. Обсуждаемый смысловой материал подкрепляется коллективным архетипическим значением конфессионального образа. Этот эффект производит сильное групповое противодействие логике толерантного сравнения и сопоставления догматических, обрядовых и других конфессиональных построений. Кроме эффекта доминирования, в практике образовательного процесса при численном превосходстве студентов-мусульман четко реализуются и другие социально-психологические групповые эффекты.

Эффект «заражения» определяет доминирующее влияние на сознание группы наиболее ортодоксальных конфессиональных и связанных с ними поведенческих позиций отдельных студентов, действия и взгляды которых некритически начинают поддерживаться всеми членами группы. Кроме того, весьма заметным остается и групповой эффект социальной установки «исключительности и избранности», изменить который должен преподаватель, гармонизируя этнические и конфессиональные отношений студентов в их социальной, профессиональной, бытовой действительности.

Нельзя не отметить исключительно важный эффект групповой динамики, имеющий значение в процессе конфессиональной гармонизации студентов, достигаемый средствами специализированных занятий – конфессиональный конформизм. Чем больше будет численное доминирование представителей ислама в одной учебной группе, тем больший эффект конформных реакций мы будем наблюдать в группе. Поэтому подавляющее количество студентов данной конфессиональной ориентации будет поддерживать и проявления крайних типов своих конфессиональных догматов. Переломить такой социально-психологический эффект средствами педагогического воздействия бывает чрезвычайно трудно.

Методически правильное, психологически выверенное формирование академической учебной группы является первоосновой продуктивной и, в конечном счете, эффективной мерой успеха конфессионального просвещения и гармонизации социальных отношений вузовской молодежи.

2. Наиболее восприимчивый возраст студентов в данном эксперименте – 17–19 лет. Поэтому дисциплину этноконфессионального цикла необходимо планировать на младших курсах вуза (1–2-й курсы) или в старшем классе средней профессиональной и общеобразовательной школы.

3. Очень важен численный состав академических групп, изучающих эту дисциплину: оптимальное число студентов – 8–15 человек (что в социально-психологическом измерении соответствует характеристикам малой группы).

4. Объем аудиторных и внеаудиторных занятий должен быть содержательно-достаточным,

то есть конфигурация этнической и конфессиональной гармонизации в процессе занятий должна осуществляться регулярно и длительное время.

5. Обязательными являются требования к преподавателям конфессиональных дисциплин: их должна отличать высокая квалификация и значительный авторитет. Преподаватель не должен быть глубоко верующим человеком – этот факт позволит ему не отдавать предпочтение ни одной религии. Именно поэтому для преподавания дисциплин конфессионального цикла нельзя приглашать священнослужителя какой-либо конфессии.

6. Включение в учебный план дисциплин конфессионального цикла в том объеме и варианте, который присутствовал в эксперименте, представляется, в определенной мере, делом затратным. Однако необходимость такой практики вузовского образования диктуется необходимостью построения надежного конфессионального мира, благополучия и гармонизации, поэтому затраты на такую работу имеют достаточное основание.

Рассмотренный опыт может являться частью государственной программы по разрешению этноконфессиональных противоречий и профилактике экстремизма, в комплексе с иными мерами правового, политического, воспитательного характера.

Литература

1. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М.: Щит М, 2001. – 306 с.
2. Бакиева Т. Г. Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX века // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2008. – № 8. – С. 100–109.
3. Бортникова Ю. А. Государственная политика как фактор эволюции мусульманской художественной культуры Тюменского региона (1773–1991 годы): дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 2014. – 265 с.
4. Бортникова Ю. А. Мусульмане Западной Сибири в системе художественного образования: исторический аспект // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 6 (33). – С. 108–112.
5. Науменко Е. А. Управление конфликтами: учеб. пособие. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. – 306 с.
6. Науменко О. Н., Науменко Е. А. Социально-психологические аспекты применения технологий связей с общественностью в работе регионального органа власти // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. – Серия: Психология. – 2012. – № 6 (265). – С. 105–110.
7. Щербанев Д. Ю. Внедрение обучения исламу в систему религиозного образования государственных школ современной Германии: дис. … канд. пед. наук. – Ростов н/Д., 2009. – 167 с.
8. Esposito J. Islam and Politics. Syracuse. – New-York: Syracuse University Press, 1991. – 352 с.

References

1. Antonyan Yu.M. Terrorizm. Kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie [Terrorizm. Criminological and criminal and legal research]. Moscow, Publishing house “Board M”, 2001. 306 p. (In Russ.).
2. Bakiyeva T.G. Reformy v sisteme obrazovaniya u sibirskikh tatar vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Reforms in an education system at the Siberian Tatars in the second half of XIX – the beginning of the XX century]. *Messenger of archeology, anthropology and ethnography*, 2008, no. 8, pp. 100-109. (In Russ.).
3. Bortnikova Yu.A. Gosudarstvennaya politika kak faktor evolyutsii musul’manskoi khudozhestvennoi kul’tury Tyumenskogo regiona (1773–1991 gody). Diss. kand. ist. nauk [State policy as factor of evolution of Muslim art culture of the Tyumen region (1773–1991). Diss. PhD in history]. Kemerovo, 2014. 265 p. (In Russ.).
4. Bortnikova Yu.A. Musul’mane Zapadnoi Sibiri v sisteme khudozhestvennogo obrazovaniya: istoricheskii aspect [Muslims of Western Siberia in system of art education: historical aspect]. *Messenger of the Surgut State Pedagogical University*, 2014, no. 6 (33), pp. 108-112. (In Russ.).
5. Naumenko E.A. Upravlenie konfliktami [Management of the conflicts]. Tyumen, Publishing house of TYuMGU, 2007. 306 p. (In Russ.).
6. Naumenko O.N., Naumenko E.A. Sotsial’no-psikhologicheskie aspekty primeneniya tekhnologii svyazei s obshchestvennost’yu v rabote regional’nogo organa vlasti [Social and psychological aspects of application of technologies of public relations in work of regional authority]. *Messenger of the Southern Ural State University. Series: Psychology*, 2012, no. 6 (265), pp. 105-110. (In Russ.).
7. Shcherbanev D.Yu. Vnedrenie obucheniya islamu v sistemu religioznogo obrazovaniya gosudarstvennykh shkol sovremennoi Germanii. Diss. kand. ped. nauk [Introduction of training in Islam in system of religious formation of public schools of modern Germany. Diss. PhD in pedagogy]. Rostov-on-Don, 2009. 167 p. (In Russ.).
8. Esposito J. Islam and Politics. Syracuse. New-York, Syracuse University Press Publ., 1991. 352 p.

УДК 37.022

ПЛАСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ БУДУЩИХ АКТЕРОВ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ В СЕМИОТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Нижельской Виктор Александрович, старший преподаватель, кафедра актерского мастерства, НОЧУ ВО «Высшая школа сценических искусств» («Театральная школа Константина Райкина»), (г. Москва, РФ). E-mail: viktor-nij@mail.ru

В статье рассматривается феномен трансформирования двигательной деятельности в сценических условиях в семиотический текст и связанные с этим проблемы методики обучения будущих актеров основам сценического движения и драматической пластики. Для актеров драматического театра проблема физического воспитания особенно актуальна, поскольку предметы пластического блока: «Сценический танец», «Сценическое движение» – являются основными инструментами формирования физической культуры будущих актеров. Методика преподавания этих предметов постоянно совершенствуется и важно наблюдать, какое влияние она оказывает на физическое воспитание в целом. Необходимо обратить внимание на момент перехода движения от физического действия к семиотическому тексту через придание движению смысла, содержания и культурного значения. Именно здесь движение переходит из состояния двигательного акта в состояние культурного события. Также в статье приводятся условия, при которых движение становится знаком и функционирует как средство межличностной коммуникации и невербального общения. Также приводятся рекомендации по методике физического воспитания эстетического компонента при формировании навыков выразительного движения. Поскольку подобные проблемы имеют место быть при обучении юных фигуристов, художественных гимнасток и всех, чья деятельность так или иначе включает в себя выразительность движений как характеризующее качество двигательной деятельности, в статье затрагиваются сферы искусствоведения и театральной педагогики, также теории и методики физического воспитания и спорта.

Ключевые слова: физическое действие, пластика, сценическое движение, знак, семиотический текст, методика, актерское образование.

EDUCATION OF BODY EXPRESSION AS A FACTOR OF CULTURAL TRANSFORMATION FROM PHYSICAL ACTION TO SEMIOTIC TEXT

Nizhelskoy Viktor Aleksandrovich, Sr. Instructor, Department of Body Expression in High School of Theater Arts under K. Raykin (Moscow, Russia). E-mail: viktor-nij@mail.ru.

The article discusses the phenomenon of the transformation of the on-stage physical activity into a semiotic text, and related issues of future actors teaching methods of the basics of stage movement and dramatic plastics.

For drama theatre actors the issue of physical education is particularly relevant, because plasticity forms a physical culture of actor: dance and stage movement. There is a difference in the approach to physical education, when its purpose is the development and improvement of human motor abilities, and when physical education becomes a tool for actor's physical culture forming. Besides the fact that plasticity items supply students with professional skills, they must bring up an aesthetic sense of movement, expressiveness and gracefulness. However, the movement, which has such characteristics is not just a physical one, but has a cultural value, due to the presence of aesthetic features. And the more aesthetic characteristics are interesting and original, the higher the cultural value of this movement is.

Plasticity teaching methods are constantly being improved, and it is important to observe what impact it has on physical education in general and in the sphere of aesthetic component forming. It is necessary to pay attention to the time of the movement`s switch from the physical activity to semiotic text, through giving to the movement a meaning, content and cultural values. This is where the movement goes from the moving act into a cultural event position.

The author also provides the conditions under which the movement becomes a sign and functions as a tool of interpersonal communication and nonverbal contact. He also provides recommendations on the methodology of aesthetic component`s physical education in the aspect of expressive movements.

The article touches upon the sphere of art history and theatre pedagogy, theory and methodology of physical education and sport, since such problems appear, during the teaching young gymnasts, skaters and all those, whose activity involves expressiveness of the movements as characteristic of the moving activity quality.

Keywords: physical motion, plasticity, stage movement, sign, semiotic text, methodology, theater education.

В структуре актерского образования блок пластических дисциплин занимает важное место, обеспечивая формирование профессиональных умений и навыков у будущих актеров. Основными предметами этого блока являются «Сценический танец» и «Сценическое движение». Кроме того, в зависимости от предпочтений художественного руководства курса образовательная программа может быть дополнена некоторыми видами танца, например, джаз-танец, степ; или основами пантомимы и циркового искусства. Сложнее с вариативностью содержания предмета «Сценическое движение». Основы его методологии разработаны И. Э. Кохом, А. Б. Немеровским [6; 10]. Предмет представляет собой достаточно сформированную методику развития умений и навыков, необходимых актеру в сценической деятельности. Прежде всего это сценические падения, сценический бой с оружием и без оружия. Для освоения этих навыков используется физическая тренировка, осваиваются элементы акробатики, улучшаются двигательные способности учащихся [8]. Однако, практика показывает, что пластическое воспитание не должно ограничиваться только физическим совершенствованием учащихся. Важно формирование эстетического компонента физической деятельности на сцене.

В чем же особенности эстетического компонента сценического движения? Не становится ли движение, обладающее смыслом, стилем, чем-то большим, чем физическая работа телесного аппарата?

Отметим следующую особенность: эстетические свойства движения являются ценностью для группы людей, то есть становятся частью культуры [9]. А вместе с тем такое движение становится семиотическим знаком.

Нам представляется важным обратить внимание на феномен движения как знака, что может способствовать совершенствованию методики преподавания физической культуры артистам, танцорам, а также спортсменам художественных видов спорта.

Один из аспектов двигательной деятельности человека – это общение с окружающей социальной средой. Двигательные действия, наполненные смыслом, становятся в контексте общества и культуры семиотическими знаками или текстом. Тело, как семиотическая субстанция, широко используется в изобразительном искусстве, в театре и кинематографе, там, где оно становится объектом способным производить знаки [7].

Невербальное общение, то есть передача информации через поведение, физические движения, присуща не только людям. В мире природы мы можем найти множество примеров, когда животные показывают своим поведением желания, проявляют эмоции. Но спецификой человеческого существования является как раз вербальное общение. Это умение не просто выразить движением или звуком чувства и психологические состояния, а описать их. При этом возникает возможность взглянуть на происходящее и ощущающееся со стороны. Слово – это не просто звук, как, например, крик или стон, а знак, информативность которого является постоянной неизменной величиной. Для того чтобы воспринять крик, достаточно его услышать. В результате его восприятия произойдет оценка ситуации, в которой крик возник, и тогда можно сделать вывод о том, что этот

крик мог значить: крик о помощи, крик радости или страха. В данном случае звук, движение и у людей, и у животных являются реакцией на сложившуюся ситуацию. Эта активность сиюминутна, то есть разворачивается в настоящем времени и привязана к конкретному субъекту ситуации.

Все обстоит иначе с вербальной стороной поведения. Животное не обладает способностью сделать из звука постоянную смысловую структуру и оперировать ей от случая к случаю. Человек же может придать смысл звуку, то есть создать слово и оперировать им. Способность эта для человека складывается из специфического восприятия цикличности реальности и времени. В этом отличие от животного мира, потому что животное воспринимает реальность и время линейно. То, что происходит, для животного проходит и больше никогда не повторяется, а для человека каждый момент – это часть жизни, которую он осознает как единое целое [17].

Способность человека создавать знаки и пользоваться ими дает неограниченные по сравнению с животным миром возможности для общения, передачи и хранения информации [5].

Обратим внимание, что в речи слово, как знак, смешивается с голосом, звуком. От этого объективный смысл знака оказывается привязанным к ситуации и субъекту ситуации, то есть к человеку, который говорит [5]. Но можно рассматривать слово как знак в чистом виде: это печатное слово. Слово, оторванное от факта произношения, переживания. Печатное слово – это данность, которая сама создает ситуацию.

В качестве коммуникативного знака привычнее представить слово, поскольку в повседневности мы пользуемся словами. Но и телодвижения могут быть материалом для создания знака. Как звук может стать словом, так и движение – жестом, поза – скульптурой. Жизнь тела, как знаковой структуры в изобразительном искусстве, подтверждают это. Фактически перед нами на холсте или в мраморе возникает не эфемерная душа человека, а его физический образ. Воплощение человека происходит потому, что краски, камень, дерево – материал художника – имитирует тело человека.

Наука семиотика рассматривает жизнь знака и текста в историческом, культурном и социально-бытовом аспектах. В семиотике чаще всего знак рассматривается без отношения к способу его создания. Например, произведение искусства рассматривается в контексте взаимосвязей, которые возникли вокруг этого произведения, их значения для антропологических и культурных процессов [7].

Мы обратим внимание на возникновение знака в двигательной деятельности человека. На наш взгляд, знак может возникнуть при выполнении трех условий.

Первое условие – это стабильность и постоянность. Любой знак должен работать сам по себе, не привязано к ситуации, индивиду. Например, движение рукой с выпрямленным указательным пальцем будет знаково. Оно указывает направление. Не важно кто и как его делает. Ребенок или старик, больной человек или здоровый, содержание знака от этого не изменится. Если говорить именно про характер, способ выполнения знакового движения, то он будет нести информацию не о знаке, а уже о самом человеке, который этот знак воспроизводит.

Второе условие – это оперируемость знака, то есть потенциальная возможность его применения. Для этого он должен быть информативным, обладать четким установленным содержанием.

Третье условие – значимость знака. Знак имеет две плоскости: внутреннюю – содержание и внешнюю – форму. Одно и то же содержание может быть передано разными формами. Это говорит о том, что содержание знака вытекает из его формы, из тех физических величин, из которых знак состоит. Поэтому знак является универсальной формой общения только для тех лиц, кто может, знает, умеет извлекать из внешней структуры знака содержание. То есть знак не транслирует и не передает информацию без ограничений, а, напротив, сохраняет её, кодирует в форме, тем самым разделяет людей, на тех, кто понимает знак и на тех, кто не понимает. Как следствие, для первых он является ценностью, не только на основе содержания, а еще по способу, сложности, изящности формы кодировки содержания, для вторых же – ничем не является.

Итак, знаковое движение можно рассмотреть как движение, которое при наличии смысла имеет социальную ценность и стабильность выполнения. Тогда не только привычные бытовые жесты, но и любое движение может стать знаковым.

Но какова роль физического в исполнении такого движения? Можно ли утверждать, что чем ближе исполнение движения к смыслу знака, чем движение точнее, чем меньше в нем проявлений физических недостатков человека, тем ценнее и качественнее будет такое движение?

Если рассматривать движение как инструмент удовлетворения повседневных потребностей, а знак – как средство межчеловеческой коммуникации, то в этом аспекте качество физического исполнения знакового движения явно будет не на первом месте. Коммуникация – это прежде всего процесс передачи и обмена информацией, а, следовательно, чем большее количество информации передается, тем успешнее можно считать процесс взаимовлияния людей [5]. Тогда и критерием оценки знаковых движений может быть не четкость внешней формы, а максимальная доступность содержания. При том, что доступность содержания знака определяется формой, расширяющиеся границы доступности неизбежно ведут к упрощению формы знака. Чем проще форма, тем легче выполнение того движения, которым эта форма, этот жест исполняются.

Но обратим внимание на движения танцоров балета, актеров, мимов. В жизни они не всегда двигаются также красиво и точно, как на сцене, но вот на сцене видна чистота движений, важно полное слияние содержания и формы, отсутствие лишних движений. Лишнее движение – это то движение, которое не проявляет содержания и не соответствует общей, целостной форме. Если рассматривать знак в эстетическом и культурном аспекте как средство проявления духовности человека, тогда именно исполнение знакового движения выходит на первое место. Одной информативностью здесь ограничиться не получится. Движения должны соответствовать критериям красоты определенного вида искусства. Освоение этих критериев красоты требует овладения физическими движениями на более высоком качественном уровне [1; 11; 15; 16].

Для того чтобы подняться на этот уровень, требуется специальная тренировка. Она содержит два компонента:

- исполнение каждого движения должно быть с первых шагов направлено на соответствие условиям, при которых возникает знаковость движения. Это требует осознанного подхода к двигательной деятельности, напряженной работы внимания и фантазии:

- средства и методы физического воспитания. Хорошее владение своим телом возможно только при высоком уровне развития физических качеств, координационных способностей, ловкости.

Именно сочетание этих компонентов приведет к формированию точного, хорошо скоординированного, грациозного и выразительного движения. Для проявления пластической выразительности недостаточно хорошей физической подготовки, требуются также навыки создания движения как знака и максимальное соответствие критериям красоты определенного сценического искусства.

Тем не менее пластическая выразительность не исключена из бытовой, повседневной двигательной деятельности. Чем больше физические возможности, тем более объемное содержание может быть выражено в движении. С другой стороны, развитие чувства красоты движений, их разнообразия, многоплановости, выразительности формируют общую культуру движений человека. Этот путь нельзя пройти без развития двигательных способностей, улучшения физических качеств. Значит, в процессе физического воспитания в эстетическом ключе путем формирования навыков пластической выразительности попутно достигаются и такие задачи физического воспитания [4], как приобщение к здоровому образу жизни, приобретение необходимых знаний о движении.

В заключение обратим внимание на то, что феномен знака имеет место быть как фактор культуры движений. Переход движения от бытового, рабочего, локомоторного к знаковому свидетельствует о наличие пластической выразительности движений, о более высоком уровне формирования и управления движением, а значит о более высоком уровне физической культуры. На этом уровне встречаются вместе с физическим компонентом двигательной активности духовный и эстетический [4; 9; 12]. Целенаправленно развивая пластические и выразительные возможности учащихся, надо учитывать эту особенность и строить методику таким образом, чтобы эти компоненты усваивались, интегрируя и дополняя друг друга.

Литература

1. Виннер-Усманова И. А. Теория и методика художественной гимнастики. – М.: Человек, 2014. – 124 с.
2. Волконский С. М. Выразительный человек: Сценическое воспитание жеста (по Дельсарту). – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 135 с.
3. Григорьянц Т. А. Семиотика сценического текста // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 304. – С. 66–69.
4. Железняк Ю. Д., Портнов Ю. М. Спортивные игры: техника, тактика, методика обучения. – М.: Академия, 2004. – 378 с.
5. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. – СПб.: Питер, 2013. – 657 с.
6. Кох И. Э. Основы сценического движения. – СПб.: Планета музыки, 2010. – 590 с.
7. Лотман М. Ю. Семиосфера. Культура и взрыв. – СПб.: Искусство-СПБ, 2004. – 704 с.
8. Морозова Г. В. Пластическая культура актера: Толковый словарь терминов. – М.: ГИТИС, 1999. – 254 с.
9. Назаренко Л. Д. Эстетика физических упражнений. – М.: Теория и методика физической культуры, 2004. – 430 с.
10. Немеровский А. Б. Пластическая выразительность актера. – М.: ГИТИС, 2013. – 183 с.
11. Савостьянов А. И. Физическое здоровье школьника. Комплекс общеразвивающих гимнастических упражнений: учеб. пособие. – М.: Пед. об-во России, 2006.
12. Савостьянов А. И. Методика пластических тренингов на занятиях в театральных коллективах Дома культуры // Дом культуры. – 2013. – № 5. – С. 78–84.
13. Савостьянов А. И. Использование пластических тренингов в подготовке студентов музыкальных факультетов педагогических вузов // Методология и методы музыкального образования. – М.: МГПУ, 2016. – С. 154–164.
14. Савостьянов А. И. Общая и театральная психология: учебник. – СПб.: КАРО, 2007.
15. Савостьянов А. И. Основы актерского искусства: учеб. пособие. – М.: Экон-Информ, 2008.
16. Станиславский К. С. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Искусство, 1955.
17. Узнадзе Д. Н. Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни. – М.: Смысл, 2014. – 526 с.

References

1. Vinner-Usmanova I.A. Teoriya i metodika khudozhestvennoy gimnastiki [Theory and methdology of art gymnastics]. Moscow, Chelovek, 2014. 124 p. (In Russ).
2. Volkonskiy S.M. Vyrazitel'nyy chelovek: Stsenicheckoye vospitaniye zhesta (po Del'sartru) [Expression human: stage traning of gesture (by Delsart)]. Moscow, Librokom, 2012. 135 p. (In Russ).
3. Grigor'yants T.A. Semiotika stsenicheskogo teksta [Semiotics of stage text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Journal of Tomsk state university*], 2007, no. 304, pp. 66-69. (In Russ).
4. Zheleznyak Yu.D., Portnov Yu.M. Sportivnyye igry: tekhnika, taktika, metodika obucheniya [Sport's game: tecnics, tactiks metodology traning]. Moscow, Academiya, 2004. 378 p. (In Russ).
5. Il'in E.P. Psikhologiya obshcheniya i mezhlichnostnykh otnosheniy [Psyhology of communication]. St. Petersburg, Piter, 2013. 657 p. (In Russ).
6. Kokh I.E. Osnovy stsenicheskogo dvizheniya [Base of stage movement]. St. Petersburg, Planeta Iskusstv, 2010. 590 p. (In Russ).
7. Lotman M.Yu. Semiosfera. Kul'tura i vzryv [Semiotics sphere. Culture and explosion]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2004. 704 p. (In Russ).
8. Morozova G.V. Plasticheskaya kul'tura aktera: Tolkovyy slovar' terminov [Plastic culture for actor]. Moscow, GITIS, 1999. 254 p. (In Russ).
9. Nazarenko L.D. Estetika fizicheskikh uprazhneniy [Eststic of physical motions]. Moscow, Teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury, 2004. 430 p. (In Russ).
10. Nemerovskiy A.B. Plasticheskaya vyrazitel'nost aktera [Actor's body expression]. Moscow, GITIS, 2013. 183 p. (In Russ).
11. Savost'yanov A.I. Fizicheskoye zdorov'ye shkol'nika. Kompleks obshcherazvivayushchikh gimnasticheskikh uprazhneniy [Physical healthy of middel-schooler]. Moscow, Pedagogicheskoye obrazovaniye Rossii, 2006. 135 p. (In Russ).
12. Savost'yanov A.I. Metodika plasticheskikh treningov na zanyatiyakh v teatral'nykh kollektivakh Doma kul'tury [Methodology bodyexpression training on lesson for theatre group in Culture club]. *Dom cul'tury [Culture club]*, 2013, no. 5, pp. 78-84. (In Russ).

13. Savost'yanov A.I. Ispol'zovaniye plasticheskikh treningov v podgotovke studentov muzykal'nykh fakul'tetov pedagogicheskikh vuzov [About use bodyexpression training for studentes]. *Metodologiya i metody muzykal'nogo obrazovaniya [Methodology and methods of music education]*. Moscow, MGPU, 2016, pp. 154-164. (In Russ).
14. Savost'yanov A.I. Obshchaya i teatral'naya psikhologiya [Psychology and theatre phychology], St. Petersburg, KARO, 2007. (In Russ).
15. Savost'yanov A.I. Osnovy akterskogo iskusstva [Base of acting art]. Moscow, Ekon-Inform, 2008. 357 p. (In Russ).
16. Stanislavskiy K.S. Sobraniye sochineniy: v 8 t. [Collected works]. Moscow, Iskusstvo, 1955. (In Russ).
17. Uznadze D.N. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika: nauka o psikhicheskoy zhizni [Philosophy. Psychology. Pedagogy: science of phychology life]. Moscow, Smisl, 2014. 256 p. (In Russ).

УДК 023.5

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА РЫНКЕ ТРУДА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Сумро Наталья Андреевна, аспирант, кафедра документоведения и библиографоведения, Самарский государственный институт культуры (г. Самара, РФ). E-mail: ddnsoomro@inbox.ru

Актуальность исследования обусловлена возникновением и развитием конкурентной среды, отсутствием комплексного исследования личностных конкурентных преимуществ специалистов библиотек как профессиональной группы, необходимостью изучения влияния региональной системы профессионального образования на востребованность библиотечно-информационных специалистов Самарской области на рынке труда. Целью исследования является выявление уровня конкурентоспособности библиотечных кадров в условиях резкого сокращения числа обучающихся на библиотечных факультетах в образовательных учреждениях высшего и среднего звена, в контексте развития социокультурного пространства Самарского региона.

Приводится структурное содержание востребованности библиотечно-информационных специалистов в современных условиях, подчеркивается ее зависимость от социального заказа общества и предпочтений работодателей, сформированных в текущей социально-экономической, культурной и информационной ситуации в стране. Анализируются сравнительные показатели сети библиотек и библиотечных кадров во взаимосвязи с ежегодной численностью выпускников библиотечных факультетов Самарского государственного института культуры и Самарского областного училища культуры. Рассматривается динамика возрастного и образовательного состава библиотечно-информационных специалистов области, численность выпускников профессионального вуза, состоящих на учете в службе занятости.

Результаты исследования, базирующиеся на материалах отчетов библиотек, данных учреждений статистики и службы занятости, являются основанием как для оценки текущего состояния кадров, так и для их прогнозной востребованности на рынке труда. Полученные данные позволят скорректировать образовательные программы вузов культуры, определять развитие профессионального библиотечно-информационного образования и кадровую политику региона.

Ключевые слова: библиотечно-информационные специалисты, региональный рынок труда, конкурентоспособность, трудоустройство, работодатели, востребованность, спрос, библиотечные кадры.

RELEVANCE OF LIBRARY AND INFORMATION PROFESSIONALS IN THE LABOR MARKET OF SAMARA REGION

Sumro Natalya Andreevna, Postgraduate, Department of Documentation and Bibliography, Samara State Institute of Culture (Samara, Russian Federation). E-mail: ddnsoomro@inbox.ru

In this article, the necessity of learning in what way the regional system of professional education impacts the demand for library and information specialists of Samara region at the labour market is motivated. The actuality of the research is predicated by establishing and developing the competitive environment, the deficiency of a multy-method research of competitiveness of library and information specialists as a professional group. The problem of the demand for professional specialists among employers in a library sphere is actual in conditions of library and information specialists reducing and the progressive tendency of age hardening without stable replacing by young specialists.

The demand for library and information specialists is considered by the author from several positions: the social mandate and the requirement of a region in this professional sphere; the permanent demand of employers, either in a library or in a non-library sphere for specialized faculty graduates; the attraction of the profession for applicants; the public attitudes which are not according to the real status of a regional labour market; the predicative appraisal of the demand for library and information specialists at a regional level. In this article the comparative figures of a library network and library and information specialists in reference to the annual number of library faculties graduates of Samara State Institute of Culture and Samara Regional College of Culture are analyzed.

The dynamics of an educative structure of library and information specialists of Samara region demonstrates the next tendencies: reducing the number of employees having post-secondary education; growing the number of specialists having special higher education; the stability of work of specialists having post-secondary education in a segment of library institutions during a long time; the inconspicuous growth of the number of specialists having special higher education. The results of the research based on the data of an official statistics and employment services provide the foundation for the appraisal of a permanent condition of specialists and for their forecasting demand at a labour market. The conclusions will help correct educational programmes of higher education institutions of culture, determine the development of professional library, information education and personnel policy of our region.

Keywords: library and information professionals, the regional labor market, competitiveness, employment, employers, demand, relevance, library staff.

В современных условиях рыночного развития страны обеспечение конкурентоспособности регионов определяется конкурентоспособностью производителей товаров и услуг. Всестороннее осмысление процессов, происходящих в разных сферах общественной жизни, перемены социального и экономического характера не могут не изменять деятельности человека в конкретных ее проявлениях, к которым относятся наряду с другими и сфера формирования и функционирования библиотечных систем, развития их кадрового потенциала.

За годы социально-экономических реформ в библиотечной сфере изменились трудовые отношения и система стимулирования труда, произошла переоценка специалистами библиотек своего места в обществе, трансформация мотивов профессиональной деятельности. Формирование общества знаний, динамичность возникновения и функционирования инноваций, модернизация библиотек и системы профессионального библиотечного образования, изменения на рынке труда обусловили изменение масштабов подготовки и содержания деятельности библиотечно-информационных специалистов как в целом в стране, так и в Самарской области.

Ряд современных авторов рассматривают понятие востребованности как наиболее яркое внешнее проявление конкурентоспособности [3; 6; 8], что не в полной мере отражает реальное положение специалистов на рынке труда. Способность личности конкурировать заключается в свойстве превзойти по каким-либо параметрам другого субъекта рынка труда; востребованность же демонстрирует потребность работодателя в специалистах определенного вида. Динамика количественного состава библиотечных специалистов Самарской области свидетельствует о прямой зависимости развития сети библиотечных учреждений и наличия устойчивого спроса и потребности библиотечных учреждений в таких кадрах. Востребованность библиотечно-информационных

специалистов можно рассматривать с нескольких позиций, представленных на рис. 1:

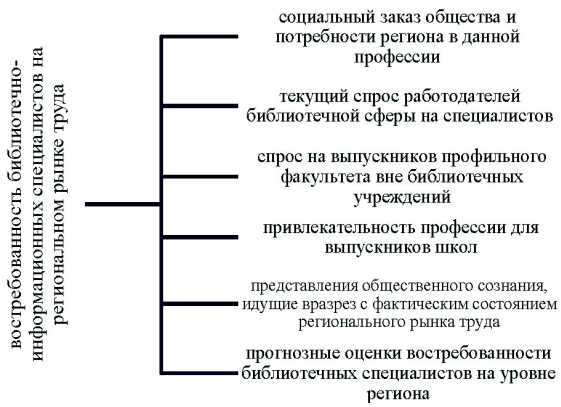


Рисунок 1. Структурное содержание востребованности библиотечно-информационных специалистов на рынке труда Самарской области

Востребованность специалиста соотносится со спросом на него работодателей, и динамика этого спроса в отношении библиотечных кадров продолжает оставаться устойчивой на протяжении нескольких десятилетий, хотя не всегда демонстрирует их конкурентоспособность на рынке труда. Профессия библиотечно-информационного специалиста сегодня не входит в разряд престижных, и приоритеты профессиональных предпочтений выпускников школ области ясно демонстрируют это факт. Выбирая профессию популярную в общественном сознании, без учета ее востребованности на рынке труда, будущие абитуриенты зачастую приходят к ошибочному выбору. Ведь под влиянием внешних факторов, технологий, изменения системы предоставления информации профессия библиотечно-информационного специалиста может трансформироваться, содержательно изменяться и стать не только востребованной, но и конкурентоспособной.

Библиотечные специалисты – выпускники одноименных факультетов института культуры и областного училища культуры – были чрезвычайно востребованы на рынке труда в условиях развивающейся библиотечной сети и потребностей региона в данных специалистах в период 1975–2000 годов, что отражало общероссийскую тенденцию социального заказа и потребностей Поволжского региона в этот период (рис. 2).

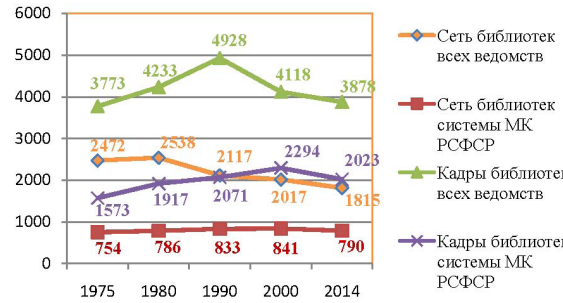


Рисунок 2. Динамика сети и кадрового состава библиотек Самарской области, 1974–2014 годы

Однако, при намечающемся в настоящее время спаде указанных показателей, востребованность профессиональных кадров для работодателей библиотечных учреждений остается актуальной проблемой в условиях сокращения воспроизводства библиотечно-информационных специалистов и нарастающего процесса старения кадров без стабильного замещения рабочих мест молодыми специалистами (рис. 3).

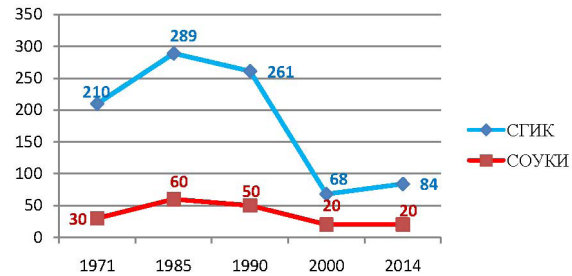


Рисунок 3. Динамика ежегодной численности выпускников библиотечного факультета Самарского государственного института культуры (СГИК) и Самарского областного училища культуры (СОУКИ), 1971–2014 годы

На начало 2015 года в муниципальных библиотеках области 9,7 % специалистов имели возраст до 30 лет, 65,6 % – от 30 до 55 лет и 24,7 % – свыше 55 лет, то есть большая часть основного персонала – 90,3 % – состоит в возрасте от 30 до 55 лет и старше 55 лет.

По предварительным результатам Всероссийской переписи библиотек данная тенденция свойственна всем федеральным округам, однако, в Самарской области по сравнению с При-

волжским федеральным округом показатели воспроизводства кадрового ресурса для библиотек значительно ниже: на 38,9 % больше специалистов в возрастной категории от 30 до 55 лет, на 6,5 % – свыше 55 лет с одновременно более низким показателем молодежи до 30 лет (на 10,3 %) (рис. 4). В целом 88,2 % библиотечно-информационных специалистов Самарской области находятся в возрасте от 30 лет и выше, и эти цифры остаются практически неизменными в течение последнего десятилетия.

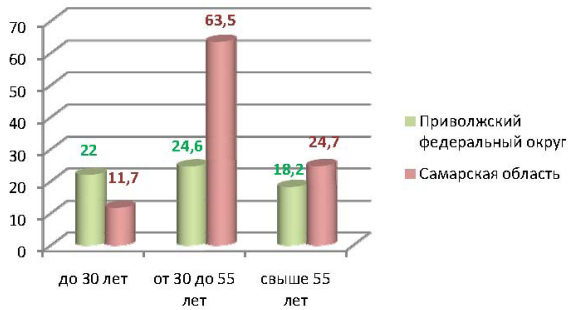


Рисунок 4. Сравнительные показатели возрастного состава библиотечно-информационных специалистов Приволжского федерального округа и Самарской области (данные по состоянию на 01.01.2015, в %)

Ранжирование показателей конкурентоспособности по возрастному признаку дает основание для оценки характерного текущего состояния библиотечных кадров и их прогнозной перспективной востребованности, поскольку наиболее уязвимый с точки зрения психологов возраст от 45 до 55 лет представляет самые низкие для проявления конкурентоспособных преимуществ показатели, что в определенной мере связано с теорией возрастных кризисов [1, с. 49].

В настоящий период в целом по стране намечается снижение социального заказа общества на специалистов библиотечной сферы, выражающееся в сокращении библиотечной сети, уменьшении кадрового состава библиотек, обращении общества к наиболее востребованным экономической ситуацией профессиям, сокращением приема на библиотечные специальности как в вузах, так и в училищах культуры. Так, пятерку самых востребованных специалистов в Самарской области в 2014–2015 годах возглавляли менеджеры по продажам, инженеры, квалифицированные рабочие, бухгалтеры, продавцы [4]. При этом оказалось, что специалисты более престижных в общественном сознании профессий оказались в переизбытке на рынке труда (юрист, экономист, адвокат, банковский работник, менеджер, переводчик), хотя именно студентами, получающими эти профессии, переполнены сегодня самарские вузы.

Востребованность библиотечно-информационных специалистов на рынке труда определяется и предлагаемой работодателями заработной платы. По данным рынка труда Самарской области в 2015 году в целом процент вакансий по уровню заработной платы до 20 тыс. руб. составлял 23,8 %, в том числе по данным различных сайтов трудоустройств г. Самары наблюдается от 14 % до 29 % предложений рабочих мест для библиотекарей с зарплатой от 5200 до 24000 рублей [4]. Более высокий уровень заработной платы готовы предложить работодатели, которые испытывают острую необходимость в квалифицированных библиотечно-информационных специалистах и готовы изыскивать средства для их привлечения. При этом доля выпускников библиотечного факультета, состоящих на учете по безработице в службе занятости населения Самарской области за период с 2005 до 2015 года, ничтожно мала и в отдельные годы составляет (согласно сведениям из баз данных Министерства труда, занятости и миграционной политики Самарской области) 1–2 чел. в год (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о численности выпускников библиотечно-информационного факультета СГИК, состоящих на учете в службе занятости в 2005–2015 годах

Год	Наименование специальности	Кол-во стоящих на учете	Средняя продолжительность поиска работы	Возраст
2005	-	0	-	-
2009	библиотекарь	2	1,5 мес.	24, 29
	документовед	6	7 мес.	от 22 до 24
	менеджер	6	4 мес.	от 23 до 25

Окончание таблицы 1

Год	Наименование специальности	Кол-во стоящих на учете	Средняя продолжительность поиска работы	Возраст
2010	-	0	-	-
2011	библиотечно-информационная деятельность	1	1 мес.	23
	документоведение и документационное обеспечение управления	2	2,5 мес.	24, 26
2012	библиотекарь-библиограф, преподаватель, менеджер информационных ресурсов	1	2 мес.	22
2013	библиотекарь-библиограф, преподаватель, менеджер информационных ресурсов	1	1 мес.	23
2014	библиотекарь-библиограф, преподаватель, менеджер информационных ресурсов	1	данные отсутствуют	24

Приведенные данные характерны для возрастной группы от 22 до 29 лет (преимущественно молодых), нуждающейся в работе по специальности, и свидетельствуют об отсутствии более опытных специалистов, состоящих на учете в службе занятости. Подобная ситуация свидетельствует о том, что категория библиотечно-информационных специалистов в возрасте до 29 лет еще не имеет опыта работы, не проявила своего профессионализма на рынке труда, не получила устойчивых трудовых навыков и конкурентных преимуществ. С большой долей вероятности молодежь не столько не может трудоустроиться, сколько имеет завышенные требования по уровню заработной платы, ищет более выгодную работу, но руководители библиотечных учреждений не всегда готовы обеспечить высокий уровень оплаты труда кадрам, еще не проявившим свои способности и часто меняющим место работы. Сопоставление данных службы занятости по вакансиям библиотечно-информационных специалистов в Самарской области демонстрирует явное наличие рабочих мест и отсутствие квалифицированных кадров для них, востребованность специалистов в регионе даже в условиях сокращения кадров и сети библиотечных учреждений.

Структура подготовки специалистов для библиотечной сферы области в учреждениях профессионального образования и прогнозная оценка их востребованности работодателями не всегда соотносятся с общероссийскими контрольными цифрами приема по специальностям и направлениям подготовки, что вносит дисбаланс в кадровый спрос и предложение внутри каждого из уровней профессионального образования (среднее специальное, высшее). Так, динамика образовательного состава библиотечно-информационных специалистов Самарской области за период 1975–2014 годов дает основания констатировать следующие тенденции (рис. 5):

- снижение доли сотрудников со средним специальным образованием на 21,6 %;
- возрастание числа кадров с высшим специальным образованием на 19,4 %;
- устойчивость профессиональной деятельности кадров со средним специальным образованием в сегменте библиотечных учреждений в течение длительного времени (25 лет);
- незначительный рост доли кадров с высшим специальным образованием (также почти в пределах 25 лет).

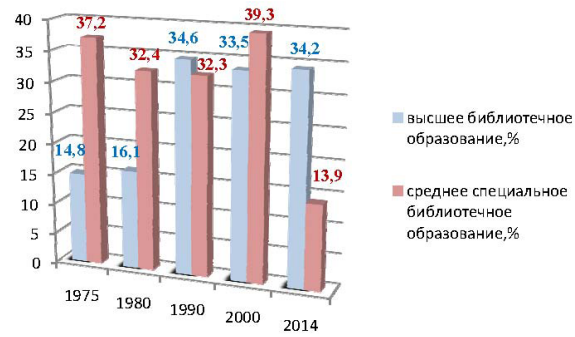


Рисунок 5. Образовательный состав библиотечно-информационных специалистов библиотек системы Министерств культуры РФ Самарской области, 1975–2014 годы (в % от общей численности библиотечных работников)

Увеличение к 1990 году числа специалистов с высшим профессиональным образованием на 19,8 % было связано с потребностями в высококвалифицированных кадрах, а долговременная устойчивость на рынке труда сотрудников среднего специального уровня во многом объясняется превалированием практико-ориентированного обучения. В Самарском областном училище культуры и искусств в 1989 году на 107 часов лекционных занятий библиотековедческого цикла приходилось 130 часов лабораторно-практических; по организации библиотечных фондов и каталогов на 84 часа лекций – 128 часов лабораторных; по техническим средствам библиотечной работы все занятия – практические (38 часов); учебная практика составляла 289 часов, производственная – 432 часа [7]. В эти же годы в Самарской государственной академии культуры и искусств соотношение лекционных занятий по специальным дисциплинам превалировало над практическими в 1,5–2 раза [5]. Таким образом, система среднего профессионального образования в советский период в области оказалась наиболее сбалансированной для практической деятельности, а численность данной группы достаточно устойчивой на рынке труда.

В последние 15 лет в практике работы библиотек и деятельности специалистов обозначаются тенденции активного освоения новых информационных технологий, утрачиваются тра диционные, классические библиотечные процессы. На первый план стала выдвигаться востребованность в библиотечных учреждениях кадров других специальностей, которые бы соответствовали новым концепциям развития библиотечных учреждений, что привело к утрате устойчивого положения сотрудников средней квалификации на региональном рынке труда. Специалисты со средним профессиональным образованием всё чаще становились неконкурентоспособными, однако, значительного «всплеска» количества зарегистрированных безработных среди данной группы не выявлено. Во многом это объясняется своевременной переквалификацией кадров среднего звена, получением ими высшего образования, востребованностью в других сферах деятельности.

Таким образом, востребованность библиотечно-информационных специалистов на рынке труда Самарской области определяется объективным наличием рабочих мест в конкретный исторический период, в соответствии с социальным заказом общества и предпочтениями работодателей, сформированными в текущей социально-экономической и информационной ситуации в стране. Прогнозные оценки востребованности библиотечно-информационных специалистов на рынке труда Самарской области позволяют получить результаты как для системы специального образования, так и для работодателей с точки зрения достаточности профессиональных кадров и сопоставимости их количественного и качественного состава профессионально-кадровой ситуации региона.

Литература

1. Вудкок М. Раскрепощенный менеджер. – М.: Дело, 1991. – 320 с.
2. Десять самых востребованных профессий в Самаре [Электронный ресурс] // Портал города Самара. – Электрон. дан. – URL: http://www.samru.ru. – Загл. с экрана.
3. Молчанова Е. В. Проблемы востребованности и конкурентоспособности специалистов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – Вып. 11. – С. 319–323.
4. Обзор рынка труда в г. Самаре [Электронный ресурс] // Работа в Самаре. – Электрон. дан. – URL: http://www.trudbox.com/samara/statistics. – Загл. с экрана.
5. План работы и отчет о работе Самарской государственной академии культуры и искусств за 1989/90 учебный год. – Самара, 1990. – 96 с.
6. Сердюк И. И. Проблемы конкурентоспособности специалистов // Концепт. – 2015. – Т. 13. – С. 2636–2640.
7. Учебные планы и программы Самарского областного училища культуры и искусств. – Самара, 1976–1989.
8. Хазова С. А. Компетентность конкурентоспособного специалиста по физической культуре и спорту. – М.: Академия естествознания, 2010. – 91 с.

References

1. Vudkok M. Raskreposhchennyy menedzher [Liberated manager]. Moscow, Delo Publ., 1991. 320 p. (In Russ.).
2. Desyat' samykh vostrebovannykh professiy v Samare [The ten of the most popular occupations in Samara]. (In Russ.). Available at: http: \\www.samru.ru/ (accessed 23.11.2015).
3. Molchanova E.V. Problemy vostrebovannosti i konkurentosposobnosti spetsialistov [Problems of uptake and competitiveness of specialists]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki [The humanitarian, social, economic and social sciences]*, 2015, no 11, pp. 319-323. (In Russ.).
4. Obzor rynka truda v g. Samare [Labour Market Review in Samara]. (In Russ.). Available at: http: //www.trudbox.com/samara/statistics/ (accessed 10.11.2015).
5. Plan raboty i otchet o rabote Samarskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv za 1989/1990 uchebnyy god [The work plan and report on the work of the Samara State Academy of Culture and Arts for the 1989/1990 academic year]. Samara, 1990. 96 p. (In Russ.).
6. Serdyuk I. I. Problemy konkurentosposobnosti spetsialistov [Problems of competitiveness of specialists]. *Kontsept [Concept]*, 2015, vol. 13, pp. 2636-2640. (In Russ.).
7. Uchebnyye plany i programmy Samarskogo oblastnogo uchilishcha kul'tury i iskusstv [Curricula and programs of Samara Regional College of Culture and Arts]. Samara, 1976-1989. (In Russ.).
8. Khazova S.A. Kompetentnost' konkurentosposobnogo spetsialista po fizicheskoy kul'ture i sportu [Competence of a competitive specialist of a physical culture and sport]. Moscow, Akademiya estestvoznaniya Publ., 2010. 91 p. (In Russ.).

УДК 378

ОРГАНИЗАЦИОННО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА УЧЕБНИКА ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Ерёмин Виталий Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: eremin_06@mail.ru

В статье рассматривается проблема содержания современной учебной литературы по иностранным языкам для студентов неязыковых вузов. Проведен анализ выводов ряда российских исследователей относительно структуры современных учебников и научно-методических положений преподавания иностранного языка. В работах исследователей отмечены требования и наиболее значимые принципы построения учебника нового поколения. В результате анализа работ отечественных исследователей в данной статье предложено при написании учебников синтезировать принципы построения учебника с принятыми научно-методическими положениями преподавания иностранных языков. Автором статьи представлено собственное видение структуры и содержания учебного издания по иностранному языку на основе апробированного учебного пособия с грифом для студентов математических факультетов. Разработанная структура учебного пособия представлена в статье как набор рекомендаций по выбору принципов, целей, тематики текстов, типов и последовательности заданий. Авторская концепция учебного пособия представляет собой ряд учебных блоков. В основе каждого блока находится текст по соответствующей теме. Все задания в блоке делятся на три группы: предтекстовые, текстовые и послетекстовые. Общая цель заданий – подготовка студентов к монологическому высказыванию по темам блоков на зачетах и экзамене. Предложенные рекомендации обосновываются автором статьи их соответствием требованиям федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования для развития общекультурной компетенции студентов.

Ключевые слова: общекультурная компетенция, компетентностный подход, обучение иностранным языкам, цель обучения, методы обучения, средства обучения.

ORGANIZATION AND CONTENT OF THE FOREIGN LANGUAGE TEXTBOOK STRUCTURE FOR NON-PHILOLOGICAL STUDENTS

Eremin Vitaliy Valerevich, PhD in Pedagogy, Associate Professor of Department for Foreign Languages at the Faculty of Romanic and Germanic Philology, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: eremin_06@mail.ru

This article deals with the problem of the modern foreign language textbooks content for non-philological students. The conclusions of some Russian researchers about the modern textbooks structure as well as scientific-methodical principles of foreign language teaching were analyzed. Some requirements and the most important principles for the textbook composition of the new generation in the publications of researches were highlighted. It was proposed in the given article as the result of the Russian researches publications analysis the fusion of the textbook composition principles with generally accepted foreign language instructional terms. It was presented by the author a personal view on the structure and content of the foreign language textbook on the basis of the officially approved and tested study aid for the mathematical students. The formulated study aid structure is represented in the article as a set of some selecting recommendations concerning principles, purposes, text subjects, types and order of tasks. The author's conception of the study aid presents a units sequence concerned with predefined topics. There is a text on the corresponding theme on the basis of the each unit. All tasks in the units are divided in three groups: pretext tasks, text tasks and post-text tasks. The common aim of all tasks consists in training students to be able to speak on the units topics during credit tests and exam. The proposed recommendations were reasoned by author in their accordance with the requirements of federal state standards of higher education to develop the common cultural competence of students.

Keywords: common cultural competence, competence approach, foreign language teaching, learning needs, teaching methods, training aids.

В свете обновления федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (далее ФГОС ВПО) и изменившихся требований к подготовке специалистов в вузах возник вопрос создания учебной литературы, соответствующей новым положениям стандартов. Так, В. К. Колобаев, критически рассматривая зарубежные учебные издания, распространяемые в России, выдвигает следующий рад требований к учебнику по иностранному языку для неязыковых вузов [4, с. 85]:

1) он должен быть составлен авторами, проживающими в стране, в которой ведется преподавание;

2) он должен содержать аутентичные тексты достаточно большого объема;

3) в нем должна обеспечиваться повторяемость слов, входящих в необходимый лексический минимум;

4) тексты должны содержать материал, знакомый учащимся, то есть быть доступными для понимания;

5) в нем должно быть деление на активную и пассивную лексику.

Однако автор ограничивается лишь вышеприведенными требованиями, сформулированными на основе выявленных недостатков зарубежных изданий, не подкрепляя их конкретными научно-методическими рекомендациями преподавателям российских вузов по составлению учебников по дисциплине «Иностранный язык».

Вполне системно, на наш взгляд, к решению проблемы учебника подходят Е. А. Успенская и Ю. В. Пасько, отмечая, во-первых, вслед за Ж. Л. Витлиным, слабую разработанность вузовской методики, выражающуюся в отсутствии общих основ содержания учебников по иностранному языку, отсутствии единых типов учебных пособий для неязыковых вузов и единых теорий обучения языкам. Во-вторых, исследователи предлагают свое видение составления отечественного учебника по иностранному языку в виде комплекса принципов, которые сформулированы на основе требований ФГОС ВПО [7, с. 247].

Базовым, с точки зрения авторов, принципом построения учебника является *принцип формирования компетенций*, поскольку для каждой специальности сформулированы свои компетенции, ко-

торые отражены в ФГОС ВПО [6, с. 247]. Данный принцип позволяет перенести акцент с упражнений на активную мыслительную деятельность обучающихся, связать профильное обучение с обучением иностранному языку, что обусловливает реализацию компетентностного подхода и определяет содержание и структуру учебника [7, с. 248]. Кроме этого, авторы выделяют еще принципы преемственности, научности, доступности, автономности и модульности, сознательности и активности, обучения в сотрудничестве [7, с. 249–252].

Тем не менее мы полагаем, что учет одних только этих принципов при построении современного учебника иностранного языка не достаточен. Работая над конкретным учебником для конкретной целевой аудитории, необходимо связывать отобранные принципы с принятыми научно-методическими положениями преподавания иностранного языка.

Комплексный взгляд в вопросе преподавания иностранных языков представлен Н. Д. Гальсковой и Н. И. Гез путем обобщения круга проблем, который составляет предметно-объектную область методики обучения иностранным языкам как науки: цель преподавания /изучения иностранного языка (зачем?); учитель с присущими ему профессиональными и личностными качествами и умениями (кто преподает язык?); учащийся с присущими ему индивидуально-личностными качествами (кто изучает язык?); содержание обучения (что?); принципы, методы, приемы, способы, средства преподавания/изучения языка (как?) [1, с. 91].

Первое, что заставляет обратить на себя внимание, – это цель обучения иностранным языкам. Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез рассматривают цель, в общем, в прагматическом и когнитивном аспектах. Прагматический аспект цели обучения иностранным языкам связан с формированием у учащихся знаний, навыков и умений, владение которыми позволяет им приобщиться к этнолингвокультурным ценностям страны изучаемого языка и практически пользоваться иностранным языком в ситуациях межкультурного взаимопонимания и познания [1, с. 98].

Когнитивный аспект цели обучения иностранным языкам авторы соотносят с такими категориями, как знания, мышление и процессы понимания, задействованные в ходе приобщения учащегося к иностранному языку, к культуре народа – его носителя [1, с. 109]. Иными словами когнитивный аспект связан с развитием у учащихся способности гибкого использования различных видов информации, умением эффективно конструировать ментальные представления даже в том случае, если интерпретируемая информация неполна [1, с. 112].

В содержании обучения иностранному языку Е. Н. Соловова выделяет, вслед за Г. В. Роговой, три компонента: лингвистический, психологический и методологический [6, с. 16].

Лингвистический компонент содержания обучения иностранному языку предполагает отбор необходимого материала: 1) языкового (лексического, грамматического, фонетического), 2) речевого, 3) социокультурного [6, с. 18].

Психологический компонент содержания обучения иностранному языку призван определить навыки и умения, которые должны быть сформированы в процессе обучения на данном конкретном этапе и применительно к данным конкретным условиям [6, с. 21].

Сущность методологического компонента содержания обучения иностранному языку сводится к тому, что в процессе обучения учитель не только объясняет новый материал и организует его правильную отработку, но и предлагает своим ученикам определенные алгоритмы выполнения заданий, обучает их базовым приемам самостоятельной работы [6, с. 24].

Что касается методов обучения, то сегодня существует большое разнообразие методов и даже образовательных технологий, используемых в обучении иностранным языкам. Их применение носит частный характер, то есть выбор того или иного метода будет зависеть от цели, задач обучения, особенностей обучающихся, материально-технических возможностей и т. д. Определяющим фактором при выборе методов обучения являются нормативные положения (локальные для конкретного образовательного учреждения и федеральные), которые определяют основные положения и рамки для работы преподавателей и обучающихся. Поэтому выбор методов обучения происходит обычно коллективно, например, на заседании кафедры при составлении преподавателями рабочих программ или учебно-методических комплексов для конкретных направлений подготовки и форм обучения.

Под средствами обучения Е. Н. Соловова понимает все то, что оказывает помощь в процессе изучения/обучения иностранному языку в классе и дома, разделяя их на обязательные (основные) и вспомогательные, ориентированные на ученика и на учителя, технические и нетехнические [6, с. 34].

К основным средствам обучения Е. Н. Соловова относит учебно-методические комплексы, поскольку именно они, по мнению исследователя, направлены на формирование коммуникативной компетенции обучающихся определенного уровня подготовки [6, с. 34]. К дополнительным средствам обучения относятся учебные пособия, книги, наглядные материалы, технические средства, призванные дополнить занятия [6, с. 36].

Есть и другой взгляд на средства обучения. Так, Е. И. Пассов в качестве подлинного средства обучения рассматривает упражнения, поскольку выполнение упражнений приводит к цели. Тогда как учебник не обязательно нужно использовать на занятии, он является лишь одной из форм организации и воплощения средств обучения [5, с. 67].

Так или иначе, но иностранный язык является практической дисциплиной и роль упражнений в процессе его изучения или преподавания переоценить трудно. По нашему мнению, каждый преподаватель иностранного языка должен знать все виды упражнений, их методические особенности и уметь их отбирать в соответствии с поставленными целями занятий или подготовки учебно-методических материалов, в том числе написании учебников.

С учетом вышеуказанных положений нами было написано и издано учебное пособие «Немецкий язык для студентов математических факультетов» для преподавания дисциплины «Иностранный язык» на математическом факультете Кемеровского государственного университета для направлений подготовки: «Прикладная математика и информатика», «Фундаментальная информатика и информационные технологии», «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем», «Математика и компьютерные науки».

Данное учебное пособие получило гриф организации, уполномоченной Министерством образовании и науки РФ в виде положительной рецензии ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет». Электронная версия пособия размещена на сайте библиотеки «Лань» [3].

Работа с пособием рекомендуется на протяжении всего курса обучения по дисциплине «Иностранный язык» в рамках развития общекультурных компетенций студентов в соответствии с ФГОС ВПО.

Данные стандарты определяют конечную цель обучения студентов упомянутых направлений подготовки в виде содержания общекультурной компетенции: способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия. Тогда как дескрипторы компетенции отражают лингводидактические и методические цели обучения.

Прагматический аспект цели обучения иностранному языку студентов математического факультета выражается: 1) в умении аргументировано и ясно строить устную и письменную речь; работать с учебной, страноведческой, общенаучной, справочной и оригинальной научной литературой по специальности на иностранном языке; составлять грамматически и стилистически верное письменное сообщение на иностранном языке, отражающее определённое коммуникативное намерение; 2) во владении: различными видами чтения адаптированной и оригинальной литературы общенаучного характера и по специальности; всеми видами монологического высказывания.

Когнитивный аспект цели обучения предусматривает: 1) знание лексического минимума в объеме 4000 учебных лексических единиц общего и термилогического характера; формальных признаков разных частей речи в иностранном языке; системы времен глагола в иностранном языке; структурных типов предложений; 2) владение культурой делового общения на иностранном языке.

В соответствии с требованиями образовательных стандартов цель составленного учебного пособия заключается в формировании у студентов перечисленных знаний, умений и навыков, которые позволят будущим специалистам пользоваться немецким языком в профессиональной и научной деятельности: 1) свободно читать и переводить оригинальную литературу, пользоваться немецкими версиями программного обеспечения; 2) общаться с зарубежными коллегами на профессиональные темы, делать доклады и презентации,

принимать участие в беседах этикетно-речевого характера; 3) участвовать в деловой переписке, оформлять документы, пользоваться электронной почтой, ресурсами сети Интернет.

Поскольку результатом обучения иностранному языку по образовательным стандартам является формирование общекультурной компетенции, то в качестве базового принципа обучения выступает компетентностный подход. В этой части мы разделяем точку зрения Е. А. Успенской и Ю. В. Пасько [7]. Вопрос компетентностного подхода в обучении иностранному языку мы затрагивали в одной из предыдущих своих работ «Теоретическое обоснование педагогических условий подготовки студентов к межкультурной коммуникации в университете» [2]. Необходимость применения компетентностного подхода мы видим по двум причинам. Во-первых, применение данного подхода предусмотрено образовательными стандартами, предписывающими использовать при реализации компетентностного подхода в учебном процессе активные и интерактивные формы проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой [2, с. 68]. Во-вторых, компетентностный подход мы рассматриваем как неотъемлемую часть подготовки студентов к межкультурной коммуникации, о которой говорится в общекультурной компетенции образовательного стандарта [2, с. 67].

Теперь мы хотели бы представить наше видение содержания учебного издания. Здесь сразу следует отметить, что содержание учебного издания определяется, в первую очередь, перечнем профессиональных тем, указанных в рабочей программе дисциплины или в учебно-методическом комплексе. Затем уже формируется фонетический, лексический и грамматический материал. Такой приоритет мы объясняем тем, что текст, являющийся своего рода ядром содержания, должен, с одной стороны, непременно иллюстрировать примеры употребления новых лексических единиц, фонетических явлений и грамматических конструкций, а с другой стороны, данный текст должен предоставить автору учебника возможность составления различных упражнений и заданий на закрепление нового материала.

Покажем это на примере нашего учебного пособия. Оно состоит из десяти учебных блоков (Lektionen), рассчитанных на изучение в течение четырех учебных семестров. Все блоки построены на основе текстов профессионально ориентированного содержания, составленных из аутентичных источников. Все учебные блоки разделены по четырем тематикам согласно требованиям рабочей программы дисциплины «Иностранный язык» кафедры иностранных языков ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»:

Иностранный язык для общих целей: тема 1 «Deutschland» (Германия), тема 2 «Die Sprache, die wir lernen» (Язык, который мы изучаем).

Иностранный язык для академических целей: тема 3 «Die Hochschulbildung in der BRD» (Высшее образование в ФРГ), тема 4 «Die Fakultät für Mathematik» (Математический факультет).

Иностранный язык для профессиональных целей: тема 5 «Die Mathematik als Wissenschaft» (Математика как наука), тема 6 «Die Informatik» (Информатика), тема 7 «Der Computer» (Компьютер), тема 8 «Das Internet» (Интернет).

Иностранный язык для делового общения: тема 9 «Die Geschäftsbriefe» (Деловые письма), тема 10 «Die Bewerbung» (Устройство на работу).

Каждый учебный блок начинается с предтекстовых заданий, направленных на подготовку студентов к работе по новой теме. В первом задании студентам предлагается дать собственные комментарии к картинкам, связанным тематически с текстом нового блока. Например, к теме «Язык, который мы изучаем» представлены портреты братьев Гримм. В задании не сообщается, кто эти люди, но предлагается студентам описать их одежду, выражение лица и его черты, высказать свои идеи по поводу деятельности описываемых людей. Выполнение такого задания предполагает обмен мнениями или дискуссию, в ходе которой студенты мобилизуют свои знания знакомой уже лексики из бытовой сферы, используют устойчивые фразы для выражения намерения, просьбы, согласия/несогласия и тому подобное. В результате обсуждения у студентов формируется целостное представление о представленных картинках.

Насколько верным оказалось это представление, помогает понять следующее задание. Так, например, в теме «Математика как наука» после обсуждения портрета предлагается небольшой текст, в котором студентам нужно отметить года и события, связанные с биографией конкретного человека. Выполнив это задание, студентам становится понятно, что в предыдущем задании

речь шла об известном ученом-математике Рене Декарте. Конечно, предметом обсуждения могут быть не только портреты выдающихся деятелей изучаемой области знаний или будущей профессии. Предварительному погружению в новую тему могут послужить также изображения предметов или ситуаций.

Мы считаем необходимым обратить внимание на один момент. Задания с картинками на активизацию имеющихся знаний подходит, конечно, студентам, имеющим достаточный базовый уровень языковой подготовки. Иначе дело обстоит с обучающимися, которые имеют слабую языковую подготовку или с теми, кому приходится переучиваться в вузе с одного языка на другой. Для этой категории обучающихся правильнее будет предложить в качестве первых нескольких предтекстовых заданий упражнения по фонетике. Можно сначала дать описание звука в транскрипции и примеры слов с его употреблением. Затем следует предложить студентам отчитать дома и на занятии список наиболее употребляемых в последующем тексте слов (с транскрипцией), содержащих новый звук. Затем можно предложить контрольное чтение нового списка слов из текста, но уже без транскрипции. Если в основном тексте учебного блока есть слова, словосочетания или названия, представляющие трудность в произношении, например заимствования из других языков, то их можно вынести перед текстом в отдельное задание для фонетического разбора с целью их правильного последующего употребления.

Другим видом предтекстового задания служит список слов для запоминания, связанных с тематикой текста. Расширение словарного запаса студентов помогает не только облегчить понимание текста, но и является необходимым условием для участия в последующих обсуждениях и подготовки монологического высказывания.

Текстовые задания начинаются с предварительного ознакомления с текстом для его общего понимания. В данном случае в задании представлен перечень заголовков, каждый из которых характеризует содержание конкретного абзаца. Задача студента – просмотреть текст, понять общий его смысл и подобрать к каждому абзацу подходящий заголовок. Затем студенту необходимо дать краткий ответ на иностранном языке, обосновывая свой выбор на примере слов или словосочетаний из абзаца, которые показывают смысловую связь с выбранным заголовком.

Работа с самим текстом предлагается в виде самостоятельного внимательного прочтения и контрольного чтения на занятии, выполнения письменного перевода на русский язык, адекватного содержанию на немецком языке. После выполнения перевода предлагаются послетекстовые задания, предназначенные для закрепления нового языкового материала в рамках изучаемой темы и подготовки студентов к устной беседе.

Сначала даются задания на закрепление лексики к тексту. В нашем учебном пособии мы предлагаем сначала студентам подобрать русские эквиваленты к немецким словам и словосочетаниям, затем наоборот – немецкие эквиваленты к русским словам и словосочетаниям. В некоторых учебных блоках мы предлагаем студентам найти в специализированных словарях термины в виде сложных слов, используя базовые термины в виде простых слов из текста. Например, в тексте по теме “Математика как наука” используются такие слова, как *die Zahl – число, die Gleichung – уравнение.* В словаре можно найти производные с данными словами *die Zahldarstellung – количественное представление, das Gleichungszeichen – знак уравнения.* Также мы часто предлагаем задания, где нужно подобрать синонимы или антонимы к словам из текста. В блоках для профессиональных целей мы еще используем задания, где студенты соотносят термины из текста с подходящими дефинициями, которые мы берем из иностранных справочных изданий. Смысл этих упражнений в том, чтобы побудить студентов вспомнить новую лексику или вспомнить контекст и место в тексте, где она употребляется. Мы исходим здесь из того, что повторное обращение к новому материалу способствует его запоминанию. Более того, ряд предложенных нами лексических заданий способствует расширению профессионального кругозора обучающихся.

Затем следуют задания на закрепление грамматических конструкций в части морфологии и синтаксиса. В данном типе заданий особое внимание нужно уделять явлениям или конструкциям, которые вызывают наибольшую трудность в использовании языка. Причем такие явления не обязательно могут выглядеть сложной составной структурой, а наоборот, – простыми словами. В качестве примера здесь можно привести про-

блему употребления предлогов. По своему педагогическому опыту мы знаем, что для русских студентов, изучающих немецкий язык, трудность в разговоре вызывают предлоги, причем трудность гораздо большую, чем для студентов, изучающих английский или французский язык. В немецком языке, как и в русском, есть система склонения, и каждый предлог употребляется с определенным падежом и требует использования существительного в данной падежной форме. В связи с этим формирование навыка правильного употребления предлогов представляет собой длительный процесс, требующий частого практического применения. Поэтому во всех учебных блоках нашего учебного пособия мы включаем упражнение с предложениями из текстов с пропущенными предлогами. Студентам необходимо вспомнить или логически прийти к выводу, какой именно предлог должен быть в конкретном случае, а затем проверить по тексту.

В конце изучения темы следует включать задания продуктивного характера, требующие в ходе самостоятельной подготовки повторения, уточнения, дополнения изученного материала, его осмысления и подготовки отчетной работы. Каждый учебный блок нашего пособия заканчивается подготовкой устного монологического высказывания по пройденной теме, поскольку оно является одним из заданий на зачете и на экзамене.

Однако перед контрольным, зачетным заданием можно включать и другие задания продуктивного характера. В последней теме пособия «Устройство на работу» мы предлагаем студентам подготовить в виде проектной работы собственную презентацию, составить пакет документов соискателя в соответствии с описанными в тексте немецкими требованиями и защитить проект в виде инсценировки собеседования. Защита проекта заканчивается обсуждением кандидатов, в котором оцениваются: качество подготовки документов, владение иностранным языком, умение вести беседу.

Для выполнения проектной работы в помощь студентам включены приложения в конце учебного пособия, иллюстрирующие примеры составления деловых писем, подготовки пакета документов для устройства на работу, порядок проведения собеседования и рекомендации для его успешного прохождения. В пособии также предусмотрен справочник по грамматике, содержащий необходимую теоретическую информацию для выполнения лексико-грамматических упражнений в каждом учебном блоке.

Таким образом, мы считаем возможным рекомендовать наше учебно-методическое пособие преподавателям иностранных языков в качестве наглядного примера для написания учебной литературы по преподаваемым иностранным языкам для студентов конкретных направлений подготовки, опираясь на представленные принципы, цели, структуру, тематику текстов, типы заданий и их соотнесение с образовательными стандартами.

Литература

1. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. – 3-е изд., стер. – М.: Академия, 2006. – 336 с.
2. Еремин В. В. Теоретическое обоснование педагогических условий подготовки студентов к межкультурной коммуникации в университете // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2012. – № 2 (50). – С. 66–70.
3. Еремин В. В. Немецкий язык для студентов математических факультетов [Электронный ресурс]: учеб. пособие. – Электрон. дан. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2013. – 212 с. – URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=58315. – Загл. с экрана.
4. Колобаев В. К. Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам в неязыковом вузе: к проблеме выбора учебника // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: мат-лы девятой междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: Л. В. Вершинина. – Самара: Поволж. Гос. соц.-гуманитар. акад. – 2014. – С. 85.
5. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М.: Рус. яз., 1989. – 276 с.
6. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. – М.: Просвещение, 2002. – 239 с.
7. Успенская Е. А., Пасько Ю. В. Принципы организации учебника нового поколения по иностранному языку для вузов неязыковых специальностей // Вестн. Москов. гос. акад. делового администрирования. – 2013. – № 2–3 (21–23). – С. 246–254.

References

1. Gal'skova N.D., Gez N.I. Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika: ucheb. posobiye dlya stud. lingv. un-tov i fak. in. yaz. vyssh. ped. ucheb. zavedeniy [The theory of training to foreign languages. Linguistic didactics and technique: the manual for students of linguistic universities and faculties of foreign languages of the higher pedagogical institutions]. Moscow, Akademiya Publ., 2006. 336 p. (In Russ.).
2. Eremin V.V. Teoreticheskoye obosnovaniye pedagogicheskikh usloviy podgotovki studentov k mezhkul'turnoy kommunikatsii v universitete [Theoretical argumentation of pedagogical conditions of students training to intercultural communications at the university]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, 2012, no. 2 (50), pp. 66-70. (In Russ.).
3. Eremin V.V. Nemetskiy yazyk dlya studentov matematicheskikh fakul'tetov [German language for students of mathematical faculties]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2013. 212 p. (In Germ.). Available at: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=58315.
4. Kolobayev V.K. Professional'no-oriyentirovannoye obucheniye inostrannym yazykam v neyazykovom vuze: k probleme vybora uchebnika [The is professional-focused training to foreign languages in not language high school: to a choice problem of the textbook]. *Vyssheye gumanitarnoye obrazovaniye XXI veka: problemy i perspektivy. Materialy devyatoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [The higher liberal education of the XXI-st century: problems and prospects. Materials of the ninth international scientifically-practical conference].* The editor-in-chief L.V. Vershinina. Samara, Volga Region State Socially-Humanitarian academy Publ., 2014. 85 p. (In Russ.).
5. Passov E.I. Osnovy kommunikativnoy metodiki obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu [Bases of a communicative technique training to foreign language speaking]. Moscow, The Russian language Publ., 1989. 276 p. (In Russ.).
6. Solovova E.N. Metodika obucheniya inostrannym yazykam: Bazovyy kurs lektsiy: Posobiye dlya studentov ped. vuzov i uchiteley [Technique of training to foreign languages: the Base course of lectures: the Manual for students of pedagogical high schools and teachers]. Moscow, Enlightenment Publ., 2002. 239 p. (In Russ.).
7. Uspenskaya E.A., Pas'ko Yu.V. Printsipy organizatsii uchebnika novogo pokoleniya po inostrannomu yazyku dlya vuzov neyazykovykh spetsial'nostey [Principles of the foreign language textbook organisation of new generation for high schools of not language specialities]. *Vestnik Moskovskoy gosudarstvennoy akademii delovogo administrirovaniya [Bulletin of the Moscow state academy of business administration]*, 2013, no. 2-3 (21-23), pp. 246-254. (In Russ.).

УДК 378.147

ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Любушкина Екатерина Сергеевна, старший преподаватель, кафедра теории и методики преподавания романо-германских языков, Новокузнецкий институт (филиал) «Кемеровский государственный университет», (г. Новокузнецк, РФ). E-mail: blikate@mail.ru

Пушкарева Ирина Александровна, преподаватель, кафедра гуманитарных, социально-экономических и естественно-научных дисциплин, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Новокузнецк, РФ). E-mail: pushkareva-irina@mail.ru

В работе предпринята попытка анализа проблемы формирования и развития познавательной самостоятельности в историческом аспекте с позиций философии, педагогики и психологии. Рассмотрены различные подходы к пониманию содержания понятия «автономная личность». С этой целью анализируется наиболее распространенный в современной отечественной научной психолого-педагогической литературе личностно ориентированный подход к пониманию феноменов познавательной самостоятельности и личностной автономии. Сопоставляется ситуация с их рефлексией на Западе и в России, фиксируется ее сходство, прежде всего, в отношении образовательного и воспитательного процессов разных уровней.

Актуальность данной работы подчеркивается тем, что интерес к проблеме формирования и развития познавательной самостоятельности и личностной автономии неоднократно поднимался в психолого-педагогических исследованиях на протяжении XX века и продолжает занимать умы представителей отечественной и западной научной мысли. Представлены результаты научного историко-педагогического исследования, проведенного с целью выявления значимости и степени разработанности данной проблемы на современном этапе развития высшего образования в России и за рубежом.

В качестве значимого вывода приводится мысль о взаимосвязи указанных феноменов: для успешной реализации принципов учебной автономии в обучении, необходимо наличие развитых умений познавательной самостоятельности.

Ключевые слова: познавательная самостоятельность, учебная автономия, личностно ориентированный подход.

HISTORICAL AND PEDAGOGOCAL ANALYSIS OF STUDENT'S COGNITIVE AUTONOMY PROBLEMS IN RUSSIAN AND FOREIGN LITERATURE

Lyubushkina Ekaterina Sergeevna, Sr. Instructor, Department of Foreign Languages, Novokuznetsk Branch Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: blikate@mail.ru

Pushkareva Irina Aleksandrovna, Instructor, Department of Human, Social and Economic and Natural Sciences, Kuzbass Institute of Federal Penal Service (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: pushkareva-irina@mail.ru

The paper attempts to analyze the problem of formation and development of cognitive autonomy in the historical aspect from the standpoint of philosophy, pedagogy and psychology. Various approaches to the content understanding of the "autonomous person" concept are regarded. To achieve the stated aim, it analyzes the most common in modern Russian scientific psychological and educational literature student-centered approach to understanding of cognitive and personal autonomy phenomena. It compares the situation with their reflection in the West and in Russia, recorded its similarity, especially in relation to education and educational processes at various levels.

The relevance of this work highlights the fact that the interest in the problem of formation and development of cognitive and personal autonomy has been raised repeatedly in psychological and educational research during the XX century, and continues to occupy the minds of the representatives of Russian and Western scientific world. The results of conducted historical and pedagogical research to identify the relevance and degree of development of this problem at the present stage of evolution of higher education in Russia and abroad are presented.

The significance of the stated idea of these phenomena correlation consists in the proposal that the successful implementation of the principles of academic autonomy in training correlates with the developed skills of cognitive autonomy.

Keywords: cognitive autonomy, academic autonomy, student-centered approach.

Проблема развития познавательной самостоятельности (далее – ПС) занимает умы ученых с давних времен. Сама идея развития самостоятельности берет свое начало с глубокой древности и получает развитие в трудах философов Античности. Так Сократ, подчеркивая, что мышление может успешно развиваться только в процессе самостоятельной деятельности, а совершенствование личности возможно только путем самопознания, указывал на необходимость направленной работы по формированию и развитию ПС ученика в процессе обучения. Эта идея получила дальнейшее свое развитие в разработанном им особом методе обучения, формирующим ПС учащихся: метод эвристической беседы, где перед учителем ставится задача развивать «душевные силы» ученика с учетом его индивидуальных склонностей и способностей, то есть не переда-

вать знания, а развивать мышление и сообразительность учащегося (см. [8]).

Идею специального развития и целенаправленного воспитания ПС поддерживал и Аристотель. В сочинении «Политика» он отмечает: «…все прирожденные способности человека, всякое практическое применение их для соответственной каждой из них работы нуждаются в предварительном воспитании и в предварительном приноровлении» (см. [8]).

В Средние века в школах доминировала схоластика, догматизм и зубрежка, роль развития ПС подчеркивали М. Монтень (см. [8]), Т. Мор [14], Т. Кампанелла [6]. В своих работах они призывали обучать ученика самостоятельности, одновременно воспитывая в нем вдумчивость и критическое мышление, подчеркивая необходимость самостоятельно добывать знания, чтобы «испробовать вкус вещей». М. Монтень в произведении «Опыты» замечает: «Я хотел бы, чтобы воспитатель вашего сына, сообразуясь с душевными склонностями доверенного ему ребенка, предлагал выбирать между различными вещами и различать их самостоятельно, иногда указывая ему путь, напротив, позволяя отыскивать дорогу ему самому» (см. [8]).

Галилео Галилей утверждал, что чему-либо научить человека невозможно: можно помочь ему узнать все самому (см. [27, с. 23]). Дальнейшее развитие эта мысль получила в трудах древнеримских философов: так Сенека подвергал критике формализм существующей школьной системы, воспитывающей «ум, но не душу». Философ подчеркивал, что образование прежде всего должно формировать личность самостоятельную (автономную): «пусть говорит он (ученик) сам, а не его память» (см. [8]). Позднее эти идеи нашли свое развитие в работах Я. М. Коменского, И. Г. Песталоцци, Ж.-Ж. Руссо, А. Дистервега, в России проблема развития самостоятельности в обучении связана с именами А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова [5], Д. И. Писарева, К. Д. Ушинского [23], Л. Н. Толстого и др.

В дидактике со времен Я. А. Коменского идут дискуссии по вопросу о том, что же в обучении является главным: усвоение суммы знаний, наработанных человечеством, или развитие умственных способностей (внимания, мышления, восприятия, воображения, памяти, творческой и самостоятельной активности etc.). Каждая из предлагаемых концепций основывается на соответствующем своим целевым установкам содержании образования и методах обучения.

Представители французского просвещения (Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци) отмечали, что развитие ПС приводит к формированию более ясных и верных понятий, и особенно важна мысль о том, что высоко эффективно то обучение, где учащиеся не только обогащают багаж своих знаний, но и «интенсивно повышают силы ума» (см. [8]).

А. Дистервег в начале XIX века связывает развитие ПС с готовностью достигать и стремиться к разумным целям, так как она «возбуждает активность собственных мыслей, желаний и потребностей» (см. [8]). Ученый вводит понятие развивающего обучения, считая, что развитие умений и способностей человека возможно добиться только личными усилиями, что является основой развития ума, воли, памяти, мышления, etc: «То, чего человек не приобрел путем своей самодеятельности, – не его» (см. [8]).

Обращаясь к истории методики обучения, нами выявлено, что начало изучения ПС учащихся лежит в трудах К. Д. Ушинского. Вместе со своими единомышленниками (Н. Ф. Бунаков, В. П. Вахтеров, В. И. Водовозов, Н. А. Корф, Д. И. Тихомиров) он в своих работах раскрыл отдельные аспекты обучения и описал приемы преподавания, которые следует применять с целью формирования самостоятельной познавательной деятельности учащихся. К. Д. Ушинский показал неэффективность изолированного подхода к овладению предметом обучения, указывая на несоответствие закону развития сознания: «Изощрять рассудок вообще, есть дело невозможное, так как рассудок, или, лучше сказать, сознание, обогащается только а) приумножением фактов и б) переработкою их» [23]. Таким образом, он подчеркнул особую значимость мотивации и активности в обучении, сочетания способов преподавания и самостоятельной деятельности учащихся. Эти выводы ученого-педагога являются методологической основой понимания феномена ПС.

Таким образом, на основе анализа научно-педагогической литературы, можно констатировать то, что все известные и широкоприменяемые методы, приемы, трактовки и определения самостоятельной работы, тем или иным образом пере-

ходят из одной современной методики в другую. И это не случайно: мы пользуемся ими уже в готовом виде – для начальной школы их детально разработали К. Д. Ушинский и его последователи.

Во второй половине XIX века проблема развития учебной самостоятельности становится предметом особенного интереса отечественных педагогов и методистов. По их мнению, развитие самостоятельности в рамках формального обучения должно предоставить возможность ученику «самому идти вперед, когда время учения уже кончится», что реализовывалось бы в дальнейшем на уже заложенной базе в целях дальнейшего самостоятельного изучения предмета (П. Г. Редкин, Н. А. Рубакин); обучение должно быть организовано так, чтобы учащиеся, самостоятельно размышляя и наблюдая предложенные педагогом факты для наблюдения, могли сами дойти до истины (В. И. Водовозов, (см. [8]); задача школы не увеличивать количество учебных предметов, но предоставить учащимся возможность сознательно усвоить знания и самостоятельно выбрать стратегию учения с учетом своих склонностей (В. Я. Стоюнин [21]); соотнести методику объяснительного обучения с задачами развития мыслительных способностей учащихся, построив обучение так, что учитель говорил как можно меньше и, умело поставив вопросы, обратил внимание учащихся на самостоятельное усвоение учебного материала (Н. А. Корф [13]).

Ретроспективный анализ педагогической литературы показывает, что на рубеже XIX–XX веков педагоги рассматривали сущность проблемы развития самостоятельности со следующих позиций:

- формирование у учащихся способности к самостоятельному получению знания, поэтому в обучении следует применять эвристические беседы и самостоятельные задания, так как «результаты самостоятельных опытов и приобретенный на их основе запас знаний являются свидетельством их прочности и самостоятельности» (Н. Ф. Бунаков [20]);

- развитие и саморазвитие личности, что связано с «самодеятельностью» учащегося (П. Ф. Каптерев [7]);

- идеальный учитель занимается самообразованием: на него возложена особая миссия «возбуждения у учащихся интереса к самостоятельному изучению науки» (В. П. Острогорский, (см. [8]);

- от преподавания в школе зависит многое: не следует навязывать задачи, несоответствующие стремлению ученика к самообразованию и самовоспитанию; «необходимо формировать такого учителя, который бы на первое место поставил не тренировку памяти учащихся, а развитие самодеятельности, мыслительных способностей, любознательности и трудолюбия» (В. П. Вахтеров [2]);

- технология обучения должна выбираться таким образом, чтобы развивались интеллектуальные возможности ученика, его склонности и способности, стимулировалось самостоятельное творчество (К. Н. Вентцель [3]).

Таким образом, основываясь на вышесказанном, мы приходим к выводу, что прогрессивные отечественные ученые-педагоги предреволюционного периода активно пропагандировали идеи обучения в саморазвитиии, где ученик рассматривается не только в качестве объекта воспитания, но и как субъект учебно-воспитательного процесса, а в процессе дидактических поисков путей и средств ухода от традиционного обучения, состоящего из объяснения, заучивания и контроля, становится актуальным реализация методов, активизирующих самостоятельность учащихся – письменные упражнения, изложения, отчеты и рефераты, моделирование, собирание коллекций и мн. др.

В начале XIX века видные ученые-педагоги (Н. И. Кареев, П. Г. Редкин, Н. А. Рубакин, В. И. Чарнолуский и др.) разрабатывали и пропагандировали гуманистические подходы к решению проблем воспитания и обучения подрастающего поколения, рассматривая возможности самообразования в качестве ведущего средства развития ПС. В их работах [17; 18] заложено начало процесса активного приобщения народных масс к образованию через систему учреждений дополнительного образования.

Исследование научно-педагогического наследия первой половины XX века показывает, что в учебной практике активно использовались наиболее приемлемые западные технологии (лабораторный метод, бригадная форма и др.), что, несомненно, отвечало целям развития самостоятельности в обучении. Однако совершенно не-

оправданно был отвергнут существовавший на тот момент комплексный подход к изучению ребенка (педология) как несовместимый с социально-исторической средой, что помешало широко внедрить методы индивидуализирующие и дифференцирующие обучение с учетом интересов, склонностей и личностных потребностей ученика.

Концептуальной позиции молодой советской педагогики, стремящейся приблизить школу к окружающей действительности и интенсивней готовить подрастающее поколение к практической, самостоятельной жизни, была созвучна идея развития самостоятельной работы и технология её реализации – лабораторно-исследовательский метод – основа Дальтон-плана, Йена-плана [1, с. 112–113] и др. Методы практико-ориентированного обучения получили широкое распространение в виде классно-урочной системы с активным использованием метода проектов, «предметных идей», «разовых заданий», открытием опытных станций, использование экскурсий и различных студийных форм организации учебной работы.

Проблема развития ПС обучающихся в процессе обучения становится предметом пристального научного интереса отечественных ученых-педагогов начиная с 40-х годов прошлого века. Выделялись следующие аспекты сущности проблемы:

- способы рациональной организации домашних самостоятельных заданий (З. А. Вологодская, А. К. Громцева, Е. С. Рабунский, А. В. Усова и др.);
- содержание и методика организации самостоятельной работы в системе урока (Б. П. Есипов, М. А. Данилов, Н. Б. Истомина, М. П. Крошкина и др.);
- формирование и развитие самостоятельности при работе с учебником, дополнительной литературой, выполнении творческих заданий (Ф. В. Быкадоров, А. П. Подашов, М. В. Порхунова и др.).

Необходимо отметить, что в проведенных педагогических изысканиях того времени практически не рассматривались дидактически обоснованные приемы применения вариантов самостоятельной работы, и не уделялось должного внимания принципам её организации с целью получения новых знаний.

Первым наиболее полным описанием системы методов обучения в целом и, в частности, развития самостоятельности в познании, сложившихся в отечественной науке в 50-е годы, считается классификация, составленная Е. Я. Голантом, по уровню активности учащихся в процессе обучения. В зависимости от степени участия учащегося в учебной деятельности, ученый делит методы обучения на пассивные (восприятие информации на слух и визуально (лекция, объяснение, рассказ, демонстрация, экскурсия) и активные методы (организующие самостоятельную работу учащихся – работа с книгой, лабораторный метод) [4].

Следующим шагом в рамках этого же подхода можно рассматривать предложенную М. Н. Скаткиным и И. Я. Лернером классификацию методов обучения в зависимости от уровня включенности учащегося в продуктивную и творческую деятельность, а также характера его познавательной деятельности [12].

Таким образом, правомерно утверждать, что до 60-х годов XIX века проблема развития ПС возникала неоднократно, выдвигались разного рода идеи, но системного изучения данного феномена не было предпринято.

Особую актуальность во второй половине XX века приобретает социальный аспект проблемы формирования и развития ПС учащихся. Интенсивный рост производства, быстрый темп развития науки и техники сократили продолжительность «жизни» научных теорий. Стало совершенно очевидно, что научить человека чему-либо раз и на всю жизнь невозможно. В этой связи возникла задача развития у учащихся стремления к постоянному пополнению и углублению своих знаний путем самостоятельного поиска, насущной потребности и умения самостоятельно учиться на протяжении всей жизни. Большой вклад в исследование проблемы развития ПС сделали И. Я. Лернер [12], Н. А. Половникова [15], Т. И. Шамова [25]. Следует отметить, что в советское время изучение проблемы формирования и развития ПС проходило на примере учащихся средней школы.

К изучению проблемы развития ПС у студентов высших профессиональных учебных заведений обратились Кулагина Г. Н. [10], Шалавина Т. И. [24], Ястребова Е. Б. [26] и др. Их исследования посвящены вопросу детальной

разработки построения наиболее эффективного процесса обучения с целью совершенствования самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов.

Также, существовавшая с середины XX века отечественная система обучения, в которой приоритетной задачей являлось получение готовых знаний и выработка соответствующих навыков, не была нацелена на формирование и развитие у учащихся умений самостоятельной поисковой деятельности. Прогрессивные системы обучения младших школьников, разработанные Л. В. Занковым, В. В. Давыдовым, направлены на общее развитие учащихся. Под «развитием» Л. В. Занков понимает появление новообразований в психике ребенка, не сформулированных непосредственно обучением, а «возникших в результате внутренних, глубинных интеграционных процессов» [16].

Изучение трудов этих ученых и работ других авторов показывает, что вопросы технологии формирования и развития ПС не нашли в них должного отражения.

Последние десятилетия XX века в России характеризуются стремительными переменами в экономике и политике, глобальной автоматизацией и компьютеризацией, развитием рыночных отношений, что привело к формулированию новых требований к специалисту: постоянный профессиональный рост, социальная и профессиональная мобильность, конкурентоспособность, – все это подводит к необходимости осознания личной потребности в развитии ПС. Влияние общественно-политического переустройства страны, появление образовательных учреждений нового типа, изменение приоритетов содержания образования, модернизация педагогических технологий в практике образования привели к тому, что проблема развития ПС приобрела, помимо непосредственно дидактической, еще и политическую, социальную и духовно-нравственную направленность.

В постсоветский период ведущей идеей в развитии ПС обучающихся становится личностно ориентированное обучение как специфическая педагогическая деятельность по созданию оптимальных условий для развития потенциальных возможностей, духовного начала, формирования самостоятельности в познании, способности их к самообразованию, самореализации.

Исследования Д. А. Белухина, Е. В. Бондаревской, С. В. Кульневича, В. В. Серикова, И. С. Якиманской и др. представляют совокупность теоретических и методологических положений, составляющих концепцию личностно ориентированного обучения, в условиях которого содержание, формы, методы, технологии открывают новые возможности, направленные на раскрытие индивидуальных способностей, развитие личностно значимых способов познания действительности.

Проблема развития ПС нашла свое отражение и в трудах западных ученых. Социальный прогресс западных стран конца 60-х годов XX века, когда значимость материальных ценностей отошла на второй план, а превалирование идеи развития личности и способов ее взаимодействия в обществе стало очевидным, по мнению М. Греммо и П. Райли, привело к появлению интереса к формированию и способам развития учебной автономии в изучении иностранного языка [29]. По мнению М. Ноулза, «развитие умения обучаться самостоятельно является основным условием выживания каждого отдельного индивида в частности и всей человеческой расы в целом, так как оно является важной человеческой компетенцией» [30].

В теории обучения иностранным языкам концепция учебной автономии впервые упоминается в 1971 году в связи с появлением проекта Британского совета по обучению иностранным языкам (the Council of Europe's Modern Languages Project). Одним из путей реализации этого проекта стало появление языкового центра Centre de Recherches et d'Applications en Langues (CRAPEL) в университете Нэнси (Франция), который в дальнейшем превратился в центр исследований и практического применения полученных результатов в данной области. Основателем центра стал Ив Шалон, которого считают основоположником теории автономного обучения иностранным языкам. Сформулированная им теория говорит о том, что необходимо развивать свободу человека путем развития тех его способностей, которые помогут ему управлять своей деятельностью с большей ответственностью, тогда он будет способен к автономному обучению, то есть сможет управлять им: ставить перед собой цели, обучаться и проводить оценку своей деятельности.

В отечественной педагогике понятие учебной автономии сформулировано Н. Ф. Коряковцевой, которая под ней понимает «способность личности осознанно осуществлять продуктивную образовательную деятельность, направленную на создание личностного образовательного продукта, рефлексировать и оценивать данную деятельность, накапливая эффективный опыт, конструктивно и творчески взаимодействовать с образовательной средой и субъектами образовательной деятельности, принимая на себя ответственность за процесс и продукт данной деятельности как результат самоопределения и саморазвития личности» [9].

Опираясь на исследования Н. Э. Касаткиной, И. Н. Кокориной, Ю. А. Лях, О. В. Петунина, Т. В. Тарбоковой, В. Ф. Торосян и др. и на данное определение понятия «учебная автономия» мы приходим к мысли, что немногие учащиеся могут учиться самостоятельно/автономно, так как основная масса обучающихся привыкла «плыть по течению», выполняя указания учителя; при этом для развития учебной автономии необходимо создать определенные условия.

По своей этимологии понятие личностной автономии означает, что личность развивается в соответствии со своим собственным пониманием пути развития. Среди отечественных психологов-исследователей многие работы Д. А. Леонтьева посвящены исследованию личностной автономии, который определяет ее как «ориентацию на собственный закон развития» [11, с. 33]. Согласно его позиции, личностная автономия описывает механизмы саморегуляции и самодетерминации личности, которые проявляются в виде осознанного выбора способа действий, учитывающего как внутренние стремления, так и внешние условия жизни человека.

В западной психологии понятие личностной автономии связывают с формулированием «позитивного» образа человека [28], где личностная автономия коррелируется с выделением аспекта психического здоровья и личностного роста, и может выступать в качестве одной из характеристик полноценности личности, способной самостоятельно определять и регулировать собственную жизнь.

Современная отечественная педагогика в качестве одной из культурно-гуманистических функций образования также рассматривает необходимость развития личностной автономии. Опираясь на мнение В. Сластенина, И. Исаева, Е. Шиянова, представляется возможным выделить такие культурно-гуманистические функции образования, как:

- обеспечение возможностей для личностного и профессионального роста и для осуществления самореализации;
- овладение средствами, необходимыми для достижения интеллектуально-нравственной свободы, ***личной автономии*** и счастья [19].

По мнению авторов, в образовании свое выражение находят все виды и формы автономии, но решающую роль следует отвести внутренней автономии обучающегося. Автономия, понимаемая как внутренняя активность субъекта образования, выступает как цель и предмет педагогической деятельности.

Таким образом, анализ научной литературы показал, что в философии и психологии проблематика автономии личности, хотя и получившая определенное освещение, подробного анализа до сих пор не получила. В педагогике проблема учебной автономии разработана еще менее. Следует заметить, что и в обиходной речи слово «автономия» не используется в качестве характеристики психологических качеств личности. В работе «Философия и свобода» М. К. Мамардашвили верно отметил, что в русском языке нивелировался изначальный смысл слова «автономия», то есть «своезаконие».

Традиционная система образования не способна предоставить учащимся возможность активно участвовать в учебном процессе: выбирать предметы/курсы темы для изучения в соответствии с личными интересами, удобные формы и методы контроля, способы изучения материала и т. д. Условия типового учебного заведения делают такую вариативность практически невозможной, поскольку следует выполнять учебный план и программу, выдерживать календарные сроки etc, что в совокупности препятствует формированию автономии учащихся. Сложившаяся ситуация в вузе совершенно другая: преподаватель волен в рамках нового образовательного стандарта наполнять свой предмет любым содержанием, формами работы, методами обучения и контроля для достижения конечной цели – формирование соответствующей компетенции. При этом большой объем учебной нагрузки отводится на само-

стоятельную работу студентов. Поэтому, на наш взгляд, обучение в вузе следует начинать с формирования и развития ПС, что к старшим курсам трансформируется в учебную автономию и приведет к воспитанию автономной личности, обладающей интеллектуально-нравственной свободой, развивающей собственную субъектность и приумножающей потенциал мировой цивилизации.

Проведенный историко-педагогический анализ изученной проблемы позволяет утверждать, что идеи развития ПС всегда признавались отечественной образовательной практикой, однако их фактическое понимание и практическая реализация в разные периоды имели существенные отличия, что сказывалось на интересе к проблеме, который в зависимости от конкретных задач то ослабевал, то возрастал. Факты, изложенные в работах по истории педагогики, подтверждают, что практически все образовательные эксперименты проводились в контексте определенных общественно-экономических, политических и социально-культурных установок, влияющих на цели и задачи образования, в том числе на осуществление задач развития ПС. Современная цель образования – формирование автономной личности – побуждает нас обратиться к значимости развития умений ПС для будущих специалистов и создать условия обучения, наиболее этому способствующие.

Проанализировав научно-педагогическую литературу, можно сделать вывод о том, что проблема развития ПС не была свойственна существующим методикам обучения иностранным языкам и получила свое осознание только в конце XX века с появлением концепции учебной автономии в обучении. При этом концепция учебной автономии является общепедагогической категорией, так как свойственна не только методике преподавания иностранных языков, но и педагогике в целом.

Опираясь на проведенное исследование, мы приходим к выводу о том, что для успешной реализации принципов учебной автономии в обучении иностранным языкам, необходимо наличие развитых умений ПС в изучении иностранных языков.

Одной из особенностей высшего профессионального образования является создание предпосылок, позволяющих студенту перейти от учебы к профессиональной деятельности, наращивая аксиологический потенциал ПС. При этом современное информационное общество требует от будущего специалиста умения самостоятельно включать в систему своей деятельности возрастающий поток иноязычной профессионально значимой информации. Недооценка роли и значимости развития ПС приводит к торможению саморазвития личности в условиях информатизации и глобализации происходящих процессов. Особенно эта проблема (недостаточный уровень развития ПС студентов) проявляется при изучении иностранных языков в вузе, поэтому следующей нашей задачей мы видим выявление сущности и структурных компонентов ПС студентов с целью построения системы модульно-рейтингового обучения иностранным языкам в вузе.

Литература

1. Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь. – М.: Большая Рос. энцикл, 2002. – 528 с.
2. Вахтеров В. П. Основы новой педагогики. – М.: Педагогика, 1913. – 581 с.
3. Венцель К. Н. Этика и педагогика творческой личности // Педагогика творческой личности. – М., 1912. – Т. 2. – 614 с.
4. Голант Е. Я. Некоторые принципиальные вопросы развития самостоятельности школьника // Уч. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. – Кыштым, 1944. – Т. 52 – 120 с.
5. Добролюбов Н. А. Избр. пед. произведения – М.: АПН РСФСР, 1952. – 736 с.
6. Кампанелла Т. Город Солнца. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – 168 с.
7. Каптерев П. Ф. Педагогический процесс // Избр. пед. соч. / под ред. А. М. Арсеньева. – М.: Педагогика, 1982. – 703 с.
8. Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабаева М. Ф. История педагогики. – М.: Просвещение, 1982. – 447 с.
9. Коряковцева Н. Ф. Автономия учащегося в процессе изучения иностранного языка и культуры / Автономность в практике обучения иностранным языкам и культурам // Вестн. МГЛУ. – М., 2001. – Вып. 461. – С. 12–28.
10. Кулагина Г. Н. Формирование у студентов вечернего отделения познавательной самостоятельности и активности: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – М., 1980. – 16 с.

11. Леонтьев Д. А. От симбиоза и адаптации к автономии и трансценденции // Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизнетворчества / под ред. Е. И. Яцуты. – Кемерово: Графика, 2002. – С. 3–34.
12. Лернер И. Я. Дидактические основы формирования познавательной самостоятельности учащихся при изучении гуманитарных дисциплин: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1971. – 38 с.
13. Михайлова Л. П. Педагогическая деятельность и педагогические взгляды Н. А. Корфа: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1956. – 16 с.
14. Мор Т. Утопия. – М.: Наука, 1978. – 416 с.
15. Половникова Н. А. О системе воспитания познавательной самостоятельности школьников // Советская педагогика. – 1970. – № 5. – С. 76–83.
16. Развитие учащихся в процессе обучения / под ред. Л. В. Занкова. – М.: АПН РСФСР, 1963. – 292 с.
17. Редкин П. Г. Избр. пед. соч. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва Просвещения РСФСР, 1958. – 314 с.
18. Рубакин Н. А. Избр. [вступит. ст. Б. А. Смирновой. Реальный коммент. А. А. Беловицкой]. – М.: Книга, 1975. – Т. 1, 2.
19. Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. завед. – М.: Академия, 2002. – 576 с.
20. Соловьева В. Д. Пед. взгляды и деятельность Н. Ф. Бунакова. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. – 183 с.
21. Стоюнин В. Я. Избр. пед. соч. / сост. Г. Г. Савенок; Акад. пед. наук СССР. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
22. Туркина М. А. Развитие познавательной самостоятельности студентов в условиях проблемно-деятельностного обучения в вузе: дис. ... канд. пед. наук. – Ставрополь, 2000. – 250 с.
23. Ушинский К. Д. Избр. произведения / под ред. В. Я. Струминского. – М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1948. – 691 с.
24. Шалавина Т. И. Формирование познавательной самостоятельности студентов в условиях сочетания проблемного и объяснительно-иллюстративного обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – М., 1984. – 16 с.
25. Шамова Т. И. Пути формирования познавательной самостоятельности школьников // Формирование познавательной самостоятельности школьников в процессе усвоения системы ведущих знаний и способов деятельности / под ред. Т. И. Шамовой. – М.: Педагогика, 1975. – С. 5–19.
26. Ястребова Е. Б. Развитие познавательной самостоятельности студентов младших курсов вуза // Советская педагогика. – 1982. – № 11. – С. 75.
27. Benson P. Teaching and researching autonomy in language learning. – Harlow: Pearson Education Limited, 2001. – С. 23.
28. Deci E. L. The psychology of self-determination. – Toronto: Lexington books, 1975.
29. Gremmo M.-J. and Riley P. Autonomy, self-direction and self-access in language teaching and learning: the history of an idea // System. – 1995. – Vol. 23, iss. 2. – P. 151–64.
30. Knowles M. Self-directed learning: a guide for learners and teachers. – New York: Cambridge, The Adult Education Company, 1975.

References

1. Bim-Bad B.M. Pedagogicheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Teaching Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya Publ., 2002. 528 p. (In Russ.).
2. Vakhterov V.P. Osnovy novoy pedagogiki [Foundations of a new pedagogy]. Moscow, Pedagogika Publ., 1913. 581 p. (In Russ.).
3. Ventsel' K.N. Etika i pedagogika tvorcheskoy lichnosti [Ethics and creative personality pedagogy]. *Pedagogika tvorcheskoy lichnosti [Pedagogy of creative personality]*. Moscow, 1912. vol. 2. 614 p. (In Russ.).
4. Golant E.Yu. Nekotoryye printsipial'nye voprosy razvitiya samostoyatel'nosti shkol'nika [Some fundamental questions of development of pupil autonomy]. *Uchenyye zapiski Leningrad. gos. ped. in-ta im. A.I. Gertsena [Scientific notes of A.I. Gertsena Leningrad State Pedagogical Institute]*. Kyshtym, 1944, vol. 52. 120 p. (In Russ.).
5. Dobrolyubov N.A. Izbrannyye pedagogicheskiye proizvedeniya [Selected pedagogical works]. Moscow, APN RSFSR Publ., 1952. 736 p. (In Russ.).
6. Kampanella T. Gorod Solntsa [City of Sun]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1954. 168 p. (In Russ.).
7. Kapterev P.F. Pedagogicheskiy protsess [Teaching process]. *Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya [Selected pedagogical works]*. Moscow, Pedagogika Publ., 1989. 703 p. (In Russ.).

8. Konstantinov N.A., Medynskiy E.N., Shabayeva M.F. Istoriya pedagogiki [History of Pedagogy]. Moscow, Prosvyashcheniye Publ., 1982. 447 p. (In Russ.).
9. Koryakovtseva N.F. Avtonomiya uchashchegosya v protsesse izucheniya inostrannogo yazyka i kul'tury / Avtonomnost' v praktike obucheniya inostrannym yazykam i kul'turam [The autonomy of the student in the process of learning a foreign language and culture / Autonomy in the practice of teaching foreign languages and cultures]. *Bulletin of Moscow State Linguistic University*. Moscow, 2001, vol. 461. 28 p. (In Russ.).
10. Kulagina G.N. Formirovaniye u studentov vechernego otdeleniya poznavatel'noy samostoyatel'nosti i aktivnosti. Avtoreferat Diss. dokt. ped. nauk [Formation of cognitive autonomy and activity of the evening department students. Author's abstract of diss. Dr ped. sci.]. Moscow, 1980. 16 p. (In Russ.).
11. Leont'yev D.A. Ot simbioza i adaptatsii k avtonomii i transtsendentsii [From adaptation and symbiosis to autonomy and transcendence]. *Lichnost' v sovremennom mire: ot strategii vyzhivaniya k strategii zhiznetvorchestva [The person in the modern world: from survival strategy to the strategy life-style creativity]*. Kemerovo, Grafika Publ., 2002. 34 p. (In Russ.).
12. Lerner I.Ya. Didakticheskiye osnovy formirovaniya poznavatel'noy samostoyatelnosti uchashchikhsya pri izuchenii gumanitarnykh distsiplin. Avtoreferat Diss. dokt. ped. nauk [Didactic bases of pupils cognitive autonomy formation in the study of the humanities. Author's abstract of diss. Dr. ped. sci.]. Moscow, 1971. 38 p. (In Russ.).
13. Mikhaylova L.P. Pedagogicheskaya deyatel'nost i pedagogicheskiye vzglyady N.A. Korf. Avtoreferat Diss. dokt. ped. nauk [Pedagogy views of N.A. Korf. Author's abstract of diss. Dr. ped. sci. diss.]. Moscow, 1958. 16 p. (In Russ.).
14. Mor T. Utopiya [Utopia]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 416 p. (In Russ.).
15. Polovnikova N.A. O sisteme vospitaniya poznavatel'noy samostoyatel'nosti shkol'nikov [A system of pupils cognitive autonomy formation]. *Sovetskaya pedagogika [Soviet pedagogy]*, 1970, no. 5, pp. 76-83.
16. Razvitiye uchashchikhsya v protsesse obucheniya [The development of students in the learning process]. Ed. L.V. Zankov. Moscow, APN RSFSR Publ., 1967. 292 p. (In Russ.).
17. Redkin P.G. Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya [Selected pedagogical works]. Moscow, Prosvyashcheniye Publ., 1958. 314 p. (In Russ.).
18. Rubakin N.A. Izbrannoye [Selected works]. Moscow, Kniga Publ., 1975, vol. 1, 2. (In Russ.).
19. Slastenin V.A., Isaev I.F., Shiyanov E.N. Pedagogika [Pedagogy]. Moscow, Akademiya Publ., 2002. 576 p. (In Russ.).
20. Solov'yeva V.D. Pedagogicheskiye vzglyady i deyatelnost N.F. Bunakova [Pedagogy views and activities of N.F. Bunakov]. Moscow, Akademiya ped. nauk Publ., 1960. 183 p. (In Russ.).
21. Stoyunin V.Ya. Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya [Selected pedagogical works]. Moscow, Pedagogy Publ., 1991. 367 p. (In Russ.).
22. Turkina M.A. Razvitiye poznavatel'noy samostoyatel'nosti studentov v usloviyakh problemno-deyatel'nostnogo podkhoda v vuze. Diss. dokt. ped. nauk [Development of students cognitive autonomy in a problem-activity training in high school. Dr ped. sci. diss.]. Stavropol', 2000. 250 p. (In Russ.).
23. Ushinskiy K.D. Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya [Selected pedagogical works]. Moscow, Akademiya ped. nauk Publ., 1946. 691 p. (In Russ.).
24. Shalavina T.I. Formirovaniye poznavatel'noy samostoyatel'nosti studentov v usloviyakh sochetaniya problemnogo i ob"yasnitel'no-illyustrativnogo obucheniya. Avtoreferat Diss. dokt. ped. nauk [Formation of students cognitive autonomy in a combination of problem and explanatory-illustrative training. Author's abstract of diss. Dr ped. sci.]. Moscow, 1984. 16 p. (In Russ.).
25. Shamova T.I. Puti formirovaniya poznavatel'noy samostoyatel'nosti shkol'nikov [Ways of formation of pupil's cognitive autonomy]. *Formirovaniye poznavatel'noy samostoyatel'nosti shkol'nikov v protsesse usvoyeniya sistemy vedushchikh znaniy i sposobov deyatel'nosti [Formation of pupils cognitive autonomy in the process of assimilation of the leading system of knowledge and ways of activity]*. Moscow, Pedagogy Publ., 1975, pp. 5-19. (In Russ.).
26. Yastrebova Ye.B. Razvitiye poznavatel'noy samostoyatel'nosti studentov mladshikh kursov vuza [Development of students cognitive autonomy of junior high school courses]. *Sovetskaya pedagogika [Soviet pedagogy]*, 1982, no. 11, p. 75. (In Russ.).
27. Benson P. Teaching and researching autonomy in language learning. Harlow, Pearson Education Limited, 2001. 23 p. (In Engl.).
28. Deci E.L. The psychology of self-determination. Toronto, Lexington books, 1975. (In Engl.).
29. Gremmo M.-J. and Riley P. Autonomy, self-direction and self-access in language teaching and learning: the history of an idea. *System*, 1995, vol. 23, iss. 2, pp. 151-64. (In Engl.).
30. Knowles M. Self-directed learning: a guide for learners and teachers. New York, Cambridge, The Adult Education Company, 1975. (In Engl.).

УДК 37

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

Емелина Татьяна Владимировна, заместитель директора по воспитательной работе, МБОУ «СОШ № 5», аспирант, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: emelinatv@mail.ru

Касаткина Наталья Эмильевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: kasatkina@kemsu.ru

В статье рассматривается проблема эстетического воспитания школьников в современных условиях, осуществляется обзор нормативных документов, регламентирующий различные подходы к организации воспитания. Обобщается опыт работы педагогов в реализации социально-значимого проекта «Школьная филармония», который направлен на раскрытие творческого потенциала обучающихся, основанный на региональном компоненте.

Авторами осуществлена попытка обобщения опыта работы по организации опорно-методической площадки «Система работы по эстетическому воспитанию в рамках взаимодействия общего и дополнительного образования в условиях реализации ФГОС». Раскрываются понятия «эстетика», «эстетическое воспитание школьников», выявляются устойчивые мотивы, потребности и предпосылки формирования эстетической воспитанности в реалиях сегодняшней динамично развивающейся действительности.

Обоснована необходимость формирования эстетического отношения ученика к действительности, его представления о прекрасном и безобразном, о возвышенном и низменном, о трагическом и комическом, возникающие в процессе освоения учеником окружающего мира. В статье приводятся результаты интеграции основного и дополнительного образования для всестороннего раскрытия творческого потенциала ученика, прописаны методы организации системно-деятельностного подхода в вопросах воспитания и реализации социально-значимого проекта «Школьная филармония» как формы социального взаимодействия.

Ключевые слова: эстетическое воспитание, эстетическое восприятие, эстетические чувства, эстетические потребности, эстетические идеалы, эстетические суждения, эстетические взгляды, эстетические убеждения, эстетическое отношение.

THE AESTHETIC EDUCATION OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN IN THE PEDAGOGICAL PRACTICE

Emelina Tatyana Vladimirovna, Deputy Director on Educational Work, Municipal Budgetary General Education Institution “Secondary School No. 5,” Postgraduate, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: emelinatv@mail.ru

Kasatkina Natalya Emilevna, Dr of Pedagogical Science, Professor, Professor of Interuniversity Department of General and Intercollegiate University Pedagogy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kasatkina@kemsu.ru

The authors of the article consider the problem of aesthetic education of schoolchildren in modern conditions, carry out a review of normative documents regulating various approaches of the educational organization. The experience of the work of teachers is generalized in the implementation of the socially important project “School Philarmonic,” which is aimed at the disclosure of the creative potential of students, based on the regional component.

The authors have made an attempt to summarize the experience of work in the organization of methodical platform “The system of work on aesthetic education within the framework of interaction of general and additional education in conditions of implementation of the federal state educational standard.” The notions such as “aesthetic,” “aesthetic education of schoolchildren,” stable motives, needs and conditions of formation of aesthetic education in today’s dynamically developing reality are revealed in this article.

The article substantiates the necessity of formation of aesthetic relation of a student to reality, his notion of the beautiful and the ugly, the sublime and the low-lying, the tragic and the comic, arising in the process of understanding the world. The article presents the results of integration of general and additional education for full disclosure of creative potential of a student, approaches to organization of system-activity approach in matters of education and implementation of the socially important project “School Philarmonic” are prescribed in it as a form of the social interaction.

Keywords: aesthetic education, aesthetic perception, aesthetic senses, aesthetic needs, aesthetic ideals, aesthetic judgment, aesthetic opinions, aesthetic convictions, aesthetic attitude.

Образование подрастающего поколения является одним из главных ресурсов нашей страны, который послужит гарантом ее национальной безопасности и развития в ближайшем будущем. Основы духовно-нравственного, физического, интеллектуального потенциала закладываются и формируется именно в школе. Школа как образовательная организация – важнейшее звено в формировании, становлении и развитии грамотной, духовной и интеллектуальной эстетически воспитанной личности.

В связи с этим особую актуальность приобретает рассмотрение сущности понятия «эстетическое воспитание школьников»: выявление у учащихся школы устойчивых мотивов, потребностей и предпосылок формирования эстетической воспитанности в реалиях сегодняшней динамично развивающейся действительности.

В современных социокультурных и экономических условиях перестраивается практика работы всех образовательных организаций с учетом меняющейся нормативно-правовой базы: переход на ФГОС, Указ Президента РФ от 1 июня 2012 года № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы», Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики».

Данные нормативные документы требуют от образовательной организации внедрения в работу новых форм урочной и внеурочной деятельности школьника, а также глубокой интеграции основного и дополнительного образования, направленной на формирование у школьника «Базовых национальных ценностей». Особое место отводится преподаванию изобразительного искусства, музыки, мировой художественной культуры, хореографии, медиаобразованию, организации проектной деятельности, разработке факультативных курсов эстетической направленности, деятельности творческих объединений, которые занимаются эстетическим образованием учащихся.

В литературе ***эстетика*** (греч. αισθητικός – чувствующий, чувственный, от αίσθημα – чувство, чувственное восприятие) представлена как наука о чувственном познании, постигающем, создающем прекрасное и выражающемся в образах искусства. Отсюда, это наука о становлении и развитии человеческой чувственности, основным предметом изучения которой является эстетическое знание и его действительность, его законы и нормы, его формы и типы (наряду с прекрасным – возвышенное, грациозное, трагическое, комическое, характерное, идиллическое и т. д.), его отношение к природе и искусству, его происхождение и роль в художественном творчестве и наслаждении [5].

А потому мы считаем, что основы эстетического воспитания заключаются в развитии эстетического отношения к миру школьника через эмоционально-чувственную сферу его личности. Эстетическое отношение человека определяется как «процесс возрастающего, совершенно чувственного взаимодействия человека с миром, в котором он не только переживает, но и познает, а также преобразует в соответствии с идеалом себя и окружающей его действительности» [4]. Эстетическое развитие личности проявляется в изменениях её сознания и самосознания, эмоционально-чувственной сферы, отдельных поступках и поведении человека в целом.

В основе эстетического отношения человека к действительности лежат его представления о прекрасном и безобразном, о возвышенном и низменном, о трагическом и комическом, которые возникли в процессе освоения человеком окружающего мира «по законам красоты». Эти представления проявляются в его эстетических взглядах, их толкование обусловлено сформированностью эстетического идеала, эстетических оценок и эстетических вкусов. Все это обуславливает содержание эстетического сознания, эстетических чувств и эмоций, форм поведения, в которых проявляется эстетическое отношение к миру [4].

Учитывая тот факт, что в настоящее время ярко проявляются противоречия в сфере воспитания школьников, решение вопроса об их эстетической воспитанности, как результата эстетического воспитания, зависит от знания теоретических и практических аспектов эстетического воспитания педагогами и родителями в тесном сотрудничестве. Для организации системно-деятельностного подхода в образовании и воспитании школьников реализуется социально значимый проект: «Школьная филармония “С любовью к Родине”» – как форма социального взаимодействия, направленная на раскрытие творческого потенциала обучающихся, основанная на региональном компоненте.

Участники проекта через реализацию своего творческого потенциала воплощают в жизнь приоритетные идеи, реализующиеся в России, такие как воспитание и развитие духовно-нравственных ценностей, гражданско-патриотическое воспитание, формирование безграничной любви к Родине и гордость за её славное героическое прошлое, изучение исторического прошлого и культурного наследия региона.

Цели проекта:

1. Воспитание подрастающего поколения на примерах военно-исторического прошлого Кузбасса.

2. Формирование у учащихся гордости за свой край, уважения к истории и традициям региона.

3. Реализация творческого потенциала учащихся посредством их самовыражения в серии концертных выступлений и встреч со слушателями.

Задачи проекта:

1. Активизировать информационно-просветительскую и поисково-исследовательскую деятельности.

2. Сформировать у учащихся умение работать с материалами военно-патриотической направленности.

3. Укрепить связи между поколениями и передать опыт от ветеранов к школьникам.

4. Создать на базе школы культурную среду для раскрытия творческого потенциала школьников.

5. Установить прочные связи между школой и жителями микрорайона.

6. Организовать совместную творческую деятельность школьников и их родителей и др.

Новизна и оригинальность проекта заключается в том, что это – проявление творческой инициативы учащихся, их желание реализовать себя, в результате которого происходит формирование и укрепление духовно-нравственных основ личности, гражданственности и патриотизма, уважения к правам и свободам человека, любви к Родине и семье.

Реализация проекта осуществляется посредством планомерных, систематических встреч творческого коллектива «Школьной филармонии» и постоянных слушателей в рамках разработанного репертуара на год. Мероприятия проходят в разной форме: творческие гостиные, музыкально-литературные композиции, творческие встречи, концерты-викторины и т. д. – в зависимости от тематики. Участники «Школьной филармонии» разрабатывают сценарии творческих встреч, разучивают их, а затем в соответствии с графиком выступают.

Все концертные программы «Школьной филармонии» включены в план воспитательной работы образовательной организации. Имеется предварительная договоренность о проведении творческих встреч, составлен репертуарный план. Участники «Школьной филармонии» подготавливают концертное выступление, оповещают об этом будущих слушателей, посредством изготовления афиш.

Проект «Школьная филармония “С любовью к малой Родине”» реализуется инициативной группой учащихся школы (21 человек) и хора

(30 человек), при поддержке родителей и учителей. Обязанности по реализации проекта распределены таким образом, что каждый участник имеет свою должность и функции:

Директор и художественный руководитель (руководитель группы, воплотитель идей).

Администратор-режиссёр (написание и реализация сценариев, связь с общественностью).

Рекламная группа (разработка и распространение афиш).

Заведующий художественной частью (сохранность концертного инвентаря и костюмов).

Артисты (актеры, чтецы).

Певцы.

Хор.

Рабочий план реализации проекта включает:

- Литературно-музыкальную композицию «Дети, опаленные войной», посвященную Дню памяти жертв фашизма.

- Музыкально-литературную композицию: «В бой не за орденами шли…», посвященную И. А. Григорьеву, ветерану Великой Отечественной войны, который на протяжении 40 лет сотрудничает со школой и является активным участником всех школьных мероприятий, а также выпускником Кемеровского военно-пехотного училища.

- Музыкально-литературную композицию «Равнение на героя», посвященную Иванову Сергию Викторовичу, выпускнику школы, погибшему в Афганистане и получившему звание Героя Советского Союза посмертно.

- Концерт, посвященный юбилею Кемеровской области «Кузбасс – частица России».

- Литературно-музыкальную композицию «Жизнь героя не знает предела…», посвященную памяти Д. М. Карбышева.

- Литературно-музыкальную композицию «Герой нашего времени» ко дню памяти Героя Советского Союза Геннадия Ивановича Красильникова.

- Литературно-музыкальную композицию «Все для фронта, все для победы», посвященную фронтовым солдатским будням Великой Отечественной войны и труженикам тыла г. Кемерово.

Для реализации проекта организованы репетиции, подготовлены декорации, сценарии.

Проект реализовывался с 2007 года ежегодно, в связи с этим накоплен и обобщен педагогический опыт работы с учащимися школы на основе регионального компонента.

На базе МБОУ «СОШ № 5» г. Кемерово в 2014 году была открыта опорно-методическая площадка «Система работы по эстетическому воспитанию в рамках взаимодействия общего и дополнительного образования в условиях реализации ФГОС», где педагоги предметов эстетичного цикла, а также педагоги дополнительного образования обобщали свой педагогический опыт и активно делились своими наработками с педагогами региона. По итогам работы опорно-методической площадки подготовлен к печати сборник методических материалов по эстетическому воспитанию младших школьников, включающий в себя методические рекомендации, разработки классных часов и внеклассных мероприятий. Особое внимание уделяется интеграции общего и дополнительного образования.

Мы считаем, что эстетическое воспитание школьников – это залог успешного развития всей системы образования, так как результатом работы является гармонично развитая личность, способная активно реализовывать себя в динамично развивающемся мире, вобравшая в себя ценности, накопленные предыдущими поколениями, и способная ценить и создавать «прекрасное» в своей собственной жизни самостоятельно.

Литература

1. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
2. Лейтес Н. С. Проблема общих способностей в возрастном аспекте [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bimbad.ru/biblioteka/article_full.phpaid=1633.
3. Любимова Ю. С., Буткевич В. В. Методика организации эстетического воспитания младших школьников: учеб.-метод. пособие для учителей нач. кл. – Минск: Пачатковая школа, 2008. – 114 с.
4. Солодова Г. Г., Климова Н. А. Эстетическое развитие личности в воспитательно-образовательном процессе школы: учеб. пособие. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – 45 с.
5. Современный словарь по педагогике / сост. Е. С. Рапацевич. – Минск: Современное слово, 2001. – 96 с.
6. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 года № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [Электронный ресурс]. – URL: http://docs.cntd.ru/document/902349880 (дата обращения: 15.12.2015).

7. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс]. – URL: http://docs.cntd.ru/document/420242192 (дата обращения: 15.12.2015).

References

1. Leont'yev A.N. Deyiatel'nost'. Soznaniye. Lichnost' [Activity. Consciousness. Lichnost]. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 304 p. (In Russ.).
2. Leytes N.S. Problema obshchikh sposobnostey v vozrastnom aspekte [Problem general abilities in the age aspect]. (In Russ.). Available at: http:// www.bimbad.ru/biblioteka/article_full.phpaid=1633.
3. Lyubimova Yu.S., Butkevich V.V. Metodika organizatsii esteticheskogo vospitaniya mladshikh shkol'nikov: uchebno-metodicheskoye posobiye dlya uchiteley nach. kl. [The methods of organization of the aesthetic education ofjunior schoolchildren teaching aid for the teachers of primaru education]. Minsk, Pachatkovaya shkola Publ., 2008. 114 p. (In Russ.).
4. Solodova G.G., Klimova N.A. Esteticheskoye razvitiye lichnosti v vospitatel'no-obrazovatel'nom protsesse shkoly: uchebnoye posobiye [The aesthetic personality development in educational process of school: teaching aid]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2003. 45p. (In Russ.).
5. Sovremenyy slovar' po pedagogike [The modern dictionary of pedagogy]. Compiled by E.S. Rapatsevich. Minsk, Sovremennoye slovo Publ., 2001. 96 p. (In Russ.).
6. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federasii ot 1 iyunya 2012 goda № 761 "O Natsyonal'noy strategii deystviy v interesakh detey na 2012-2017 gody" [Decree of the President of the Russian Federation of june 1, 2012, no. 761 "On national action strategy for children for 2012-2017"]. (In Russ.). Available at: http://docs.cntd.ru/document/902349880 (accessed 15.12.2015).
7. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federasii ot 24 dekabrya 2014 goda № 808 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy kul'turnoy politiki" [Decree of the President of the Russian Federation of Desemba, 24, 2014, no. 808 "On approval of the Fundamentals of stfte cultural policy"]. (In Russ.). Available at: http://docs.cntd.ru/document/420242192 (accessed 15.12.2015).

УДК 377

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Шевцова Маргарита Михайловна, методист, преподаватель, Кемеровский коммунально-строительный техникум им. В. И. Заузелкова, аспирант, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: superpearlmargo@mail.ru

Проблема патриотического воспитания студенческой молодежи сегодня заслуживает самого пристального внимания не только в контексте основных изменений, происходящих в экономической, политической, социально-культурной сферах российского общества, но и необходимости качественной подготовки будущих специалистов в системе среднего профессионального образования. Содержание такой подготовки определяется не столько уровнем их профессиональных знаний, умений и компетенций, сколько сформированностью нравственной основы труда, непосредственно влияющей на развитие патриотической и духовно-ценностной сфер личности.

Учитывая актуальность данного вопроса, особые требования предъявляются к результативности патриотического воспитания. Его сущность в современных условиях определяется как сложный интегральный и многофакторный процесс, включающий в себя развитие целостной личности и подготовку ее к служению Отечеству праведными делами, в том числе и осуществлением на высоком уровне собственной профессиональной деятельности на благо своей Родины. Исходя из этого работу с данной возрастной категорией необходимо рассматривать как наиболее значимый период в организации патриотического воспитания.

Особое внимание необходимо уделять содержанию учебных дисциплин в профессиональных образовательных учреждениях, обладающих наибольшими образовательными возможностями в осуществлении патриотического воспитания обучающихся. В статье рассматривается содержание учебных дисциплин общеобразовательной и профессиональной подготовки с точки зрения имеющихся для патриотического воспитания образовательных возможностей.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, патриотизм, профессиональные образовательные учреждения, учебные дисциплины, образовательные возможности, учебные дисциплины общеобразовательной подготовки, учебные дисциплины профессиональной подготовки, учебные дисциплины общего гуманитарного и социально-экономического цикла.

CONTENT OF EDUCATIONAL DISCIPLINES IN PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS: EDUCATIONAL OPPORTUNITIES

Shevtsova Margarita Mikhaylovna, Methodist, Instructor, V.I. Zauzelkov Kemerovo State Engineering College, Postgraduate, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: superpearlmargo@mail.ru

Patriotic education of students at present is viewed as the most important component of quality training the future specialists in secondary professional education. The determined content of formation of moral basis of future professional activity is directly affecting spiritually-valuable sphere of a person.

Given the urgency of the matter, the special requirements of patriotic education, which depends on spiritual formation of the younger generation produce introduction to the traditions and centuries-old culture of their own people, concentrated in the historical and modern experience of patriotic education. The essence of which in modern conditions is defined as a complex of integral and multifactorial process that includes the development of the whole person, through in-depth study of the spiritual life of young people, the determination of “reference points” of their inner world and prepare them to serve the Fatherland, righteous deeds, including implementation of their own high-level professional activities for the benefit of their homeland. Based on this, working with this age group should be regarded as the most significant period in the organization of patriotic education.

The article presents the results of characterizing the disciplines of general education and professional training in institutions in terms of opportunities for the implementation of patriotic education of students.

Keywords: Patriotic education, patriotism, professional educational institutions, educational disciplines, educational opportunities, educational disciplines of general education, educational disciplines of professional training, educational disciplines of general humanitarian and socio-economic cycle.

В настоящее время большой интерес у преподавателей профессиональных образовательных учреждений (далее – ПОУ) вызывает использование образовательных возможностей преподаваемых ими учебных дисциплин в патриотическом воспитании обучающихся. Интерес к данной теме обусловлен событиями, происходящими в настоящее время в сфере политики, экономики, образования, культуры и национальной безопасности России и мира в целом. Данная тема вызвала активное обсуждение среди участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Учебно-исследовательская и проектная деятельность как фактор формирования профессиональных компетенций», проходившей в г. Томск 18–19 ноября 2015 года. Прозвучавший от коллег вопрос о том, содержание каких учебных дисциплин, изучающихся в ПОУ, обладает наибольшими образовательными возможностями для осуществления патриотического воспитания, заставил автора статьи обратиться к данной теме.

В настоящее время, как показывает образовательная практика, мероприятия по патриотиче-

скому воспитанию молодёжи в большей степени носят массовый, обязательный характер, сводя к минимуму личное, осознанное отношение молодёжи к значимым политическим или памятным историческим событиям, исключая проявление их собственной инициативы, выражение реально действенной позиции, самостоятельный активный выбор.

В подтверждение сказанного обратимся к результатам анкетирования, в котором приняли участие 286 студентов специальностей педагогического, гуманитарного и технического профиля с 1-го по 3-й курс двух профессиональных образовательных учреждений Кемеровской области: ГПОУ «Кемеровский педагогический колледж» (КемПК) и ГПОУ «Кемеровский коммунально-строительный техникум» имени В. И. Заузелкова (ККСТ). В ходе которого было выявлено, что при необходимости участия в митингах, шествиях, манифестациях, имеющих патриотическую направленность 48,63 % обучающихся пойдут на такие мероприятия по необходимости, 22,10 % – за компанию вместе с друзьями, 2,13 % – за деньги или никогда не будут принимать участие в данных мероприятиях и только 28,23 % обучающихся посетят такие мероприятия самостоятельно, по собственной инициативе, проявляя высокий уровень сознательности.

Поэтому, на наш взгляд, патриотическое воспитание необходимо осуществлять повседневно как в ходе обучения, так и воспитания. Исходя из того, что эти две сферы были и остаются ведущими сферами жизни обучающихся, как в свое время утверждал В. И. Даль: «Образование есть образование ума и образование нравственности» [9]. Уроки истории и обществознания Образование ума – это обучение, а образование нравственности – воспитание. Совместно они объединяются в образовательный процесс. Любое обучение воспитывает, и в процессе воспитания все его участники усваивают новую информацию, постигают что-то, глубже осознают и, значит, учатся.

Нас интересует учебный процесс как одно из основных направлений системы патриотического воспитания в ПОУ, в ходе которого происходит изучение обучающимися учебных дисциплин общеобразовательной и профессиональной подготовки. В связи с этим необходимо рассмотреть образовательные возможности ряда учебных дисциплин, знание которых позволит преподавателям полнее использовать обозначенные возможности в осуществлении патриотического воспитания обучающихся, координировать свою работу с преподавателями других учебных дисциплин, устанавливать в этих целях междисциплинарные связи.

И здесь в первую очередь необходимо расставить правильные акценты: во-первых, имеет значение личное изучение обучающимися разделов и тем той или иной учебной дисциплины, что дает возможность формирования опыта персонифицированного отношения к изучаемому учебному материалу; во-вторых, содержание каждой учебной дисциплины адресно и излагается преподавателем с учетом индивидуальных и возрастных особенностей каждого обучающегося, уровнем имеющихся у него знаний; в-третьих, возможность преподавателем осуществлять целенаправленное педагогическое воздействие на обучающихся посредством организации на уроках познавательного дискуссионного аудиторного общения; в-четвертых, практически все учебные дисциплины, изучающиеся в ПОУ, имеют достаточные образовательные возможности для патриотического воспитания. И, наконец, в-пятых, философские основы содержания учебных дисциплин дают возможность обусловливать отбор основного учебного материала, раскрывающего перед обучающимися целостную картину мира, осмысливать его общечеловеческое гуманитарное содержание и обеспечивать методологической базой практическую деятельность преподавателя.

Безусловно, особое место в патриотическом воспитании обучающихся занимают учебные дисциплины общеобразовательной и профессиональной подготовки. В структуре общеобразовательной подготовки необходимо выделить такие дисциплины, как «География», «Иностранный язык», «Физическая культура», «Искусство (Мировая художественная культура)» (далее – «МХК»), «Обществознание (включая «Экономику» и «Право»), «Русский язык», «Литература». В структуре профессиональной подготовки, в первую очередь, важно выделить дисциплины общего гуманитарного и социально-экономического цикла, среди которых: «Основы философии», «Психология общения», «История», «Иностран-

ный язык», «Русский язык» и «Культура речи», «Литература» и «Физическая культура».

Так, сравнительный анализ учебных планов по специальностям 44.02.01 «Дошкольное образование» и 40.02.01 «Право и социальное обеспечение» (профессиональные образовательные учреждения: КемПК и ККСТ) позволил отметить следующее. Во-первых, без сомнения, образовательные возможности содержатся в дисциплинах общеобразовательной подготовки, в базовых дисциплинах – «Иностранный язык», «Обществознание» (включая «Экономику» и «Право»), «География», «МХК», «Физическая культура», «Основы безопасности жизнедеятельности» и профильных дисциплинах – «Русский язык», «Литература», «История». Во-вторых, дисциплины профессиональной подготовки и, в частности, дисциплины общего гуманитарного и социально-экономического цикла тоже обладают такими образовательными возможностями. Так, например, среди дисциплин данного цикла на специальности «Право и социальное обеспечение» в ККСТ можно выделить основы философии, историю, иностранный язык, русский язык и культуру речи, физическую культуру, а на специальности «Дошкольное образование» в КемПК – «Основы философии», «Психологию общения», «Историю», «Иностранный язык», «Русский язык» и «Культуру речи», «Литературу», «Физическую культуру».

Мы не ставим своей целью в рамках данной публикации рассмотреть образовательные возможности всех изучаемых учебных дисциплин для организации патриотического воспитания по указанным специальностям, а остановимся лишь на таких дисциплинах, как «История», «География», «МХК», «Литература», «Русский язык».

Современное патриотическое воспитание определяется как процесс, реализующий сплав научных знаний о человеке в мире Родины, опыта, человеческой культуры, народной мудрости. Если один из этих компонентов не учитывать, воспитание становится неизбежно ущербным [6]. Исходя из этого содержание учебной дисциплины «История» позволяет использовать в полной мере все обозначенные компоненты в организации патриотического воспитания обучающихся.

На уроках истории преподаватели дают обучающимся различные версии исторических событий России, развивая у них интерес к историческому прошлому своей Отчизны, воспитывая тем самым чувство гордости за свой народ и свою историю.

Помимо этого содержание данной учебной дисциплины влияет на мотивы поведения студентов, на воспитание их нравственных качеств. Вовлечение студентов к нравственной оценке тех или иных исторических и политических событий, явлений и действий людей представляет собой своеобразный вид социальной практики – педагогически моделируемую в реальных условиях общественно значимую задачу, участие в решении которой формирует у обучающихся социальную компетентность и опыт конструктивного общественно значимого поведения. «История» – одна из немногих учебных дисциплин, формирующих интерес студентов к духовному и культурному наследию Отечества, включающему трудовые дела предшествующих поколений, боевые события и ратные подвиги народа в мирное время. Изучение истории приобщает молодых людей к общечеловеческим ценностям, к осмыслению самой сути понятия патриотизм. При этом студент является не только объектом педагогического воздействия, но и субъектом поиска ответов на сложные вопросы истории и современности. Оказать помощь в этом поиске может анализ исторического опыта, накопленного предыдущими поколениями. Обучение, воспитание и развитие молодого человека в сложном контексте межнациональных отношений помогает выработать объективное научное понимание всех составляющих патриотизма, проникнутых гуманистической идеей, направленной на уважение к людям вне зависимости от их этнической принадлежности и вероисповедания, что является особенно актуальным в настоящее время в свете последних международных событий.

Специфика преподавания учебной дисциплины «МХК» заключается в том, что студенты успешно усваивают учебный материал, при опоре на конкретные представления и образы, иначе теряется его понимание, принятие, осмысление. Патриотическому воспитанию студентов при этом способствует изучение содержания культуры российского народа в рамках освоения тем, предусмотренных программой: «Древняя Русь», «Барокко», «Неоклассицизм, ампир», «Реализм», «Имперессионизм, символизм, постимпрессионизм», «Модернизм, постмодернизм», «Совре-

менная художественная культура». Изучая данные темы, обучающиеся знакомятся не только с творчеством выдающихся зарубежных художников, скульпторов, композиторов, литераторов, но и отечественных мастеров своего дела, внесших серьезный вклад не только в российскую, но и мировую культуру. Так, на уроках «МХК» в КемПК обучающиеся имеют возможность выразить свое личное откровенное отношение к изучаемому материалу при помощи написания сочинения-рассуждения по заданной теме с расширенным творческим заданием, например, «О чем я задумываюсь при изучении культуры Древней Руси». Данная форма работы не только исключает бездумное списывание обучающимися материала из опорного конспекта, учебника или ресурсов сети Интернет, так как невозможно наполнить чужими переживаниями свою персональную работу, но и, безусловно, помогает обучающимся в формировании правильного и осознанного для себя выбора духовных, нравственных, патриотических идеалов и норм.

Сердцевину патриотического опыта каждого человека составляют его ценностные переживания. Ими держится внутренняя цельность личности, обладающей неповторимым духовным обликом и стилем жизни [6]. С этих позиций содержание учебной дисциплины «Литература» выигрышно в плане патриотического воспитания, тем, что оно способствует приобретению ценностных переживаний, побуждает к нравственному разговору преподавателя и студентов о непростых проблемах современной жизни в ходе размышления о сложных судьбах героев изучаемых художественных произведений, о бездуховности, об утрате нравственных идеалов, о добре и зле – вечных нравственных категориях. Предмет «Литература» М. Горький когда-то назвал предметом человековедения, а А. Твардовский уроки литературы, русской словесности определил, как уроки нравственного прозрения [10].

Современное литературное образование выполняет важнейшие культуросберегающие и воспитательные функции, являясь неотъемлемой частью общего процесса духовного развития нации. Изучение студентами литературы в КемПК и ККСТ предполагает регулярное чтение и осмысление текстов произведений, постижение своеобразия творческой личности писателей и их литературного наследия. Формирование эстетического идеала, развитие эстетического вкуса, который, в свою очередь, служит верному и глубокому постижению прочитанного, содействует воспитанию доброты, сердечности и сострадания как важнейших духовно-нравственных качеств развитой личности.

Во все времена литература играла ведущую роль в формировании мировоззрения человека, в становлении его личности. Настоящая, подлинная литература способна изменить человека, «заложить» в него высшие ценности любви, добра и красоты. Оценивая состояние общества ещё в первой половине XIX века, Белинский В. Г. говорил, что в «российской действительности только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть ещё жизнь и движение вперёд» [8]. Д. С. Лихачёв в своих работах не раз отмечал, что «литература, созданная русским народом, – это не только его богатство, но и нравственная сила, которая помогает народу во всех тяжёлых обстоятельствах, в которых русский народ оказывался. К этому нравственному началу мы всегда можем обращаться за духовной помощью» [7].

Рассмотрим образовательные возможности в содержании учебной дисциплины «Русский язык» в плане патриотического воспитания обучающихся. Изучая дисциплину «Русский язык», студенты знакомятся с отечественной культурой своего народа посредством русского языка. Происходит расширение их национальной памяти о том, что выделяет данный народ в ряду других, ограждает человека от обезличивания, позволяет ему ощутить связь времен и поколений, получить духовную поддержку и жизненную опору. Красноречивее любых слов будут слова А. Н. Толстого, сказанные им в отношении русского языка: «Русский язык! Тысячелетиями создавал народ это гибкое, пышное, неисчерпаемо богатое, умное, поэтическое и трудовое орудие своей социальной жизни, своей мысли, своих чувств, своих надежд, своего гнева, своего великого будущего» [2].

Таким образом, в процессе освоения обучающимися системы теоретико-литературных понятий, языковых и речевых умений, анализа литературных произведений следует учитывать возможности формирования гуманистического мировоззрения обучающихся, этической культуры, способности к межличностному и межкультурному диалогу. Предметы филологического цикла

предоставляют обучающимся образцы нравственного поведения, духовной культуры личности, расширяют их собственный позитивный социальный опыт.

Уникальность содержания учебной дисциплины «География» и ее образовательные возможности в патриотическом воспитании заключаются в том, что данная дисциплина одновременно исследует проблемы окружающей среды и общества; рассматривая общество и природную среду во взаимосвязи. В процессе обучения у молодых людей есть все предпосылки для формирования эмоционально-ценностного отношения, прежде всего, *к человеку, его жизни и здоровью, Родине, природе, труду, знаниям,* составляющими сердцевину патриотического опыта любого человека. Названные ценности являются равнозначными и ключевыми в патриотическом воспитании студентов. Как утверждали немецкие философы и естествоиспытатели, личность ускоряет свое взросление, познавая природу и осознавая в процессе ее понимания ответственность перед ней и обществом. Данная мысль актуальна в современных условиях, так как человек, являясь одновременно и социальным, и биологическим существом, не всегда ощущает себя частью природных экосистем, зачастую совершая поступки, направленные на нарушение равновесия в природе, не осознавая, что выбор между добром и злом – это не только географическая проблема, но и проблема личного нравственного выбора.

Завершая характеристику учебных дисциплин, изучаемых в ПОУ, хотелось бы еще раз обратить внимание на необходимость рассматривать их содержание с точки зрения образовательных возможностей, которыми они обладают для организации патриотического воспитания обучающихся. Испытывать чувство гордости за Россию, понимать ее, можно лишь тогда, когда прочувствуешь красоту русской природы, изучая географию, литературу, русский язык, сквозь душу пропустишь трагическую и героическую историю своего народа, благодаря учебной дисциплине «История», оценишь величие архитектурных ансамблей и монастырей, послушав знаменитые ростовские звоны и прикоснувшись сердцем к прекрасным творениям русского народа, познакомишься с ними в ходе изучения учебной дисциплины «Искусство (МХК)».

Таким образом, в современных условиях преподаватель обязан не только формировать знания, умения и компетенции по преподаваемой им учебной дисциплине, но и максимально раскрывать и использовать содержательный, воспитательный и развивающий потенциал своей дисциплины для осуществления патриотического воспитания.

Литература

1. Вырщиков А. Н., Кусмарцев М. Б. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе: моногр. – Волгоград: Авторское перо, 2006. – 172 с.
2. Высказывания выдающихся писателей о русском языке [Электронный ресурс]. – URL: // http://www.stihi.ru/2014/05/13/8066.
3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» [Электронный ресурс]. – URL: http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml (дата обращения 04.01.2015).
4. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2016 годы» (Проект) [Электронный ресурс]. – URL: http://gospatriotprogramma.ru/programma%202016-2020/proekt/proekt.php (дата обращения: 08.02.2016).
5. Кусмарцев М. Б., Левченко Т. В. Инновационная среда патриотического воспитания в учреждении дополнительного образования: проектирование и организация: моногр. – Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2014. – 150 с.
6. Левченко Т. В. Традиции российского казачества – духовный ресурс патриотического воспитания детей и молодёжи: науч.-метод. изд. – Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2013. – 117 с.
7. Лихачёв Д. С. Раздумья о России. – СПб.: Logos, 1999. – 142 с.
8. Письмо Белинского к Гоголю [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0040.shtm (дата обращения: 12.04.2015).
9. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий [Электронный ресурс]: в 2 т. – М.: Народное образование, 2005. – Т. 1. – 556 с. – URL: http://stavcvr.ru/metod-kopilka/Г.%20Селевко_Энциклопедия%20образовательных%20технологий%20(1%20том).pdf.
10. Социальная сеть работников образования [Электронный ресурс]. – URL: http://nsportal.ru/user/91859/page/o-mnogom-hochetsya-skazat.

References

1. Vyrshchikov A.N., Kusmartsev M.B. Patrioticheskoye vospitaniye molodezhi v sovremennom rossiyskom obshchestve [Patriotic education of youth in the modern Russian society]. Volgograd, Avtorskoye pero Publ., 2006. 172 p. (In Russ.).
2. Vyskazyvaniya vydayushchikhsya pisateley o russkom yazyke [Sayings of eminent writers about the Russian language]. (In Russ.). Available at: http://www.stihi.ru/2014/05/13/8066.
3. Gosudarstvennaya programma "Patrioticheskoye vospitaniye grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2011-2015 gody" (Proekt) [The state program "Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2011-2015"]. (In Russ.). Available at: http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml (accessed 01.04.2015).
4. Gosudarstvennaya programma "Patrioticheskoye vospitaniye grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2016-2020 gody" [The state program "Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2016-2020"]. (In Russ.). Available at: http://gospatriotprogramma.ru/programma%202016-2020/proekt/proekt.php (accessed 08.02.2016).
5. Kusmartsev M.B., Levchenko T.V. Innovatsionnaya sreda patrioticheskogo vospitaniya v uchrezhdenii dopolnitel'nogo obrazovaniya: proyektirovaniye i organizatsia [Innovative environment of Patriotic education in further education institutions: design and organization]. Volgograd, Avtorskoye pero Publ., 2014. 150 p. (In Russ.).
6. Levchenko T.V. Traditsii rossiyskogo kazachestva – dukhovnyy rost patrioticheskogo vospitaniya detey i molodezhi [Traditions of Russian Cossacks – a spiritual resource of Patriotic education of children and youth]. Volgograd, VolGMU Publ., 2013. 117 p.
7. Likhachev D.S. Razdum'ya o Rossii. [Reflections on Russia]. St. Petersburg, Logos Publ., 1999. 142 p. (In Russ.)
8. Pis'mo Belinskogo k Gogolyu [The letter of Belinsky to Gogol]. (In Russ.). Available at: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0040.shtm (accessed 12.04.2015).
9. Selevko G.K. Entsiklopediya obrazovatel'nykh tekhnologiy: v 2 t [Encyclopedia of educational technology]. Moscow, Narodnoye obrazovaniye, 2005, vol. 1. 556 p. (In Russ.). Available at: http://stavcvr.ru/metod-kopilka/Г.%20Селевко_Энциклопедия%20образовательных%20технологий%20(1%20том).pdf.
10. Sotsial'naya set' rabotnikov obrazovaniya [Social network of educators]. (In Russ.). Available at: http://nsportal.ru/user/91859/page/o-mnogom-hochetsya-skazat.

УДК 378.14

АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ В ВУЗЕ

Курбатова Наталья Викторовна, кандидат педагогических наук, первый проректор, Академия акварели и изящных искусств Сергея Андрияки (г. Москва, РФ). E-mail: kurbatovanv@yandex.ru

В статье рассмотрены аспекты психолого-педагогического сопровождения профессионального становления студентов университетов сферы культуры и искусства. Выделены критерии этого процесса. Показана значимость создания развивающей образовательной среды. Рассмотрено понятие «дифференцированный образовательный процесс». Показано, что стержневой позицией, определяющей психолого-педагогическое сопровождение профессионального становления студентов в вузах культуры и искусства, является формирование рефлексивной позиции.

Автор статьи опирается на представления о том, что *профессиональное становление личности* – это длительный многокомпонентный процесс, в ходе которого у человека формируется профессиональный интерес к избранной специальности, возникает эмоциональная вовлеченность в нее и осознаются личностные смыслы профессионального выбора, что позволят получать удовлетворение от деятельности и самореализоваться в ней. В ходе профессионального становления накапливается практический опыт, на основе которого происходят профессиональное совершенствование и приобретение мастерства.

В контексте исследования были рассмотрены работы, посвященные концептуальным основам развивающего образования, моделированию и экспертизе образовательной среды, развивающему потенциалу профессионального обучения, вопросам культуросообразности образования, проблематике субъектной организации образовательного процесса и др.

Ключевые слова: профессиональное становление, художник, образовательная среда, критерии, ценности образования, педагогическая рефлексия.

PSYCHO-PEDAGOGICAL SUPPORT ASPECTS OF MULTISKILLED ARTIST'S PROFESSIONAL DEVELOPMENT AT HIGH SCHOOL

Kurbatova Natalya Viktorovna, PhD in Pedagogy, First Vice-Rector, Sergey Andriaka Academy of Watercolor and Fine Arts (Moscow, Russian Federation). Email: kurbatovanv@yandex.ru

The article discusses psycho-pedagogical support aspects of culture and arts universities students' professional development. The criteria of this process are described. The importance of developmental educational environment' creation is considered. There is the concept of "differentiated learning process". It is shown that the position of the core defining psycho-pedagogical support of students in higher educational institutions of culture and art professional development is the reflective position's development.

Author base herself upon the idea that *professional personality development* is lengthy and multicomponent process during which one's developed the commitment to chosen specialty, emerged the emotional engagement to it, and realized the personal meaning of the professional choice; and all of it provides an opportunity to derive satisfaction from the activity and to realize the personal potential in profession. During the professional development the capitalization of practical experience takes place, which is the cause of professional perfection and acquisition of mastery.

In the context of research there were examined the works dedicated to the conceptual basis of developmental education, to the modelling and inspection of educational environment, to the developmental potential of professional training, to the questions of cultural conformity of education, to the problematics of educational process' subjective organization etc.

Keywords: professional development, the artist, the educational environment, the criteria, the value of education, pedagogical reflection.

В Национальной доктрине образования в Российской Федерации, охватывающей период до 2025 года и Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации раскрыты цели модернизации российского образования, подчеркнута ее направленность на создание условий для раскрытия природного потенциала человека.

Это определяет многоаспектные задачи психолого-педагогической науки, связанные с выработкой новой образовательной парадигмы, включающей в себя как освоение традиционных духовных ценностей, так и активизацию способностей личности к самоактуализации в информационном обществе. Образование в этом случае становится частью общего культурного пространства, что предполагает активизацию познавательной самостоятельности личности, развитие ценностного отношения к окружающему миру, понимание значимости готовности к будущей профессиональной деятельности.

В контексте исследования были рассмотрены работы, посвященные концептуальным основам развивающего образования (В. В. Давыдов [1], В. И. Панов [6] и др.), моделированию и экспертизе образовательной среды (В. А. Ясвин [8] и др.), развивающему потенциалу профессионального обучения (Н. С. Лейтес [4] и др.), вопросам культуросообразности образования (Л. В. Школяр [3] и др.), проблематике субъектной организации образовательного процесса (С. Л. Рубинштейн [7] и др.) и др.

Анализ современных исследований и многолетнего педагогического опыта позволил выделить несколько основных положений, которые отражают сущность и направленность профес-

сионального становления в вузах, в которых проходят подготовку специалисты в сфере культуры и искусства, в частности – художники широкого профиля.

Так, было определено, что в основе профессионального становления будущих художников лежат следующие основные компоненты педагогической стратегии:

- создание спектра образовательных сред (материально-эстетическая среда, коммуникативная среда профессионального общения с мастерами, культурно-образовательная среда, здоровьесберегающая среда);
- интеграция традиционных и инновационных подходов к профессиональной подготовке художников;
- осуществление постоянного мониторинга качества образования через разработанную критериально-диагностическую систему и подготовку личного портфолио студента.

Проведение мониторинга требует четких критериев, по которым можно определять динамику *профессионального становления художника широкого профиля.*

В исследовании были выявлены такие поуровневые критерии, как:

- уровень ответственности в ходе выполнения творческого замысла;
- профессиональная готовность к адекватному и скрупулезному воплощению художественного образа;
- уровень осознания ценности сохранения и продолжения традиций художественного образования;
- мотивация на постоянный профессиональный рост;
- яркое эмоциональное отношение к создаваемой творческой работе;
- уровень коммуникативных умений, необходимых для работы в творческой группе.

Как видим, часть критериев характеризует профессиональные качества, а часть – личностные, но тесно взаимосвязанные с профессиональными. Опыт показывает, что именно вовлеченность студентов в процесс профессиональной подготовки в вузе культуры и искусства оказывается необходимым плодотворным базисом для их роста и совершенствования. Именно активный интерес к занятиям способен поддерживать высокую работоспособность студентов.

Вопрос состоит в том, как выработать этот интерес, как развить мотивацию на освоение профессии.

Представляется, что в данном случае очень важно раскрыть для студентов ценностную составляющую, иначе говоря, миссию избранной специальности, показать ее возможности для творческой личностной самореализации и для достижения результатов, значимых для социума.

Кроме того, как показывает педагогическое наблюдение, большим потенциалом в этом отношении обладает развивающая образовательная среда, в которой освоение профессии связывается с положительными переживаниями, положительными эмоциями, рождающими уверенность, убеждение, что поставленные цели могут быть достигнуты.

В этом случае особую значимость обретает ценностный критерий, связанный с готовностью студентов сохранять и продолжать существующие традиции художественного образования.

Снова можно обратиться к идее создания образовательной среды, в которой есть условия для проектирования индивидуализированной педагогической работы и психолого-педагогического сопровождения развития студентов.

Перед педагогами в этом контексте ставится задача проектирования и организации дифференцированного образовательного процесса, учета личностных траекторий развития каждого студента при индивидуальном выборе средств выполнения предлагаемых заданий.

Что вкладывается в понятие «дифференцированный образовательный процесс»? Во-первых, эффективность дифференциации может быть обеспечена на основе выполнения ряда проектных процедур. Например, диагностики уровня подготовленности студентов к тому или иному этапу профессиональной подготовки в вузе.

Во-вторых, это разработка и внедрение индивидуальных программ корректировки возникающих кризисов и трудностей профессионального становления. Такие программы позволяют довольно оперативно и одновременно гибко вносить необходимые изменения в организацию образовательной среды и учебно-воспитательного процесса, ориентируясь при этом на изменения, которые

происходят в личности студента, «в осознании себя как профессионала».

В-третьих, принципами дифференцированного образовательного процесса являются: 1) принцип приоритета развития личности, определяющий развитие личности в качестве приоритетного направления при целеполагании в разработке образовательного процесса; 2) принцип субъект-субъектности, характеризующий стиль и горизонтальную организацию взаимоотношений между преподавателями и студентами; 3) принцип активизации творческого потенциала каждого студента; 4) принцип педагогической рефлексии, направленный на самосовершенствование всех участников образовательного процесса на основе рефлексивно-критичной позиции.

Выделенные принципы могут быть также реализованы в особой образовательной среде, которая рассматривается как своеобразный механизм для создания способной к самоорганизации педагогической системы вуза. Важно, что в такой среде субъекты образовательного процесса переходят с позиций сотрудничества и со-творчества на позиции самореализации в профессиональной деятельности. Педагоги совершенствуются одновременно со студентами.

Студенты же оказываются в «зонах развивающих возможностей» и самостоятельно проектируют траектории своего профессионального становления.

Стержневой позицией, определяющей психолого-педагогическое сопровождение профессионального становления студентов, обучающихся в вузах культуры и искусства, является формирование рефлексивной позиции.

Рефлексивная позиция педагогов связана с повышением уровня психологических и дидактических знаний, формированием личностных способностей, значимых для педагогического взаимодействия в образовательной развивающей среде.

Очевидно также, что у педагогов должно быть сформировано включенное внимание, личностное отношение к образовательному процессу, к раскрытию творческого потенциала каждого студента.

Педагог с личностным отношением к своей деятельности готов к творческому поиску, к созданию авторских педагогических программ и технологий, к порождению и реализации идей профессионального совершенствования.

В этом контексте интересно обратиться к идеям выдающегося художника-педагога П. П. Чистякова, считавшего, что художник должен быть не только автором, но и соучастником событий на полотне. Если художник не будет взволнован, то и зрители останутся равнодушными [5].

Перенося этот постулат на работу педагога в вузе, можно сказать, что если сам педагог не будет эмоционально включен в образовательный процесс, то и студенты останутся холодны и равнодушны к получаемым знаниям.

Можно также привести идеи Д. Н. Кардовского, ученика П. П. Чистякова, который писал о значимости обращения внимания на «воспитание художника, на развитие творческих сил ученика в связи с его творческими склонностями. Школы дадут мастеров в нужном количестве. Для людей же, особо одаренных… школа является как бы оправой для драгоценного камня» [2, с. 252–253].

В целом, обеспечить выполнение задач, определенных выдающимися педагогами художественного образования, может преподаватель с широким творческим мышлением, с высоким интеллектуальными уровнем и устойчивыми ценностными мировоззренческими позициями.

Таким образом, можно заключить, что основными аспектами психолого-педагогического сопровождения профессионального становления художников широкого профиля в вузе являются:

- ценностно-мировоззренческий аспект (высокий уровень культуры личности, осознания миссии педагогической деятельности);
- средовой аспект (создание развивающей образовательной среды);
- аспект педагогического проектирования (целеполагание и разработка методик и технологий поддержки раскрытия творческого потенциала каждого студента);
- аспект формирования рефлексивной позиции;
- диагностический аспект (мониторинг профессионального становления на основе выделенных критериев);
- аспект профессионального совершенствования в со-творчестве и самореализации в избранной профессии.

Литература

1. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. – М.: Интор, 1996. – 544 с.
2. Кардовская Е. Д. Дмитрий Николаевич Кардовский об искусстве. – М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1960. – 257 с.
3. Кудрявцев В. Т., Слободчиков В. И., Школяр Л. В. Культуросообразное образование: концептуальные основания // Изв. Рос. акад. образования. – № 4. – 2001. – С. 4–46.
4. Лейтес Н. С. Возрастная одаренность и индивидуальные различия. – М.; Воронеж: Изд-во Воронеж. ин-та практической психологии, МОДЭК, 1997. – 448 с.
5. Молева Н., Белютин Э. Чистяков П. П. Теоретик и педагог. – М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1953. – 265 с.
6. Панов В. И. Психологические аспекты построения образовательных технологий как условие оптимизации развития // Мир психологии. – 2004. – № 1. – С. 233–44.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
8. Ясвин В. А. Тренинг педагогического взаимодействия в творческой образовательной среде / под ред. В. И. Панова. – М.: Молодая гвардия, 1997. – 176 с.

References

1. Davydov V.V. Teoriya razvivayushchego obucheniya [The Theory of Developmental Education]. Moscow, Intor Publ., 1996. 544 p. (In Russ.).
2. Kardovskaya E.D. Dmitriy Nikolayevich Kardovskiy ob iskusstve [Dmitry Kardovskiy about the Art]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Khudozhestv SSSR Publ., 1960. 257 p. (In Russ.).
3. Kudryavtsev V.T., Slobodchikov V.I., Shkolyar L.V. Kul'turosoobraznoye obrazovaniye: kontseptual'nyye osnovaniya [Culture-Based Education: Conceptual Basis]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Obrazovaniya [News of the Russian Academy of Education]*, 2001, no. 4, pp. 4-46. (In Russ.).
4. Leytes N.S. Vozrastnaya odarennost' i individual'nyye razlichiya [Age Talent and Individual Differences]. Moscow, Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo instituta prakticheskoy psikhologii, Modek Publ., 1997. 448 p. (In Russ.).
5. Moleva N., Belyutin E. Chistyakov P.P. Teoretik i pedagog [Chistyakov P.P.: Theorist and Teacher]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Khudozhestv SSSR Publ., 1953. 265 p. (In Russ.).
6. Panov V.I. Psikhologicheskiye aspekty postroyeniya obrazovatel'nykh tekhnologiy kak usloviye optimizatsii razvitiya [Psychological Aspects of Building the Educational Technologies as a Requirement of Development Optimization]. *Mir psikhologii [World of Psychology]*, 2004, no. 1, pp. 233-244. (In Russ.).
7. Rubinshteyn S.L. Osnovy obshchey psikhologii [General Psychology Fundamentals]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 720 p. (In Russ.).
8. Yasvin V.A. Trening pedagogicheskogo vzaimodeystviya v tvorcheskoy obrazovatel'noy srede [Training of Pedagogical Interaction in Creative Educational Environment]. Edited by V.I. Panova. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1997. 176 p. (In Russ.).

Алфавитный указатель авторов

Балабанов П. И.	13
Бубенкова М. В.	27
Буцык С. В.	166
Горбачева Ю. С.	108
Губайдуллин Ф. Ф.	122
Емелина Т. В.	217
Ерёмин В. В.	200
Зауэрвайн Л. Т.	13
Казаков Е. Ф.	34
Казакова Н. Ю.	134, 146
Касаткина Н. Э.	217
Кириченко О. Д.	102
Ковешникова Е. А.	73
Курбатова Н. В.	227
Лазарев М. П.	91
Любушкина Е. С.	207
Макарчук С. В.	83
Морозов Н. М.	43
Намсараева Т. Ц-Е.	59
Науменко Е. А.	183
Науменко Е. Е.	176
Нижельской В. А.	189
Портнова И. В.	128
Посконная Ж. В.	49
Пушкарева И. А.	207
Пэн Вэньчжао	18
Рахимов Р. Г.	122
Смекалов И. В.	158
Сумро Н. А.	194
Тихонова М. С.	97
Труевцева О. Н.	79
Целищева М. А.	64
Чепеленко К. О.	116
Шевцова М. М.	221

List of Authors in Alphabetical Order

Balabanov P. I.	13
Bubenkova M. V.	27
Butsyk S. V.	166
Gorbacheva Y. S.	108
Gubaydullin F. F.	122
Emelina T. V.	217
Eremin V. V.	200
Zauervayn L. T.	13
Kazakov E. F.	34
Kazakova N. Y.	134, 146
Kasatkina N. E.	217
Kirichenko O. D.	102
Koveshnikova E. A.	73
Kurbatova N. V.	227
Lazarev M. P.	91
Lyubushkina E. S.	207
Makarchuk S. V.	83
Morozov N. M.	43
Namsaraeva T. T.-E.	59
Naumenko E. A.	183
Naumenko E. E.	176
Nizhelskoy V. A.	189
Portnova I. V.	128
Poskonnaya Z. V.	49
Pushkareva I. A.	207
Peng Wenzhao	18
Rakhimov R. G.	122
Smekalov I. V.	158
Sumro N. A.	194
Tikhonova M. S.	97
Truevtseva O. N.	79
Tselishcheva M. A.	64
Chepelenko K. O.	116
Shevtsova M. M.	221

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

(выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте (www.vestnikkemguki.ru) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статья представляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Статья должна включать:

- наименование рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикатором журнала «Вестник КемГУКИ»);
- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (объемом 150–300 слов) на русском языке;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- автореферат статьи на английском языке (250–300 слов, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.

4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 (Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления) и в References на латинице (транслитерация) и английском языке. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5]. Количество цитируемых источников – от 8 до 20.

5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.

6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:

- шрифт – Times New Roman;
- размер кегля – 12 пт;
- межстрочный интервал – одинарный;
- форматирование – по ширине;
- все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала
УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну). E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: …

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке….

Ключевые слова на английском языке:….

Текст….

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

…

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

…

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:
- соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук в данной предметной области;
- соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук в данной предметной области.

2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).
3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- почтой:

по адресу: 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГИК, научное управление;

- e-mail: vestnikkemguki@yandex.ru.

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогические науки.
2. Искусствоведение.
3. Культурология.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

С более полной информацией о правилах публикации можно ознакомиться на официальном сайте журнала: http://vestnik.kemguki.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Цена 505 рублей
Дата выхода номера в свет 16.05.2016

Подписано в печать 29.04.2016.
Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 25.
Уч.-изд. л. 20,1. Усл. печ. л. 27,4.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского государственного института культуры:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Price 505 roubles
Issue released on May 16, 2016

Signed for print 29.04.2016.
Format 60x84 1/8.
Offset paper. Font «Times».
Order № 25.
Author's sheets 20,1. Printer's sheets 27,4.
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State University of Culture:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo, 19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru